Евреи и Еврейский Народ
Jews and the Jewish People

ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ
JEWISH SAMIZDAT

ТОМ
VOL. 13

Еврейский университет в Иерусалиме Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства
The Hebrew University of Jerusalem The Centre for Research and Documentation of East-European Jewry

Евреи и Еврейский Народ
Jews and the Jewish People

ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ
JEWISH SAMIZDAT

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. ИНГЕРМАНА

EDITED BY JACOB INGERMAN

ТОМ 13
VOL.

Иерусалим 1977
Jerusalem 1977

This publication is supported by the Memorial Foundation
for Jewish Culture, New York and the Society for Research on
Jewish Communities, Jerusalem

The Hebrew University of Jerusalem
The Centre for Research and Documentation of East-European Jewry

Еврейский университет в Иерусалиме
Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства

В издании "Евреи и еврейский народ" вышли:

"ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ"

Том 1 - "Итон" א, ב /материалы о государстве Израиль и духовном наследии еврейского народа/: первый выпуск א - февраль 1970; второй выпуск ב - май 1970, Рига.

Том 2 - "Исход" /сборник документов/: выпуски I - IV, 1970 - 1971, Москва.

Том 3 - "Вестник Исхода" /сборник документов/: выпуски I - III, 1971 - 1972, Москва.

Том 4 - "Евреи в СССР" /материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: выпуск I - октябрь 1972; выпуск II - декабрь 1972, Москва.

Том 5 - "Белая Книга Исхода" /сборник документов/: выпуск I - II, 1972, Москва.

Том 6 - "Евреи в СССР" /материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: выпуск III - апрель - июнь 1973; выпуск IV - сентябрь 1973, Москва.

Том 7 - "Евреи в СССР" /материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: выпуск V - октябрь 1973; выпуск VI - ноябрь 1973-март 1974, Москва.

Том 8 - "Взор, к Сиону обращенный..."/разные материалы 1968 - 1975 гг./.

Том 9 - "Евреи в войне против гитлеровской Германии".

Том 10 - "Евреи в СССР" /материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: выпуск VII - май-июнь 1974; выпуск VIII - июль-август 1974, Москва.

Том 11 - "Евреи в СССР" /материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: выпуск IX - октябрь 1974- март 1975; дело Б.Пэнсона /спец. вып./; содержание "Тарбут" №№ 1 - 3.

Том 12 - "Евреи в СССР" /материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: выпуск X - сентябрь 1975; выпуск XI - декабрь 1975; указатель материалов сборника "Евреи в СССР" №№ 1 - 11.

"ПЕТИЦИИ, ПИСЬМА И ОБРАЩЕНИЯ ЕВРЕЕВ СССР"
/подлинные документы/

Том I - II, документы за 1968 - 1970 гг.

Том III - IV, документы за 1971 год.

Том V - VI, документы за 1972 год.

Том VII, документы за 1973 год

МАТЕРИАЛЫ ИЗ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
Ежеквартальный сборник сведений о евреях СССР и других стран, Государстве Израиль, ближневосточном конфликте и сионизме

/издается с 1962 года/

In the series "Jews and the Jewish People" there have to date appeared:

"JEWISH SAMIZDAT"

Volume 1 - "Iton" א, ב (materials on the State of Israel and on the spiritual heritage of the Jewish people); the first edition of A - February 1970; second edition B - May 1970, Riga.

Volume 2 - "Exodus" (collection of documents): edition I - IV, 1970-1971, Moscow.

Volume 3 - "Herald of the Exodus" (collection of documents): edition I - III, 1971-1972, Moscow.

Volume 4 - "Jews in the USSR" (materials on the history, culture and problems of the Jews of the USSR): ed. I - October 1972; ed. II - December,1972, Moscow.

Volume 5 - "The White Book of the Exodus" (collection of documents): ed. I-II, 1972, Moscow.

Volume 6 - "Jews in the USSR" (materials on the history, culture and problems of the Jews of the USSR): ed. III- April - June 1973; ed. IV - September 1973, Moscow.

Volume 7 - "Jews in the USSR" (materials on the history, culture and problems of the Jews of the USSR): ed. V - October 1973; ed. VI - November 1973-March 1974, Moscow.

Volume 8 - "Eyes Turned to Zion..." (various materials 1968-1975).

Volume 9 - "Jews in the War against Nazi Germany".

Volume 10 - "Jews in the USSR" (materials on the history, culture and problems of the Jews of the USSR): ed. VII - May-June 1974; ed. VIII - July - August 1974, Moscow.

Volume 11 - "Jews in the USSR" (materials on the history, culture and problems of the Jews of the USSR): ed. IX - October 1974 - March 1975; the Trial of B.Penson (supplement); the tables of contens of "Tarbut" NN 1-3.

Volume 12 - "Jews in the USSR" (materials on the history, culture and problems of the Jews of the USSR): ed. X - September 1975; ed.XI -December 1975; list of materials of the collection "Jews in the USSR" NN 1 - 11.

"PETITIONS, LETTERS AND APPEALS FROM JEWS OF THE USSR"

Volumes I - II, Documents for 1968-1970
Volumes III-IV, Documents for 1971
Volumes V - VI, Documents for 1972
Volume VII . Documents for 1973

"EXCERPTS FROM THE SOVIET PRESS"

A quarterly collection of reports on the Jews of USSR and other countries, on the State of Israel, the Middle East conflict and Zionism.

(Founded 1962)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ЕВРЕИ В СССР вып. XII

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Ж.-П. Сартр

Размышления о еврейском вопросе /перевод с польского. Журнал "Твурчость" №№ 9-10, 1956, Варшава; "Евреи в СССР" № 12, стр. 1-69/

ИСТОРИЯ

В. Вагнер

Москва и евреи 2

РЕЛИГИЯ

Бен Нафтали

К вопросу о влиянии древнеиудейского аскетизма на христианство 13

А. Шойхет

О фарисейском аскетизме /ответ Бен Нафтали/ 21

ПРОЗА

Ф. Кандель

Поздравьте меня еще раз! 27

А. Шойхет

Фройка 32

С. Шенбрунн
Брат мой 37

ПОЭЗИЯ

Б. Камянов
Похмелье /поэма/ 51

А. Петров-Агатов
Стихи 55

Е. Шварц
Стихи 56

КТО Я?

Зигмунд Фрейд
Письмо членам объединения "Бнай Брит"
6.5.1926 г. /"Евреи в СССР" № 12, стр. 163-165/

Д. Дар
Потоп 60

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Т. Венцлова
Евреи и литовцы 66

В. Земцов
Евреи и Израиль 72

ЭССЕ, СТАТЬИ, ИНФОРМАЦИЯ

И. Рубин
Заметки о карнавальности еврейской истории 80

Э. Сотникова
Ленинградская выставка еврейских художников
/обзор/ 87

Л. Чернобельский
Картинки с выставки 96

В. Гусаров
В защиту Фаддея Булгарина 102

Информация 109

К 150-летию ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

П. Пестель
§ 14. Народ еврейский /из "Русской Правды"/ 110

И. Пильский
На Сенатской площади 150 лет спустя 112

ЗА РУБЕЖОМ

Рабин не уступает /интервью И. Рабина сотрудникам "Ньюс уик", "Ньюс уик" 15.12.1975 г.; "Евреи в СССР" № 12, стр. 254-258/

Слишком много за слишком мало / интервью Я. Арафата сотруднику "Ньюс уик", "Ньюс уик" 15.9.1975 г.; "Евреи в СССР" № 12,стр.259-261/

И. Якобович, гл. раввин Великобритании
Возрождение духа еврейства - одна из неотложных проблем жизни в Советском Союзе /"Таймс",Лондон, 6.1.1976 г.; "Евреи в СССР" № 12, стр. 262-266 /

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Хоссон
Указатель литературы по истории евреев дореволюционной России /на русском языке/ 114

ПИСЬМА 119

Ж.-П. Сартр

Размышления о еврейском вопросе
/перевод с польского. Журнал "Твурчость"
№№ 9 -10, 1956, Варшава; "Евреи в СССР"
№ 13, стр. 1 - 33; окончание/

ИСТОРИЯ

М. Элкинс

Закаленные яростью
/изд-во "Баллантайн букс", Нью-Йорк,1971;
"Евреи в СССР" № 13, стр. 34-50/

РЕЛИГИЯ

Бен Нафтали

Избрание Авраама 122

ПРОЗА

Д. Дар

Речь, которую я хотел бы произнести
у своего гроба 141

З. Налковска

У железной дороги
/перевод с польского; "Евреи в СССР"
№ 13, стр. 104-109/

А. Фельдман

Все для победы 151

С. Шенбрунн

Логово 154

Л. Левитин

Соседи 157

ПОЭЗИЯ

М. Генделев
Диаспора 164

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Интервью Г.М. Шиманова 175

СТАТЬИ, ЭССЕ, ЗАМЕТКИ

М. Азбель, Э. Сотникова
Христианин или антисемит? 189

М. Агурский
Неосионизм в Советском Союзе 198

Н. Ильский
История и самосознание 200

Л. Копелев
Жил-был поэт 209

И. Левин
Выставки еврейских художников 226

ПУБЛИКАЦИИ

М. Волошин
Письма 227

А. Ривин
Стихи 229

ЗА РУБЕЖОМ

С. Карнов
Израиль и связь с ним Соединенных Штатов /"Евреи в СССР" № 13, стр. 274-278/

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Хоссон

Указатель литературы по истории евреев дореволюционной России /на русском языке/ 235

ПИСЬМА

Л. Абрамсон

Открытое письмо Г.М. Шиманову 240

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестидневная война привела к глубоким изменениям в жизни евреев Советского Союза. Участились проявления солидарности с государством Израиль, и со временем они приняли форму борьбы за право выезда в Израиль для каждого, кто этого пожелает. /По этому вопросу см. сборник "Петиции, письма и обращения евреев Советского Союза", также изданный Центром по исследованию и документации Восточноевропейского еврейства/. Наряду с этим возрос интерес к сущности еврейства, стремление лучше узнать культуру еврейского народа, его историю, его современные проблемы.

Так как у евреев Советского Союза нет свободного доступа к достоверным источникам, из которых можно было бы почерпнуть необходимые сведения, а также нет печатного органа для обсуждения волнующих их вопросов, естественно, что они обращаются к Самиздату, чтобы заполнить этот пробел. Первая брошюра еврейского Самиздата появилась в Риге в феврале 1970 года.С тех пор вышли и продолжают выходить в Советском Союзе новые издания. Наряду с текущей информацией в них публикуются также статьи,очерки, произведения художественной литературы.

Публикацией серии "Еврейский Самиздат" редакция претворяет в жизнь поставленную перед собой цель: собрать и издать произведения такого рода, попавшие на Запад. Материал подобран по первоисточникам, как правило, в хронологическом порядке его появления в Самиздате. Так как оригиналы, находящиеся в распоряжении редакции, непригодны из-за плохого качества для воспроизведения в фотокопиях, они приводятся здесь в заново перепечатанном виде при соблюдении точности текста. В отдельных случаях, когда есть в этом необходимость, даются объяснения в квадратных скобках.

В настоящий тринадцатый том серии "Еврейский Самиздат" включены 12-ый и 13-ый выпуски сборника "Евреи в СССР".

Наряду с проживающими в Израиле основателями и первыми редакторами сборника А. Воронелем, Р. Нудельманом, И. Рубиным /скоропостижно скончавшимся 2 февраля 1977 г./ в составе редакции появились новые имена - Э. Сотникова и В. Лазарис. В сборник включены дискуссионные материалы по вопросам религии, истории, будущего еврейства в СССР.

В числе материалов 12-го сборника /январь-март 1976 г./ помещена хронология "Москва и евреи", составленная В. Вагнером; новые произведения известного писателя-сценариста, автора Самиздата Ф. Канделя; две статьи о состоявшейся в Ленинграде выставке еврейских художников /добавочный материал о выставке - в сборнике № 13/; перепечатанная из приложения к сборнику "Евреи в СССР" - "Тарбут" - статья Т. Венцлова "Евреи и литовцы".

В № 13 сборника "Евреи в СССР" особый интерес представляет интервью корреспондента журнала "Евреи в СССР" с одним из лидеров русского православного движения Г. Шимановым, отклики на него М. Азбеля, Э. Сотниковой и Л. Абрамсон; рецензия Н. Ильского на книгу Ж.-П. Сартра "Размышления о еврейском вопросе", которая печаталась в сборнике "Евреи в СССР" №№ 12-13, но не включена в настоящий том "Еврейского Самиздата", т.к. переводные материалы опускаются. В сборнике приведены главы из книги о Г. Гейне впервые печатающегося в "Еврейском Самиздате" Л. Копелева и др.

Как и в предыдущем томе, в сборник включены лишь оригинальные произведения, которые не публиковались ранее. В содержании сборника указаны полностью все материалы, также и переводные, с указанием страниц в оригинале.

EDITOR'S NOTE

The Six-Day War led to profound changes in the lives of the Jews in the Soviet Union. Manifestations of solidarity with the State of Israel became more frequent, and in time turned into a struggle for the right of emigration to Israel for everyone wishing to do so. /On this matter see the collection "Petitions, Letters and Appeals from Soviet Jews", also published by the Centre for Research and Documentation of East European Jewry/. At the same time, a growing interest in the essence of Judaism became apparent, as well as an increasing desire to become more familiar with Jewish culture, Jewish history and with the contemporary problems of the Jewish people.

As the Jews of the Soviet Union have no free access to reliable sources from which the neccessary information might be obtained, and as they have no publication in which to discuss the questions that concern them, it is natural that they turn to Samizdat in order to fill the gap. The first issue of the

Jewish Samizdat appeared in Riga in February 1970. Since then new issues have continued to appear in the Soviet Union. Side by side with current information they also contain articles, essays, poetry and works of fiction.

In publishing the "Jewish Samizdat" series, the editors are fulfilling their aim to collect and publish works of this kind which have reached the West. As a rule, the materials were grouped by source publications and in the chronological order of their appearance in the Samizdat. Because of the relatively poor condition of the editor's copies, they could not be presented in the form of photocopies and were retyped in strict accordance with the original texts. Where explanations seem necessary, they are given in square brackets.

The thirteenth volume of the "Jewish Samizdat" series includes the 12th and 13th issues of the collection "Jews in the USSR".

The collection's founders and first editors, A. Voronel, R.Nudelman, I.Rubin of blessed memory, and others, living in Israel, were joined in this volume by E. Sotnikova and V. Lazaris. The collection includes discussions on religion, history , and the future of Soviet Jewry.

Among the items in the 12th issue of "Jews in the USSR" [January - March 1976], are a chronology "Moscow and the Jews" by V. Vagner; new writings by the Samizdat writer F. Kandel, who is a well known author and script writer; two articles on an exibition of Jewish artists in Leningrad [an additional article appears in the issue No 13]; an article "Jews and Lithuanians" by T. Ventzlova, reprinted from "Tarbut", the supplement to "Jews in the USSR".

Of particular interest in issue No 13 of "Jews in the USSR" are: an interview with G. Shimanov, a leader of the Orthodox movement in Russia, and reactions to the interview by M. Azbel, E. Sotnikova and L. Abramson; a review by N. Ilsky on "Reflections on the Jewish Question" by J.-P. Sartre [the book itself, which appears in No 12-13 of "Jews in the USSR", does not appear in the present "Jewish Samizdat" in keeping with the rule not to include translated material]; chapters from L. Kopelev's book on H. Heine, which appear for the first time in "Jewish Samizdat".

The practice of former volumes of "Jewish Samizdat" to publish only original writings, hitherto unpublished, is continued. The table of contents, however, lists everything appearing in the "Jews in the USSR" [including translations], citing page number as well.

JEWS IN THE SOVIET UNION

Е В Р Е И В С С С Р

Сборник материалов по истории, культуре и проблемам
евреев Советского Союза

выпуск VII-VIII

Москва

1976

Е В Р Е И В С С С Р

Сборник материалов по истории, культуре и проблемам
евреев Советского Союза

№ 12

январь-март 1976 г.

Москва

Составители:

А. Воронель
Израиль

Р. Нудельман
Израиль

И. Рубин
Израиль

Э. Сотникова
Ленинград
Фонтанка д. 85, кв. 53

В. Лазарис
Москва
Теплый Стан, 2-й микрорайон
корпус 21, кв. 73

Авторские права резервируются

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ [*]

Интерес к проблеме евреев в СССР возник у нас давно и первоначально был связан с естественным стремлением к самопознанию. Но для того, чтобы ответить на вопрос "КТО Я?", человеку приходится поставить перед собой также множество других, более общих вопросов. Как и в естественных науках, оказывается необходимым включить в рассмотрение взаимодействие объекта с окружающей средой. Это взаимодействие веками разворачивалось в истории, а многие свойства изучаемого объекта отстоялись в культурных особенностях нашего народа.

У разных людей, с которыми мы беседовали на эти темы, обнаружились совершенно различные взгляды на историю, культуру и социальные проблемы евреев СССР. Воистину - сколько людей, столько мнений! Нас поразила при этом необычайная бедность имеющейся по данному вопросу литературы. По-видимому, в науке о народах именно в этом разделе существует пробел.

Мы решили начать систематическое изучение проблемы, применяя при исследовании те критерии научной добросовестности, к которым привыкли в нашей профессиональной деятельности. Для серьезного анализа необходимо собрать достаточно представительный материал, отделить объект от субъекта познания и провести грань между множеством наблюдений и интерпретациями.

С этой целью и решено выпускать настоящий сборник.

Ни одна из статей, помещенных в сборнике, не может быть рассматриваема как окончательный результат. Картина должна сложиться не из одной какой-нибудь работы, а в результате рассмотрения всех выпусков сборника в целом. Поэтому любые статьи или замечания, характеризующие какую бы то ни было тенденцию внутри или по отношению к еврейству, будут с благодарностью приняты. Разумеется, это приглашение относится не только к евреям и не только к тем, кто близко к сердцу принимает судьбы еврейского народа.

Взгляд со стороны также представляет для нас большой интерес. Поэтому мы обращаемся также и к тем, кто критически или даже резко отрицательно относится к роли евреев в истории России.

Статьи, направляемые в сборник, должны:

1. НАХОДИТЬСЯ НА УДОВЛЕТВОРЯЮЩЕМ СОСТАВИТЕЛЕЙ УРОВНЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ЗАТРАГИВАЕМЫХ ВОПРОСАХ.
2. НЕ ПРЕСЛЕДОВАТЬ НИКАКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ.
3. НЕ СОДЕРЖАТЬ ЗАВЕДОМОЙ ЛЖИ И ОСКОРБИТЕЛЬНЫХ ВЫПАДОВ.

Статьи принимаются по единогласному решению составителей. Анонимные и псевдонимные /если автор под псевдонимом неизвестен/ работы не рассматриваются.

Составители готовы оказывать консультативное содействие любым организациям или частным лицам по данной проблеме и предоставлять им все имеющиеся в их распоряжении материалы.

---

[*] "От составителей" - вступительная статья ко всем номерам сборника "Евреи в СССР". Несмотря на то, что в данном номере она отсутствовала, редакция сочла целесообразным поместить ее и на этот раз.

И С Т О Р И Я

В. ВАГНЕР

МОСКВА И ЕВРЕИ

Слова, вынесенные в заголовок приведенной ниже хронологии, очень общо отражают ее тему. События, приведенные в данной хронологии, относятся к двум аспектам темы "Москва и евреи". Первая группа событий кратко знакомит с историей московской еврейской общины. Вторая группа говорит о событиях, имеющих значение для всех евреев России, но происшедших в Москве. Третий аспект - евреи в истории и общественной жизни - не отражен в данной хронологии, так как тема эта требует отдельного исследования.

1470-1500 гг.	Распространение в Москве "ереси жидовствующих". Учение это проникло в Москву из Новгорода, куда его принес "киевский еврей Схария".
1472-1486 гг.	Богатый крымский еврей Хоза Кокос осуществляет контакты между Иваном III и крымским ханом Мангли-Гиреем. Письма Кокоса на еврейском языке доставляет в Москву его шурин Исуп.
1490 г.	В Москву прибыл врач, венецианский еврей Леон, которому поручили лечение сына великого князя. /Леон ручался за жизнь больного, когда же последний умер, Леона казнили/.
1505-1533 гг.	Царствование великого князя Василия III. Еврейские купцы пользуются равными правами со всеми польско-литовскими купцами.
1548-1584 гг.	Царствование Ивана IV Грозного . Еврейские купцы встречают препятствия к приезду в Москву.
1605-1606 гг.	Появление в Москве некоторого числа евреев в свите Лжедмитрия.
1608-1610 гг.	В Москве распространяются слухи, что Лжедмитрий II, борющийся за московский престол - крещеный еврей.
1634 г.	В связи с окончанием войны с Литвой /1632-1634 гг./ в Москве появляются евреи-пленные.
1654 г.	Начинается война с Польшей, и в Москве вновь появляются еврейские пленные.
1655 г.	В Москву попадает пленный еврей Матюшка Григорьев из Мстислава. В 1674 г. он уже был мещанским старостою. Его сын, Яков Евреинов, владелец шелковой фабрики в Москве, состоял консу-

лом в Кадиксе, дипломатическим агентом в Голландии, президентом коммерц-коллегии. Я. Евреинов - основатель дворянского рода Евреиновых. Из его потомков Евреинов Александр Григорьевич /умер 1885 г./ был обер-прокурором и сенатором.

1659 г. — Во время облавы в немецкой слободе захвачены несколько евреев. /Облава была произведена в связи с запретом русским жить у иностранцев/.

1671-1676 гг. — В Москву часто приезжают евреи Иуда и Яков Исаевы - поставщики сукна из Литвы в русскую казну.

1676 г. /12 сентября/ — Указ царя Федора о запрещении еврейским купцам въезжать в Москву.

1682 г. — Во время стрелецкого бунта погибает придворный врач, крещеный еврей Даниил Гаден, покровитель московских евреев. Был убит также его сын Цви-Гирш. Группа евреев, спасая свои жизни, объявила себя христианами.

1712 г. — В Москве открывает аптеку Абрам Рут /аптека Рута - одна из первых 8-ми аптек, разрешенных к открытию по указу Петра в 1701 году/.

1730-ые годы — В Москве часто бывают купец Борох Лейбов и финансовый агент русского двора Лева Лимпан. В немецкой слободе постоянно проживают их сотрудники, в т.ч. зять Лейбова - Шмерль, исполняющий обязанности шойхета.

1772 г. — Присоединение к России Белоруссии - края с большим еврейским населением. Еврейские купцы из Белоруссии, а особенно из Шклова, становятся частыми гостями Москвы. Некоторые евреи записываются в московское купечество.

1790 г. — Жалоба группы московских купцов на то, что продажей товара "по домам" евреи наносят вред местной торговле. В жалобе подчеркивается, что купцы исходят из торговых интересов, а "отнюдь не из какого-либо к ним, в рассуждении религии, отвращения или ненависти".

1791 г. /23 декабря/ — Высочайший указ о недозволении евреям записываться в купечество внутренних губерний. С этого времени евреи могут приезжать в Москву по торговым делам только на определенные сроки.

1827 г. — Привлечение евреев к воинской повинности и как следствие этого - появление в Москве евреев-солдат. Солдаты эти обзаводятся семьями, основывают синагогу, им отводят землю под кладбище. Большинство евреев селится в т.н. "Глебовском подворье" в Китай-городе /там, где сейчас построена гостиница "Россия"/.

1839-1852 гг. — В Москве /попеременно то в пересыльной тюрьме, то в богадельне/ находятся хасиды, братья Шапиро, Самуил /умерший в Москве/ и Пинхас, осужденные по ложному доносу в Славуте. /Истинная причина их ареста заключалась в том, что они, как раньше их отец цадик Моисей Шапиро, имели типографию, где печатали Талмуд и хасидские книги/.

1856 г.	Израиль Бродский /будущий миллионер/ начинает в Москве торговлю сахаром. /В 1856 г. на складах Бродского в Москве было 1500 пудов сахара, в 1861 г. - уже 40000 пудов/.
1856 г. /5 июня/	Решением Комитета об устройстве евреев упраздняется обязательное проживание приезжающих в Москву евреев в Глебовском подворье.
1860-ые годы	Основание в Москве еврейской религиозной общины. /Один из основателей М.М. Россиянский - дед философа С.Л. Франка/.
1869 г.	Московской общиной на пост "казенного" раввина приглашен Соломон Минор. /С. Минор родился в 1826 г. в г. Ромны, умер в 1900 г. в Вильно. Учился в Виленском раввинском училище. С 1859 г. по 1869 г. - раввин в Минске. С. Минор был прекрасным оратором, в т.ч. и на русском языке. Минор впервые выступил в синагоге на этом языке. Минор оставил после себя много работ по истории евреев на русском языке/.
1871 г.	Создание Талмуд-торы.
Начало 1870-х гг.	Поляковы основывают Московский банк.
1882 г.	Обращение группы московских торговых фирм к министру финансов с письмом, в котором говорилось о важной роли евреев в московской торговле. Причиной этого обращения послужили попытки московской администрации стеснять евреев в правах после погромов в 1881 г.
1891 г.	Открытие новой синагоги. /Ныне действующая московская хоральная синагога/.
1891 г. /28 марта/	Указ генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича о выселении евреев-мастеровых, ремесленников и т.д. из Москвы. /29.3.1891 - первый день еврейской пасхи/.
1892 г. /23 июня/	Закрытие полицмейстером новой синагоги. /В Москве остается 14 молелен/.
1892 г. /23 сентября/	Высылка из Москвы раввина центральной синагоги С. Минора и старосты Шнайдера.
1892 г. /15 октября/	Указ генерал-губернатора о выселении из Москвы отставных нижних чинов - евреев. /По этому указу и по указу от 28.3.1891 г. было в короткий срок выселено почти 20000 человек/.
1892 г.	Закрытие 8-ми молелен.
1894 г.	В Москве начинает действовать "коллегия уполномоченных" Общества для распространения просвещения между евреями в России. /Об-во основано в октябре 1863 г. в Петербурге/.
1897 г. /28 октября/	Закрытие Талмуд-торы.
1897 г. /13 ноября/	Указ генерал-губернатора о воспрещении проживания в Москве евреев, изучающих фармацию, фельдшерское и повивальное искусство.

1899 г. /январь/	Указ об ограничении приписки евреев к московскому первогильдийскому купечеству. Установление ряда ограничений для проживающих в Москве евреев.
1900 г. /зима/	В Москве, в Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии состоялся доклад Ю.Б. Энгеля и П.Е. Марека о еврейской народной песне. /Энгель говорил только о музыкальной стороне еврейской народной песни; Марек - о бытовой и поэтической стороне ее/. После доклада состоялся концерт еврейских народных песен в обработке Ю.Б. Энгеля. Это был, по-видимому, первый вечер еврейской народной музыки в России.
1906 г. /1 июня/	Открытие центральной синагоги /закрытой в 1892 г./.
1906 г.	В Москве основано "Общество распространения правильных сведений о евреях и еврействе". Общество устраивало публичные лекции и издавало книги.
1909 г.	"Коллегия уполномоченных" Общества для распространения просвещения между евреями в России преобразована в Московское отделение общества.
1911 г.	Под давлением Союза русского народа с репертуара Малого театра снята пьеса Р. Хин "Наследники" /Рашель Михайловна Хин - русско-еврейская писательница; родилась в 1864 г./.
1916-1917 гг.	В Москве выходит русско-еврейский левый демократический журнал "Новый путь".
1917 г. /март-апрель/	В Москве создается ортодоксальная религиозная партия "Свобода и традиция" во главе с раввином М.М. Нуроком.
1917 г. /май/	Созыв в Москве съезда "Любителей древнееврейского языка" во главе с Х. Бяликом.
1917 г. /11 июля/	1-й номер газеты на иврите "Га-ам" /"Народ"/. Газета сначала еженедельная, а затем ежедневная, выходила в Москве до июля 1918 г. Редактировали газету М. Гликсон, Б. Кац, С. Чернович, М. Клейман. Тираж доходил до 15000.
1917 г. /август/	Временное правительство созывает в Москве государственное совещание на основе представительства различных учреждений и общественных организаций. Два еврейских представителя выступили с речами: Р.А. Абрамович /Бунд/ и О.О. Грузенберг /представитель несоциалистических группировок/.
1917 г.	Организовано издательство "Оманут". Оно издавало детский журнал на иврите "Штилим" /"Ростки"/ под редакцией М. Бен-Элиэзера. Кроме того, был издан ряд переводов на иврит, в т.ч. "93-й год" Гюго, "1000 и 1 ночь". /В конце 1918 г. издательство переехало в Киев, затем в Одессу. Продолжало деятельность в Германии и Палестине/.
1917 г.	Выставка еврейских художников. /Вторая выставка еврейских художников в Москве была организована в 1918 г./.

1918 г. /зима/	В доме Персица на углу Пречистенки /Кропоткинская ул./ располагались": бюро центра "Тарбут" /"Культура"/ /"Тарбут" - организация, занимавшаяся воспитанием юношества. 1-й съезд "Тарбута" состоялся в апреле 1917 г. в Петрограде/, редакция газеты "Га-ам", редакция детского журнала "Штилим".
1918 г. /март/	Переезд в Москву Советского правительства. Среди прочих правительственных учреждений в Москву переезжает Еврейский комиссариат /образованный 20.1.1918/ во главе с С. Диманштейном.
1918 г. /28 апреля/	В "Известиях" опубликован циркуляр "О борьбе с антисемитизмом в Москве и московском районе".
1918 г. /май/	Встреча в Москве 60-ти сионистских деятелей. Принята резолюция о "нейтралитете" в вопросах внутренней российской политики.
1918 г. /30 июня/	Открытие в Москве Всероссийского Съезда еврейских общин. Председатель организационного комитета по созыву съезда - сионист Л. Левитэ; секретарь - бундовец П. Мезивецкий. В работе съезда участвовали 133 делегата от 39 еврейских общин. Съезд создал "Общинный центр" /"Це-Ваад"/. В состав "Центра" вошло 40 человек: 16 сионистов, 6 бундовцев, 5 членов "Агудас Израиль", 5 беспартийных; по 3 от "Объединенных социалистов" и от "Поалей-Ционистов".
1918 г.	В Москве, в издательстве А.И. Штыбеля вышло 3 номера квартального сборника "Гатекуфа" /"Эпоха"/ на иврите, с участием Х.-Н. Бялика /каждый номер по 700 страниц; тираж - 5000 экз./. Кроме того, в течение года в этом издательстве вышли переведенные на иврит: 3 тома Л. Толстого, Р. Роллан, О. Уайльд, Меттерлинк, Тургенев и др. /зимой 1919 г. Штыбель покидает Москву/.
1918 г. /8 октября/	Театр на иврите "Габима" /"Сцена"/ под руководством Н.Л. Цемаха. - /Нахман Лазаревич Цемах родился в 1887 г., умер в 1939г. в Нью-Йорке/ дает свой первый спектакль - 4 одноактные пьесы: "Старшая сестра" Ш. Аша; "Гнев Солнца" И. Кацнельсона; "Пожар" И.-Л. Переца; "Напасть" И.Д. Берковича. /Первые спектакли проходят в доме № 6 на Нижней Кисловке/.
1919 г. /июнь/	Закрытие "Це-Ваада".
1919 г. /2 сентября/	Аресты среди московских сионистов. Арестованные вскоре были освобождены /1 сентября прошли аресты сионистских руководителей в Петрограде/.
1920 г.	Переезд из Петрограда еврейского театра-студии Грановского /будущий ГОСЕТ/. Студия основана в Петрограде в январе 1919 г.
1920 г. /30 апреля/	Созыв в Москве сионистским ЦК всероссийского сионистского съезда с участием 109 делегатов и гостей. На третий день работы съезда все его участники были арестованы. По дороге в ЧК

арестованные маршировали с пением сионистского гимна "Гатиква". /В середине июля 68 арестованных были освобождены по ходатайству американского Джойнта; остальные, осужденные на срок от 6 месяцев до 5 лет, были впоследствии освобождены, подписав обязательство впредь не заниматься сионистской деятельностью/.

1920 г. /осень/ — В Москве начинает выходить газета на идиш "Эмес" /"Правда"/ - орган Еврейского комиссариата /затем газета становится органом Евсекции, а затем Совета Национальностей СССР/.

1921-1924 гг. — В Москве выходит литературный журнал на идиш "Штром".

1923-1928 гг. — В Москве выходит на идиш журнал "Юнгвальд" - орган еврейских комсомольцев.

1923 г. — Городские власти пытались закрыть центральную синагогу. Попытка эта не удалась благодаря ходатайству московского раввина Мазэ перед Дзержинским и Калининым. /Яков Исаевич Мазэ родился в 1860 г. В 1886 г. окончил юридический ф-т Московского университета. С 1893 г. - московский раввин. Один из учредителей общества любителей древнееврейского языка, председатель московского комитета этого общества/.

1923 г. — Гистадрут /еврейская профсоюзная организация Палестины/ участвует в международной земледельческой выставке в Москве.

1923 г. — В Москве органами ГПУ обнаружена тайная молельня и при ней хедер для девяти детей. Руководители хедера привлечены к суду.

1925 г. /25 мая/ — Два видных московских сиониста - И. Рабинович и пианист профессор Давид Шор, представили председателю ВЦИК'а краткое содержание программы сионизма в СССР и просьбу освободить арестованных сионистов. Копия была послана председателю СНК Рыкову. В июне Рыков принял Рабиновича и Шора и заверил их, что правительство не ответственно за антисионистские мероприятия. 29 июня Шор и Рабинович были приглашены на специальное заседание ВЦИК'а, на котором представитель ГПУ Менжинский заявил, что ГПУ ничего не имеет против сионистов. В заключение сионистам было предложено представить в Политбюро проект статуса сионистской организации.

1925 г. /декабрь/ — Смерть "казенного" раввина Мазэ.

1925 г. — Группа писателей получила разрешение выпустить на иврите сборник "Б'решит" /"В начале"/ - первые слова Торы. Советские типографии не приняли заказ, и рукопись была отослана в Берлин. 300 экземпляров книги были допущены в Москву.

1925 г. — В Москве выходит кинофильм "Еврейское счастье" /сценарий - по Шолом-Алейхему; режиссеры - А. Грановский и Г. Гричер-Чериковер; художник - Н. Альтман; композитор - Л. Пульвер; в роли Менахем-Менделя - С. Михоэлс/.

1926 г. /24 января/ — Театр "Габима" покидает СССР. /С 1928 г. театр в Тель-Авиве/.

1926 г. /ноябрь/	В Москве созывается 1-й съезд ОЗЕТа /Общества по земельному устройству еврейских трудящихся/.
1926 г. /осень/	Создание при Обществе политкаторжан "Секции по изучению истории еврейского рабочего движения и участия евреев в русской революции".
1930 г.	Роспуск Евсекции.
1931 г.	Под Москвой состоялся нелегальный семинар под руководством писателя Авраама Криворучки /А. Карина/. На семинаре была намечена подготовка преподавателей иврита. /Вскоре слушатели семинара была арестованы/.
1934 г. /сентябрь/	Разгром в Москве подпольного Центрального Исполнительного Комитета Цеирей-Цион и Союза Сионистской молодежи.
1936 г.	Закрытие последней еврейской школы в Москве.
1936 г.	Закрытие синагоги на М. Бронной улице.
1938 г. /апрель/	Закрытие газеты "Эмес" /редактор газеты М. Литваков - репрессирован/.
1938 г.	В Москве выходит кинофильм "Семья Оппенгейм" /сценарий по роману Л. Фейхтвангера; постановщик - Г. Рошаль; в роли доктора Якобсона - С. Михоэлс/.
1938 г.	Арест раввина центральной московской синагоги Медалье и прихожан Урысона, Брауде и др. Среди обвинений, предъявленных им, поддержка синагогой сети подпольных хедеров и ешиботов, в т.ч. двух в Москве/.
1939 г. /31 марта/	Руководителю ГОСЕТ'а С. Михоэлсу присвоено звание Народного артиста СССР, Михоэлс награждается орденом Ленина.
1941 г. /24 августа/	"Собрание представителей еврейского народа" в Москве. Собрание приняло воззвание к евреям всего мира с призывом активно участвовать в войне против Германии.
1941 г. /сентябрь/	Выпущены из московской тюрьмы вожди польского Бунда Генрих Эрлих и Виктор Алтер. Они начинают работу по созданию Еврейского Антифашистского Комитета /ЕАК/. /Алтер был арестован 26.9.1939 в Ковно; Эрлих - 4.10.1939 в Бресте. После начала войны, находясь в московских тюрьмах, были приговорены к расстрелу. Вторично арестованы в ночь с 3-го на 4-е декабря 1941 г. В тюрьме приговорены к смертной казни и расстреляны/.
1942 г. /24 мая/	2-й митинг "представителей еврейского народа".
1942 г. /29 мая/	Первый пленум ЕАК /председатель ЕАК - С. Михоэлс/.
1943 г. /февраль/	2-й пленум ЕАК.
1944 г. /январь/	Открытие в Москве выставки продуктов еврейских земледельческих колоний в Палестине.

1944 г. /апрель/	Третий /последний/ пленум ЕАК.
1947-1948 гг.	В Москве выходят семь номеров литературного журнала на идиш "Геймланд" - "Родина".
1948 г. /16 января/	Похороны убитого 13 января в Минске С. Михоэлса.
1948 г. /сентябрь-Рош-Гашана/	Визит первого посла государства Израиль в СССР г-жи Голды Меирсон в синагогу. Тысячи евреев оказывают ей восторженный прием.
1948 г. /20-22 ноября/	Роспуск ЕАК. Закрытие органа ЕАК "Эйникайт" /"Единство"/. /1-й номер - в 1942 г. в Куйбышеве/.
1948 г. /ноябрь-декабрь/	Закрытие московского еврейского издательства "Эмес".
1948 г. /декабрь/	Арест видных деятелей еврейской культуры: Д. Бергельсона, Дер Нистера, П. Маркиша, Л. Квитко, Д. Гофштейна, И. Фефера, В. Зускина, И. Нусинова, Э. Спивака, С. Персова. Их судили в июле 1952 г. /Дер Нистер и Нусинов умерли до этого/. 12 августа 1952 г. они были расстреляны /кроме Гофштейна, сошедшего с ума/. Вместе с ними были расстреляны еще около 15 евреев, деятелей культуры и науки, арестованных в 1952 г., в т.ч. Лозовский.
1949 г. /28 января/	Статьей в "Правде" "Об одной антипартийной группе театральных критиков" начинается газетная кампания против "космополитов".
1949 г.	Разгром ГОСЕТ'а.
1951 г.	Ликвидация подмосковного села Давыдкова, население которого составляли евреи.
1953 г. /13 января/	Сообщение ТАСС об аресте группы "врачей-вредителей". Было арестовано 10 человек: Егоров, Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер, Виноградов и др.
1953 г. /4 апреля/	Сообщение о фальсификации т.н. "дела врачей".
1953 г. /сентябрь/	Первое после 1948 г. послание московского раввина Шлифера за границу - поздравление английских евреев по случаю Рош-Гашана.
1955 г. /1 августа/	Концерт в Москве еврейского артиста Саула Любимова /первый еврейский концерт после 1948 г./. Незадолго до этого Любимов вернулся из ссылки.
1955 г. /август/	Концерты Исаака Ракитина и Сиди Таль /чтение Шолом-Алейхема/.
1956 г. /осень/	Обыски в сотнях еврейских домов. Около 30-ти евреев было арестовано. При обыске изымались книги на идиш и на иврит, в т.ч. и молитвенники. /Обыски были произведены и в других городах, в т.ч. в Ленинграде/.

1956 г.	После многолетнего перерыва в Москве при участии раввина Шлифера выходит еврейский религиозный календарь.
1957 г. /июнь/	Четыре раввина Москвы и Московской области подписывают обращение, в котором выражают солидарность с Воззванием Всемирного Совета Мира о прекращении испытаний ядерного оружия.
1957 г. /июль-август/	Участие израильской делегации в международном фестивале молодежи в Москве.
1957 г. /август/	В связи с фестивалем молодежи происходит первое после 1948 г. собрание 7-ми еврейских советских писателей.
1957 г.	Открытие при Московской хоральной синагоге ешибота "Кол-Яаков". /Ректор ешибота - раввин С. Шлифер; среди преподавателей раввины Ш. Требник, Х. Кац, Я. Каменец. Количество студентов - 35 человек/.
1957 г.	В Москве, благодаря усилиям р. Шлифера, выходит молитвенник "Сидур Га'шалом" - первое религиозное издание на иврите за много лет /тираж - 10000/.
1957 г.	Смерть раввина московской синагоги Соломона М. Шлифера /род. в 1889 г./. Раввином становится Иегуда-Лейб Левин.
1959 г. /весна/	Издание в Москве однотомника Шолом-Алейхема /первое после 1948 г. советское издание на идиш/. Издание собрания сочинений Шолом-Алейхема на русском языке /6 томов/. В Колонном зале Дома Союзов проходит торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхема.
1959 г. /4 октября/	Ночью поджигаются синагога и домик смотрителя еврейского кладбища в Малаховке. Синагогу спасают, но домик сгорает и в нем жена смотрителя. В ту же ночь в Малаховке разбросаны антисемитские листовки, подписанные Б.Ж.С.Р. и Ц.К.О.Р.Н.
1961 г.	В Москве начинает выходить журнал на идиш "Советиш Геймланд" /"Советская родина"/. Сначала журнал выходил 1 раз в два месяца, затем стал ежемесячным. /Главный редактор журнала с момента основания - еврейский поэт Арон Вергелис/.
1961 г. /21 июля/	Сообщение в "Правде" о деле Рокотова и Файбишенко - первое сообщение советской печати об "экономическом процессе".
1961 г. /19 сентября/	В "Литературной газете" опубликовано стихотворение Е. Евтушенко "Бабий Яр".
1961 г. /октябрь/	Три руководителя Еврейской религиозной общины Москвы осуждены на 3 года за "шпионаж в пользу одного капиталистического государства".
1962 г. /18 декабря/	В одном из московских концертных залов состоялась премьера 13-й симфонии Шостаковича /симфония написана по мотивам стихотворения Евтушенко "Бабий Яр"/.
1963 г. /апрель/	Суд над четырьмя евреями, занимавшимися выпечкой мацы на продажу. Главный обвиняемый Кац /82 года, инвалид/ освобожден.

	В.Ш. Богомольный приговорен к 1 году заключения; 2 женщины /старше 50 лет/ приговорены к 6 месяцам заключения каждая.
1963 г. /весна/	Гастроли в Москве итальянского Театра Молодых. В числе прочих спектаклей два раза шел "Дневник Анны Франк" /остальные пьесы ставились по 5 раз/.
1963 г.	Выход в свет в Москве иврит-русского словаря на 28000 слов /составитель - Ф.П. Шапиро; ред. - проф. Б.М. Гранде; тираж 25000/.
1964 г. /весна/	Организация пекарни для выпечки мацы при Московской хоральной синагоге.
1964 г. /июль/	Замена властями трех членов руководства Московской Еврейской религиозной общины.
	В августе один из новых членов по распоряжению властей становится председателем общины.
1964 г.	Выезд в Израиль цадика Сквирской династии А. Тверского. /Предпоследний цадик в Советском Союзе - А.Тверский - проживал в Москве/.
1966 г. /декабрь/	Смерть раввина Марьино-Рощинской синагоги Нутэ Олевского.
1966 г.	В Москве состоялись выставки работ еврейских художников Меера Аксельрода, М. Горшмана, Александра Лабаса, Алексея Тенеты, Гавриила Шульца.
1966 г.	В Москве на русском языке выходит сборник Шолом Аша - одного из крупнейших еврейских писателей 20-го века. /До этого произведения Аша не издавались в СССР с середины 20-х годов/. Израиль участвует в проходящей в Москве Международной выставке сельскохозяйственных машин.
1967 г. /зима/	Суд над Дольником /московский еврей, пенсионер Дольник был арестован 26 мая 1966 года и обвинен в "антисоветской деятельности", которая выражалась в контактах с израильскими дипломатами и распространении еврейских печатных изданий/.
1967 /май/	Участие Израиля в Московской международной выставке Инпродмаш.

Хронология доведена до 1967 года, так как в конце 60-х годов заметно выросло национальное самосознание советских, и в частности, московских евреев, и с начала 1970-х годов начался выезд московских евреев в Израиль. Изображение этого пробуждения московского еврейства требует отдельной статьи. Упомяну лишь несколько наиболее важных, на мой взгляд, событий еврейской жизни Москвы за этот период.

1971 г.	Первая демонстрация у здания приемной Верховного Совета СССР.
1971 г.	Издание собрания сочинений Шолом-Алейхема в 6-ти томах на русском языке.

1972 г.	Суд над Глезером /антисоветская агитация и пропаганда/.
1972 г.	Суд над М. Нашпицем и Г. Шапиро /уклонение от призыва на воинскую службу/.
1972 г.	Начал выходить журнал "Евреи в СССР".
1972 г.	Закрытие синагоги в Черкизово.
1973 г.	Выставка М. Шагала.
1974 г.	Московский еврейский драматический ансамбль ставит пьесу "Заколдованный портной".
1975 г.	Суд над М. Нашпицем и Б. Цитленком /участие в демонстрации/.
1975 г.	Начал выходить журнал "Тарбут" /"Культура"/.
1975 г.	Выставка Тышлера.
1975 г.	Выставка ленинградских еврейских художников.

1925 г.	В Москве выходит кинофильм "Еврейское счастье" (сценарий – по Шолом-Алейхему; режиссеры – А.Грановский и Г.Гричер-Чериковер; художник – И.Альтман; композитор – Л.Пульвер; в роли Менахем-Менделя – С.Михоэлс).
1926 г. /24 января/	Театр "Га-бима" покидает СССР. (С 1928 г. театр в Тель-Авиве).
1926 г. /ноябрь/	В Москве созывается I-й съезд ОЗЕТ (Общество по земельному устройству еврейских трудящихся).
1926 г. /осень/	Создание при Обществе политкаторжан "Секции по изучению истории еврейского рабочего движения и участия евреев в русской революции".

Страница оригинала. Фото. Текст см. на стр. 7-8 настоящего тома.

Р Е Л И Г И Я

БЕН НАФТАЛИ

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ДРЕВНЕИУДЕЙСКОГО АСКЕТИЗМА НА ХРИСТИАНСТВО

/Разбор материала А. Шойхета/

Настоящая заметка является критикой статьи А. Шойхета. Поэтому мы не будем добавлять новых фактов о древнеиудейском /?/ аскетизме, а только разбирать аргументы А. Шойхета. От читателя предполагается знакомство со статьей А. Шойхета "Древнеиудейский аскетизм и его влияние на христианство" /Сб. "Евреи в СССР", № 9, янв.-март 1975/. [*] Мы будем последовательно разбирать аргументы А. Шойхета, ориентируясь на заданное им разделение на главы. Вступление мы пропускаем.

1. Смирение духа и плоти. Мы цитируем: "Эти посты /древнеиудейские/ были еще очень далеки от истинного аскетизма, поскольку они носили преимущественно принудительный или утилитарный характер. Здесь уместно вспомнить концепцию христианского монаха аввы Исайи о двух началах жизни: начале Лии и Рахили. Лия, как жена, данная Якову /Израилю/ по закону, и Рахиль, избранная им по сердцу, представляют собой: первая - образ "трудничества", усмирения тела по Закону, которое, как и всякий формальный поступок, не сопровождается моральным очищением, вторая - образ добровольного "духовного субботствования", приближающего человека к Богу. Эти два начала постоянно присутствуют и борются в иудаизме и находят свое продолжение в евангельских образах Марфы и Марии, из которых последняя "избрала благую часть" /А.Ш./.

По-видимому подразумевается, что участь первой - не блаженна. По нашему мнению, различие иудейства и христианства состоит, в частности, в том, что в первом близкие, но далеко не тождественные течения "постоянно присутствуют и борются", в то время, как во втором решительно берет верх одно из направлений. Этот тезис мы самым решительным образом распространяем на все, что будет изложено ниже.

Кроме того, мы обращаем внимание читателя на тот исторический факт, что Лия родила Якову /Израилю/ 6 сыновей, а Рахиль - 2 /в соотношении 3:1/.

Примеры из деятельности пророков более убедительны, хотя, без сомнения, требуют более спокойного и детального анализа. Вообще этот абзац кажется одним из наиболее убедительных в статье.

Отшельник Баккус явно стоит в ессейском кругу мировоззрения, поэтому его связь с иудаизмом не является очевидной /см. ниже/. Цадок и Симон бар Иохай представляют собой безусловно крайние случаи, стоящие вне "столбовой дороги" иудаизма.

Так, 12-й принцип "Ани маамин" /официальное "кредо" иудаизма/ гласит:

---

[*] Статья была опубликована в т. XI "Еврейского Самиздата", стр. 63-68, изд. Иерусалимского университета.

"Я верю полной верой в приход Мессии. И даже если задерживается, я жду его каждый день, что он придет".

Жду - значит "морально совершенствуюсь ввиду и для его прихода". Так говорит один раввин нового времени: "Почему еще не пришел сын Ишая? /т.е. Давид - Мессия/. Потому что мы сегодня те же, что вчера". Задерживается - человеку не дано знать, когда придет. Даже если - не следует возлагать надежд на приход к определенному сроку, не следует отчаиваться, что не пришел к сроку, установленному тобой.

Весь дух принципа протестует против экстремизма в эсхатологических чаяниях. Так же находим у Маймонида /Мишнэ-Тора/:

"12-й принцип - дни Мессии. Выражает следующее: Мы верим, что придет и не опоздает, "если задерживается - жду его".

В этом не опоздает доказательство /фактом/ неправды раввинов, приведенное А. Шойхетом в качестве аргументов. Ведь: "охваченные ожиданьем Мессии, они осуждали всякую привязанность к здешнему миру и упрекали даже тех, кто пашет землю". А Мессия не пришел - следовательно, и не должен был прийти, поскольку не опоздает.

Однако нам представляется значительно более важным рассмотреть отношение иудаизма к крайностям вообще. Маймонид говорит /Мишнэ-Тора/:

"Разные взгляды у разных людей: есть люди, склонные к гневу, и есть люди, которые не гневаются вообще, а если гневаются - то малым гневом, раз в несколько лет; есть гордые, и есть скромные и смиренные; есть охваченные страстью и есть с очень чистым сердцем, и не желают даже малых вещей, нужных телу; есть люди, которые не насытят своего сердца, даже если в их руках будет все золото мира, и есть люди, которым хватает малого; и тому подобное для всех прочих взглядов...

Две крайности в каждом взгляде, далекие друг от друга, но есть хорошие пути, и не следует человеку идти по одной из них, и не /следует/ учить себя идти по одной из них. И если понял, что он по природе своей склоняется к одной из них, или что выучил одну из них и поступал соответственно ей, пусть вернет сам себя на верную дорогу.

Верная дорога - это правило середины, которая далека на равное расстояние от обеих крайностей, и не близка ни той, ни той.

Пусть на этот путь направит себя человек. Каким образом? Не позволяет себе гневаться легко, и не /будет/ как мертвый, который ничего не чувствует, но - посередине... И так пусть поступает человек и в прочих идеях, и путь этот - это путь мудрецов".

Если же нам возразят, что Маймонид относится уже к средневековому иудаизму и притом скорее к его восточной ветви, то в ответ на это мы процитируем Талмуд:

"Говорит Реббе: какова она, верная дорога, чтобы шел по ней человек, и она - слава от людей делающему ее /т.е. делающему то, что требует эта дорога/" /Пиркей Авот 2,1/.

Следующий комментарий дает р. Овадия Мибертанура: "Чтобы было удобно ему и людям было удобно от него. И это значит, чтобы шел во всех отношениях по дороге, которая посередине, и не склонялся ни к одной из 2-х крайностей. Пусть, например, это самый большой скряга, и это слава ему, потому что собрал большое богатство, но не хвалят его люди за это свойство; или расточитель, который

расточает больше чем следует, - люди, которые получают его богатство, хвалят его, но это не слава /похвала/ делу и неудобно ему; потому что из-за этого впадает в бедность. Но мера щедрости, которая средняя для человека, потому что люди хвалят его за то, что дает то, что следует ему давать. И таково же правило во всех остальных свойствах".

Эту принципиальную позицию иудаизма мы настоятельно советуем читателю иметь в виду для всего дальнейшего изложения. Несколько настораживают такие высказывания автора, как "истинный аскетизм", хотя вполне можно было бы сказать "присущий христианству более духовный /или более строгий, например/ аскетизм". Это показывает, что позиции автора не вполне научно объективны. Если он и не является явным адептом христианства, то, во всяком случае, его взгляды явно лежат в кругу христианской идеологии. По нашему мнению, это обстоятельство оправдывает и известную разность наших суждений.

2. Нищенство, нестяжательство. В этом разделе фактически приведены многочисленные параллели из Талмуда /и Библии/ и Нового Завета. В принципе, наличие гигантского количества таких параллелей /почти покрывающих синоптические евангелия в их этической части/ давно известны. В статье "Иисус и евреи" Хаима Рафаэля /следующая статья сборника/[*]читаем: "... в то время, как каждое изречение Иисуса может быть сопоставлено с соответствующим изречением из иудейских текстов /хотя у Иисуса зачастую та же мысль выражена более точно и сильно/, в целом есть нечто категорически "нееврейское" - и ложное - в столь подчеркнутом внимании к этике как таковой в противоположность, например, Гиллелю, который интересовался прежде всего истолкованием практических указаний Закона, рассчитанным на то, чтобы помочь хорошему обществу еще более совершенствоваться...

Что, по Клаузнеру, делает Иисуса неприемлемым, так это его уверенность, возникшая после крещения, что царство небесное уже "рядом", приуготовленное заменить существующую систему божественно управляемым братством всех людей и всех народов, в котором исчезнут все моральные и социальные проблемы".

В связи с этим /и без всякой связи со статьей А. Шойхета/ нам хотелось бы привести цитату из другой статьи того же сборника /И. Рааб. Убийственная наивность американских евреев/[**]: "Открытое общество ... можно представить себе как общество несовершенных людей, ищущих наощупь правильные решения проблем, которые по самой своей природе, в лучшем случае, только смутно угадываются. Закрытое же общество можно изобразить как несовершенных людей, которые полагают, что существуют идеальные решения для совершенно очевидных проблем".

Цитата приводится нами для того, чтобы привлечь внимание к генетической связи христианства с радикализмом как таковым /и его современными политическими проявлениями, в частности/, но не для того, чтобы отвлечь читателя от проблем генетической связи иудаизма и христианства. К этому вопросу мы возвращаемся ниже.

3. Девственность /безбрачие/. Прежде всего отметим глубокую ошибку сопоставителя безбрачия с девственностью. Безбрачие можно сопоставлять /в рас-

---

[*] Статья была опубликована в т. XI "Еврейского Самиздата", стр. 69-74

[**] См. т. XI серии "Еврейский Самиздат", стр. 158-171.

сматриваемом контексте/ только с воздержанием /см. цитаты ниже/. Так, вдова, не вышедшая замуж вторично, не становится /?/ от этого девственницей /пример Анны-пророчицы по А. Шойхету/. Но перейдем непосредственно к статье.

"Женские примеры" ограничиваются Анной-пророчицей /см. выше/ и Юдифью. Анна является евангельским персонажем, следовательно, в иудейский круг примеров не входит. То же относится и к Юдифи, поскольку Книга Юдифи не входит в иудейский библейский Канон /но только в христианский, притом опять же не в протестантский, совпадающий с иудейским/. К великому сожалению, нам еще не раз придется пользоваться подобными аргументами, поскольку автор достаточно регулярно отождествляет раннехристианский и современный ему иудейский круги идей.

Переходим к мужчинам. Иоанн-Креститель - чисто христианский персонаж. Представление о девственности Иеремии основано на неизвестных нам источниках. Фактически ему было запрещено жениться и иметь детей /это повторение подчеркивает отличие от воздержания как такового/ до разрушения Храма. Относительно более позднего периода, насколько нам известно, сведений нет. Но зато известен его наказ "плодиться и множиться" /может быть, сохраняя девственность?/ иудеям в вавилонском плену. Отметим, что запрет наложен в совершенно уникальных исторических обстоятельствах: ввиду неотвратимой гибели Иерусалима и семьи в том числе. Таким образом, по нашему мнению, этот факт следует сблизить с показательными действиями /"наглядными демонстрациями тезиса"/ других библейских пророков /об этом см. ниже/. При такой трактовке действия Иеремии только подчеркивают ненормальность безбрачия для иудея. Отметим, что в любом случае это безбрачие принципиально отличается от христианского, направленного на сохранение безбрачия /в христианском идеале, видимо, и девственности/ как такового.

Более убедителен таннай Бен Аззай; но что он стоит в иудействе особняком, знает и сам автор: "Впрочем надо признать, что в традиционном иудаизме безбрачие действительно не получило широкого распространения /попросту: практически никакого, - Б.Н./, а утвердилось только в иудейских аскетических сектах ессеев и терапевтов". Об отношении секты ессеев к иудаизму мы будем иметь случай говорить ниже, а здесь только отметим, что отношение ессеев к безбрачию /не говоря о девственности!/ автор изображает не вполне точно. Из четырех авторов, писавших об интересующем нас предмете /по крайней мере, в цитированном автором источнике/, А. Шойхет может сослаться на двух /Плиний и Филон Александрийский/. Двое других /Иосиф Флавий и Ипполит/ освещают вопрос чуть-чуть иначе. Поскольку их изложение в основном совпадает /в интересующем нас отношении/, мы цитируем по И. Флавию /"Иудейская война"/:

"120. Они отвергают наслаждения, считая их злом, а к добродетелям относят воздержание и способность не поддаваться страстям. Пренебрегая браком в своей среде, они принимают чужих детей, еще восприимчивых к обучению, относятся к ним как к родным и прививают им свои нравы.

121. Хотя они и не отрицают брака и связанного с ним продолжения рода, но ограждают себя от распущенности женщин и убеждены, что ни одна из них не сохраняет верности одному /мужчине/.

160. Существует и другое направление среди ессеев, которые придерживаются того же образа жизни, нравов и порядков, но иначе смотрят на брак. Они считают, что люди, не вступающие в брак, пресекают преемственность поколений - важнейшую сторону жизни /!/. Более того, если бы все стали думать так, то чрезвычайно быстро исчез бы человеческий род."

Как видим, картина несколько иная. В частности, нет места именно девственности как императиву /исключение у Филона, где говорится о терапевтидах как в основном о "старых девственниках"/. Вообще вопрос далеко не столь безобиден, как может показаться. И "дистанции" тут огромны - от христианства, смешавшего секс с грязью /от чего европейская культура по сию пору не вполне оправилась - включая и "сексуальную революция" как очередную крайность/, и до Талмуда, спокойно обсуждающего вопросы супружеской жизни /до "технических" включительно/. Отметим также, что иудейская традиция видит грех Адама не в том, что он познал Еву.

4. Пророческий аскетизм. Замечания о пророках и монахах фактически не идут дальше очевидных фактов преемственности христианства от ессейства и подражания пророкам Ветхого Завета. О сопоставлениях Ветхого и Нового Заветов мы уже говорили. Цитируемая А. Шойхетом 2-ая Книга Маккавейская в иудейский канон не входит. Кроме того, она всеми исследователями признается за весьма позднее произведение заведомо тенденциозного, политического характера. Более близкая к событиям, 1-ая Книга /к тому же, видимо, и написанная на иврите, в отличие от 2-й и 3-й/ проникнута прямо противоположным - "боевым" духом, и имеющееся там "мученичество" принципиально иного типа. Это кажется нам очевидным для любого, читавшего эти Книги.

Интересным представляется аргумент автора о юродстве. К сожалению, по нашему мнению он недостаточно хорошо развит. В частности, автор говорит о "необычайном влиянии /юродства/ на христианскую, преимущественно русскую православную церковь". Приводимые им примеры /Василий Блаженный и Иоанн Московский/ заставляют значительно сузить эти рамки. Именно: русская православная церковь XV-XVIII вв. Без распространения /примерами/ на переходный иудео-христианский период тезис о генетическом /а не типологическом/ родстве явлений, по нашему мнению, не может быть доказан. При этом следует учитывать, что западная церковь в принципе относилась неодобрительно к подобного рода явлениям; если же заметить, что и в /русской/ православной церкви указанное выше юродство представляется временным /и уж во всяком случае далеко не основным/ моментом, то ясно, что то "противопоставленное иудаизму христианское юродство" /А. Шойхет/ - это совсем не то юродство, о котором он говорит в 4-ом разделе. Такое неаккуратное словоупотребление кажется нам неуместным в столь деликатном вопросе.

Это, собственно, все, что мы имеем сказать по поводу генетического родства юродства с иудаизмом. Что касается родства типологического, то, по-видимому, для него было бы желательно, чтобы христианские юродивые оставили после себя что-либо подобное /мы не говорим: равное/ книгам Иезекииля, Исайи, Иеремии или Осии.

Еще одно соображение вызывает наше недоумение. Почему при описании "иудейского юродства" А. Шойхет ограничивается библейскими пророками, и не стоит ли это в связи с термином "древнеиудейский", создающим иллюзию некоего разрыва в иудейской традиции? Чтобы не быть голословными, мы приведем пример из жизни одного из хасидских раввинов /хасидизм - религиозное течение восточноевропейских евреев, возникшее в XVIII веке/:

"В дни, когда вернулся рабби Исраэль Ми'салант в Ковно /Каунас/, стоял дом призрения запущенным и разрушенным. И бедные валялись в нем на полу. Ответственные закрывали на это глаза, потому что ремонт стоил много, а касса была пуста.

Дошло дело до ушей р. Исраэля. Пошел в дом призрения и всю ночь лежал на полу среди бедных. Назавтра был большой шум в городе, и немедленно решили ремонтировать".

Если же теперь нам возразят, что р. Исраэль свое демонстративное действие /на "языке современной науки"/ сделал единожды, в то время как христианские юродивые делали их постоянно, то мы ответим, что то же самое верно и для пророков. Правда, остается верным, что своими действиями р. Исраэль не слишком "нарушал приличия". Ну что же, отвечу я, слава Богу, что иудейской общине Ковно достаточно было не слишком большой встряски, чтобы исправить неверный шаг.

Вообще следует отметить, что действия пророков, выдаваемые А. Шойхетом за факты юродства, носят явные следы "демонстративного действия". Следовательно, они могут быть приняты как аргументы для суждения о степени и качестве умственного развития общества, к которому обращались пророки и лишь в значительно меньшей мере о самих пророках.

5. Иудейское монашество. Весь раздел состоит из описания жизни ессеев и проведения аналогий с жизнью христианских монахов. Об аналогиях мы не будем говорить, тем более, что автор открыто пишет о генетической преемственности. Здесь мы будем говорить только о месте ессеев в иудаизме.

Во-первых, сколько их было. Филон говорит: "...Палестино-Сирия, которую населяет значительная часть многочисленного народа иудеев. Некоторые из них, которых называют ессеями, насчитывают более 4000 человек". На кладбище Хирбет-Кумрана "предполагается около 1200 захоронений" /"Тексты Кумрана"/. По мнению Р. де Во..."количество членов общины... не превышало 200 человек"; "... в трапезной... было обнаружено около 1200... горшков, тарелок, чаш, кувшинов" /там же/. Другими словами: весьма малая доля иудейства.

Далее известно, что ессеи весьма далеко отошли от иудейства того времени, а кое в чем прямо противопоставили себя иудейским общинам. В частности, их календарь был солнечным /как и у христиан/, в отличие от иудейского - лунного. В результате чего даты религиозных праздников тех и других не совпадали. При том значении, которое придавалось и придается срокам праздников в иудаизме - это, видимо, исключало возможность живого религиозного общения.

И хватит о ессеях! Они могут быть предшественниками кому угодно: коммунистам /как считал Теодор Дезами, "Тексты Кумрана"/, христианам /как, видимо, и было/ - но в дереве иудаизма они - боковой побег.

Это, конечно, не значит, что не следует их уважать или изучать. Более того, они, без сомнения, наглядно показывают одну из тенденций тогдашнего иудейского мышления, но именно тенденцию мышления. Ее воплощение /в лице ессеев/ находится уже вне собственно иудейского круга. Этого не могли /или не хотели/ не видеть и не отмечать специально современники - но это ясно сейчас.

Возвращаясь к статье А. Шойхета, мы с большой грустью отмечаем, что в разделе 5-м он особенно "причесывает" иудаизм /и ессейство/ под христианство, прибегая при этом к не слишком корректным приемам.Так, по нашему мнению, он безнадежно запутал достаточно ясный вопрос о ритуальном омовении в иудаизме, которое он почему-то упорно, но не вполне последовательно называет "крещением" /крещение не у христиан - это, по нашему мнению, нечто прямо-таки революционное в истории религии/. Проследим вопрос по цитатам. У ессеев "...послушни-

ки... после крещения допускаются к евхаристическим трапезам"; затем имеем: "традиционный иудейский обряд крещения /тевилы/ - этот "чисто формальный ритуал" /тогда причем здесь крещение? - Б.Н./ ессеи, оказывается, "приблизили к христианскому крещению". Приблизили - значит: не сравняли. Тогда как же быть с крещением послушников? Боюсь, что все эти вопросы так и останутся на совести А. Шойхета.

Далее, слово "зкеним" он переводит как "старцы" вместо нормального перевода "старики" и, возможно, "старейшины". Видимо, этот перевод вызван традициями христианства /или уже русского православия? - Б.Н./; но он дает своеобразное смещение оттенков, приписывая ессеям некоторое социальное устройство /"послушники, прислуживают старцам"; не скопировано ли сие с христианства? - Б.Н./. Между тем ситуация предельно ясна в свете Филона Александрийского /"О том, что каждый добродетельный свободен"/:

"87. ... Старикам они оказывают почет и заботятся о них подобно тому, как законные дети /см. выше "Иудейская война", 120/, оказывают услуги своим родителям на старости лет и окружают их бесчисленными заботами".

Как нам кажется, от такого сближения Кумранской общины с христианскими монастырями картина явления значительно искажается. В частности, в значительной степени исчезает то, что "оправдывает" Кумран с точки зрения индивидуума, т.е. моменты "демократии" и добровольчества в качестве основных принципов общины.

Выводы

1. Статья написана автором, который целиком находится в кругу христианского мировоззрения; то же мировоззрение предполагается и у читателей. Следовательно, статья должна быть отнесена не к разряду научному, а к разряду письменной религиозной проповеди.

2. О достоинствах и недостатках ее как произведения этого жанра мы судить не беремся. Однако мы полагаем, что в смысле гуманистическом она хороша, так как помогает христианству преодолеть "христианский антисемитизм". /И мы категорически защищаем автора от каких бы то ни было обвинений в этом грехе, несмотря на непонятное нам употребление термина "древнеиудейский"/.

3. С точки зрения фактической /а не "богословской"/ проблемы генезиса христианства и его взаимоотношений с иудаизмом статья не дает ничего.

4. То же самое с точки зрения собственно иудаизма.

5. Если автор не согласен с нашей оценкой, что весьма легко себе представить/, то мы предлагаем ему вступить в открытую дискуссию по вопросам генетической и идейной связи христианства и иудаизма /включая, естественно, проблему аскезы/. Однако мы просим его использовать аргументы иного плана, чем изложенные в статье. Наш тезис в этой дискуссии /конкретно по поводу аскезы/:

а/ аскеза как самоцель, а также целенаправленная /утилитарная/ аскеза, доведенная до значительных размеров, внутренне чужда иудаизму;

б/ отдельные проявления таких видов аскезы, пока они не возводятся в более или менее широко принятую систему, не ведут к отрыву аскета от индивидуума вообще и от иудейской общины в частности;

в/ в определенный период времени / плюс - минус 100 лет от Р.Х./ в иудаизме отчетливо прослеживается тенденция к усилению аскезы и выработке определен-

ной системы аскезы. Это движение дошло до реального воплощения системы /или близких систем/ отдельными группами иудеев, которые тем самым начали отходить от иудаизма. О влиянии этих тенденций на основную массу иудеев мы, видимо, можем судить только по косвенным данным, но, без сомнения, оно не было настолько велико, чтобы оторвать их от фарисейства /т.е. иудейской традиции/, а также чтобы произвести в фарисействе внутренний переворот;

г/ христианскую аскезу в значительной степени можно понять как генетическое развитие /и изменение в ходе развития/ указанных выше абсолютизирующих тенденций развития аскезы иудейской. При этом более чем вероятна непосредственная генетическая связь раннего христианства с общиной ессеев;

д/ указанная христианская аскеза, противоречащая всей многовековой иудейской традиции и историческому опыту иудейского народа, могла быть одним из важных факторов /хотя вряд ли была единственным/ неприятия иудейским народом проповеди Иисуса Христа;

е/ в указанном выше смысле аскеза должна рассматриваться не изолированно, но в связи с другими абсолютизирующими и экстремальными тенденциями в христианстве /точнее: в раннем христианстве сравнительно с иудаизмом/.

А.Шойхет.

О ФАРИСЕЙСКОМ АСКЕТИЗМЕ

(ответ Бен-Нафтали)

Бен- Нафтали - трудный собеседник. Трудность полемики с ним заключается не только в "известн ой раздности наших суждений", но и в различии наших задач. Мы предлагаем диалог, Бен-Нафтали - дискуссию,(или, вернее, диспут о вере - безнадежно устаревший в наше время); мы ищем путей, сближающих иудаизм и христаианство, Бен-Нафтали во что бы то ни стало желает размежеваться. Тем не менее мы готовы вступить с ним в обмен мнениями по вопросам генетической и идейной связи иудаизма и христианства. Здесь открывается много не до конца разрешенных проблем на пример, иудаистский элемент в Евангелии, Христос и Закон и др. Но пока вернемся к аскезе. Прежде всего необходимо внести терминологическую ясность.

"Настороживший" нашего оппонента термин "истинный" аскетизм - его правильнее было бы назвать аскетизмом духовным -

Страница оригинала. Фото. Текст см. на стр. 21 настоящего тома.

А. ШОЙХЕТ

О ФАРИСЕЙСКОМ АСКЕТИЗМЕ

/Ответ Бен Нафтали/

Бен Нафтали - трудный собеседник. Трудность полемики с ним заключается не только в "известной разности наших суждений", но и в различии наших задач. Мы предлагаем диалог, Бен Нафтали - дискуссию /или вернее диспут о вере - безнадежно устаревший в наше время/; мы ищем путей, сближающих иудаизм и христианство, Бен Нафтали во что бы то ни стало желает размежеваться. Тем не менее мы готовы вступить с ним в обмен мнениями по вопросам генетической и идейной связи иудаизма и христианства. Здесь открывается много не до конца разрешенных проблем, например, иудаистский элемент в Евангелии, Христос и Закон и др. Но пока вернемся к аскезе. Прежде всего необходимо внести терминологическую ясность.

"Насторожившийся" нашего оппонента термин "истинный" аскетизм - его правильнее было бы назвать аскетизмом духовным - отождествляется нами не с христианской аскезой, как это показалось Бен Нафтали, а с той, более высокой ступенью воздержания /смирение духа/, на которую поднялись еврейские пророки по сравнению с обрядовым аскетизмом Закона. Кстати, нам представляется необоснованным утверждение, что духовный аскетизм /"начало Рахили"/ в христианстве "решительно берет верх" над аскетизмом обрядовым /"начало Лии"/. Соприсутствие и противоборство этих двух начал, характерное для иудаизма, продолжается и в христианстве. Достаточно вспомнить полемику между апостолом Павлом /"Праведный верою жив будет", Послание к евреям 10,38/ и апостолом Иаковом /"Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?" Иаков 2,24/, которая со временем привела к развитию двух крайних направлений христианства - с одной стороны, восточного, ортодоксального православия, в котором жесткие, разработанные до мельчайших подробностей правила аскезы */ почти не отличаются от "ограды", возведенной в талмудической Галахе, а с другой - к развитию различных протестантских сект, отвергающих любые проявления ритуального аскетизма и признающих служение Богу только в "духе и истине".

О "крайностях". Христианская аскеза далеко не так "экстремальна", как это представляет Бен Нафтали. Ортодоксальное христианство всегда предостерегало от "крайностей" в воздержании и рассматривало стремление некоторых подвижников к чрезмерным постам, разрушающим тело, как проявление недостатка смиренномудрия и гордыни, находящихся в противоречии с самим духом христианской аскезы.

В патристике "умный" подвижник часто противопоставляется "неразумному", говорится также о "мерном" воздержании. Даже сам основатель монашества св. Антоний Великий настойчиво проповедовал "царский путь" аскетизма: "Многие изможда ли свои тела чрезмерными пощениями, бдениями, удалением в пустыню... И однако же, бывало так, что после всего этого склонялись на зло и падали, лишившись

---

*/ В православном календаре детально разработана система пищевых запретов и дозволений на время постов, закрепившаяся даже под официальными названиями Мясопустной, Сыропустной недели и т.д.

плода всех тех добродетелей... Причина этому не что иное, как то, что они не имели добродетели рассуждения и благоразумия и не могли пользоваться ее пособиями. Ибо она-то и есть та добродетель, которая учит и настраивает человека идти прямым путем, не уклоняясь на распутия". Этот прямой путь есть "царский путь - путь средний /мудрый/, не увлекаясь ни налево - чрезмерным воздержанием, ни направо - чрезмерным участием в мирских делах. Кто идет царским путем, никогда не совратится". "Добродетели есть средина между излишеством и недостатком, - говорит пустынник Авва Дорофей /IVвек/, - царский путь". "Воздержание должно соединять с духовным благоразумием, - говорит Ефрем Сирин /IVвек/, - воздерживаться сверх нормы непохвально". По мнению первого теоретика христианской аскезы Иоанна Кассиана /IVвек/ "крайности... с той и другой стороны равно вредны... Знаем мы некоторых, которые не быв побеждены чревоугодием, были низложены безмерным постом и впали в ту же страсть к чревоугодию по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста... К самоубийцам должно причислить того, кто не меняет строгих правил воздержания и тогда, когда нужно подкрепить ослабевшие силы принятием пищи". Ту же мысль развивает один из самых суровых православных аскетов Серафим Саровский: "Не должно предпринимать подвигов сверх меры... Надобно идти средним путем, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе" /Притчи Соломоновы 4, 27/.

Из сказанного выше достаточно очевиден характер и направление "столбовой дороги" христианского аскетизма и его отношение к "крайностям", которые так неприемлемы для нашего оппонента. Это, конечно, не означает, что отдельные экзальтированные аскеты или группы аскетов /например, флагелланты/ "выпадают" из христианства, точно так же, как ессейский отшельник Баниус, как и ессеи в целом, не "выпадают" из иудаизма вопреки тому, что утверждает Бен Нафтали.

Что же касается "царского пути" иудаизма, то нам думается, что Бен Нафтали представляет его ошибочным образом. Цитируемый им принцип рабби Овадии Мибертанура "чтобы было удобно ему /?!/ и людям было удобно от него" /принято думать, что "удобство для других" обычно возникает за счет неудобства для нас самих/ значительно ниже среднего этического уровня иудаизма. Если бы народ, призванный достигнуть богоподобия, поставил перед собой столь ограниченный идеал житейской "мудрости", он не дал бы миру ни пророков, ни мученичества за веру, ни каббалы, ни мессианских движений, ни, в конце концов, самого христианства. Непонятно также, каким образом иудейская религия, представленная нам Бен Нафтали религией, равнодушной к "этике как таковой" и весьма "удобной", не требующей от человека ничего невозможного, могла оказать такое беспримерное влияние на всю историю нравственных исканий человечества.

В термин "древнеиудейский" мы вкладывали только хронологическое значение /ср. "древнерусский"/, имея в виду доталмудический период и не предполагая никакого "разрыва традиции". Напротив, по нашему мнению, древнеиудейский /в частности, пророческий/ аскетизм получил в талмудический и, особенно, средневековый период истории еврейского народа дальнейшее преемственное развитие.

Из прочих многочисленных возражений Бен Нафтали мы коснемся лишь тех главных вопросов, которые, в сущности, стояли перед нами и в предыдущей статье:

1. Ортодоксальному /= фарисейскому/ иудаизму чуждо возведение аскезы "в более или менее широко принятую систему" - как теоретически, так и практически. Последовательные аскеты типа Симона бен Иохайи представляют лишь единичные и "безусловно крайние случаи, стоящие вне "столбовой дороги" иудаизма" - т.е. фа-

рисейской традиции.

2. "Экстремальные" тенденции христианства и, в частности, христианские аскезы были настолько "внутренне чужды иудаизму", что не могли явиться "одним из внешних факторов... неприятия иудейским народом проповеди Иисуса Христа" /под иудейским народом следует, очевидно, понимать основную массу еврейства, преданную фарисеям/.

Однако проповедь аскезы, "возведенной в систему", никак не могла отразиться на отношении фарисеев к Христу, поскольку аскеза была нормой их собственной религиозной жизни.

Само слово "фарисей" /"перуш", "перушим"/ означает "подвижник", "аскет" /от "перишут" - воздержанность, аскетизм/. Это подтверждается свидетельством Иосифа Флавия: "Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий" /Иудейские древности XVIII , 1, 3/.

Если бы даже аскетическая система Иисуса носила "экстремальный характер, это также не могло сыграть решающей роли в антихристианской позиции фарисеев. Для фарисеев, незадолго до этого канонизировавших пророков и явившихся прямыми последователями хасидеев - "прежних благочестивцев", хасидим га'ришоним, не прерывавших молитву, "даже если змея обвивает /их/ ноги" /Берахот 4, 1/ и смиренно позволявших во время Маккавейских войн убивать себя в субботу /1 Маккав., 2,29-38/, - не было и не могло быть ничего нового и шокирующего в аскетических взглядах Христа. Если бы это было иначе, это несомненно нашло бы какое-либо отражение в Евангелии. Между тем, среди многочисленных обвинений фарисеев в адрес Христа мы не находим ни одного упрека в "экстремальном характере" проповедуемого им аскетизма; напротив, фарисеи даже порицают первых христиан за недостаточную строгость аскезы. Это отмечено всеми синопсисами.

"Ученики Иоанновы и фарисейские постились. Приходят к нему /Иисусу/ и говорят: Почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а Твои ученики не постятся?" /Марк 3, 18/.

"Книжники и фарисеи сказали Ему: почему ученики Иоанновы постятся часто, и молитвы творят, также и фарисейские, а Твои едят и пьют?" /Лука 5, 33/.

"Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?" /Матфей 9, 14/.

Много и часто - т.е. больше и чаще обычного, указывает, что фарисеи не только считали аскезу обязательным знаком благочестия, но и сами соблюдали ее с особой, пуританской ревностью. Что фарисеи при этом могли доходить до "крайностей", свидетельствуют не только христианские, но и еврейские источники. Можно сослаться на общеизвестный случай с Шаммаем, который в Йом-Киппур отказался кормить и почти уморил с голоду своего малолетнего сына /Иона 8,4; Сукка 11,9/. В другом месте Талмуд говорит о "фарисейских мучениях", или "фарисейских ударах" /маккот-перушим/, очевидно, имея в виду самоистязания, которым некоторые из них подвергали себя /Сота 3, 4/.

В плане теоретического обоснования аскезы между фарисеями и Христом также не было никаких непримиримых противоречий. Восприняв через хасидеев учение пророков о загробной жизни и воскресении мертвых, фарисеи еще задолго до проповеди Христа сумели глубоко и навсегда закрепить эти представления в соз-

нании народа.*/ С этого времени, как пишет С. Бернфельд, в Израиле "стала совершенно иначе измеряться ценность человеческой жизни. Она /т.е. земная жизнь - А.Ш./ только преддверие /проздор/ к вечной жизни - траклин /Абот 4, 16/, и человек должен здесь готовиться, чтобы удостоиться вечной жизни" /Евр. энцикл. XIII, стр. 379/, этого лучшего и нового мира /олам га'ба/, "духовное великолепие которого не видел ни один человеческий глаз" /Санедрин 99-а/, и "один час блаженства" в котором - по словам рабби Якова, - "прекраснее, чем вся земная жизнь" /Абот 4, 17/.

Как понимала фарисейская традиция путь к этому Царству Небесному показывает следующий талмудический афоризм: "Что должен делать человек, чтобы жить? Он должен умерщвлять себя" /Тамид 31-б/ **/. "Умерщвлять себя" означает умерщвлять свое своеволие, свои помыслы, низшие инстинкты, басар /плоть/ в широком смысле слова. Известно, что саддукеи, уверявшие, что "нет ни воскресения, ни ангела, ни духа" /Деяния 23,8/, насмехались над фарисеями, которые подвергали себя разным лишениям в мире сем, в то время как в том мире их /за это/ ничего не ожидает /Абот де рабби Натан, 5/.

По сути дела, у фарисеев с первыми христианами было гораздо больше точек соприкосновения, чем с саддукейством. Апостол Яков, брат Христа, глава Иерусалимской церкви, ревнитель Закона, давший обет вечного назорейства и целые дни проводивший в Храме на молитве за народ Израиля, мало чем отличался от них самих. Главным барьером между фарисеями и христианами была вера в Христа как в Мессию; как только этот барьер для части фарисеев был преодолен, они перешли в христианство, образовав в составе Иерусалимской церкви многочисленную иудеохристианскую группировку, называемую "фарисейской ересью" /Деяния 15, 6/.

По какому же пути пошла другая, большая часть фарисеев, которая осталась в русле традиционного иудаизма? Если принять точку зрения нашего оппонента, что аскетическое движение отчетливо наблюдалось в Израиле лишь на коротком отрезке времени /плюс-минус сто лет от Р.Х./, можно было бы ожидать, что аскеза в иудаизме исчезнет вместе с выделением из него христианства. Но в действительности это было не так. Талмуд /составленный в духе фарисейской традиции и отредактированный к IV - V векам, когда отношения между религиями давно уже достигли крайнего антагонизма/ свидетельствует о том, что аскетическое направление внутри иудаизма за это время не только не прекратилось, а, напротив, даже усилилось.

Среди ближайших преемников фарисеев, таннаев, было немало последовательных аскетов. Достаточно указать на рабби Ханину бен Доса, о котором в народе говорили, что в то время, как весь мир питается его чудотворными молитвами, сам он довольствуется одной мерой бобов на целую неделю; на рабби Акибу, который постился сорок дней ради того, чтобы избавить покойного грешника от загробных мук

---

*/ Что загробная жизнь приобрела такое важное значение после полной победы фарисеев для каждого верующего еврея, показывает следующий случай. Из-за похорон патриарха Иуды Га-Наси / II в н.э./ была нарушена святость субботы, но Бат-кол /голос с неба/ обещал всем, участвовавшим в похоронах, удел в будущей жизни. Один стиральщик белья, не сумевший придти на похороны, от огорчения лишил себя жизни. Тогда раздался Бат-кол, что этот человек также удостоится вечной жизни /Кеттубот 103-б/.

**/ "Потерявший душу /по переводу Ф. Делича "нефеш" - дыхание, жизнь/ свою ради Меня, сбережет ее" /Матфей 10, 39/.

/Калла, 4-б/, на р. Элеазара, р. Цадока, р. Симона бен Азай, р. Ханину бен Терадион, р. Иуду бар Илай, р. Иешуа бен Хананья. Вряд ли можно отнести этих выдающихся таннаев к "крайним случаям", стоящим вне "столбовой дороги" иудаизма.

Особо следует остановиться на школе рабби Акибы /50-132 гг./. С ней связано основание аскетического мистицизма */, представляющего собой развитие экстатической аскезы пророков, в первую очередь - Иезекииля. Согласно трактату Гехабот рабба /12, 14, 15/, сущность этого направления состоит в том, чтобы "сверхчеловечески чистой жизнью", частыми постами и молитвами полностью освободить свои чувства от внешнего мира и, достигнув состояния экстаза, подобно Иезекиилю, "увидеть небо отверстым" и таинственную небесную колесницу - Меркаба. От рабби Акибы и его ученика рабби Симона бен Иохай ведет дорога к аскетам средневековой каббалы.

Школой рабби Акибы была также разработана - впервые в иудео-христианской аскезе - система самоусовершенствования подвижника. Автор ее, Пинхас бен Яир, ученик Симона бен Иохай, говорит: "Рвение ведет к телесной чистоте /некиут/, телесная чистота - к ритуальной /тагара/, она приводит к воздержанности /пришут/, эта - к святости /кадоша/, последняя - к смирению /анава/, смирение - к страху перед грехом /ират хатаа/, последнее - к благочестию /хасидут/, благочестие - к восприятию Святого Духа /руах кодеш/, а оно - к воскресению мертвых /техиат га'метим/ - /Сота 15/ **/. Если внимательно рассмотреть эту десятиступенчатую "лестницу", можно заметить, что она делится на две равные части. В первой речь идет о формальном исполнении Закона, которое приводит к "святости" /кадоша/. Однако "святость" является лишь первым этапом подвижничества и сама по себе еще не дает удела в будущей жизни. Только смирение /кротость/ возводит подвижника до степени благочестия /хасидут/, за которой следует приобщение к благодати Святого Духа. Это последнее положение рабби Пинхаса решительно совпадает с общей тенденцией талмудического аскетизма:

Кротость и смирение более приятны Богу, чем все жертвы, о которых говорится в Торе /Тана дебе Элияу, Рабба 18/ - ср. Жертва Богу дух сокрушенный /Псалмы 50, 19/.

Кротость есть наивысшая ступень нравственного совершенства /Авода Зара 20; Арахин 16/.

Только на кроткого нисходит Святой Дух /Недарим 38/.

Если у человека в руке "шерец" /змея, дурные помыслы/, то хотя бы он погружался в водах Силоахских и во всех водах от первых дней творенья, он никогда не станет чистым, благодаря погружению в сорок сат воды.. а сказано /Плач Иеремии 3, 41/: вознесем сердце наше и руки к Богу, сущему на небесах /Таанит 2, 1/.

---

*/ С.М. Дубнов, у которого мы заимствовали этот термин, противопоставляет ему "эпикурейский мистицизм" хасидов /Введение в историю хасидизма. Восход, 1888, № 3/.

**/ Данная схема /"лестница"/ оказала влияние как на иудейских /Моисей Хаим Луццатто, автор "Месилат Иешарим" - "Стези Благочестивых", XVIII век; рабби Исраель Салантер, основатель мусара, XIX век/, так и на христианских аскетов /"Лестница" Иоанна Синайского, V век/.

Обижаемые, но не обижающие, слушающие свое поношение, но не отвечающие, творящие добро из любви и сохраняющие радостное настроение в страданиях - вот истинные друзья Богу, о которых говорит Писание /Шаббат 88-б/.

Кто не смотрит на свои щеки, как на камень, недостоин быть носителем Торы /Шемот Рабба 41/ - ср.: Я предал хребет свой бьющим и ланиты мои поражающим /Исайя 50, 6/.

Итак, мы видим, что иудаизм, разделившись с христианством, в вопросах аскезы развивался параллельно последнему, все более определенно выдвигая на первый план элементы духовного аскетизма. Если в Торе об этом было сказано еще прикровенно, то в Талмуде, впитавшем в себя опыт пророков, это звучит с категоричностью, доходящей в ряде случаев до такого же максимализма, который мы встречаем в Евангелии. Становится совершенно очевидным тот факт, что отношение иудаизма к аскезе ни ко времени проповеди Иисуса Христа, ни в тенденции последующего развития не могло стать причиной разрыва.

Мы вообще убеждены, что об этических учениях иудаизма и христианства, восходящих к одним и тем же источникам и типологически совпадающих во всех основных моментах, гораздо уместнее говорить в плане близости, чем противопоставления. Другое дело - вопрос о Мессии или, например, идея личного спасения в отличие от коллективного /"избранный народ"/ завета Израиля с Богом. Но эти вопросы уже выходят за пределы нашей статьи.

Литература

1. Иеромонах Феодор. Аскетические воззрения преп. Иоанна Кассиана Римлянина. Казань, 1902 г.

2. Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынника и затворника. Москва, 1877 г.

3. Гирш Бендер. Этика иудаизма. Рига, 1928 г.

4. Ф. Френкель. Аскетизм. Евр. энциклопедия, т. 3, стр. 181-292.

П Р О З А

ФЕЛИКС КАНДЕЛЬ

ПОЗДРАВЬТЕ МЕНЯ ЕЩЕ РАЗ!

1

Поздравьте меня!
Я опять счастливый.
У меня - новый юбилей.
Два года ожиданий!

Ох, уж это счастье! Не успеешь выпроводить его за ворота, а оно уже лезет в окно. Ну, сколько можно?!

Два года! Два года!

Два - это не пять, как у некоторых. При них я еще дилетант, щенок, недоносок.

Но два - это и не год, когда все серьезно, строго и тяжеловесно. Когда в голову лезут мысли о законе, справедливости, гуманизме.

Два года - это особая статья. Два - это еще печально. Два - это уже насмешливо. Грустно и весело. Больно и щекотно...

Короче, два года - это два года. Не больше, не меньше.

Не верите? Проверьте сами.

2

И сказала одна лифтерша другой, разматывая бесконечную нить шерстяного вязания:

- И куды они едут? Ну, куды? С ребятенками! За самую границу! В этакую-то даль! Когда за пятьдесят верст от Москвы уже жрать нечего...

3

И пришел человек с разинутым ртом, роняя крупную собачью слюну, и сказал, давясь обильным языком:

- Слыхали про Сему? Нет, вы слыхали про Сему?! Мой Сема уже в Австралии. Очень хорошо устроился! У него свой дом, сад, машина, яхта, сенокосилка и два кенгуру.

- А зачем Семе кенгуру?

- Я знаю?! В Австралии так положено. Каждому еврею община выдает по два кенгуру. Чтобы не тосковал по России.

4

И закричал инженер-кандидат-доцент-доктор-профессор картавым нечеловеческим голосом на стра́же своей репутации-диссертации-квалификации-ассимиляции-презумпции-юрисдикции:

- У меня нет дочери! Нет!! Она умерла для меня! Подала документы и умерла. Ее убили сионисты! Но так просто она от меня не отвертится. Пусть выплатит сначала за соски-пеленки-куклы-коляски-платья-кофты-школьно-письменные принадлежности... Пусть сначала выплатит, а потом умирает!

5

И подкралась сбоку сваха с железными зубами, и изобрази́ла на лице райскую сладость:

- Ой, вы получите удовольствие! Ай, это же цимес, это такой компот! Зовут ее Анечка. Старший инженер. Умница. На доске почета. Повышение квалификации. Зарплата - сто шестьдесят. Премии - ежеквартально.

- А она еврейка?

- Он еще спрашивает! Чтобы я была такая еврейка...

- А она не собирается уезжать?

- Фуй! Она никуда не собирается. Ей и тут хорошо.

- Извините, это меняет дело.

- Гражданин! Товарищ! Куда же вы? Повидайтесь, поговорите... Она может передумать... Она уже передумала!

6

И шепотом, вздохом, слабым дыханием в самое ухо:

- Ты хочешь уехать? Хочешь или не хочешь? Надо дать на лапу. Не знаю кому, но надо. Не знаю сколько, но много. Ты думаешь, они не берут? Правильно, они не берут. Но когда никто не дает, это опасно. Когда никто не дает, трудно доказать, что ты не берешь. Поэтому ход такой: ты даешь, они не берут, вы уезжаете. Потому что если вы не уедете, можно подумать, что они брали, но ты не давал. Ясно?

7

И возник в толпе шумок, прошелестел вверх по переулку, прокатился обратно, обрастая пугающими подробностями:

- Все. Договорились. Они меняют нас на зерно. Я сам слышал. Расклад такой: один еврей на тонну муки.

- Глупости! Все не так. Зерно они и без нас получат. Тут гораздо сложнее. Когда Бурунди договорится с Руандой, чтобы Мадагаскар попросил Тринидад и Тоба-

го выступить перед Исландией насчет отношений Сингапура с Мальтийской республикой, вот тогда у Берега Слоновой Кости развяжутся руки с Лихтенштейном, и он упросит Верхнюю Вольту замолвить словечко насчет евреев. Вы меня хорошо поняли?

- Я вас хорошо понял. И когда этого можно ожидать?

- Сразу я вам не обещаю. Со временем - тоже. Все дело в Бурунди. Надо, чтобы Бурунди договорилось с Руандой...

8

- Евреи! Знаете, евреи, кто вы? Вы - барометр. Вы - предсказатели погоды. Щелкни вас по носу и увидишь, куда стрелка клонится. Выпускают вас - потепление. Держат - похолодание. Не будь вас, как они там, на Западе, узнают погоду? Гордитесь, евреи! Подставляйте носы! Сейчас вас будут щелкать!

9

- Это было в тридцать шестом... в тридцать шестом... в тридцать шестом... - - Она говорила, задыхаясь, уставая, сипя натруженными бронхами, старая, больная, телом опавшая, духом раскисшая женщина, и все дергала, дергала, дергала меня за рукав: - Это было в тридцать шестом... в тридцать шестом... в тридцать шестом... Мы только поженились... Поженились, договорились, условились... Молодые, сильные, переполненные желанием... Мы сразу подали документы. Сразу, да-да, сразу! Тогда еще выпускали. И нам дали полгода на выезд. Мы собирались без спешки, как на долгий праздник. Чего спешить? Без нас не начнется, с нами не кончится. Оставался месяц до отъезда... Да, месяц! Они запретили выезд. Совсем. Почему? Я знаю почему? Им, наверху, виднее. Они запретили навсегда. В тридцать шестом... в тридцать шестом... в тридцать шестом... Всю жизнь мы прожили в ощущении этой неудачи. Неудачи? Катастрофы! Когда нам было плохо, мы говорили: там этого могло не быть. Когда нам было хорошо, мы говорили: как бы хорошо это было там. Теперь мы старые развалины, мы на пенсии, у нас дети, внуки... И никто из них не едет! Никто не отвезет родителей в их тридцать шестой год... В тридцать шестой... в тридцать шестой... Вы думаете, они не хотят? Они хотят. Но у них еще есть время. Они думают. Они не торопятся. У них еще впереди много месяцев на сборы... Как у нас в тридцать шестом... в тридцать шестом... в семьдесят шестом...

10

Я подумал однажды ночью:

Вот они меня не выпускают. Не выпускают? Ладно, я потерплю. Но имеет ли кто-нибудь с этого дела свой кусочек удовольствия? Крошечный кусочек?

Я подумал той же ночью:

Нет, никто не имеет.

Вот он, этот человек, который меня не выпускает. Вот он, обобщенный тип, соединивший в себе все организации.

Ах, как мне его жалко!

У него вечные отрицательные эмоции. Он имеет дело с неприятными ему людьми, которые хотят понять, почему их не выпускают, и которых он не может по-простец-

ки послать подальше.

Ах, как ему плохо!

Он в вечном раздвоении. Потому что его задача - не выпускать, сбивая волну, а его мечта - открыть дверь пошире и выкинуть их всех к чертовой матери!

Он не получает даже удовольствия от всех придуманных им административных мер. По той же причине. И от чудовищных денег, которые надо платить за выезд. Они - не ему. И от ущемлений на таможне, чтобы ничего не могли вывезти.

Как ни ущемляй, а они все равно уедут, те, кого неохота выпускать, те, от кого хотелось бы поскорее избавиться.

Вечная раздвоенность. Вечная неудовлетворенность. И от того - неврозы, кризы, язвы желудков, обморочные головокружения.

Нет, эта работа не для женщин!

Ах, как мне его жалко, ах, ах!

Уж если я мучаюсь, пусть хоть кто-нибудь получит с этого дела свой кусочек удовольствия...

Но если нет от этого никому радости, так зачем же они тогда меня держат?!

11

А небо вокруг такое голубое, а листва неопавшая такая золотая, а ковер из кленовых листьев такой умопомрачительно багряный - не знаю, кого и благодарить.

Спасибо вам, неизвестные мне сотрудники!

Спасибо вам за щедрый подарок!

Два года - этого я не ожидал.

Вы подарили мне две удивительные осени, мягкие, ласковые, давно невиданные в этих краях: будто нарочно для меня. Вы подарили мне лето в Звенигороде, лето в Абрамцеве, охапки полевых цветов, корзины грибов, туманы вечерние, луны ночные, прогулки нескончаемые. Вы подарили мне Переяславль, Ростов, Дмитров с Коломной, Боровск и Александров, Мураново и Коломенское, Калугу и Рузу, Вологду и Кириллово, Ферапонтово с Дионисием. Вы подарили мне дружбу продленную, любовь испытанную, ласку земную, восторг небесный...

В последний раз - это так остро, так тревожно и ощутимо... Сколько их уже было, последних разов, за эти два года... Сколько их было!

Спасибо вам, неизвестные мне сотрудники!

12

И еще я подумал однажды ночью:

Моего деда схоронили на еврейском кладбище в Дорогомилове. Все как надо, с памятником, с надписью по-еврейски. Перед самой войной кладбище решили вынести из города, и всем разослали повестки на перехоронение. Кто пришел за своими, а кто и не пришел.

Всех, невостребованных, перевезли в Вострякоко, захоронили сообща. Востребованным давали отдельные места там же. Мы перехоронили моего дела на новое место, поставили на холмик временную табличку с номером. Памятник перенести не успели, началась война.

В сорок третьем году памятники с Дорогомилова лежали навалом у Вострякова. Дошлые мужички стесывали с них старые надписи, бойко выбивали новые. Работа шла конвейером. Могилу моего деда мы не нашли. В войну на этом месте было неизвестно что. Говорят, полигон. Учили солдат. Короче, ни таблички, ни холмика, ни памятника...

Могила моей бабушки есть. Она лежит в Вострякове, с памятником. У нее все в порядке.

Я уеду отсюда и меня, наверно, не пустят назад. Даже на кладбище. Говорят, что евреи Испании уносили в изгнание могильные плиты своих близких. Их выгоняли - мы уходим сами. В этом наша разница. Они уходили навсегда, мы - тоже. В этом - общее.

Все повторяется.

Все повторяется...

13

И заплакала мать, которая не могла уехать...
И зарыдала дочь, которая не могла остаться...
И заскрипел зубами сын...
И проклял кого-то отец...
И дед благословил...
И бабка плюнула вслед...
И спасся кто-то от подозрений...
И умер кто-то от печали...

И воротился некто назад, выпросив на то соизволение свыше.

А мы сидим и сидим. И жизнь у нас вокзальная.

Прошлого уже нет, будущее не наступило, и поезд невыносимо запаздывает...

Поздравьте меня!

Сегодня у меня юбилей. Два года ожиданий.

Смех и веселье... Музыка и танцы...

Вот только сердце что-то болит, подлое... Сердце мое отсчитывает свой срок...

Чокнемся, братцы, валокардинчиком!

Сентябрь 1975 г.
Москва

А. ШОЙХЕТ

Ф Р О Й К А

...по дороге на курорт заеду
на родину, на день, может,
на два, не больше. Остановлюсь
у Вайнера.

Из письма

Три холма - вот и все, что осталось от шумного еврейского местечка Чернополь. Поросшие травой, редкой, неухоженной, пожелтевшей. Ветер сдувал с них желтую пыль.

- Надо бы хоть памятник поставить.

- А, что памятник...

Он трет глаза, покрасневшие от пыли и старости; сморщенное лицо его похоже на ветхий молитвенник.

- Прочтите кадиш.

Желтые табачные пальцы мусолят затасканный молитвенник с морщинистыми строками, на безымянном пальце золотое кольцо.

- Исгадал ве'искадаш шмей рабо беолмо дивро хирусей...

Пожелтевшая книга мелко дрожала в его неверных руках. Дрожали нервные руки матери, пришивавшие желтую звезду.

- Ве'ямлих малхусей ве'яцмах пурконей...

Нервные руки матери старательно пришивали желтую звезду, желтыми нитками, желтое на желтом - зачем? спрашивал я. Эся вырезала, звезды падали, мать пришивала - зачем? спрашивал я. А затем, чтобы выделиться, - отрезала мама. Раньше она говорила наоборот: не выделяться. Она была самой красивой в Чернополе, но никогда не "выделялась". Она была самой красивой, а теперь выменяла янтарные серьги на яблоки; я вонзил зубы в теплую мякоть. Старик Ямпольский не отрывал от меня жадных глаз, стало неловко, и я дал ему яблоко, хотя давать не хотелось. Он впился в него распухшими руками, надкусил и так застыл с яблоком в руках.

- Ве'имру омейн.

С яблоком в зубах... Ну что ж, мы все умрем, говорил Мойше Вайнер. На самом деле он не хотел умирать. Каждый день он ходил к бургомистру Блонскому на доклад, а потом приносил в гетто слухи и новости. Вчера в Бердичеве побили евреев... А завтра нас? Не может быть!.. И завтра наступало "завтра", и опять нам кричали: "Жыдивьска банда, арбайт!" А "арбайт" - значит жить.

Но когда наступали ночи, они не спали, не раздевались; правда, Спасителя давно уже не ждали, но все равно не раздевались, не спали и спрашивали друг друга: - Что слышно? - Что может быть слышно? - В Гайсине побили. - Не может быть!..

Я-то спал, я был ребенок, "идиш кинд", как говорила мама. Сама она никогда не спала; каждый раз, просыпаясь, я видел усталую улыбку: "ты ребенок, тебе нуж-

но спать". Она улыбалась, и глаза мои тяжелели, и я снова проваливался в сонную теплоту.

И в эту, последнюю ночь я спал, как апостолы в Масличном саду, и мне снилась гора хлебов, больших и теплых, которыми наелась тысяча человек, и другие чудеса. Я спал, хотя это был Судный день, но ведь я не знал, что эта ночь последняя. Я спал крепко и вдруг проснулся от шума, кто-то стучал в дверь, и плачущий голос Вайнера кричал: "Евреи, молитесь и выходите на расстрел!" Он стучал и кричал, он не хотел умирать; он стучал в каждый дом, всех будил, он даже выбежал на площадь, он не хотел умирать; и вдруг лицо его стало багровым, а потом синим, как баклажан, он грохнулся на землю, вскрикнул, подергался немного и затих.

И тут в гетто вошел бургомистр Блонский и сказал, что "арбайт" больше не будет. Толпа ахнула и зашелестела, как на последней молитве, а кто-то злобно ругнулся:

- Я говорил, что надо бежать!

- А куда?

Я убежал бы - туда, где над короткой зарей взлетало последнее осеннее солнце, но когда меня и маленькую Риву Вулис /она крепко вцепилась в мою руку/, и Фимку-Черногуба, и Леньку-Боксера, в общем всех нас стали сажать на грузовик, мама ничего не сказала, а только улыбнулась потухающими глазами, она улыбнулась, и я подумал, что никакого расстрела не будет. А у грузовика, крытого брезентом, спокойно курил шофер Швачка, наш бывший сосед, и опять я подумал, что расстрела не будет.

- Ле'эйло мин кол бирхосо ве'широсо...

Грузовик долго не заводился, а потом зарычал и тронулся. Закричало сразу много женских голосов.

- Ве'имру омейн.

Лязг, лязг, лязг! Это были не выстрелы, а стук железа о железо. Человек держал в руках две лопаты и бил, бил в них, как при пожаре. Со лба смотрел на меня огромный шрам.

- Кто это?

- Фройка Вулис, - сказал старик.

- Вулис? Так он же убит!

- Это другой Вулис, однофамилец.

- Брат, а брат, - кротко сказал Вулис и взял меня сильной рукой за плечо.

- А, не обращайте на него внимания, - выдавил из себя вместе с кашлем старик. - Он мешуге.

- Сумасшедший?

- Ну да. А кто еще будет искать живых среди мертвых?

Он стряхивает пыль с морщинистых строк молитвенника, закрывает его и уходит, и я ухожу вслед за ним, а Фройка остается среди трех холмов, и ветер сдувает с них желтую пыль нам вдогонку. Старик ковыляет по пыльной дороге и упорно молчит, как будто захлопнул свой рот вместе с молитвенником.

- А знаете, - вдруг снова закашлял старик, - этому Фройке Вулису на войне прострелили голову /видели рубец?/ и когда он вернулся через десять лет, то был совсем малоумный, словом, а нар ви а кинд.*/ И стал говорить, будто слышит голоса из ямы. Понимаете, го-ло-са! И вот каждый божий день он все ходит сюда и копает. Он всем мешает, везде стучится и зовет копать. Он уже раз лежал в психбольнице...

- Цурес,**/- добавил старик, и его рот скривился от горечи и паралича.

- А зачем ему две лопаты?

- Одну для себя, другую "для брата", так он говорит. Его и зовут все Фройка-Брат, или просто Брат.

- А где же он живет?

- Ну, конечно, не под забором..У меня, я опекун.

Он капризно смолкает и, сильно припадая на левую ногу, медленно бредет по местечку. Посеревшие от пыли мазанки и редкие дома. Дом Вайнера - не дом, а избушка, покосившаяся с войны. У дома стоит знакомый грузовик, крытый брезентом, и несколько старых раскидистых яблонь. Возле сарая ухоженные грядки, на которых лежит лопата и куча навоза. Вайнер сразу берет лопату и начинает копать огород. Я вхожу в дом - в маленькой комнате у окна стоит стол, напротив низкая кушетка, а над ней часы-ходики, зеркало и пожелтевшие семейные фотографии. Сквозь пыльные окна я вижу, как Вайнер, согнувшись над землей, берет картошки из ведерка и аккуратно кладет их в лунки. Он работает до самого вечера. Потом спускается в лех и приносит оттуда целую корзину яблок.

- Кушайте, пожалуйста,-он ставит корзинку на стол. - Кушайте, сколько хотите.

Я беру янтарное яблоко, вытираю пыль о колено и вонзаю зубы в теплую мякоть. Старик Вайнер режет яблоки старым садовым ножом на маленькие ломтики, кладет их на редкие желтые зубы и пытается разжевать. Приходит Фройка-Брат, от него пахнет потом и землей, и тоже загребает руками-лопатами янтарное яблоко. Надкусил и вдруг застыл с яблоком в зубах.

- Ты слышишь, брат, - поворачивается он ко мне.

Я ничего не слышал, кроме рычанья грузовика, который никак не заводился.

- Ты слышишь, они кричат, Фаня кричит, и Рива кричит.

- Тебе мерещится, Фройка, - привычно и лениво разъясняет Вайнер. - Уколы тебе нужны. - Он кладет новый ломтик на редкие зубы и, прикрыв глаза, пытается разжевать.

- Вайнер, их выкопать надо! - Фройка тянет старика за рукав. - У них земля во рту.

- Это го-ло-са, понятно? - Вайнер начинает раздражаться.

- Нет у меня голосов, - фыркает Фройка, отступая на кухню. - Это Фаня и Рива. Не нужны мне ваши уколы.

- Устал я от этих голосов, - морщится Вайнер, глотая последний кусок.

---

*/ Глупый, как ребенок.

**/ Беда.

Он шарит рукой за пыльным зеркалом.

- Вы помните его Риву?

Риву? Конечно! Этого "барашка", кучерявую, черную и глупую, с толстыми губами; она скакала вприпрыжку и блеяла барашком, раз уж все равно ее так прозвали; у нее были большие круглые глаза цвета весеннего листа; в грузовике она продолжала крепко-крепко цепляться за мою руку. Теперь эта пожелтевшая Рива дрожала в руках старика, и вдруг снова передо мной всплыли нервные руки матери, пришивающие желтую звезду...

- ...из Гайсина.

- Что?

- Я говорю: эту карточку делал Пиня-фотограф из Гайсина.

Он замолчал и нахохлился и скоро захромал к себе в комнату, откуда еще долго слышалось частое чирканье спичек.

В пыльном зеркале все ниже оседал рыжий закат. Быстро темнело, и Фройка-Брат устало повалился на кровать, животом вниз, свесив на пол длинные руки. Он долго еще бормотал, вскрикивал и вздрагивал, а потом затих. В темноте лицо его белело, и на глазах отбеливался, линял и расплывался шрам на лбу, и снова передо мной был прежний Фройка Вулис, известный всему Чернополю главарь похитителей яблок, осенних и летних, красных и желтых, которые он потом раздавал девчонкам, Фройка Вулис с черными кольцами волос, как у молодого Саула. Его голубиные желтые глаза улыбаются мне кротко, просительно:

- Брат, а брат...

- Что, Фройка?

- Брат, пойдем.

- Куда пойдем?

- Туда, - три холма, три лопаты, три зуба...

- Три зуба? Так ведь это старик. И он тоже?

Желтый глаз хитровато подмигивает:

- Конечно, и у него лопата. Ну, идем, откопаем.

- Иду.

Я открываю глаза и хочу встать, в темноте надо мною чье-то лицо.

- Брат, а брат...

- А, это вы, Эфраим.

Желтые голубиные глаза закрываются, и Фройка тянется шрамом к лунному окну.

- Ты слышишь: они кричат, Рива кричит, Фаня кричит. - Он вдруг с силой сует мне в руку тяжелую палку. - Возьми лопату. Это лопата.

- Но ведь сейчас ночь.

- Брат, ты забыл, брат.

Сильной рукой он крепко цепляется за одеяло и пытается стянуть. Я упираюсь. На шум приходит старик, включает свет и щурится.

- Что, он и к вам пристал? Не дает спать? Ну, вот еще новости! Иди к себе, Фройка.

И Фройка-Брат уходит, ворчит, но уходит в угол, садится там на корточки и снова прислушивается.

- И так каждую ночь, - зевает старик. - Он хочет, чтобы все не спали вместе с ним и копали. - Вайнер смотрит на лопату и на меня. - А знаете, он мог бы вас ударить.

- Да неужели? Такой добрый?

- Ну, это мы с вами добрые. А он? Да из него слезы не вышибешь. Вчера замахнулся на нашего соседа, шофера. Лицо ему, видишь ли, не понравилось... Цурес. Наверно, придется опять везти его в психбольницу.

1969 г.

- ВЕ[illegible]ИХ ЖАЛХУСЕЙ ВЕЛЦМАХ ПУРКОНЕЙ...

Первые руки матери старательно пришивали желтую звезду, желтыми нитками, желтое на желтом - зачем? спрашивал я. Ося вырезала, звезды падали, мать пришивала - зачем? спрашивал я. А затем, чтобы выделиться, - отрезала мама. Раньше она говорила наоборот: не выделяться. Она была самой красивой в Чернополе, но никогда не "выделялась". Она была самой красивой, а теперь выменяла янтарные серьги на яблоки; я вонзил зубы в теплую мякоть. Старик Ямпольский не отрывал от меня жадных глаз, стало неловко, и я дал ему яблоко, хотя давать не хотелось. Он впился в него распухшими руками, надкусил и так застыл с яблоком в руках.

- ВЕЛМРУ ОМЕИН.

С яблоком в зубах... Ну что ж, мы все умрем, говорил Мойше Вайнер. На самом деле он не хотел умирать. Каждый день он ходил к бургомистру Блонскому на доклад, а потом приносил в гетто слухи и новости. Вчера в Бердичеве побили евреев... А завтра нас? Не может быть!.. И завтра наступало "завтра", и опять нам кричали: "Жыдивьска банда, арбайт!" А "арбайт" - значит жить.

Страница оригинала. Фото. Текст см. на стр. 32 настоящего тома.

СВЕТЛАНА ШЕНБРУНН

Б Р А Т М О Й

Я была уже взрослой женщиной и матерью двух детей, когда вдруг превратилась в архара.

Архарами нас прозвали люди; сами летающие называют себя гранциминами, по имени своего учителя Гранциминиуса. Но какая, собственно, разница - архар так архар...

В Москве была весна. Поздняя весна. Трава зеленела, на деревьях лопнули почки и выпустили наружу малюсенькие листики. Возможно, уже завтра началось бы лето...

Мы шли через пустырь к метро - я и две поэтессы, одна уже известная, другая только начинающая, первая - сокурсница моего мужа, вторая - жена его друга. Было тепло, пахло землей и над головой стояли звезды.

- Слушай! - сказала известная поэтесса. - Как ты можешь ходить на таких огромных каблуках? Я бы падала на каждом шагу!

- Я с тринадцати лет хожу на таких каблуках, - скромно, но с чувством своей правоты ответила начинающая.

- Ты бы могла ходить на таких каблуках? - обратилась ко мне за помощью известная поэтесса /начинающая была на восемь лет младше ее/.

Я ничего не ответила.

- Я сегодня заходила в "Юность"... - начала старшая поэтесса, но тут впереди, метрах в двадцати от нас, вспыхнул прожектор. Огромная машина загораживала проезд. Мы отступили в сторону. Прожектор метался, свет то проглаживал стену дома, возле которого мы очутились, то упирался в небо.

- Ловят архара, - наставительно сказала та поэтесса, что с тринадцати лет не падала на своих каблуках.

Я тоже догадалась, что ловят архара, хотя мне и не случалось прежде видеть, как это делается.

Впервые они появились во Франции. В "Вечерке" под рубрикой "Их нравы" мне попалась заметка: один из так называемых западных ученых, человек с весьма сомнительной биографией, случайно открыл новый вид наркотика, в результате употребления которого сто двадцать семь молодых французов вообразили себя летающими и получили серьезные телесные повреждения. Девять человек покончили с собой, остальные доставлены в больницу. Но на этом дело не кончилось. Прошло месяца три или четыре, и вдруг разные газеты и журналы наперебой стали описывать, как этот шарлатан, доктор, называемый Гранциминиус /имечко-то одно чего стоит - без поллитра не выговоришь!/, не имеющий даже отдаленного представления о медицине, но пользующийся тем, что люди в капиталистическом мире доведены до отчаяния, берется делать своим пациентам операции на мозге, в результате которых несчастные хотя и приобретают способность передвигаться по воздуху без всяких технических приспособлений /что само по себе заслуживает изучения со стороны специальных наук/, но зато совершенно теряют человеческий облик и становятся весьма опасны для общества.

Поползли слухи. "Переодетые китайцы, - зазвенело в очередях и троллейбусах. - Семьсот миллионов, взлетят все, как саранча, голыми руками передушат..."

Знакомый сослуживца нашего соседа сам лично видел человека, который летел по воздуху и при этом даже руками не взмахивал. "Скоро они нас всех!.." И слово возникло: архары. "Молодой коммунист" выступил со статьей "Новое бремя на плечи трудящихся Америки". "Литературной газете" пришлось прекратить дискуссию на тему "Перенаселенность - главная проблема современного мира" и авторитетно, в два голоса /доктора экономических наук Б. Бобровского и кандидата демографических наук У. Урбаниса/ заявить: "архарство нам ни к чему, у нас не тесно". Итак, архары оказались вне закона. Впрочем, я мало о них думала, у меня хватало своих забот.

Грузовик с прожектором продолжал медленно ползти, столб света шарил по сторонам и вдруг выхватил из темноты человеческую фигуру. С машины начали стрелять.

Не знаю, стало мне страшно за того, кто плыл в небе, или за себя, или стыдно за тех, кто стрелял, но только все во мне как-то сжалось и я увидела себя выше обеих поэтесс. Я глянула вниз, постаралась присесть, пока мои спутницы еще ничего не заметили, но не тут-то было, - земля не держала меня. Поэтессы стояли внизу. Старшая радостно улыбалась,показывая свои ровные белые зубы, и даже подмигнула мне. Младшая смотрела нахмурившись и придерживая рукой очки.

Я подымалась все выше. Наверное, тому архару, за которым охотились с грузовика,удалось улепетнуть. Столб света снова лихорадочно заметался и поймал в свою струю меня. Стали стрелять, я рванулась вверх и нырнула в чей-то огороженный балкон. Я лежала в нем, как в ванне, и дрожала от страха. Мне все казалось, что кто-то там, в комнате, подходит к двери, что дверь вот-вот распахнется и меня обнаружат. Сверху затарахтел вертолет. К счастью, меня прикрывал выступ крыши.

В конце концов, помотавшись по небу, вертолет удалился и прожектор погас.

Ночь продолжалась. Город перестал шуметь, только где-то далеко свистел паровоз. Я глянула наружу. Внизу никого не было. Начинался рассвет. Я приподнялась и полетела. Улицы были совершенно пустыми, даже дворники еще не выползли мести тротуары. В одном окне горел свет, я заглянула в него. Не старая еще, но весьма неприятная женщина сидела на письменном столе, перед ней на коленях стоял мой отец и целовал ей ноги. А, может, это был и не мой отец, просто кто-то на него похожий... Я поднялась повыше.

Я летела и все боялась, как бы не потерять туфли - теперь мне и ночевать придется на улице, а во сне так легко простудиться. Город кончился, я летела все дальше и дальше и не чувствовала никакой усталости, но вдруг поняла, что мне хочется есть. Ничего не поделаешь - архар не ангел, как всякой живой твари ему нужно питаться. Весь день меня в моем поднебесье преследовали запахи - то жареной картошки, то пшенной каши. Едва дождавшись ночи, я спустилась к человеческому жилью и, покружив немного перед домом, нырнула в открытое окошко. Нужно было проплыть мимо спящих хозяев, попасть в кухню, открыть холодильник, схватить первое, что попадется под руку, и тем же путем вернуться к спасительному окну. В любую секунду дверь за моей спиной могла захлопнуться. К счастью, все обошлось благополучно, и я выбралась наружу с добычей - куском довольно черствого сыра и бутылкой кефира.

Потом я много раз проникала в чужие кухни и однажды действительно едва не попала в беду. Только я открыла холодильник и стала принюхиваться, чем бы тут по-

лакомиться,как откуда ни возьмись на меня кинулась старушка в байковом халатике с кухонным ножом в руке. Я взлетела на подоконник, но старуха вцепилась в мой подол и повисла. Я попыталась утащить ее в окно - ничего не вышло. Она так орала: "На помощь! На помощь! Архар!",как будто это я ее старалась ударить ножом, а не она меня. Нож я у нее отобрала, но в доме уже забегали. Совсем рядом, за дверью, послышались шаги, я взмахнула ножом, старуха шарахнулась и отпустила меня.

Наверное, именно этот случай и дал пищу многочисленным рассказам о кровожадности архаров. Жуткие подробности многократным эхом докатывались до моего слуха.

- Вы слышали, на прошлой неделе убили женщину?

- Какой ужас!

- Да, представьте себе - какие негодяи - хотели ограбить квартиру, верно, думали, никого нет дома, а она, значит, помешала, позвала на помощь, так они ее зарезали кухонным ножом.

Я сразу догадалась, что речь идет о моей старухе. Если она и скончалась, то уж не от ран, разве что от досады - не удалось ей, бедняжке, поймать меня.

- Говорят, они необычайно сильны физически.

Однажды запах жареной индейки привел меня к распахнутой балконной двери. Индейка стояла на столе, освещенная яркой люстрой. Я пристроилась на ограде, хотя надежды полакомиться, конечно, не было никакой. За столом сидело шесть человек. Меня они не замечали, поскольку на улице было темно. Они жевали и разговаривали.

- Знаете, я даже боюсь оставаться одна, - сказала полная дама.

- Потому что мы всегда так! - подхватил ее сосед. - Вместо того, чтобы пресечь с самого начала, только языками чешем - гуманно - негуманно, справедливо - несправедливо. И попомните мое слово, получится, как со всякими черномазыми - нянчились - нянчились, а теперь вот они нам на голову и сели. А с этими еще хуже будет, увидите!

Я вплыла в распахнутую дверь и сказала им:

- Руки вверх, вы окружены.

Мужчины первыми поторопились исполнить приказание - жир потек с растопыренных пальцев за обшлага; дамы сначала взвизгнули, но потом тоже потянули вверх дрожащие наманикюренные пальчики. Я приблизилась к столу, забрала оставшийся на блюде кусок индейки и не спеша удалилась.

Горожане принялись затягивать окна и балконы стальными сетями и затравленно отсиживались в своих зарешеченных жилищах.

А мне принадлежала вся планета, со всеми северными и южными сияниями - для архара не существует границ и виз не требуется, и зимы ему не страшны - можно выбирать себе климат по вкусу, и напрасно люди думают о себе, что их так уж много - иногда я по неделям не видела никого из них. Впрочем, и дни и недели тоже смешались, мне незачем было вести им счет. Где-то очень далеко затерялся город, в котором я родилась и прожила все двадцать пять своих земных лет. Я забыла о нем и обо всех, кто в нем остался, и даже о своих детях, дороже которых для меня прежде ничего не было в жизни. Я ни о чем не вспоминала, ни о чем не сожалела. Весь мир принадлежал мне. Я могла лететь куда угодно. Могла часами

любоваться закатом или морским прибоем. Мне нравилось слушать шум водопадов, нравилось нырять в огромные океанские волны, а потом сушиться на солнце. Иногда птицы присаживались на меня отдохнуть, и тогда я старалась не шевелиться, чтобы не спугнуть их. Но когда они подымались и уносились прочь, я забывала о них. Я любила нырнуть под облако и ворваться в ливень - прохладные струи забирались под одежду, они жаждали моего тепла, хотели остудить меня, проникнуть внутрь, под кожу, но я только дразнила их и всегда оставалась горячей, несмотря на ледяные прикосновения...

Время от времени голод по-прежнему приводил меня к человеческому жилью. Притаившись где-нибудь в укромном местечке, я могла слушать разговоры и постепенно, как-то незаметно для себя самой научилась понимать речь англичан и французов, испанцев и арабов, и даже японцев. Наверно, это было нетрудно, потому что все они одинаково ненавидели и боялись архаров. Матери пугали детишек: "Вот будешь не слушаться, прилетит архар и заберет тебя", а мужчины подбадривали друг друга: "Ничего, переловят голубчиков. Говорят, уже придумали, как их обратно в людей превращать. Так что не долго им осталось..."

Однажды я устроилась на ночлег в ветвях большого дерева и вдруг услышала внизу шепот. Парень и девушка обменивались нежными словами, он уверял, что никому ее не уступит, а она смеялась. И тут подо мной хрустнула ветка. Парень вскочил, вытащил карманный фонарик и принялся освещать крону дерева. С самого первого дня моего архарства луч электрического света действует мне на нервы. Однако я решила зажмуриться и терпеть - может, они еще не заметят меня. Уж очень не хотелось мне портить этот вечер - и себе, и им. Но парень не успокоился, пока не нащупал меня и не заорал, как сумасшедший:

- Архар!!!

- Ну и что, что архар? - попыталась я образумить его. - Почему ты меня боишься? Разве мы кусаемся?

Но он, видно, ничего не слышал и не соображал, только вопил, как резаный:

- Архар! Архар!

Девчонка тоже принялась визжать.

Пришлось подняться и улететь.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы все люди до единого боялись нас. Были и такие, что не боялись. Как-то раз пролетая летней прозрачной ночью над большим городом, я увидела незащищенное сеткой окно и очень удивилась. Сначала мне показалось это подозрительным, потом я все-таки решила вернуться и поглядеть. За окном оказалась кухонька, тесная и неприбранная. На столе я обнаружила кастрюлю и в ней на донышке суп. Я разогрела суп и стала есть, но тут порыв ветра захлопнул окно. Путь к отступлению всегда должен быть открыт, - я поднялась и распахнула створки. Прислушалась - как будто все тихо в квартире. Хотела уже снова взяться за суп и вдруг увидела в дверях женщину лет тридцати. Она явно еще не проснулась как следует. Я метнулась к окну, но она сказала:

- Доедай, чего уж... Все равно я после тебя не стану есть...

Я подумала и вернулась к столу.

- Значит, ты и есть этот самый архар? - спросила она.

- Как видишь, - ответила я.

- Черт его знает, иной раз думаешь, может, и в самом деле вам лучше... Небось, не приходится голову ломать, где трешку одолжить... А тут думаешь-думаешь... И абортов, опять же, не делаете... Я так уже одиннадцать штук сделала. А может, двенадцать, не помню. Сейчас вот опять надо идти...

Я доела суп и поблагодарила ее.

- На здоровье, - сказала она. - Только больше нечем угощать. Водки хочешь?

Я призналась, что не пью. Она покачала головой.

- Что же это за жизнь - без водки?..

Я не нашлась, что ей ответить.

- А насчет мужиков как?

- Никак...

- Да... - она внимательно посмотрела на меня. - Вам, пожалуй, еще хуже, чем нам... А у меня тут выставка была, пойдем покажу, - и она повела меня в комнату.

Все стены были завешаны картинами. Мне они не понравились - какие-то странные, похожие на огурцы лица с буграми на щеках.

- Одну даже купили, - похвасталась женщина. - Вот вроде этой. Я их быстро рисую... если бы покупали... А так я вообще бюстгальтеры шью. Хорошо хоть шить умею... Это мой сын, - она показала на картину, висевшую в углу. У сына бугров на щеках не было. - Ужасно талантливый парень, в пятом классе учится, в английском интернате. А я так и не пойму, надо мне рисовать или не надо? Как ты думаешь?

Я ничего не могла ей посоветовать.

Вторым человеком, который не испугался меня, был старичок, тоже горожанин. Я проникла в квартиру через открытую балконную дверь и только начала осматриваться, как кто-то вцепился в меня. Я рванулась, выскочила на улицу, но без пальто. Это была ужасная потеря. Такое замечательное пальто - легкое, мягкое, пушистое, теплое... и я так к нему привыкла!.. Вдруг я услышала голос. Старичок стоял на балконе и громким шепотом звал меня.

- Постойте! Подождите! Извините, ради бога! Извините, я вас напугал...

Я слегка приблизилась.

- Я не хотел, поверьте, - шептал старик. - Так боялся упустить случай. Столько лет ждал кого-нибудь из вас. Я ведь специально оставляю дверь открытой. Говорят, что вы любите забираться в квартиры, вот я и ждал... Может, вы хотите поесть? Пожалуйста, заходите, я сейчас что-нибудь приготовлю... На скорую руку...

Честно сказать, мне уже расхотелось быть его гостем, но он продолжал прижимать к груди мое пальто, а я жаждала заполучить его обратно.

- Вы не представляете, как я вас ждал... Каждую ночь, честное слово... Скажите, вы можете взять меня с собой?

Я удивилась.

- Если хотите... Конечно.

- А что для этого нужно сделать? - он весь дрожал.

- Ничего... Просто подымайтесь вверх.

- Просто так? - он не поверил мне. - Но я не могу... у меня... не получается...

- Тогда не знаю.

- Разве нет такого средства?! Я согласен даже если опасно! Пожалуйста, делайте со мной, что хотите!

Я ничем не могла ему помочь.

- Вы должны сами. Постарайтесь...

- Сам? Нет, ничего не выйдет!.. Бесполезно... Я должен был сам догадаться... Конечно, где уж мне! Мне никогда ничего не удавалось. Это был мой последний шанс... Последнее, о чем я мечтал в жизни... - старик заплакал.

- Извините, - сказала я. - Должна вас покинуть.

- Да, конечно, ваше пальто...

Я забрала у него пальто.

- Прилетайте! - закричал он мне вслед, забыв о соседях и взмахнул руками. - Прилетайте еще! Прошу вас!..

Я, разумеется, не исполнила его просьбы. Архар тем и отличается от человека, что никогда не возвращается туда, где однажды побывал. Разве что случайно...

Время шло, и я стала дичать. Пища, приготовленная людьми, уже не казалась мне такой вкусной. Теперь я предпочитала питаться плодами, которые свободно росли на деревьях. Если мне случалось пролетать над городом, запахи жареного мяса уже не манили меня, а наоборот вызывали отвращение. Я старалась избегать людей и порой совершенно забывала о том, что они еще живут где-то внизу. Весь мир принадлежал мне, и я была в нем совсем одна. Ночь мне стала нравиться больше, чем день. Я ложилась на теплый поток воздуха, как на перину, и он нес меня над лесами, над ущельями, над озерами... Я смотрела на огни городов внизу и на звезды в высоте, и, случалось, незаметно задремывала. Я понимала, что это не совсем безопасно - вдруг подвернется скала или дерево, можно наткнуться. Но обычно теплый воздух мягко огибает препятствия, да и скорость у него небольшая...

И вот однажды привычка спать налету чуть не погубила меня. Я летела над самой землей, изредка приоткрывая глаза, чтобы взглянуть вниз. Местность была ничем не примечательная - холмы, поросшие кустарником, а то и вовсе голая каменистая почва. Неожиданно в лицо мне ударил свет. Сбоку что-то защелкало. Сердце у меня упало: ловушка! Светились фотоэлементы, трещали какие-то приборы. Людей я не заметила, но они безусловно находились где-то рядом. Я заметалась в поисках выхода. Какое-нибудь окошко, щель! Страшное помещение было закупорено со всех сторон. Вдруг в самом углу, под потолком я заметила круглое отверстие, какой-то лаз. Я тут же кинулась туда, мне удалось втиснуться целиком, но выхода наружу не было. Я уткнулась во что-то мягкое.

- Марья Степанна, где же он? - защебетал внизу женский голос, показавшийся мне ужасно знакомым.

- Да где ж ему быть! - ответил другой голос. - Небось, тоже в вентиляторе. Один еще с обеда там сидит. Который день Ваське говорю, чтоб решетку приладил, сорвали, черти проклятые, все вырваться норовят. А мы, значит, лазай, как мар-

тышки какие... Давай, Дуся, пускай в пятый сектор усыпляющий. После уж обоих заодно и вытащим...

Я поняла, что мне пришел конец. Даже если не анатомируют в научных целях, посадят в сумасшедший дом и будут превращать в человека. Нет, уж лучше умереть, чем попасть им в руки! Я билась изо всех сил и толкала лежащего рядом архара. Газ уже начинал дурманить голову. В отчаянии я уперлась ногами в стенку, надавила на преграду плечами, и вдруг - о чудо! - что-то треснуло, и мой товарищ по несчастью пробкой вылетел наружу.

То ли усыпляющий подействовал на него сильнее, то ли он от страха лишился чувств, но теперь он камнем падал на землю. Я рванулась за ним, схватила за одежду, но удержать не могла - моей подъемной силы не хватало на двоих. Теперь мы падали вместе, только не так стремительно. К счастью, у самой земли он пришел в себя. Мы повисли в воздухе, и в ту же секунду он метнулся в сторону. Я не хотела потерять его - ведь он был такой же, как я, мы могли бы подружиться и летать вместе, нас было бы двое...

- Брат мой! Остановись, подожди! - кричала я, стараясь догнать его, но он не остановился, даже не обернулся.

Может, он был одиночкой по убеждению, а может, одурел от усыпляющего и принял меня за человека. Я не стала преследовать его. Пусть летит... Разве я не привыкла к тому, что я всегда одна?

Кругом были ночь и тишина. Только яркие звезды в высоте, где-то там, куда архару не подняться...

Я дала себе слово никогда больше не спать налету, но привычка оказалась сильнее страха - нет-нет да и задремлешь нечаянно. И однажды вот так забывшись я попала в какой-то странный город. Был день. Я открыла глаза, увидела здания и испугалась - вдруг меня уже заметили! Но людей нигде не было видно. К ближайшему дому вела широкая лестница, но начиналась она почему-то отвесной стеной и только потом шли ступени. Я никак не могла понять, почему лестницу не довели до земли - может, для того, чтобы сделать здание неприступным? Но тогда стена должна была бы опоясывать его кругом, а к нему легко было подойти сбоку. Я коснулась рукой холодной гладкой стены. Беломраморные дворцы следовали один за другим. Я поднялась наверх, чтобы увидеть весь город целиком. Только один дом был красным. Сначала я увидела башню, сложенную из темнокрасных камней, а потом все здание - оно казалось ниже и тяжелее остальных. Я двинулась вдоль холма и мне открылась река, на которой стоял этот город - узкая и неподвижная. Возможно, это был канал. Вода стояла вровень с берегами, покрытыми свежей травой. Я снова оглядела весь город - он был так чист, словно кто-то оберегал его от тлена и разрушения. Мне вдруг захотелось остаться тут навсегда. В самом деле, разве я найду что-нибудь лучшее? В зеленой траве, не примятой ничьими ногами, лежала белая каменная плита, каменная змея извивалась на ее поверхности, а рядом была высечена тонкая женская рука. Змея не касалась руки и рука не притрагивалась к змее. Рядом подымалась прозрачная беседка, я заглянула внутрь и увидела пушистый ковер, тяжелый стол в глубине и книги в кожаных переплетах. Я опустилась к самому столу, принялась листать страницы, но не понимала странных квадратных знаков. А кто-то понимал, наверно. Должен же быть какой-то хозяин у этих книг и у этого города... Я вернулась к лежащей в траве плите и разглядела надпись: "Когда ты будешь стоять передо мной..." Фраза обрывалась, как будто не хватило места продолжить ее. "Что за чепуха?" - подумала я, прочла еще раз и вдруг поняла, что надпись сделана теми же самыми буквами, которым когда-то учила меня мама. И тут я увидела

ее. Я смотрела на нее снизу, потому что была маленькой девочкой. Она держала меня за руку, мы поднялись к белому зданию, а потом стали спускаться по лестнице, но ступени оборвались, не дойдя до земли. Я глянула вниз и мне сделалось страшно, я хотела закричать... Мама сказала: "Какой идиот это выдумал!" Мы повернули и пошли обратно. Мне все казалось, что я оступлюсь и упаду вниз. Потом мы прошли вдоль всей улицы и свернули к реке. Мама остановилась около какого-то дома и сказала: "Стой тут!", а сама открыла дверь и вошла внутрь. Я стояла и ждала, ее все не было. Я ждала - единственное мое спасение было в том, что она все-таки выйдет и возьмет меня за руку. Но слишком тихо было за дверью, в которую она ушла. Тогда я опять подумала - как в тот раз, давным-давно, - что она бросила меня и уже не вернется... Но к чему это? Разве я не забыла обо всем, что было прежде?..

Каменная плита лежала в траве, неподвижная змея извивалась, пытаясь дотянуться до тонкой женской руки. "Когда ты будешь стоять передо мной..." Откуда-то налетел ветер, подхватил меня и понес. Я взглянула последний раз на город и закрыла глаза. А когда открыла снова, уже ничего не могла различить в темноте. Да и было ли что-нибудь? Или просто сон, бред одичавшего архара?..

Тоска овладела мной. Дожди сделались слишком холодными, солнце светило чересчур ярко, самые спелые бананы и дыни казались безвкусными. Если бы найти хоть кого-нибудь из себе подобных. Это стало моим единственным желанием, единственной целью моего движения. Но, видно, легче было бы отыскать иголку в стоге сена...

И все-таки я их встретила! Они сидели целой стайкой в ветвях могучего дерева и, как дети, болтали ногами. Я не решилась сразу приблизиться и сначала смотрела на них издали. До меня долетали их голоса и смех. Я не выдержала и рванулась туда.

- Смотрите, смотрите! - закричали они все сразу. - Еще один гранцимин-самоучка! - и потеснились, чтобы я могла сесть.

Со всех сторон посыпались вопросы: кто я, откуда, давно ли летаю? Как будто я что-то помнила или делила свою жизнь на месяцы и годы... Тогда они принялись рассказывать о себе. Оказалось, что я попала к тем самым гранциминам, ученикам доктора Гранциминиуса, о которых так сожалели когда-то печатные органы. Многие архары прибились к ним позднее, но теперь они тоже гордо именовали себя гранциминами. Я увидела свою бывшую одноклассницу Иру Марьясину. Мы учились вместе всего один год, во втором классе, но она тоже узнала меня. Очень скоро я подружилась с ними со всеми. Тут все любили друг друга, беседовали и смеялись, летали под самыми облаками, нежились в солнечных лучах, пели и были счастливы.

Однажды гранцимины решили устроить праздник - как будто вся наша жизнь не была праздником! - нашли в горах заброшенный, полуразвалившийся храм, освободили просторный зал от накопившейся в нем пыли и грязи, украсили цветами колонны и потолок, а потом принялись наряжаться сами. Тогда и я догадалась взглянуть на себя. Ноги мои были босы, я даже не заметила, где и когда потеряла туфли. Пальто, которым я так дорожила когда-то, свисало лохмотьями. Я скинула ветхие выцветшие тряпки и сделала себе роскошный наряд из листьев и цветов. Черная девушка с гладкой блестящей кожей помогла мне убрать волосы, и сияя белозубой улыбкой, поманила за собой.

С возвышения в углу свисало шелковое полотнище, и на нем был вышит портрет: тонкое лицо, большие глаза, горбатый нос. Когда они успели его вышить? И откуда взялся шелк, нитки?

- Это доктор Гранциминиус, - шепнула моя прекрасная подруга. - Он завтра тоже будет здесь.

Ночь прошла в радостном ожидании; чуть свет гранцимины собрались на террасе, и едва сверкнул первый луч солнца, они запели. Восторженные звуки приветственного гимна потекли по горам. Золотой краешек набухал, делался шире, и тут в его лучах показалась фигура. Доктор Гранциминиус, как и обещал, прибыл на праздник. Голоса поющих зазвучали еще чище, еще нежнее, и было уже непонятно, кому предназначен гимн - восходящему светилу или приближающемуся учителю. Гранциминиус плавно опустился на террасу и присоединился к поющим. Сердце мое разрывалось от восторга и счастья - я так любила их всех!.. Горы наполнились нашими голосами, казалось, звуки рождаются где-то там, вдали, сами по себе, а мы только вторим звучанию мира. Наконец гимн кончился, голоса стихли, эхо отзвучало... Гранцимины зашевелились и неспеша двинулись в зал, где на широких листьях были разложены ароматные плоды. Совсем близко от себя я увидела уже знакомое по портрету лицо - тонкое и вдохновенное. Доктор Гранциминиус словно не замечал никого, взор его был устремлен вдаль. Я смутилась отчего-то и отодвинулась в сторону. Сияющие взгляды учеников блуждали по залу и останавливались на учителе. Никто не решался заговорить, все ждали, что скажет он. И вот он заговорил.

- Друзья мои, - сказал он. - Много лет мы наслаждаемся свободой и обществом друг друга. - Он замолчал. Гранцимины сидели неподвижно. - Дети мои, - сказал Гранциминиус, - мы забыли о тех, кто остался там, на земле. Я знаю, что вы скажете - они ненавидят нас. Они охотятся на нас, как на диких зверей, они стреляют в нас из автоматов. Все это я знаю... - голос его звучал печально и глухо. - И все-таки... мы не должны их презирать... Мы не вправе их покинуть - если мы поможем им освободиться от страха, они перестанут быть жестокими. Мы укажем им путь к счастью. Пусть они станут такими же свободными, как мы, и пусть их жизнь станет такой же прекрасной, как наша. - Он снова замолчал. - Гранцимины! Я обращаюсь к вам - откажемся на время от своего счастья, спустимся к ним. Я прошу вас... - он опустил глаза, ожидая ответа.

- Если ты думаешь, что это нужно... - сказал какой-то парень, - мы пойдем. Ты научил нас летать, и мы пойдем, куда ты скажешь.

- Хоть сейчас... - выдохнули несколько голосов сразу.

Я молчала. Самая мысль о том, чтобы снова ступить на землю, вызывала у меня ужас и отвращение.

- Почему ты молчишь? - спросил Гранциминиус. Я подняла голову и увидела, что он смотрит на меня. - Ты недавно с нами? Я прежде не видел тебя...

Я чувствовала, что должна что-то ответить, но все мои мысли спутались и разбежались под этим настойчивым взглядом. Наконец, я все же открыла рот и спросила:

- Ты хочешь всех людей превратить в архаров?

- В гранциминов, - поправил он машинально. - Не всех, конечно... Тех, кто способен понять и последовать за нами, - он говорил это уже не мне. - Мы должны им помочь. Они живут не так, как хотели бы жить. Разве мы были счастливы, пока не поднялись в воздух? И разве сделать другого счастливым не есть высшая радость?

- А если наше счастье им не подходит? Если они не такие как мы? - сказала я, заливаясь жаром от собственной смелости.

Гранцимины неодобрительно зашумели, но учитель продолжал совершенно спокойно:

- Каждый человек в глубине своей души стремится к свободе и братству. Нужно только, чтобы они поняли, какую жалкую и ничтожную жизнь ведут.

Потом все принялись горячо обсуждать план поголовного обращения людей в гранциминов. Я была уверена, что этого не следует делать, но как я могла остановить их? Мне было грустно и страшно. Я выбралась потихоньку на террасу, уселась на краю и стала глядеть на горы. Шапки снега на вершинах казались отсюда какими-то ненастоящими, будто кто-то нарочно, дурачась, выкрасил их белой краской.

- Что же ты решила? - услышала я сзади голос, обернулась и увидела Гранциминиуса. - Не пойдешь с нами?

- Нет, - сказала я. Но он продолжал смотреть на меня, как будто ждал объяснений. - Я думаю, что люди довольны собой. Если у них и есть желания, то чисто земные. И вообще я не хочу возвращаться туда.

- Странно... - сказал он.

- Что странно?

- Странно, что ты сумела взлететь... Ты слишком эгоистична для гранцимина.

- Для архара, ты хочешь сказать, - поправила я.

Он усмехнулся.

- А чем будет питаться такое огромное количество летунов? Тебя это не смущает?

- Я надеюсь, мы сумеем решить эту проблему, - ответил он и добавил, пристально глядя мне в глаза: - И я хочу, чтобы ты была с нами.

- Перестань, - сказала я. - Я такой же архар, как и ты. Неужели тебе не стыдно?

- Стыдно? - повторил он с удивлением. - Чего же мне стыдиться?

- Ты думаешь, я не поняла, зачем тебе нужно побольше людей превратить в гранциминов? Чтобы в следующий раз тебя приветствовала целая толпа!

- Вот как? Значит, мною движут низменные побуждения? - он снова усмехнулся и удалился, величественный и прекрасный.

Глядя ему вслед, я подумала, что, конечно, в жизни бы мне не оторваться от земли, если бы идеи доктора Гранциминиуса не витали в тот вечер в весеннем московском воздухе.

Ира Марьясина опустилась рядом со мной, оглянулась - не смотрит ли кто-нибудь на нас - и мягко коснулась моей руки.

- Ну, что ты? - сказала она ласково и поглядела мне в глаза. - Ну, ведь правда - мы должны помочь им... - Ей так хотелось, чтобы всем было хорошо. Чтобы всем было хорошо - и гранциминам, и людям, и мне тоже. Зачем же упрямиться, нарушать доброе согласие и вносить смуту в их братство? - Пойдем... - Она слегка приподнялась, призывая меня вернуться в зал. - Ведь ничего плохого от этого не будет...

Мне припомнился старичок, который не спал из ночи в ночь, лелея надежду взмыть в небеса, его умоляющий шепот... Может, и в самом деле я веду себя некрасиво?.. Я вздохнула и последовала за Ирой.

Гранцимины готовились к десанту. На землю опускались маленькими группами в разных местах и разбредались по двое, по трое. Моим спутником оказался спокойный, задумчивый архар. Однако прежде, чем предстать перед людьми, нужно было позаботиться об одежде. Когда-то я без всяких угрызений совести забиралась в чужие кухни и таскала еду, а теперь не могла без отвращения подумать о том, что придется прибегнуть к воровству. Мне эти вещи были абсолютно ни к чему, я давно не боялась никаких простуд и легко переносила холод и жару, но не явишься ведь к людям в наряде из цветов и листьев.

Мы отыскали маленький, пустой дворик, - на веревке, протянутой между домом и сараем, сушилось белье. Я пересилила себя, нырнула вниз и сдернула пестрое, еще влажное платье. Две прищепки подпрыгнули, щелкнули зубами и упали на землю. С костюмом было сложнее - пришлось забраться в чью-то спальню. Там же мы прихватили по паре туфель. Кое-как облачившись, мы стали выбирать место для приземления. Нам казалось, что лучше всего сразу отправиться в большой город - там никому нет дела до других, хоть горшок на голову надень, никто не обратит внимание. А в деревне или в маленьком городке все друг друга знают и каждый новый человек вызывает подозрение.

Мы выбрали город покрупнее, дождались ночи и, взявшись за руки, стали опускаться. Но едва наши ноги коснулись асфальта, нам сделалось так жутко, что мы, не сговариваясь, рванули вверх.

- Знаешь, - сказал мой товарищ, - давай попробуем вон там, у реки. Там, наверно, будет легче.

Высокая мокрая трава облепила наши ноги. Вцепившись друг в друга, мы сделали первые шаги. Не шаги, конечно, а какие-то нелепые прыжки, будто мы ступали не по земле, а по пружинному матрацу.

- Хорошо бы башмаки со свинцовой подметкой, - вздохнул мой спутник.

Я подумала, что хорошо бы просто подняться в небо и не мучить себя. Но теперь уже поздно было отступать. До самого рассвета мы учились ходить. Все тело ломило, голова разболелась. Я чувствовала, что все равно никогда не смогу шагать по-человечески, скорей уж разучусь летать.

- Давай отдохнем, - предложила я и свалилась в траву.

Когда мы проснулись, солнце уже клонилось к горизонту. Земля вокруг просохла и дышала теплом. Мой товарищ сел и огляделся по сторонам.

- Как это место напоминает то... - сказал он.

- Какое - то?

- То, откуда я взлетел... Там тоже была река и лес на другом берегу...

- А ты в деревне жил? - я спрашивала, лишь бы не вставать.

- Нет, в городе... У меня была хорошенькая жена, ну, и как всякая хорошенькая женщина, она любила одеваться, а зарабатывал я не особенно хорошо... Стал брать лишнюю работу, чтобы она могла что-нибудь себе купить, возвращался обычно поздно... Ну и вот... Иду однажды с работы, - мимо кафе проходил, - случайно заглянул в окно, и вдруг вижу - она... Танцует с каким-то парнем... Большое

такое окно, а занавесочка нейлоновая, прозрачная - все видно... В общем, конечно, банальная история. Но я тогда почувствовал - не смогу идти домой. Не помню, кажется, сел на какой-то транспорт. Ничего толком не помню. Наверно, на электричке ехал. Утром очнулся - вот так же - река, лес... И как-то мне все безразлично сделалось... Ничего не жалко и не хочется ничего... - Он помолчал, потом сказал: - Интересно, почему это я вдруг рассказываю?.. В самом деле, что ли, в человека превращаюсь? - он засмеялся. - Нет, просто место похожее...

Какой-то мужчина с удочками подошел к реке и уселся на берегу неподалеку от нас.

- Ну что, давай попробуем? - сказала я. - Посмотрим, какое впечатление мы на него произведем.

Мы поднялись и кое-как доковыляли до рыболова. Он глядел только на свои удочки, а нас вообще не замечал.

- Здравствуйте, - сказал мой сообщник.

Мужчина чуть приподнял голову.

- Клюет? - спросила я.

- Да я только сел, - пробурчал он в ответ.

Мы постояли еще немного за его спиной, делая друг другу знаки, но так и не придумали, как сагитировать этого человека превратиться в гранцимина, и решили на время оставить его в покое. Между тем уже начало темнеть, и мы вспомнили, что со вчерашнего дня ничего не ели.

- Может, полетаем немного? - предложила я. - Заодно и раздобудем чего-нибудь съестного...

- Нет, - мой товарищ помотал головой. - Эдак мы никогда не начнем. Пойдем к тому дому, - прибавил он решительно.

Мы подошли к какой-то развалюхе, постучали в дверь и попросились переночевать. Хозяйкой оказалась одинокая старуха. Мы рассказали ей историю об украденных билетах и потерянных деньгах. Я была уверена, что она тут же выгонит нас вон, но она сжалилась над нами и даже накормила.

- Уж что бог послал, не обессудьте, - сказала старушка. - Неоткуда мне взять. Что добуду, то и кушаю.

- Да... - протянула я многозначительно. - Теперь всем нелегко.

- Не знаю, кому как, а мне нелегко, это точно. - Старуха стояла у стола, сложив на животе тощие руки. - Все свою доченьку благодарю... Бросила мать, да еще опозорила вдобавок. Соседи никто не здороваются, шарахаются, как от заразной... Все ей спасибо.

- А что такое? - спросила я.

Старуха охотно принялась рассказывать:

- В самое воскресенье - гуляние было, из города столько машин понаехало - так она что - взяла и полетела! При всем-то честном народе... Мать ей всю жизнь отдала, а она вот как отблагодарила.

- А если вам тоже?..

- Что тоже? - не поняла старуха.

- Ну... тоже полететь. Вы ведь, сами говорите, одна остались...

- Ну нет уж! - сказала старуха сурово. - Это вы нынче все себе позволяете, а мы нет, мы от вас - небо и земля. Вот уж приберет меня бог, тогда и налетаюсь, сколько мне положено.

Утром мы вышли из домика и увидели на берегу того же самого человека.

- Клюет? - спросила я.

- Только сел, - пробурчал рыбак недовольно.

- А вчера много наловили?

- Вчера-то? - он оживился. - Семь штук! Одна вот такая была, штучка!

- И как, вкусная?

- Что вы! - мужчина засмеялся. - Она же вся вонючая. У нас ее даже кошки не едят. Я их после обратно в реку выкидываю.

- Надо идти в город, - сказал мой товарищ угрюмо.

Не знаю, как мы дотащились до города. Я чувствовала себя совершенно больной и разбитой, ноги у меня распухли, по коже словно муравьи бегали, во рту пересохло. Мы шли по тротуару, меня беспрерывно толкали то справа, то слева, я боялась, что упаду или закричу от ужаса. Потом мы вошли в сквер и сели на лавочку. Рядом сидела какая-то женщина. Мой спутник попытался заговорить с ней, она бросила на него подозрительный взгляд, поднялась и пересела на другое место.

- Мы все не так делаем, - сказал мой друг. - Наверно, у нас просто нет таланта. Гранциминиус бы на нашем месте...

Мы немного отдохнули и пошли дальше - непонятно, куда и зачем...

- Что же все-таки нам теперь делать? - произнес мой товарищ задумчиво, когда мы остановились на перекрестке.

Мимо мчались машины, потом загорелся зеленый свет, и тотчас на мостовую с обоих тротуаров хлынули люди. Кто-то толкнул нас в спину, мой спутник подлетел и повис на секунду в воздухе. Он поднялся не больше, чем на метр и вместо того, чтобы лететь прочь от этого места, да как можно быстрее, взял и опустился обратно. В то же мгновение на него накинулись со всех сторон. Люди с остервенением отпихивали друг друга, чтобы ворваться в центр страшного клубка.

- Пустите! - закричала я. - Пустите! Что он вам сделал?! Не смейте!..

Никто меня не слышал. Толпа ревела, люди лезли друг на друга...

В отчаянии я взмыла вверх и повисла над ними.

- Еще один! - закричал кто-то.

- Еще один! - взвыли остальные. - Ловите его!..

Последнее, что я увидела, подымаясь вверх, была кровь. Красная кровь архара...

Мне никогда больше не попадался ни полуразрушенный храм в горах, ни ученики доктора Гранциминиуса, ни он сам.

Я вернулась к своей прежней жизни - лечу, куда хочется, играю с водопадами, любуюсь закатами и рассветами. Подо мной проплывает земля, надо мной стоят звезды... Говорят, люди уже научились летать на Луну и скоро отправятся на Марс. Нам, архарам, никогда не видать чужих миров - мы слишком привязаны к нашей Земле. К ее воздуху и ее теплу. Впрочем, мы и не грустим о других мирах, с нас достаточно нашего солнца, наших морей, наших пустынь... Иногда - редко - я встречаю такого же, как я, архара-одиночку. Мы проводим вместе несколько часов или дней, лакомимся плодами, нежимся под ласковым ветерком... Потом мы прощаемся. И никогда не назначаем новых встреч...

х х х

Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели,
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.

Иду, бреду, но не гляжу вокруг,
Чтоб не нарушить Божье повеленье,
Чтоб не забыть по-волчьи вместо пенья,
Чтоб сердца стук не замер в страхе вдруг.

Я человек. А даже соловей,
Нахмурившись, поет в глуши [illegible]ей.

х х х

Я прожил жизнь свою неправо,
Уклончиво, едва дыша,
И вот - позорно молодава
Лукавая моя душа.

Страница оригинала. Фото. Текст см. на стр. 56 настоящего тома.

П О Э З И Я

БОРИС КАМЯНОВ

ПОХМЕЛЬЕ

/поэма/

Ю. Домбровскому

Вам, добрый мастер, посвящаю я
Своей души печальное созданье.
Я знаю: боль великая моя -
Лишь мох под древом Вашего страданья.

1

В безалкогольной утренней Москве
Сам Сатана не раздобыл бы зелья.
Мохнатым зверем в грешной голове
Тяжелое ворочалось похмелье.

Я брел понур, мечтая о вине,
Во рту клубилась мерзость перегара...
Но - боже мой! - ворвался в ноздри мне
Густой и сытый дух пивного бара.

Табачную расталкивая мглу,
Жетоны добываю торопливо,
И, наконец, за столиком в углу
Я пью, дрожа, спасительное пиво.

Ах, как же кружка первая сладка!
Как юная любовница, желанна.
И голова похмельная легка.
И мысль уже спокойна и туманна.

Вновь обретя утраченную связь
Души и тела - я беру на мушку
Своих соседей. И, не торопясь,
Без суеты, тяну вторую кружку.

И если я с любовницей младой
Той, первой кружки, сравниваю счастье,
Вторую кружку я сравню с женой -
Я пью ее уже без прежней страсти.

Напротив два небритых старика
С уменьем, с толком, с нежною любовью
Ласкали кружек влажные бока
И поправляли слабое здоровье.

Сходила с лиц похмельная печать,
Мир обновлялся, приглушались беды...
И вот один из них решил начать
Разматывать клубок мужской беседы:

2

- Вчера я был, ребятки, сильно пьян.
Приехал друг - сто лет его не видел.
Один стакан, потом - другой стакан...
Короче, корешка я не обидел.

Проснулся утром - голова болит!..
Теперь уж легче, дело на поправку.
В загашнике рублишка шебуршит,
В одиннадцать сгодится на добавку. -

И, за плечо соседа теребя,
Упер в него блестящие глазищи:
- Послушай, где-то видел я тебя. -
А тот ему: ошибся ты, дружище! -

- Ну что ж, бывает, ты уж извини.
И ты, парнишка, не сердись на деда!
Эх, мужики! Я знал такие дни! -
И вновь хмельная расплелась беседа.

- Вот ты, пацан. Ты молод. Не беда!
К твоим годам я, парень, не ревную.
А знаешь ли? Ведь я в тво.. года
Мотал по полной пятьдесят восьмую!

Пятнадцать лет я мерзлоту долбал.
Я, братцы, всю Сибирь перелопатил.
А все же смерти в лапы не попал -
Лишь зубы съел да молодость растратил.

В тридцать седьмом иудушка-сексот
Подсел ко мне в пивнушке на минутку,
Я брякнул об усатом анекдот
И налетел на подсадную утку.

А в те года такая жизнь была!
Вот так-то многих подводила пьянка.
Подсел стукач - и прям из-за стола
Тебя под локоток, да на Лубянку.

А там уже беседа недолга,
И, коль подстерегла судьба лихая, -
Берут тебя, беднягу, за бока
И враз - в Сибирь, под дуло вертухая.

Пятнадцать лет я вкалывал, как раб,
Хребет согнулся, словно горб верблюда.
И все пятнадцать - без вина и баб.
Особенно без бабы было худо. -

Тут я впервые перебил его:
- И как же ты, папаша, обходился?
- Эх, сынка, не поймешь ты ничего,
Покуда сам в Дуняшу не влюбился!

Вот слушай песню: сочинил ее
Поэт московский, мой сосед по нарам.
Его за эту песенку ворье
Одеколоном угощало даром. -

И, протянувши руки над столом,
За плечи нас к себе придвинул тесно
И затянул тихонько, шепотком,
Такую удивительную песню:

Песня зека

Хитрая придумка
До любви жадна,
Кулакова Дунька
Верная жена.

Эта не изменит -
Нет к другим дорог.
Эту не измеришь
Вдоль и поперек.

Лагерную чашу
Зэки пьют до дна -
По одной на каждого
И на всех - одна.

А за дальней Волгой
В этот самый час
Женщины на воле
Ревновали нас

К этой вот придурке
Чертовой парше,
Кулаковой Дуньке,
Любушке-душе.

Он песню спел. Нахмурился. Притих.
И предложил: - Чтоб не тянуть резину,
Давайте-ка ребята, на троих,
Как раз уже открылись магазины. -

В своем почине старикан был прав.
Мы вывернули тощие карманы,
И, очередь в продмаге отстояв,
Я взял поллитра и достал стаканы.

Веселым людом заполнялся зал,
Уже у кассы завязалась драчка,
Уже какой-то пьяный выползал,
Накушавшись, из зала на карачках.

Мы сдвинули стаканы под столом,
На шесть глотков наполненные четко,
И враз задравши головы, втроем,
В один заход мы поглотили водку.

Молчали собутыльники мои,
Ловили кайф и бывший зэк и третий...
Пивной шалман, как церковь на крови,
Стоял на нашей матушке-планете.

3

Был этот день безоблачен с утра.
Господь Москве явил свою немилость.
К полудню превеликая жара
На пыльный город тяжко навалилась.

Сейчас бы похмелиться у реки!
Однако от добра добра не ищут,
И быстро захмелели старики,
И малость скисли после стаканища.

И, утирая пот, промолвил вдруг
Второй старик: - Куда теперь деваться!
Мы четверть века пьянствовали, друг.
Теперь до смерти нам опохмеляться!

Что ж, дед, меня ты правильно признал.
Не ожидал! Ведь пролетели годы...
А это я тебя тогда сажал.
Не веришь мне? Век не видать свободы!

Дожили мы с тобою до седин.
Что ж, мсти теперь! Что ж, рви меня
на части!
Но я - сексот, иуда, сукин сын -
Я, может быть, тебя еще несчастней! -

Ошеломленный зэк поднял глаза,
Лицо в ладони опустил тоскливо,
И старческая пьяная слеза
Упала в кружку и смешалась с пивом.

Катился пот с измятого лица,
Дрожала жилка на виске живая...
Сексота он дослушал до конца,
Ладони от лица не отрывая.

А тот продолжил исповедь свою:
- Мне предложили - я не дал отказу.
В тридцать седьмом, чтоб поддержать
семью,
Я стать сексотом согласился сразу.

Набрали нас, комсы и мелюзги,
Веселого и глупого народца́
И объяснили, что кругом - враги,
И надо с ними, гадами, бороться.

И я пошел бродить по кабакам.
Мне выдавали на стакан с прицепом,
Подсаживался к пьяным чудакам
И задавал вопросики с прицелом.

Я был чужой им. Волк среди собак.
Пил водку с пивом - ушки на макушке.
И если кто кололся - значит, враг.
Вот так вот и тебя поймал в пивнушке.

Но был на мушке и любой сексот.
И я однажды вляпался красиво.
Я накололся ровно через год.
Недолго я, дурак, спасал Россию.

Подсел я раз за столик к одному -
Такой глазастый, крепенький молодчик -
Ну что ж, крючок закинул я ему,
А он в ответ забросил мне крючочек.

И я приманку первым ухватил.
Допили мы казенную водяру,
И он меня культурно проводил
Сто метров от пивной по тротуару.

Я все пытался там растолковать,
Да видно, раньше из доверья вышел.
К тому же тот сучок, ядрена мать,
Меня по чину был немного выше.

Потом - Сибирь. А от труда отвык.
Тайга учила, матушка, упрямо.
И сунули мне в зубы пятерик.
Да поделом: не рой другому яму.

Потом - война. Досыта, допьяна
Хлебнул ее за два последних года.
Не дождалась и померла жена,
Потом пришли победа и свобода.

Теперь мне жизни нет без сотни грамм.
По водке сохну, словно по молодке.
Когда стучать ходил по кабакам,
Тогда и спился на казенной водке.

И кто теперь я? Алкоголик, пьянь!
Одеколон скупаю по аптекам...
Послушай, друг! Нас с дедом остакань!
Будь, борода, хорошим человеком! -

Стояли два несчастных старика,
Своей хмельной исполнены заботы,
И первого костлявая рука
Легла на плечи бывшего сексота.

Я вынул трешник, припасенный впрок,
Они глядели на него с любовью,
Благодарили: - Борода, сынок!
Ты - человек! Дай бог тебе здоровья! -

В их пьяной всепрощающей любви
Я понял жажду крепкого запоя,
И вышел я из церкви на крови,
Чужое горе унося с собою.

4

Любимый мой, униженный народ,
Запутанный в безверии и вере!
Ты сам себе - и жертва, и сексот.
Ты сам себе - и Моцарт, и Сальери!

На протяженьи нескольких веков
Твой путь убог, величествен и горек.
Для гениев, тиранов, дураков
Ты, мой народ, - лабораторный кролик.

5

Вот так вот, размышляя обо всем,
Я шел по нашей сумрачной столице,
И трезво ощущал в себе самом
Великое желание напиться.

И, целый день шатаясь по пивным,
Я пил с рабочим и интеллигентом,
Пенсионером, шлюхой, постовым,
Колхозником, шофером и студентом.

Вокруг привычно пьянствовал народ.
И я подумал: превосходно жили
Мы, пьяницы, когда из года в год
В себе свободу водкою глушили!

И нужно ль правду мне рубить с плеча,
Когда теперь уж безопасна пьянка,
И можно не бояться стукача,
И не страшна, как в те года, Лубянка,

И можно без опаски поддавать,
Беззлобно над правительством смеяться,
И пьяненьким заваливаться спать,
И сладко по утрам опохмеляться!

В кровавую гражданскую войну,
В тридцать седьмом, с Европой по соседству,
У мудрецов и деспотов в плену,
Россия занималась самоедством.

Трагичен путь твой, русский человек!
Уверовав, что ты и есть - мессия,
Ты скоро вступишь в двадцать первый век.
А где она, свободная Россия?

Свободу духа заменяет вновь
Гром подневольных праздников и шествий.
Ликуй, Белинский, - вот твоя любовь!
Возрадуйся, романтик Чернышевский!

... А, впрочем, что я! Суесловье, стыд...
Прости меня, пристрастный мой читатель!
Но знаю я: навряд меня простит
Довольный жизнью русский обыватель.

Он скажет: - Человеку нужно жрать!
Я жить хочу в достатке и неспешно.
Крамольных мыслей не хочу и знать!
Он скажет так, и будет прав, конечно.

А. ПЕТРОВ-АГАТОВ

СТИХИ

Александр Александрович Петров-Агатов родился в 1921 году. С 1947 года провел 20 лет в лагерях и тюрьмах. В 1967 году был освобожден, за год пребывания на свободе опубликовал в журналах "Простор" и "Нева" две подборки стихов. В начале 1969 года в Москве закрытым судом был осужден на "7 лет лагерей за стихи о произволе времен Берия, написанные в те годы" /сведения из "Посева" 1970 г. № 6/. В конце 1969 года написал открытое письмо главному редактору журнала "Юность" Б. Полевому "Россия, которой не знают". До 1975 года находился во Владимирской тюрьме. В нашем журнале печатается впервые.

Анатолию Гольдфельду
перед отъездом в Израиль

До свиданья, мой друг, до свиданья.
Надзиратель! Двери открывай.
Кончилось еще одно страданье.
Человек уходит прямо в рай.

Не в прямом, конечно, пониманьи.
Рая нынче нету на земле.
Но... а, впрочем, друг мой, до свиданья.
До свиданья, только не во мгле.

Только не в Мордве, не на Урале.
Не за длинным каменным столом.
Столько мы овса пережевали,
Что не грех и сделать ход конем.

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Слез не лью. И ты не проливай.
Редко кто друзьям при расставаньи
Говорит: скорее уезжай.

Ну, а я вот говорю: - скорее!
Да и все так говорят - скорей!
Только в солнцеликой Иудее
Не забудь закованных друзей.

Не забудь распятых лагерями.
Погребенных в тюрьмах не забудь.
Всех, кто пал. Кто с нами и не с нами.
Тех, кому не крикнуть, не вздохнуть.

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Эй, вахтерщик, отпирай запор,
В мир уходит новое сказанье.
Мужество выходит на простор.

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

СТИХИ

Е.Л. Шварц /1896-1958/ известен как драматург и прозаик, как автор пьес "Тень", "Дракон", "Обыкновенное чудо". Но не все знают, что Евгений Львович Шварц писал также и стихи, так сказать, "для себя", очень немногие из которых были напечатаны. Несколько стихотворений, а также неоконченная поэма "Страшный суд", написанные в разные периоды жизни Е.Л. Шварца, впервые публикуются в этом номере журнала.

Публикацию подготовил
И. Левин
/Ленинград/

*

Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели,
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.

Иду, бреду, но не гляжу вокруг,
Чтоб не нарушить Божье повеленье,
Чтоб не завыть по-волчьи вместо пенья,
Чтоб сердца стук не замер в страхе вдруг.

Я человек. А даже соловей
Зажмурившись, поет в глуши своей.

*

Я прожил жизнь свою неправо,
Уклончиво, едва дыша,
И вот - позорно моложава
Лукавая моя душа.

Ровесники отяжелели.
Окаменеешь тут, когда
Живого места нет на теле
От бед, грехов, страстей, труда.

А я все боле убегаю,
Да лгу себе, что я в раю.
Я все на дудочке играю,
Да близким песенки пою.

Упрекам внемлю и не внемлю.
Все так. Но верю, верю я:
Недаром послана на землю
Ты, легкая душа моя.

*

Бессмысленная радость бытия.
Иду по улице с поднятой головою
И, щурясь, вижу и не вижу я
Толпу, дома и сквер с кустами и травою.

Я вынужден поверить, что умру.
И я спокойно и достойно представляю,
Как нагло входит смерть в мою нору,
Как сиротеет стол, как я без жалоб погибаю.

Нет. Весь я не умру. Лечу, лечу,
Меня тревожит солнце в три обхвата
И тень оранжевая. Нет, здесь быть я не хочу!
Домой хочу. Туда, где я страдал когда-то.

И через мир чужой врываюсь я
В знакомый лес с березами, дубами
И, отдохнув, я пью ожившими губами
Божественную радость бытия.

СЛУЧАЙ

Был случай ужасный - запомни его:
По городу шел гражданин Дурново.
Он всех презирал, никого не любил,
Старуху он встретил и тростью побил.
Ребенка увидел - толкнул, обругал,
Котенка заметил - лягнул, напугал.
За бабочкой бегал, грозя кулаком,
Потом воробья обозвал дураком.
Он шествовал долго, ругаясь и злясь,
Но вдруг поскользнулся и шлепнулся в грязь.

Он хочет подняться - и слышит: "Постой,
Позволь мне, товарищ, обняться с тобой,
Из ила ты вышел когда-то -
Вернись же в объятия брата.
Тебе, Дурново, приключился конец.
Ты был Дурново, а теперь ты мертвец.
Лежи, Дурново, не ругайся,
Лежи на земле - разлагайся".

Тут всех полюбил Дурново - но увы!
Крыжовник растет из его головы,
Тюльпаны растут из его языка,
Орешник растет из его кулака.
Все это прекрасно - но страшно молчать,
Когда от любви ты желаешь кричать.
Не вымолвить доброго слова
Из вечного сна гробового!

Явление это ужасно, друзья:
Ругаться опасно, ругаться нельзя!

СТРАШНЫЙ СУД

Поднимается в гору
Крошечный филистимлянин
В сандалиях,
Парусиновых брючках,
Рубашке без воротничка,
Через плечо пиджачок,
А в карманах пиджачка газеты
И журнал "Новое время".
Щурится крошка через очки
Рассеянно и высокомерно
На бабочек, на траву,
На березу, на встречных
И никого не замечает.
Мыслит,
Щупая небритые щечки.
Обсуждает он судьбу народов?
Создает общую теорию поля?
Вспоминает расписание поездов?
Все равно - рассеянный,
Высокомерный взгляд его
При небритых щечках,
Подростковых брючках
Порождает во встречных
Глубокий гнев.
А рядом жена,
Волоокая, с негритянскими
Дыбом стоящими волосами,
Кричит нескромно: "Аня! Саня!"

У всех народностей
Дети отстают по пути
От моря до дачи:
У финнов, эстонцев,
Латышей, ойротов,
Но никто не орет
Столь бесстыдно:
"Аня! Саня!"

Саня с длинной шейкой,
Кудрявый, хрупкий,
Уставил печальные очи свои
На жука с бронзовыми крылышками.
Аня стриженая,
Квадратная,
Как акушерка,
Перегородила путь жуку
Листиком,
Чтобы убрать с шоссе неосторожного.
- Аня! Саня! Скорее! Вам пора
Пить кефир!

С горы спускается
Клавдия Гавриловна,
По отцу Петрова,
По мужу Сидорова,
Мать пятерых детей,
Вдова троих мужей,
Работающая маляром
В строй-ремонт-конторе.
Кассир звонил из банка,
Что зарплаты сегодня не привезут
И вот - хлеб не куплен.
Или, как некий пленник, не выкуплен.
Так говорит Клавдия Гавриловна:
Хлеб не выкуплен,
Мясо не выкуплено,
Жиры не выкуплены.

Выкуплена только картошка,
Не молодая, но старая,
Проросшая, прошлогодняя,
Пять кило древней картошки
Глядят сквозь петли авоськи.
Встретив филистимлян,
Света не взвидела
Клавдия Гавриловна.
Мрак овладел ее душой.
Она взглянула на них,
Сынов божьих, пасынков человеческих,
И не было любви в ее взоре.
А когда она шла
Мимо Сани и Ани,
Худенький мальчик услышал тихую
брань,
Но не поверил своим ушам.
Саня веровал: так
Женщины не ругаются.

И только в очереди
На Страшном суде
Стоя, как современники, рядышком,
Они узнали друг друга
И подружились.
Рай возвышался справа,
И Клавдия Гавриловна клялась,
Что кто-то уже въехал туда:

Дымки вились над райскими кущами.
Ад зиял слева
С колючей проволокой
Вокруг ржавых огородов,
С будками, где на стенах
Белели кости и черепа,
И слова "Не трогать, смертельно"
С лужами,
Со стенами без крыш,
С оконными рамами без стекол,
С машинами без колес,
С уличными часами без стрелок,
Ибо времени не было.
Словно ветер по траве
Пронесся по очереди слух:
"В рай пускают только детей".

"Не плачьте, Клавдия Гавриловна, -
Сказал маленький филистимлянин,
улыбаясь, -
Они будут посылать нам оттуда
посылки".

Словно вихрь по океану
Промчался по очереди слух:
"Ад только для ответственных".

"Не радуйтесь, Клавдия Гавриловна, -
Сказал маленький филистимлянин,
улыбаясь, -
Кто знает, может быть, и мы с вами
За что-нибудь отвечаем!"
"Нет, вы просто богатырь, Семен Семенович, -
Воскликнула Клавдия Гавриловна, -
Шутите на Страшном суде!"

К Т О Я?

Д. ДАР

ПОТОП

Ленинградский писатель Давид Яковлевич Дар родился в 1910 году в Петербурге. С 1948 года - член Союза писателей. Автор книг: "Баллада о человеке и его крыльях", "Богиня Дуня", "Книга чудес", "Прекрасные заботы юности", "Доктор Горилиус" и др.

Много лет руководил крупным литературным объединением. Среди его учеников - много известных поэтов и писателей, таких как А. Кушнер, С. Соснора, Г. Горбовский, В. Марамзин и др.

В нашем журнале печатается впервые.

Я старый человек. Многие старики моего возраста кичатся своим жизненным опытом. Но если бы опыт одних мог чему-нибудь научить других, то поколение за поколением не повторяли бы одни и те же ошибки и злодеяния.

Я стыжусь своей старости, изнемогаю от тяжкой вины перед сыновьями и внуками. Моя вина отягощена виной моих отцов, дедов и прадедов. Мы не сумели сберечь нынешнее поколение от нового всемирного потопа. Только на этот раз материки захлестнуты не водой, а кровью.

Всю ночь не гаснет в моей комнате зловещий огонек радиоприемника. Сквозь свист, хрипы, музыку и речи я слушаю плеск кровавых волн нового потопа: физики испытывают атомное оружие. Над облаками мчатся боевые ракеты. Религиозные войны, как во времена средневековья, пылают в Европе, Азии и Африке. Воздушные пираты захватывают самолеты. Террористы среди бела дня похищают людей и взрывают бомбы на улицах, в магазинах и ресторанах. Дипломаты пытаются договориться о сокращении - не о запрещении, а только о некотором сокращении апокалиптических средств массового убийства людей.

А в это время ученые, писатели и журналисты многословно обсуждают возможные последствия экологического кризиса - загрязнение воздуха, моря, истребление некоторых видов животных. Но почти не слышно ни в печати, ни по радио, что в мире уже разразился другой кризис, более грозный и ужасный - этический кризис, кризис нравственности и морали. И даже священники всех вероисповеданий спокойно произносят те же молитвы и выполняют те же ритуалы, как сто и двести лет назад, по-видимому, примирившись с тем, что взаимоотношения между людьми погрузились в небывалую пучину безнравственности и злодеяний.

Животные убивают других животных только ради пищи и самозащиты. Они не подвергают себе подобных ни пыткам, ни унижениям. Мы же подвергаем друг друга пыткам, унижениям, и убиваем не только ради пищи и самозащиты, но еще за социальные или религиозные идеи, за власть, за славу, за сенсацию, за цвет кожи, за национальную принадлежность и просто без всякой причины.

Я, как и многие другие люди, считаю себя человеком религиозным. Религия моя очень проста. Она заключается в том, что я доверяю своему сердцу. А мое сердце многих любило, многих любит и никому не желает зла. Даже моим недругам. Конечно, в моей длинной жизни немало случаев, когда обижали меня и моих близких. Но, во-первых, когда я родился на свет, то никто не обещал мне, что все живые существа будут относиться ко мне и моим близким дружески и доброжелательно. Во-вторых, чем больше я жил на свете, тем больше убеждался, что моя злоба менее надежный защитник от злобы других, нежели снисходительное желание понять злобу другого и противопоставить ей свою доброжелательность.

Моя религия никем мне не продиктована: ни Христом, ни Моисеем, ни Магометом. Она не требует от меня никаких ритуалов, не нуждается ни в священниках, ни в храмах. Это церковь, которая находится не вне меня, а во мне самом. Она, к сожалению, не объединяет меня ни с людьми, исповедующими христианство, ни с людьми, исповедующими иудаизм, или ислам, или буддизм. Она ни с кем не объединяет меня, наоборот - оставляет меня совершенно одиноким - один на один со всем миром, оставляет беспомощным и беззащитным.

Но если допустить, что есть Бог и что я создан по его образу и подобию, то кто же на свете более одинок, беспомощен и беззащитен, чем Бог? Кто ему мог помочь, когда он создавал мир? Поэтому, может быть, мир и получился таким несовершенным, исполненным зла и несправедливости. И я тоже, одинокий, беспомощный и беззащитный, очень стараюсь сделать все, что могу, чтобы людям, хотя бы нескольким из них, хотя бы двум или трем, было хоть чуточку лучше. Но и это мне почти не удается.

Как и все другие люди, я существо стадное. Но моя религия не стала мне ни пастухом, ни сторожевой собакой. Она освобождает мое сознание от природно-животного чувства стадности, возлагает на меня одного, как и на каждого другого человека, всю полноту ответственности за наши поступки, весь отчаянный риск самостоятельного выбора решений. Для этого каждому из нас приходится самостоятельно оценивать и опыт других, и доводы разума, и шепот своего сердца.

Мне кажется, что все государства, все партии и все религиозные общины готовы снять с человека личную ответственность за его поступки. Они оправдывают любое злодеяние высшими, сверхличностными интересами общины - государственной, идейной или церковной. Но любой образ жизни, построенный на интересах общины, вызывает в моей памяти сталинизм, а в моем воображении - муравьев или пчел. Нет, я не могу примириться с ролью винтика, пчелы или муравья.

Быть может, мое недоверие к любому объединению можно объяснить тем, что я почти всю свою жизнь прожил в стране, где обожествляется коллективизм, общность, государственность и тем самым обесценивается жизнь одного человека, а только ни с чем несоизмеримая ценность каждого человека является, на мой взгляд, единственной основой этики и нравственности.

Я понимаю, что моя религия несовершенна, что каждый религиозный человек находит для себя ту религию, которая представляется ему наиболее убедительной и по возможности ограждает его от зла. Я понимаю тех людей, которые вместо того, чтобы полагаться на свое сердце - такое необразованное и неразумное, - предпочитают войти в уже готовый храм, созданный их предками. Во-первых, от них уже ничего не требуется, кроме соблюдения неких ритуалов и послушания пророкам и священнослужителям. Во-вторых, насколько увереннее чувствует себя группа людей под единым шатром, сгрудившись там и прижимаясь друг к другу, чем я - один, в голом поле, под суровым небом, постоянно обрушивающим на меня то ливень,

то грозу, то палящие лучи солнца. Но у Господа Бога,- рассуждаю я, - тоже не было над головой шатра. Ему тоже не к кому было прижаться. У него тоже не было ни опоры, ни помощи, ни защиты.

Я никого не хочу обратить в свою веру. Своим горьким признанием в одиночестве и неслиянности с другими я стараюсь лишь объяснить, почему не могу вступить под кровы ни одного храма, созданного вне меня и надо мной: христианство породило костры инквизиции и крестовые походы. Ислам исполнен ненависти к "неверным". Иудаизм призывает побивать камнями ослушников. А мое сердце говорит, что каждый камень, брошенный в другого, попадает в Бога. Каждая пуля, выпущенная во имя Бога, убивает Бога. Каждая война, объявленная в защиту любой идеи, побеждает эту идею.

Мне некого, кроме себя, винить в новом потопе, в кровавом потопе, залившем землю. Это я вместе с другими интеллигентами разных стран - учеными, писателями, художниками, педагогами - хранителями интеллекта и духовности - сотрудничал в той или иной форме с политическими и государственными деятелями. Между тем профессиональные политики не производят никаких ни духовных, ни материальных ценностей. Профессиональная политическая деятельность - это ремесло, ремесло прибыльное и безнравственное. Оно приносит деньги и власть. Как известно, деньги и власть больше всего привлекают подонков. Я думаю, что почти всеми государствами сейчас управляют подонки общества. Если даже они сами не истязают свои народы, то вкладывают нож в руки убийцы и держат жертву, пока ее истязает насильник. Политические деятели почти всех стран мира забрызганы кровью, пролитой Муссолини, Гитлером, Сталиным и другими палачами.

Я думаю, что политическая власть нравственна только в том случае, если она совершенно бескорыстна и не дает ее носителям никаких преимуществ перед другими; если это тяжесть, взваленная на себя человеком только из чувства любви к другим, тяжесть, взваленная поверх той тяжести, которая взвалена на плечи любого другого гражданина страны. Такой власти никто не станет добиваться ни силой, ни хитростью.

Но пока я о таких властителях не слышал. Поэтому в дьявольской вселенской игре, которая называется дипломатией, утрачено всякое представление о порядочности, чести, нравственности. Эта игра ведется на залитой кровью шахматной доске, но вместо деревянных фигурок на ней разыгрывается жизнь ни в чем не повинных мужчин, женщин, детей и стариков негритянских племен, азиатских народов, еврейского народа, арабов.

Больше тридцати лет назад кончилась война с фашистской Германией. Тогда думали, что фашизм побежден. Теперь ясно, что фашизм победил - победила безнравственность, победило насилие, победила бесчеловечность. Под разными наименованиями фашизм овладел почти половиной мира и диктует другим народам свои условия.

До утра не меркнет огонь в моей комнате. Я слушаю радио, читаю газеты, журналы, книги. И тревожно бьется и бьется мое усталое сердце.

Оно захлестнуто словами, миллионами слов. Оно уже не вмещает их, перенасыщено словами. Миллионные тиражи газет и журналов, сотни тысяч названий книг, радио, телевидение, кино наполнили мир таким количеством слов, что мы уже не слышим ни других, ни самих себя. Воспроизведенное механическими средствами, бесконечно повторяемое, лишенное одухотворенности слово утратило всякое реальное содержание.

Я читаю: "Справедливые и свободолюбивые народы всего мира считают идеи

чучхе самым прекрасным, самым благоухающим цветком. Только враги народных масс не считают идеи чучхе цветком" /журнал "Корея сегодня", № 5, 1975/.

Я не знаю, что такое чучхе. И никто из моих друзей тоже не знает. Я не нашел этого слова ни в словаре, ни в энциклопедии. Но это не имеет никакого значения. Можно заменить слово "чучхе" словом "добро" или "свобода". Гитлер и Томас Манн придали бы каждому из этих слов противоположное значение. Но не только слово "чучхе", но и все другие слова приведенной мною цитаты - "цветок", "враги", "массы", "народы" так же, как и все другие слова, которые я сейчас пишу на этой странице, не имеют никакого реального содержания, и каждый читатель может придать им то значение, которое захочет.

И вот такими словами, вернее, такой шелухой, из которой вылущено зернышко содержания, перенасыщен мир.

Слово, как я думаю, только тогда сохраняет свое подлинное содержание, когда оно одушевлено человеческими чувствами, окрашено личностью, страстью, болью, радостью или гневом, отмечено единственностью и неповторимостью интонации и сочетания с другими словами. Но такой способностью одушевлять слова обладают только поэты и пророки. И то лишь в том случае, если их слово попадает в подходящую почву и расцветает там, как цветок, а не умирает, становясь мертвой песчинкой в громадной пустыне окружающих нас безличных и неодушевленных слов.

Уважая религиозные чувства всех верующих, как и теоретические рассуждения атеистов, я все же не могу скрыть, что нередко мне кажется, будто размноженное всеми способами слово, вернее многословие: молитвы, псалмы, проповеди, речи, статьи, монографии, - чем-то стали напоминать массовую фабричную продукцию, из-за чего все наиболее распространенные религии, так же, как и разумные идеи, лишились их самой главной сущности, т.е. нравственного чувства, иначе говоря, сочувствия одного человека другому.

Но чувство нельзя навязать ни убеждением, ни угрозой, ни долгом, ни служебным положением. Я могу сочувствовать, а тем более любить только по велению своего сердца, причем - одного любишь, а другого нет. И с этим уж ничего не поделаешь.

Я не могу любить все человечество, или всех сородичей, или всех единомышленников. Во-первых, и человечество, и сородичи, и единомышленники - это сумма людей. Но сложение, так же как вычитание, умножение и деление - проявление разума, а не чувства. Во-вторых, каждый человек - явление никогда не существовавшее прежде, неповторимое в будущем, сверхценное и несоизмеримое с другим человеком. Так мать любит своих детей. Так дети любят мать. Так один человек любит другого или других избирательной любовью своего чувства.

Но эта сверхценность и несоизмеримость каждой человеческой жизни в наше время становится все меньше. Население земного шара растет с невероятной быстротой. Мы, старики, не хотим умирать и медицина помогает нам все тянуть и тянуть эту уже никому не нужную резину. Женщины рожают, как из пулемета. Акселерация превращает девочек в женщин раньше, чем у них появляется менструация, а мальчики готовы свои первые капли спермы употребить на увеличение нашего поголовья. Каждую неделю в мире рождается свыше миллиона человек. К концу XX века, по предсказанию ученых, население земного шара удвоится.

Когда я хочу соотнести себя со всем человечеством в виде дроби, то мой числитель /единица/ оказывается таким ничтожным по сравнению с многомиллиардным знаменателем, что с этим числителем, т.е. со мною, можно вообще не считаться.

И с каждым днем знаменатель становится все больше и больше, так что ценность одной человеческой жизни становится все меньше и меньше.

Не по этой ли причине в наше время, совершенно неожиданно, общечеловеческое стадо, не только стремительно растущее, но также стремительно и нивелирующееся, почувствовало особую потребность разбиться на множество мелких стад и во всем мире вспыхнуло небывалое пламя национализма.

Негритянские племена Африки, вооруженные уже не луками и копьями, а танками и дальнобойными орудиями, превратили свои племенные междоусобицы в кровавые войны на полное уничтожение одних племен другими. В центре цивилизованной Европы ведется религиозная война между католиками и протестантами. В Ливане - между христианами и магометанами. В Палестине - между арабами и евреями. В Югославии все разрастается вражда между сербами и хорватами. В Испании - между басками, андалузцами и каталонцами. В Советском Союзе растет национальное самоутверждение русских, украинцев, грузин, армян, эстонцев, латышей, литовцев, крымских татар, евреев.

Я тоже еврей. Моя родина - Россия. Мой родной язык - русский. Почти все мои друзья - русские. Только черты лица и черты характера у меня еврейские. И по этой причине с каждым годом я все больше и больше чувствую себя на своей родине изгоем.

Но мое сочувствие почему-то почти всегда на стороне изгоев. Джордано Бруно был сожжен. Лев Толстой отлучен от церкви. Спиноза отлучен от синагоги. Сократ присужден к самоубийству. Эйнштейн изгнан с родины. Мандельштам погиб за колючей проволокой. Иисус распят на кресте. "Поэты - жиды!" - писала Марина Цветаева о себе.

Я не знаю того средства, которое может спасти человечество от жесточайшего нравственного кризиса, поразившего нашу планету. Кажется, Герберт Уэллс писал, что если несколько поколений детей будут изучать в школах не истории государств и народов, их военных побед и поражений, а всеобщую историю разума, духа и нравственных ценностей единого человечества, то мир станет другим.

Может быть.

И вот я сижу в своей комнате и плету черные кружева невеселых размышлений. А где-то далеко-далеко от меня, на клочке еще недавно бесплодной пустыни, горсточка вечных изгоев мужественно сколачивает ковчег - свое единственное прибежище в многовековых скитаниях. Но кровавый потоп бушует во всем мире. Он грозит захлестнуть ковчег. И он плещет в мое окно и просачивается под дверью.

В отчаянии я заламываю руки и спрашиваю своего Бога: что я должен в этот час делать?

И мой Бог, одинокий, незлобивый и беспомощный, скрипит мне в ответ астматическим голосом моего изношенного сердца:

- Опусти руки и оставь свои библейские вопли. Разве ты лучше других? Или праведник, чтобы учить? Сними обувь, засучи штаны и ступай туда, где тебя не оттолкнут.

- А где меня не оттолкнут? - спрашиваю я. - Кому я нужен со своим грузом сомнений, вины и гонимости?

И мое сердце отвечает:

- Ты - старый еврей. Тебя не оттолкнут только в одной стране. Она не лучше и не хуже других, но там ты не будешь изгоем. И может быть, тебе еще удастся укрыть на своей груди хоть одного ребенка, протянуть руку помощи хоть одной женщине, приободрить хоть одного старика, спасти жизнь хоть одному юноше. А один - ведь это так много!

Я не знаю, позволят ли мне моя старость и другие обстоятельства последовать велению моего сердца. Но уже и сейчас я с тобой, Израиль, тысячелетиями гонимый неизвестно за что и почему. Твои надежды - это мои надежды. Твоя судьба - это моя судьба.

Январь 1976 г.
Ленинград

Больше тридцати лет назад кончилась война с фашистской Германией. Тогда думали, что фашизм побежден. Теперь ясно, что фашизм победил - победила безнравственность, победило насилие, победила бесчеловечность. Под разными наименованиями фашизм овладел почти половиной мира и диктует другим народам свои условия.

По утрам не меркнет огонь в моей комнате. Я слушаю радио, читаю газеты, журналы, книги. И тревожно бьется и бьется мое усталое сердце.

Оно захлестнуто словами, миллионами слов. Оно уже не вмещает их, переполнено словами. Миллионные тиражи газет и журналов, сотни тысяч названий книг, радио, телевидение, кино наполнили мир таким количеством слов, что мы уже не слышим ни других, ни самих себя. Воспроизведенное механическими средствами, бесконечно повторяемое, лишенное одухотворенности слово утратило всякое реальное содержание.

Страница оригинала. Фото. Текст см. на стр. 62 настоящего тома.

В З Г Л Я Д С О С Т О Р О Н Ы

ТОМАС ВЕНЦЛОВА

ЕВРЕИ И ЛИТОВЦЫ

У меня есть дочь, ей два года. По законам государства Израиль она еврейка. Сам я литовец по любым законам и прежде всего по тому внутреннему закону, который принял для себя. Когда-нибудь моя дочь спросит о том, что произошло между нашими народами в годы Второй мировой войны. Попробую ответить сейчас.

До войны в Литве было примерно 240 тысяч евреев - 8% населения страны. Такое в Европе - редкость. 80 тысяч евреев жило в Вильнюсе, который называли Литовским Иерусалимом: здесь был огромный еврейский квартал, старинные синагоги, издательства и библиотеки, еврейский научный институт, музей. В Каунасе - он считался второй литовской столицей - евреев было тысяч сорок; у них тоже с XVIII века был свой традиционный район Вилиамполе /хотя многие жили за его пределами/, синагоги, школы, пресса, писатели. В местечках евреем был каждый третий. В 1970 году - по переписи - евреев оставалось 23,6 тысяч, из них 16,5 тысяч в Вильнюсе и чуть более 4 тысяч в Каунасе. Теперь их наверняка меньше: многие уезжают из Советского Союза. Впрочем, литовцы уезжают тоже.

Во время войны сотни тысяч людей были убиты в лесу Панеряй /Понары/ под Вильнюсом, в казематах 9 форта возле Каунаса, в вильнюсском и вильямпольском гетто, в литовских местечках. Их уничтожали не только немцы, но и литовцы. Многие погибли в первые дни войны, когда немцы уже вступили в Литву, но ею еще не управляли. Тогда произошли каунасские погромы, о которых сохранилось много свидетельств. Считается, что 25-26 июня 1941 года в Каунасе было убито 3800 евреев. Несколько сот из них нашли смерть в гараже на проспекте Витаутаса. Я знаю, как они погибли, но вряд ли стану рассказывать об этом своей дочери.

Первые месяцы войны я сам провел в Каунасе. Было мне тогда четыре года, и я жил, как говорится, "у добрых людей": мой отец, советский нарком просвещения, уехал в Москву, а мать была арестована. Ее обвинили в том, что она еврейка. Следователь заявил: доказывать обратное не имеет смысла, так как известно, что все наркомы женаты на еврейках. Мать все же доказала, что она литовка и крещена /и то и другое - правда/. Спустя некоторое время ее освободили.

Я не видел убийств. В детстве, да и в юности я сотни раз проходил мимо гаража на проспекте Витаутаса, что напротив городского кладбища, не ведая о его истории. Все же я к этому причастен. Евреев убивали литовцы, а я - литовец. Евреев убивали в Каунасе, а Каунас - мой город, я знаю каждый его дом, каждое его дерево на аллее Свободы, знаю его пыльные сады, его тесные кинотеатры. Я не могу существовать без литовского языка - это мое естественное пространство; стихи я пишу только по-литовски. Есть культуры, куда более мощные, чем литовская, но она для меня все же несоизмерима ни с какой другой. Я знаю, что о ней можно сказать много хорошего. Мой народ столетиями обладал чувством собственного достоинства, честностью, упорством, добротой. У него есть ощущение истории, которое, пожалуй, свойственно не всем народам: он помнит свое прошлое и обычно умеет сверять по нему настоящее. Я горжусь и тем, что литовцы в огромном большинстве случаев достойно вели себя в лагерях: об этом сказал самый знаменитый из современных русских писателей - а он-то знает. Я люблю еврейский

народ. Его культурная роль и сама его судьба столь огромны, что являются для меня главным доказательством замысла, определившего наше историческое бытие. То, что случилось в первые дни войны, было катастрофой для евреев, но гораздо худшей катастрофой для литовцев.

Как понять то, что было? Когда речь идет о смерти и непоправимой вине, всегда можно привести множество рациональных и детерминистских объяснений; но в конечном счете они ничего не стоят. Это знал еще Эдип, еще лучше его знает христианство. Все-таки я много раз пытался во всем разобраться, читал документы, разговаривал с друзьями, с уцелевшими евреями и литовцами.

Больше всего меня поразило то, что каунасские погромы противоречат всей литовской исторической традиции. Тот, кто знает гнусный бытовой антисемитизм, которым сейчас заражены многие и многие литовцы /я бы солгал, если бы сказал, что никогда в жизни ему не поддавался/, считает его как бы вечным явлением. Вероятно, это не так. И во всяком случае, в лучшие свои эпохи Литва была страной, где евреи ощущали справедливость и защиту. Наши народы жили вместе восемьсот лет. Великий князь Витаутас, к которому литовцы относятся приблизительно так же, как русские к Петру или французы к Наполеону, в 1388 году дал евреям привилегию - это первый известный документ о положении евреев в Литве. Стоит напомнить некоторые из тридцати семи статей этой привилегии. Витаутас запретил обвинять евреев в ритуальных убийствах; если же еврей обвиняется в убийстве христианского ребенка /обычном, не ритуальном/, то обвинение должно быть доказано шестью свидетелями - тремя евреями и тремя христианами. Обвинитель, не доказавший своего навета, подвергается тому же наказанию, которому подвергся бы предполагаемый убийца. Христианин, повредивший что-либо на еврейском кладбище, подвергается конфискации имущества. Строго карается христианин, не отозвавшийся на крики соседа-еврея о помощи. Евреи в гараже на проспекте Витаутаса кричали. Их гибель наблюдала толпа зевак. Большинство в этой толпе считало себя христианами. Им и в голову не пришло, что они оскорбляют не только Христа, но и князя Витаутаса, именем которого назван проспект - позднее, впрочем, переименованный в проспект Ленина.

Законы того же рода - быть может, еще более продуманные и строгие - издали Сигизмунд Август и Стефан Баторий. Первого из них мы помним как наиболее блестящего правителя Литвы, второго - как основателя Вильнюсского университета. Можно сказать, что антисемитизм в Литве все же был, если время от времени приходилось пресекать его законами. Это верно, однако относились к нему, как он того заслуживал, - считали его заблуждением и грехом. В годы упадка литовского государства и во время царской оккупации стало хуже. Возник стереотип еврея-корчмаря, перекупщика, полунищего местечкового жителя. Литовский крестьянин относился к нему добродушно, но и свысока; по-видимому, еврей платил ему той же монетой. Они были связаны экономически, существовать друг без друга просто не могли; встречалась и дружба, но гораздо сильнее было взаимное отчуждение. Еврей знал, что он причастен к великой духовной традиции; литовцу она была непонятна, порою смешна. Правда, обычно находились люди, которых возмущали отчужденность и равнодушие. В "Еврейской энциклопедии" в статье "Литва" есть рассказ о том, как христиане Литвы не стали спасать тонущего еврея; прибежавший на крик священник не только выругал их, но и избил.

В Литве не было погромов ни в восьмидесятые годы, ни в девятьсот пятом году. Немало евреев погибло в боях за литовскую независимость. Демократическое литовское государство в двадцатые годы разрешило вопрос об еврейской автономии едва ли не лучше всех в Европе. При восточноевропейских нравах это граничит с

чудом. Чудо продолжалось недолго, как и сама литовская демократия; но культурная автономия сохранялась до конца. Существовали школы на иврите, на языке идиш; желающие отдавали детей в школы на других языках /была гимназия с литовским языком преподавания для евреев, в ней работал мой отец/.

В идиш Литвы вошло добрых полтысячи литовских слов /они собраны в интересной книге Х. Лемхенаса/. Обратный процесс был слабее. Но все каунасские подростки, и я в том числе, говорили на "своем" диалекте, не менее четверти которого пришло из древнего Израиля. Обычаи, правда, не смешивались. Сильным ли был антисемитизм? Он нередко сквозит в литовском фольклоре, встречается в литовской литературе. Обычно это глупая насмешка над "странностями" незнакомой культуры или недоверие к еврейскому торговцу. Трения, конечно, были, как и трения с другими народами. Было и настоящее черносотенство: священник Пранайтис, литовец, принимал самое незавидное участие в деле Бейлиса. Но наиболее известные наши писатели этой эпохи - Креве и Вайжгантас - остались верны справедливости. Рассказ Креве "Селедки" можно включить в любую хрестоматию, посвященную борьбе с антисемитизмом. Что же касается Вайжгантаса, - он был священником, - то его легко представить на месте того неизвестного священника, который бил христиан за равнодушие.

Все же, несмотря на вековой опыт общения, литовцы и евреи практически жили в непересекающихся мирах. Мы, литовцы, немало знали о польской культуре, кое-что о немецкой и русской, но о еврейской культуре, которая создавалась у нас на глазах, в нашей стране, не имели ни малейшего представления. Религия, язык, алфавит, обычаи оказались слишком большой преградой. Еврейская община воспринималась как экзотическое включение, духовно не связанное с нами. Разумеется, это было тяжкой ошибкой. Евреи тоже мало знали о литовской традиции и культуре. Те, что ассимилировались, обычно принимали русский язык, иногда немецкий. Два национальных возрождения - литовское и еврейское - протекали одновременно и рядом, но в разных пространствах. Это напоминает рассказ Брэдбери /сейчас меня не занимает его литературная сторона/ о землянах и марсианах, которые живут в одном и том же мире, но встретиться могут лишь при редком счастливом совпадении. Первые робкие попытки преодолеть непроницаемый барьер, ознакомиться с культурным потенциалом друг друга относятся к межвоенным годам. Инициатива исходила от евреев. В последние годы появились и евреи, пишущие по-литовски о своих проблемах. Наиболее известен среди них И. Мерас. Он уехал из Литвы в Израиль, и его имя в печати Литвы сейчас не упоминается.

Мне кажется, что духовная разобщенность - причина многих бед. Но то ли из нее, то ли - скорее - рядом с ней вырастает нечто худшее: деление людей на сорта, низменно-настороженное отношение к еврею, когда о нем не говорят "хороший человек", а говорят "еврей, но хороший человек". Слово "жидас" в литовском языке не является презрительным, у него тот же смысл, что у русского "еврей"; антисемитизм добавляет к нему суффиксы и эпитеты; и все же в устах многих литовцев это невинное слово звучит так, что мне бывает стыдно. А другого слова у нас нет.

От особого произнесения слова "жидас" до погрома расстояние кажется далеким. Но в духовном мире - если мы вообще способны об этом мире судить - оно, по-видимому, исчезающе мало. Кто выделяет какую-то группу людей - национальную, религиозную, классовую, любую, - и считает себя внутренне никак не связанным с нею, тот, в сущности, готовит погром, концлагерь, тоталитарный строй. Это достаточно азбучная истина. Как всякую азбучную истину, ее достаточно часто забывают.

Мне могут сказать, что я умалчиваю о другой стороне дела. Что же, не будем умалчивать. Многие литовцы и многие евреи, с которыми я говорил о каунасских погромах, утверждали, что следует помнить и предшествовавшие события. О них писала в основном литовская эмиграция; в самой Литве о них говорят только в узком кругу.

Литовские евреи нередко были коммунистами и прокоммунистами. Та волна, которая прошла в России сразу после революции, в Литве запоздала лет на двадцать. Причин тому много. Евреи были больше, чем литовцы, включены в международную жизнь - а в международной жизни существовал Коминтерн. Некоторые пришли к коммунизму через вполне оправданную ненависть к фашизму. Иногда вековые мессианские чаяния перерождались в преданность мировой революции. Вильямпольская беднота надеялась на социальную справедливость, а буржуа поддерживали МОПР и помогали скрываться коммунистическим вождям - на всякий случай. Весьма немногочисленная литовская компартия состояла из евреев, по-видимому, более чем наполовину /верхушка обычно все же бывала литовской/. В послевоенные годы положение очень изменилось - но это было позднее.

В 1940 году в Каунас вошли советские танки и вскоре после этого Литва была включена в СССР. Руководящие указания давал известный Деканозов, спустя много лет расстрелянный вместе с Берией. Почти год было относительно спокойно. Однако в середине июня 1941 года Литва окончательно вступила в двадцатый век - на нее обрушилась волна репрессий. По ужасам и по числу жертв она вряд ли уступала погромам, последовавшим недели через две. Об этих событиях вполголоса, и иногда не без осуждения говорила и послевоенная советская пресса - например, о них сказал несколько слов в своих воспоминаниях мой отец. За пять-шесть дней исчезли десятки тысяч - интеллигенция, служащие, священники, офицеры, крестьяне; обычными сталинскими методами ликвидировался культурный слой литовского народа. Утверждают, что ссылке подлежали даже эсперантисты и филателисты - за связь с заграницей. Я полагаю, что это правда, - просто потому, что такого не придумаешь.

В органах, которые этим занимались, присутствовали евреи. Разумеется, присутствовали и литовцы. Их имена известны /некоторые процветают по сей день/, и я не буду их упоминать. Надо сказать, что евреи тоже арестовывались и ссылались. Говорят, в процентном отношении их было выслано больше, чем литовцев, так как множество евреев относилось к буржуазии.

В первые дни войны власть перешла в руки литовских партизан; это отчасти подготовлялось подпольным фронтом активистов /ЛАФ/, отчасти, надо полагать, произошло спонтанно. Образовалось правительство, которое заявило о восстановлении независимой Литвы. Об этом нам известно немногое /материалы, воспоминания членов правительства, оказавшихся в эмиграции, изданная там энциклопедия и др., - все это практически недоступно/. Ясно, что литовское правительство вело с немцами сложную и обреченную на неуспех игру. Предполагалось, что для Литвы можно добиться статуса, скажем, Финляндии; будущее рисовалось по-разному, в зависимости от обстановки. В правительство вошли различные люди, вплоть до социал-демократов. Не думаю, что они были погромщиками. По крайней мере, об одном из них - архитекторе Жямкальнисе - мне известно, что он спасал евреев. Уже 25 июня немцы практически пресекли деятельность правительства. В речи премьера Амбразявичуса, опубликованной в одном советском сборнике архивных документов, сказано, что правительство поэтому было бессильно остановить погромы. Утверждают также, что погромами руководили немецкие эсэсовцы, хотя и усиленно скрывали свое в них участие /об этом шла речь на процессах в Западной Германии/.

5 августа правительство прекратило свою деятельность, заявив немцам протест. Члены его позднее преследовались немцами. Я не осуждаю и не оправдываю этих людей; я могу лишь сказать, что не завидую тогдашним политикам Литвы, которым история предоставила выбор между Гитлером, Сталиным и смертью, причем одно не обязательно исключало другое.

Те, что были причастны к сталинским репрессиям, разумеется, успели выехать из Литвы. В спешке они даже оставляли свои бумаги. Ненависть и месть обрушились на евреев: их было много, выехать они не успели и все помнили, что вильямпольские жители приветствовали советские танки.

Что же я могу сказать, выслушав эти свидетельства? Да, тоталитаризм искажает человеческий облик и человеческие мотивы; да, насилие чревато насилием; но зло всегда остается злом, убийство - убийством и вина - виной. Ничто на свете не изменит факта, что в конце июня 1941 года литовцы на глазах у литовской толпы уничтожали беззащитных людей - даже тот факт, что в двадцатом веке многие, чуть ли не все народы творили нечто подобное. И я, литовец, обязан говорить о вине литовцев. Садизм и грабежи, презрение и позорное равнодушие к людям не могут быть оправданы; хуже того - они не могут быть объяснены, они живут в столь темных углах личного и народного сознания, что искать их рациональные причины - бесплодное занятие. Некоторые скажут: "что же, евреев убивали не литовцы, а подонки /или того лучше - "буржуазные националисты"/, к литовскому народу они не имеют отношения". Я и сам подобное говаривал. Но это неверно. Если считать народ огромной личностью, - а непосредственное ощущение говорит, что эта персоналистская точка зрения единственно ценна и справедлива в мире моральном, - то к этой личности причастны все в народе - и праведники, и преступники. Каждый совершенный грех отягчает совесть всего народа и совесть каждого в нем. Сваливать вину на другие народы нельзя. В своем они разберутся сами. В нашем разбираться и раскаиваться нам. Это, собственно, и есть смысл причастности к той или иной нации.

Я не знаю, сколько литовцев прочтет эти слова, но написать их я должен. Раскаяние - сложное дело. Это никак не сведение счетов с убийцами, кому бы они ни служили. Это не раздирание одежд - раскаиваются внутренне. Но мы должны говорить обо всем происшедшем, не выгораживая себя, без внутренней цензуры, без пропагандистских искажений, без национальных комплексов, без страха. Мы должны навсегда понять, что уничтожение евреев - это уничтожение нас самих, оскорбление евреев - оскорбление нас самих, ликвидация еврейской культуры - покушение на нашу. Сейчас у литовцев и евреев СССР, в общем, одна судьба; но все же есть особые еврейские /и литовские/ проблемы, и надо отдавать себе в этом отчет. Мы прожили вместе восемьсот лет; быть может, это время подходит к концу; в такой час быть врагами или равнодушными мы не можем. Мы не имеем права утверждать, что еврейские дела нас не касаются. Нас касается всякий антисемитский выпад. Нас непосредственно касается то, что начинает замалчиваться гибель евреев в IX форте и раздуваются другие, не столь значительные страницы его истории. Каждый вильнюсский житель нередко проходит по району бывшего гетто. В мои школьные годы это были дикие развалины; в их центре торчал остов древней синагоги - ее можно было восстановить, но ее снесли /одновременно ликвидировали еврейский музей/. Сейчас там устроен поддельно-средневековый квартал ресторанчиков и выставок литовского искусства. Ни единая буква не напоминает о том, что тут было на самом деле. Квартал этот нравится многим /он нравился и мне/, но, в сущности, это наш национальный позор.

Конечно, есть не только позор, и об этом надо знать. У нас не было датского короля; но были литовцы, спасавшие евреев и погибавшие за это. В 1967 году /год здесь важен/ в Вильнюсе вышла книга "И без оружия бойцы". В ней говорится о многих десятках литовцев, которые не были равнодушными. Только И. Мерас упоминает не менее двадцати людей, спасших его и других детей-евреев. Я перечислю нескольких /некоторые из них известны и в Израиле/. Это священники П. Якас, Ю. Стакаускас, П. Мацияускас, А. Гобис, В. Била; врачи М. Буткявичене, М. Зубрене, Ю. Билюнене-Матиошайтене, П. Баублис, П. Мажилис, А. Матулявичус, В. Жакявичус; профессора университета А. Янулайтис, М. Ремерис, З. Жемайтис; поэт К. Бинкис и его жена С. Бинкене, писатели С. Чурленене, К. Борута, К. Якубенас; книгоиздатель А. Кнюкшта; певец К. Петраускас и его жена Э. Петраускене; художник П. Римша; физики В. Жемайтис, Г. Ионайтис; крестьяне Э. Иванаускене, Д. Пагоюте, Ю. Стряупис, Ю. Кернаускас, А. Стрикайкис, И. Заронас; рабочая М. Мацинавичене; монахи обители марианов в Жемайчю Кальварии; просто люди - О. Шимайте, Б. Готаутас. Разумеется, это малая часть. Некоторые не попали в доступные мне источники, так как эмигрировали или погибли в Сибири; некоторые - по скромности; некоторые неизвестны и никогда не будут известны.

Да, у нас не было датского короля. Но пожилая еврейка, уцелевшая в гетто, недавно рассказала мне историю, которую тоже стоит помнить. Молодой литовец, женатый на еврейке, не захотел с ней разводиться, хотя это спасло бы его. Он жил в гетто и однажды стал препираться с литовцем-стражником; тот обозвал его жидовской мордой и пристрелил. Говорят, перед смертью он сказал: "Хорошо, что я умираю как еврей"; может, и не сказал - мифы возникают быстро. Его могила была на кладбище гетто в Вильямполе среди послевоенных новостроек; возможно, сейчас ее уже нет. Я надеюсь, что всегда найдется литовец, у которого хватит духу повести себя так же.

ВАСИЛИЙ ЗЕМЦОВ

ЕВРЕИ И ИЗРАИЛЬ

На этом вопросе спотыкались многие христиане на протяжении столетий, свидетельствуя о своей умственной и духовной незрелости. И немудрено, так как в Священном Писании прямо сказано: "полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна" /К римлянам 9, 33/.

Кажется, иной христианин успешно прошел по всему пути, ведущему к вере, уразумел все сложности и разгадал все загадки, приняв их умом и сердцем. Но на этом вопросе задержался, потому что с самого детства слышал о евреях дурные вещи, проникшие в его сознание, ставшие, можно сказать, компонентом химического состава его крови. Хотя понаслышке он сызмальства много знал о "богоизбранном народе", "о Сионе благодатном", о том, что Библия - это история еврейского народа и т.д., - но в глубинах сознания оставались одни предрассудки.

Шли века. Уже в XX столетии покойный папа Иоанн XXII "узаконил" молитву о евреях. Приводим ее в двойном переводе /с латинского на французский, затем на русский/, не дающем возможности судить о ее языковых и стилистических особенностях. Вот эта молитва:

"Мы совестимся сегодня от лжи, которая многие века ослепляла глаза наши, не замечавшие красоты избранного тобою народа.

Мы поняли теперь, что печать Каинова должна отметить чело наше, ибо на протяжении веков наш брат Авель был простерт на земле в крови и слезах, и это потому, Господи, что мы забыли любовь Твою.

Так прости же нам приговор, который произнесли мы с такой жесткостью, несправедливостью.

Прости нас, что мы распяли Тебя этим самым второй раз, прости, ибо мы не ведали, что творим" /Из франц. газ. "Пресс нувель" № 62, сент.1966/.

Легко представить себе христианина, который привык знать, что евреи суть такие-сякие, что они "нашего Христа распяли", - и вдруг такая молитва, заставляющая его, христианина, обращаться с покаянием к тому же Христу по поводу распявших его евреев. Это же целая революция в сознании, предмет для длительных мучительных размышлений.

Россия всегда была и ныне осталась очагом антисемитизма. На почве темноты, невежества, бесправия православный люд с "запечатанными для правды" мозгами считал евреев ответственными за свое рабское положение, за все исторические зигзаги в своей поистине необъятной стране, за дурную политику своих правителей. И сколько православных христиан, искренне верящих в Иисуса Христа, не могли преодолеть "камня преткновения и соблазна", "положенного в Сионе"!

Невольно возникает вопрос: для чего Богу нужно было "положить" этот "камень" в историю европейской цивилизации, задать такую сложную загадку всему христианскому миру? Попытаемся ответить в меру и силу своего собственного разумения.

"Камень преткновения и соблазна в Сионе" "положен" для того, чтобы человечество, шествующее по стезе христианской веры, по мере прогресса и духовного и

нравственного своего созревания рано или поздно преодолело "еврейский вопрос" как своеобразный барьер, объясняя его с позиции христианского гуманизма. Отношение к евреям и исторической их судьбе - это пробный камень и показатель духовной зрелости того или иного народа, того или иного христианского региона. Понимание того, что евреи - это фактор "программирования" нашей цивилизации, народ, на который высшими силами Вселенной возложена огромная цивилизующая функция, - уже служит несомненным признаком высокого развития личности и целого народа, показателем того, как выполняется программа развития всей цивилизации. Писалось уже неоднократно, что там, где начинается антисемитизм, там кончается человеческое содержание и смысл всей нашей культуры. По мере развития выдавить из себя по капле антисемита - значит пройти по ступеням нормального умственного и духовного воспитания.

Стремление евреев в Израиль - это в первую очередь естественная защитная реакция народа, не смирившегося перед лицом унижений, преследований, погромов, попыток ассимиляции и полного уничтожения. Израиль - это извечное Отечество еврейского народа, дарованное ему когда-то самим Богом. Оскорбительные попытки Сталина принудительно выселить евреев в искусственно созданную "республику" Биробиджан, в последние годы жизни тирана едва не ставшие реальностью, - это попытки изнасиловать историю, сделать вызов воле Верховного покровителя еврейского народа, узаконить насильственную акцию и преподнести ее в качестве наивысшего благодеяния. Но хорошо, что историей распоряжаются в итоге не склеротики-тираны, чей умственный горизонт не простирается далее вершин окружавших их в детстве гор.

Сионистская идея родилась не сейчас и не в XIX веке. Ей уже тысячи лет. Когда в 70 г. I века н.э. были разрушены Иерусалим и Соломонов храм, вскоре появились первые "плакальщики", приходившие к Стене Плача высказать свою заветную мечту о возрождении Сиона. Из века в век они приходили сюда. Вот как описал все это в книге "Иерусалим" швед Свен Хедин, посетивший в 1916 году этот город:

> "Мы заворачиваем между двумя старыми школами из времен крестоносцев и султана Саладина в переулок, ведущий меж выступающих углов по уклонам и камням, местами по лестнице, между жалкими грязными жилищами марокканцев и других африканцев к Стене Плача иудеев, представляющей собой наружную часть стены храмовой площади. Там открывается нам трогательная картина. Приткнувшись головой и руками к гигантским плитам неотесанной стены, стоят евреи и еврейки и плачут, и сокрушаются о прошедшем величии их народа, об упадке святого города, о разрушении их храма. Тут стоят чернобородые евреи с изношенными широкополыми шляпами и в длинных выцветших сюртуках и без устали бормочут свои молитвы и скорбные песнопения. Испанские евреи, со свойственным им от рождени видом, полным достоинства, перелистывают потрепанные молитвенники. Лицом к стене сидят старики на голой земле, и женщины плачут, укутавши лица в платки. Из вечера в вечер приходят они сюда после дневных трудов и забот, в особенности же в кануны больших праздников. Как только они соберутся, начинает раздаваться тихая скорбная музыка их чередующихся молитв.
>
> Запевала молит у Извечного о сострадании к Сиону; "Собери детей Твоих в Иерусалиме", - взывают остальные. "Да вернется царство опять в Иерусалим", - молит предстоятель. "Утешь тех, кто скорбит о Иерусалиме", - гласит ответ. Кантор напоминает общине о причине их печали, о разрушенном храме, о снесенных стенах, об исчезнувшем величии еврейского народа, о

его великих людях, о его сожженных драгоценностях, о его непостоянных первосвященниках и об его царях, презревших законы Господа Бога. Так плачут здесь евреи вот уже полторы тысячи лет и орошают камни своими слезами, отрезанные могучей стеной от святая святых, в которой вздымался когда-то во всем своем великолепии кивот и где на утесе курился жертвенный алтарь... Но как бы они ни молили и ни взывали к Богу, - они напрасно ждут ответа. Пусть бы уж, наконец, замолкли эти жалобные причитания и иссякли эти потоки слез."

Но швед жестоко ошибся: во-первых, евреи не напрасно столетиями "молили и взывали к Богу". Они дождались от Него ответа. Во-вторых, если "эти жалобные причитания" не замолкали, то они принесли большие плоды: Израиль существует ныне как государство, и существует он не в "унижении и скорби", а в "силе". Пусть слепые прозрят хотя бы для того, чтобы увидеть и рассмотреть этот несомненный факт новейшей истории.

Никакой другой народ, в том числе и мы, русские, не можем представить - как это можно из века в век под каждый Новый год за праздничным столом, богатым или скудным, все равно поднимать один и тот же, всегда один и тот же тост: "В будущем году - в Иерусалиме!" Сколько человеческих надежд, жгучей тоски и печали в этих неизменных словах! Разве нужно иметь какое-то особенно чувствительное, а не простое человеческое сердце, чтобы оно сжималось от сострадания при одном упоминании о таких удивительных и многозначительных словах!..

В фонде еврейских ценностей есть еще один подобный факт, способный растопить любое оледеневшее сердце: это - еврейское священное песнопение, плач по усопшим предкам, которые умерли, не сумев или не успев увидеть в жизни святого Сиона. Мы имеем в виду гимн "Кол нидрэ" /"Все клятвы"/, каждый год исполняемый в синагогах в день Йом-Кипур. На трагически-торжественных нотах звучат слова великой верности евреев своему изначальному Богу - суровому, беспощадному, но и снисходительному верховному отцу Саваофу, ради любви к которому евреи тысячелетиями жертвуют своими жизнями. А когда враги еврейского народа предлагают ему неумолимую альтернативу: либо принесите клятву на верность новому богу, либо мы уничтожим не только ваших мужчин, но и женщин, и ваших детей, и от всего народа вашего не останется ничего живого /а такие случаи в истории были, например, в Средние века в Испании/, - евреям не оставалось ничего иного, как принести новую, "внешнюю" клятву, сохраняя в душе любовь и приверженность к своему старому Богу. Старые раввины, хранители огня первичной веры, знают, что "Кол нидрэ" - все клятвы, принесенные новым богам, недействительны, если теплится верность к Саваофу. Мы не знаем, правы ли древние еврейские мудрецы, утверждавшие, что "и камни мыслят". Но мы хорошо знаем, что камни могут "вопить". Вопль камней, заложенных в Стену Плача, впитавшую в себя стенания многих поколений плакальщиков Сиона, не мог не дойти до Бога и остаться им неуслышанным.

Существуют слова: тот, кто хотя бы раз видел только врата ада и даже не видел его кругов, - уже достоин сострадания. Но почему же в наших сердцах так мало сострадания к собственному брату - человеку, видевшему не только врата, а прошедшему по всем кругам земного многотысячелетнего ада! О люди, люди, где уж нам ждать милости от Бога, если сами мы не способны быть милосердными к своим же братьям...

Писал великий пророк Исайя: "Злодеи злодействуют и злодействуют злодеи злодейски" /24, 16/. Это о нас.

Великий пророк Исайя говорил: "Ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом

прикроем себя" /22, 15/. Это - тоже о нас.

Исайя, пророк великий, пророчествовал: "Не всегда будет мрак там, где теперь он сгустел" /8, 22/. И это о нас.

Должна же и у нас быть какая-то надежда на прозрение!

На лестнице совершенствования христианской веры много трудных ступеней. Преодолеешь одну ступень, отдышишься, осмотришься, подумаешь, - и оказывается, что следующая ступень еще труднее. Но самая трудная для преодоления это та, о которой мы сейчас говорим. Правда, святые отцы и великие праведники со знанием дела утверждают, что для человека, идущего по ступеням веры, есть еще более трудная ступень - преодоление человеческой гордыни. Мы же считаем, что преодолеть предвзятость и невежество - тоже подвиг.

Когда все люди смогут чистосердечно и искренне про себя сказать, что они в душах и умах преодолели наконец-то "еврейский вопрос", это "великое отторжение", - тогда можно будет утверждать, что Царство Божие, которое "внутри нас есть", - воистину "при дверях".

Что такое сионизм? Сам термин появился сравнительно недавно, примерно в конце XIX века. Но явление, обозначаемое этим словом, существует, как мы сказали выше, очень давно. Оно отражает и выражает стремление евреев в Палестину, где они жили почти полторы тысячи лет еще в дохристианскую эпоху и где происходили главные события, описанные в библейских книгах. С Палестиной связана вера евреев в осуществление древних пророчеств и надежда на обретение вновь своей государственности вокруг священного Сиона. Государственность была ими утрачена еще в I веке н.э. в результате римского завоевания и потери Иерусалима, а также рассеяния, предсказанного пророками.

Непрерывно из века в век, начиная с антиримского восстания евреев под водительством "Сына Звезды" - Симона Бар-Кохбы /II в./, осуществлялись постоянные попытки еврейского народа вернуть себе утраченную родину. Волны палестинско-мессианского движения, исторически обреченного, поднимались многократно, но события показывали, что "срок еще не вышел". Саббатай Цеви в XVII в. положил начало огромному подъему мессианских чаяний, охвативших евреев в Малой Азии, в турецких владениях на европейском континенте, в Речи Посполитой и других странах Европы. Эрец Исроэл - Земля Израиля оставалась притягательной точкой для тысяч паломников и поселенцев.

Европейское движение культурно-национального возрождения /иллиризм, омладина, будители, "Молодая Германия", "Молодая Италия" и др./, возникшее во многих странах в первой половине XIX века, не могло не породить определенных параллелей в представлениях как самих евреев, так и европейцев. Возникли призывы о необходимости предоставления права политической независимости и еврейскому народу. Но только в 1897 году разрозненные голоса прозвучали стройным хором на Первом Базельском конгрессе сионистов, выработавшем программу действий и положившем начало созданию сионистской лиги. Выступавшие на конгрессе Т. Герцль, М. Нордау, Л. Кан, М. Гастер, М. Мандельштам и др. говорили, что образование палестинского государства - дело не одних евреев, но и всего культурного европейского мира, а еврейский вопрос как таковой касается человечества в целом.

В 1898 и 1899 гг. в том же Базеле состоялись 2-й и 3-й конгрессы, продолжившие усилия предыдущего. События ускорялись в связи с тем, что в Европе образовался определенный слой еврейского населения, бежавшего из России в результате погромов 1881-82 гг. и нуждавшегося в упрочении своего жизненного положения,

поскольку эмигранты не имели ни постоянного крова, ни средств к существованию. Ряд российских городов вообще был покинут евреями, устремившимися в Западную Европу, США, Канаду, Палестину. Поэтому потребность евреев в своем государстве становилась неотложной и жгуче злободневной, тем более, что начало 80-х годов XIX века отмечено актами антисемитизма и в Западной Европе.

Базельские сионистские конгрессы стали выражением актуальной проблемы образования суверенного еврейского государства. Большую финансовую помощь делу евреев оказали барон Гирш и финансист Э. Ротшильд.

Вторая мировая война до крайности обострила проблему, так как в результате геноцида, устроенного германскими фашистами, половина евреев Европы оказалась фактически истребленной. Организация Объединенных Наций вынуждена была в 1947 г. поставить на повестку дня вопрос о создании государства Израиль вопреки противодействию правительства Великобритании, видевшей угрозу своему монопольному господству над ближневосточной нефтью, при нейтральной позиции США, не решавшихся высказаться определенно ни за, ни против предоставления евреям независимости и суверенитета. Позиция советского правительства была отчетливо благожелательной. Если читатель перелистает советскую прессу за ноябрь 1947 г., то обнаружит в ней выступление нашего представителя Царапкина, который по полномочию своего правительства говорил в ООН о том, что многострадальный еврейский народ, тысячелетиями рассеянный среди чужих народов, несомненно нуждается в создании собственной родины. Опираясь на ленинские принципы решения национальных проблем, Царапкин показал всему миру образец доброжелательности и справедливости СССР по отношению к еврейскому народу.

В 1947 г. ООН провозгласила необходимость создания Израиля. Так осуществилось пророчество Т. Герцля, предсказавшего в 1897 г., что "через пятьдесят лет государство Израиль обязательно будет создано". Мы не намерены напоминать читателю страницы дальнейшей истории, поскольку она прошла у него на глазах. Скажем, что она была очень трудной. Некоторые представления о ней дают книги Л. Уриса "Исход" ["Эксодус"]и Л. Мнячко "Агрессоры".

Проблема собирания евреев далеко не закончена. В нашей стране перипетии переселения евреев в Израиль в значительной степени напоминают исход из Египта, имевший место три с половиной тысячи лет тому назад, во времена Моисея. Напомним, что рассказывает об этом Библия.

В книге "Исход" читаем, как Бог, увидев тяжкое рабство евреев в стране египетской, решил помочь им: "И увидел Бог сынов Израилевых, и призрел их Бог", вспомнив "завет Свой с Авраамом, Исааком, Иаковом" /Исход 2, 25, 24/. Явившись в виде Ангела, Бог говорил Моисею: "Вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне" /3, 9/. "Я выведу вас от угнетения Египетского" /8, 17/. "Я знаю, что фараон, царь Египетский, не позволит вам идти, если не принудить его рукою крепкою" /3, 19/. Так оно и получилось: фараон, услышав Моисея и Аарона, ходатаев за свой народ, "дал повеление приставникам над народом и надзирателям, говоря: ...дать им больше работы, чтобы они работали и не занимались пустыми речами" /5, 6-9/. Рабство усилилось, как и предполагал Бог. "И сказал Господь Моисею: теперь увидишь ты, что Я сделаю с фараоном; по действию руки крепкой он отпустит их; по действию руки крепкой даже выгонит их из земли своей" /6, 1/. "Я ожесточу сердце фараоново и явлю множество знамений Моих и чудес Моих в земле Египетской" /7, 3/. Далее, как известно, Бог наслал на Египет "казни", но сердце фараоново было ожесточено и он не отпустил евреев. Впрочем, он соглашался вначале отпустить одних мужчин, чтобы женщины, дети, скот остались как заложники и как знак возвращения для мужчин.

Но Бог велел выйти всем, вместе с их имуществом. В итоге, после длительного бесплодного сопротивления фараон вынужден был отпустить еврейский народ из Египта.

В нашей стране происходят события, во многом напоминающие те, которые когда-то были в Египте. "Фараон" наш после длительного сопротивления решил отпустить евреев только старых и больных, а молодых повелел не отпускать, дабы они "не могли служить в израильской армии и мешать арабскому делу". Соответствующим органам были даны указания всячески мешать евреям. В ход пущены террор, обман, экономические санкции, откровенный шантаж, практика арестов, судов, бюрократических проволочек, игры на нервах, то есть весь арсенал средств, апробированных на протяжении десятилетий в борьбе против всякого инакомыслия. В последние годы появилось новое средство, новый сатанинский изыск, - сажать в дома для умалишенных здоровых людей, с которыми под видом "лечения" можно делать все, что угодно, даже действительно сделать их умственно неполноценными. В этих дьявольских колониях под прикрытием милосердия творятся страшные дела, которые и не снились в своей изощренности средневековым рыцарям костра и виселицы. Впрочем, весь мир уже достаточно наслышан об этом.

Трудно сказать, сколько "казней" должен наслать Бог на нашу страну, чтобы "смягчить сердце фараоново", но такие "казни" неминуемы. И мы не удивились бы, если бы по стране прокатилась волна бедствий и несчастий настолько таинственной природы и характера, что никакая правительственная комиссия не установит подлинных причин этих трагических событий. Кстати, насколько нам известно, март 1972 г. показал, что во многих городах Бог уже явил действие своей карающей десницы. Если об этом действии молчала наша пресса - тем хуже для самой прессы и тех, кто ей верит. Смысл событий сформулирован тысячи лет тому назад: "Отпусти мой народ".

В припадке пропагандистского восторга наша официальная печать сравнивает сионизм с фашизмом. Это сравнивание настолько несерьезно и настолько непродуманно нашими идеологами, что оспаривать его было бы просто смешно. Всерьез оспаривать - значит хотя бы частично признать правомерность подобного сравнения. Азбучной является истина: фашизм начинается с диктатуры одной партии. Пример "черного" муссолиниевского, "коричневого" гитлеровского и "желтого" маоистского вариантов фашизма в этом смысле весьма доказателен. А в Израиле существует несколько партий и союзов, участвующих в борьбе за право на власть. Когда в кнессете /парламенте/ раздались голоса о необходимости ликвидировать в Израиле партию коммунистов, поскольку она ведет подрывную деятельность в интересах некоей внешней силы, - государственные лидеры недвусмысленно заявили, что если Израиль хочет остаться демократической страной, он должен терпеть и коммунистов как плату за демократию. Более того, под впечатлением "великой китайской культурной революции" в Израиле появилась даже вторая коммунистическая партия.

Еврейский народ принес самую большую кровавую дань на алтарь фашизма. Даже такие жертвенные народы, как боснийцы и белорусы не могут сравниваться с евреями в своей жертвенности. А мы говорим, что сионизм - это фашизм. Впрочем, ложь не имеет пределов. Ограниченной бывает только правда.

Наши идеологи утверждают, что сионизм - это национализм. А разве много лет прошло после 1948 года, когда все официальные наши пропагандисты и газеты кричали наоборот, что, мол, евреи по самой своей природе "беспаспортные космополиты", чуждые идее нации? Так кто же они, космополиты или националисты? Или те и другие, в зависимости от поворота идеологического флюгера нашей пропаганды? Ведь невозможно одновременно быть и космополитом и националистом.

Если уж быть справедливым, то следует сказать, что согласно библейским установлениям Израилю в определенной временной перспективе надлежит стать государством многонациональным. Да, многонациональным. Почитаем у Исайи /очень полезное чтение для политиков/: "И будет в тот день: Господь снова простpет руку Свою, чтобы возвратить Себе остаток народа Своего, ...и поднимет знамя язычникам и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев соберет от четырех концов земли" /11, 11-12/. "Близко время его, и не замедлят дни его; ибо помилует Господь Иакова и снова возлюбит Израиля; и поселит их на землю их, и присоединятся к ним иноземцы и прилепятся к дому Иакова" /14, 1/. "И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы" /2, 2/. "И не будет в Египте такого дела, которое совершить умели бы голова и хвост, пальма и трость... И поразит Господь Египет, - поразит и исцелит; они обратятся ко Господу - и Он услышит их и исцелит их... В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассириею; благословение будет посреди земли, которую благослoвит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой - Египтяне, и дело рук Моих - Ассирияне, и наследие Мое - Израиль" /19; 15, 22, 24-25/.

Вот тебе, бабушка, и национализм, да еще и расизм в придачу! А ведь в условиях Израиля, в котором сильно теократическое начало, библейские истины во многом совпадают с государственной политикой.

Обвинять евреев можно во многом, даже в использовании крови невинных христианских младенцев в ритуальных целях, то есть в целях изготовления пасхальной мацы. Дурак и простофиля весьма падки на подобную лакомую сенсационную приманку. Но ни тот, кто эту злостную чепуху выдумал, ни тот, кто ее подхватывает, видимо, никогда не слышал, что евреям на все века самим Богом Яхве запрещено употреблять в пищу животный продукт, если в нем сохранилась кровь. Потому им и нельзя есть так называемой удавленины, что из нее не выпущена кровь. Эта священная заповедь, которую верующие евреи на протяжении тысячелетий выполняют неукоснительно. А мы-то говорим, а дурак-то верит!

Евреям можно инкриминировать еще, например, милитаризм, желание обезопасить свою страну, укрепив ее оборону. Два с половиной миллиона бессовестных жителей Израиля, настроенных шовинистически, милитаристически, националистически и "фашистски", организовали захватническую армию, установили связь с США, откуда получают оружие, и ждут не дождутся момента, чтобы поглотить арабов. А сто миллионов несчастных,невинных, ничего не подозревающих арабов, настроенных филантропически и идиллически, под руководством своих не менее невинных лидеров, мечтающих о всеобщем благоденствии, мире и процветании для всех, вынуждены создать десятикратное численное превосходство своей армии, обратиться за помощью к другой великой державе и ждать случая отбить атаки агрессора. А когда агрессор не начинает своей агрессии - начать войну самим, а его, Израиль, обвинить в нападении. Ведь так и возникла Шестидневная война 1967 года. Разоблачению политики Насера в этой войне посвящена превосходно аргументированная книга Л. Мнячко "Агрессоры" и выступление румынского министра иностранных дел Менеску на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в 1967 г. И вообще следует сказать, что Египет всегда был и остается страной чудес: в 1948 г. вооруженная англичанами агрессивная армия Насера была разбита несколькими тысячами израильтян-кибуцников. Египетский полководец, запросив пардону, совершил с остатками своей армии блистательную ретираду до самого Каира, где объявил... парад победы.

Так вот, мы любим обвинять молодое государство в милитаризме. А сами забы-

ваем, что всего полстолетия тому назад, когда только что родились и когда у нас внешних врагов было больше, чем пальцев на обеих руках, мы вынуждены были создать огромную армию, чтобы выстоять и выжить. Но исторические уроки учитываются политиками менее всего...

Евреи нашей страны, при всем их сочувствии к судьбе Израиля и своего народа, страшно разъединены и дезориентированы, так как у них нет никаких форм организации. Лишенные элементарных возможностей сохранять свою культуру, язык, иметь театр, нужное число синагог, читать свою прессу /не можем же мы всерьез относиться к журналу "Советиш Геймланд"/ - в настоящий момент многие из них в ожидании развязки событий отсиживаются и смотрят, что получится из инициативы их наиболее предприимчивых, убежденных и энергичных товарищей. Но отсидеться им не удастся, как не удастся и "фараону" удержать их. Тот, кто планирует будущее, когда-то устами Исайи говорил: "Горе тем, которые... говорят: пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святого Израилева, чтобы мы узнали" /4, 19/. Скоро придется сниматься всем евреям со своего места и всем придется направиться туда, куда велел Верховный Повелитель. Многие из тех, что совсем недавно встречали Новогодний праздник тостом "В будущем году - в Иерусалиме!" - уже находятся там. По сравнению с временами египетского исхода есть и разница в настоящем: тогда евреи ушли из Египта, сумев обобрать египтян; теперь из нашей страны они уходят, будучи сами обобранными до нитки. Видимо, недаром когда-то говорилось, что в делах воровства и обмана первенствует не еврей, не грек и не армянин, а московский мещанин...

Понять и решить для себя "еврейский вопрос" вовсе не означает придти в состояние восхищенного умиления перед евреями. Дело в том, что на протяжении тысячелетий сами евреи получили колоссальную "порцию" развращения. Веками на них оказывала сильное развращающее влияние чуждая среда, они постоянно испытывали на себе демоническое воздействие сатанинских сил планеты, а в ряде случаев сами становились проводниками такого влияния. Предавшись грубому банальному материализму и атеизму, некоторые из них поддались усилиям ассимиляции со стороны европейских правительств и народов.

Преодолеть в себе "барьер отторжения" по отношению к евреям для христианина означает: а/ понять вынужденный характер еврейской истории, в которой они были проводниками принципа "виновности без вины"; б/ понять цивилизующую роль еврейского народа в процессе создания послепотопного мира на Земле, на перекрестке путей, ведущих из Европы в Африку и Азию, а также на стыке иудейской, христианской и мусульманской культур в недрах старого эллинского мира; в/ наконец, отнестись к оценке достоинств и пороков еврейского народа с позиции терпимости, то есть с тех же позиций, с которых мы оцениваем положительные и отрицательные черты во французах, немцах, англичанах, русских и других народах. Пока человечество не преодолеет этого "барьера", - ему трудно будет считаться человечеством цивилизованным. Среди множества новых проблем, стоящих перед земным человеческим коллективом, эта древняя проблема по-прежнему ожидает своего решения. Первыми ее призваны решить для себя христиане.

ИЛЬЯ РУБИН

Р. Нудельману с любовью

ЗАМЕТКИ О КАРНАВАЛЬНОСТИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

"Давид скакал из всей силы перед Господом"

/2 кн. Царств 14/

Шута, раба, оборванца, Квазимодо всенародно короновали на площади. Его наряжали, благословили, увенчивали короной, несли на высоко воздетых руках. Потом - развенчивали, задушали, били, сбрасывали в грязь. Погасали его неповторимые, звездные, королевские часы, исполненные почти королевского величия и неподдельной королевской скорби.

Проверим на лигатуру звонкую монету шутовского взлета - чем существенно отличается истинный король от своего ярмарочного двойника? Как в апории Зенона, каждое отдельно взятое мгновение его царствования неотличимо сходно по своей подлинности с серьезностью и трагизмом внекарнавального бытия помазанника и властелина. Но ярмарочный король был и ощущал себя королем внутри карнавала - зыбкого, ахронистического, лишенного всякой абсолютности. Антей на час, он царил, лишь приникая всем телом к телу вознесшего его карнавала. Безнадежность избранничества не сжигала рабскую судьбу без остатка. Но истинное величие - всегда безвыходно. Король значит именно то, что он есть; и есть он только то, что значит. Коронование шута - аллегория, модель, не воплощение идеи, но ее иллюстрация. Королевское достоинство не создается и не отменяется внешними обстоятельствами - оно безусловно. Его "настоящесть" отзывается в нашей душе чувством прикосновенности к истории. "Государство - это я", - не только фраза. Ярмарочный король относится к настоящему королю так же, как относятся печеный хлеб и сладкое вино к измученному, пробитому гвоздями телу.

"Карнавал - это великое всенародное ощущение прошлых тысячелетий" /М. Бахтин/. Прошлых? Значит ли это, что карнавал не принадлежит к праэлементам истории? Что король-карнавал оказался всего лишь ярмарочным королем? Неужели он развенчан, умер, обращен в прах, в то время как вдовствующая королева Клио продолжает благополучно царствовать, умножая свое достояние храмами, дворцами, войнами и концлагерями?

В этой статье автору хотелось бы попробовать вернуть карнавалу отнятое у него королевское достоинство, сделав шаг от истории карнавала к карнавальной истории; показать, что по крайней мере для одного народа вся целостность исторического бытия онтологически синонимична карнавалу. При этом надо заметить, что всеобъемлющее космическое значение придается не самому явлению карнавала в его узком, зрелищном, "добахтинском" смысле, но всей совокупности философских и экзистенциальных категорий, наполнивших ныне это слово.

1

Когда происходило увенчание раба? В Синайской пустыне, подле горы Синай. Именно там Господь избрал и короновал свой народ - отныне и навеки обреченный Божьей единственности и Божьему, королевскому одиночеству. Но увенчание было карнавальным. Ибо короновали беглого раба. Рабом был весь народ - рабом до мозга костей, всеми помыслами, всеми надеждами и страхами. Он покорялся, как раб и бунтовал, как раб. И, подобно рабу, за провинность его наказывали смертью. Ибо единственное достояние раба - жизнь. Увенчание было карнавальным. И необходимый атрибут карнавального действа - развенчание - грянул сверху почти тут же. И разбил в гневе Моисей скрижали - тяжелые зубья каменной короны. Все произошло, казалось бы, по карнавальному канону. Но вдумаемся - так ли?

Увенчание народа-раба было вечным. Так бывает всегда, когда карнавалом правит Бог. А развенчание? О, оно тоже было вечным. Так бывает всегда, когда коронуют раба. Но коронованный раб не может не претворять в свободу неотменимость королевского достоинства - и поэтому во вневременной этой паре увенчание иерархически выше развенчания. Разница между ними и есть то, что Библия называет "святым остатком". Поэтому народ-раб становится избранным народом, а трагедия кровавого падения в грязь и подлое улюлюканье черни обретают космический смысл - не случайность, но история, не прихоть, но судьба.

В средневековой Европе ярмарочного короля возносил не Бог - народ. И вознесение это было непрочно, отменимо, преходяще. Богу повседневности средневековый карнавал противопоставлял народобожие праздника. Народ короновал сам себя - в этом была дурная неразрешимость, тавтологическая бессмыслица. В кровосмесительном припадании к земле, в братании плоти с плотью обрывался вечный диалог Бога и человека. Сбрасывание коронованной плоти в грязь означало бегство ее под сень снисходительного до неразборчивости духа. И позор карнавального торжества искупался "официальной, монолитно-серьезной подчиненностью строгому иерархическому порядку, полному страха, благоговения, догматизма и пиетета" /Бахтин/. Переход от карнавала к повседневности и обратно каждый раз был подобен грехопадению. "Где ты, Адам?" - спрашивал Господь хохочущую, плодящуюся, смердящую плоть. И она, плоть, в ужасе бросалась в монастырь или в крестовый поход, надевала вериги, расчесывала кровавые язвы и лобзала прокаженных. "Где ты, Адам?" - в тоске вопрошал Господь юродивого, фанатика, изувера, Савонаролу. И начинался карнавал. В нем христианин искал временного спасения от благочестия и порядка, представлявшихся ему бременем, тяжким ярмом. Карнавал дарил его наркотической свободой сновидения, бреда. Карнавальное обновление совершалось не во имя отмены рабства, но во имя его увековечения. Издевательская свобода раба на сатурналиях была только безбожной и бесчеловечной игрой. Карнавальный смех адресовался не свободному человеку, нелепо впавшему в рабство, но рабу, возомнившему себя свободным. Амбивалентность этого смеха была ущербной, иллюзорной, ибо за ней стояла мертвая абсолютность духовного и телесного рабства. Карнавальный отказ от серьезности означал, в сущности, отказ от веселой серьезности свободы, но оставлял неприкосновенной хмурую серьезность рабства.

Лишь в Боге карнавал увенчивал свободой коснеющий в рабстве народ. Развенчание было карой за возвращение к шутовским богам, к несвободе идолопоклонства от истинной свободы Завета. Эта кара возвышала, не отменяя увенчания, но требовательно его утверждая. Площадный люд, сбрасывая в грязь ярмарочного короля, возвращал его в грязь, увековечивая убожество калеки и шутовство шута. Отказ

христианского карнавала от серьезности был свидетельством его порочной неполноты. Истинный карнавал, духовно равный истории, вмещает в себя благочестие и фамильярность, веселость и благоговение, иерархию и свободу. Унизительное равенство христианского карнавала сродни евангельскому равенству, не возносящему человека к Богу, но временно, ярмарочно низводящему Бога до уровня человека - причем евангельская человечность понимается как рабство и косноязычная, юродивая бездуховность. Синайский карнавал навеки узаконил состояния диалогического равенства человека и Бога. Не Бог опустился в грязь, но целый народ возвысился до Бога. Не раб, не мытарь, по праздникам мнимо равный хозяину, кесарю, но свободный народ, вступивший с Господом в отношения ревности и партнерства - так начал Израиль многотысячелетний карнавал своей истории.

2

"В одном украинском местечке был погром. Рабиновича, мелкого торговца, погромщики приколотили гвоздями к дверям его лавчонки. Утром другого дня сосед Рабиновича, Иван, проходя мимо распятого, спросил его: "Хаим, тебе очень больно?" - "Да нет, - ответил Рабинович, - только когда смеюсь..."

Синайский завет освятил, королевски увенчал иудейскую повседневность. Но тень развенчивания напряженно подвергала ее карнавально-анекдотической поляризации. Христианское средневековье разделило сакральное и человеческое ужасом непонимания - недаром лютеровский перевод Библии убил карнавал. Человечески приблизиться к священному можно было, только профанируя его. Так возникла "parodia sacra ". Церковь допускала глумление над литургией, чтобы очеловечить святыни единственно доступным народу способом. В этом смысле торговля индульгенциями и фальшивыми мощами своеобразно продолжала карнавальное снижение религиозных догматов. Органическое перенесение сакрального в народный быт всегда свершалось путем неадекватного перевода: или на язык примитивной эсхатологии, или на площадный язык, снижающий святыню до уровня базара.

Иудаизм сакрализовал будничный обиход еврея до такой степени, что сам этот обиход стал подобием литургии. Священное и возвышенное пронизывало еврейскую историю не только вглубь - от века к веку, но и вширь - от человека к человеку. Однако пропасть между несомненностью призвания и беспощадностью Божьего гнева головокружительно раскачивала заурядную судьбу каждого еврея от избранничества, вечной и неотъемлемой благодати /увенчание/ до социального бесправия, унижения, плотского ужаса /развенчание/. Таким образом, все его мироощущение было существенно, целостно карнавальным. Литургия еврейских будней реально и серьезно профанировалась. Поэтому, если обычно анекдот обнажает внутреннюю парадоксальность рутинного бытия, анекдот еврейский аналогичен "parodia sacra", ибо всякое пародирование еврейского быта есть пародия на литургию. Еврейский анекдот - это безжалостная, но благоговейная насмешка над своей избранностью, над королевской короной, заплеванной чернью, это самоироническое подчеркивание карнавального диссонанса между литургической сверхзадачей быта - и развенчивающей его реальностью.

Характерный анекдот, приведенный нами выше, - явная аллюзия на евангельские тексты. Но распятие не венец, не катарсис для царя иудейского, низверженного в мелкие торговцы. Распятие - быт, срединная ступень, над ним смеются, хотя смеяться очень больно. Интересно, что Иван и не пытается снять Рабиновича с креста, а тот не просит его об этом: все, что произошло с Рабиновичем, касается только двоих - Бога и Рабиновича. Веселое терпение распятого еврея не самоцен-

ная добродетель - оно есть результат нерушимости Завета, веры в исполнение Божьих обещаний, сознания своего королевского достоинства.

Исследуем смеховую структуру этого анекдота. Первое звено смеха возникает как следствие пародического снижения иисусовых страстей. Именно на этом уровне останавливалась обычно "parodia sacra ". Но еврейский анекдот не ограничивается насмешкой над распятым - смеется и сам распятый. Смеется над своими королевскими надеждами, над своей необыкновенной живучестью, над нелепой, псевдохристианской торжественностью своих мучений. Распятый не превращается в отвлеченную категорию только потому, что испытывает боль. А чтобы испытывать боль - надо смеяться, оставляя распятию только биографическую обыденность факта. Это - второе звено смеха, уже специфически иудейское, смех внутри анекдота: обычному анекдоту присуща внутренняя серьезность, которую внешне обрамляет смех слушателя.

Наконец, возникает третье смеховое звено - мы облегченно и почтительно радуемся самоосмеянию распятого, его остроумию и хитроумию, придавшим добровольность и смысл нечеловеческой боли. Все три звена образуют смех над смехом - смеховую цепь. Самое карнавальное, самое звенящее звено этой цепи - среднее, внутренне вплавленное в анекдотическую ситуацию. А если встать в конец цепи и оглянуться - может оказаться, что вся эта забавная история рассказана о тебе самом.

Самый смешной из еврейских анекдотов - диалогически серьезен. Его комизм - реплика в существенном, благочестивом диалоге между вспышкой избрания и бытовой протяженностью его реализации. Еврейский анекдот полностью разомкнут в историю. Именно в силу присущей ему внутренней историчности ему почти чужд сюжетно-исторический жанр - с его навязчивым подчеркиванием враждебной несовместимости истории и человеческой судьбы. Да еврею и не нужно вплетать в анекдотическую ткань сильных мира сего - ведь каждый еврей ощущает себя и является на деле историческим персонажем. Если другие народы в анекдоте отчуждаются от бездушного, расчеловеченного внекарнавального бытия, еврей понимает и принимает в нем свою историю, иронически и хвастливо говоря ей: "Вот я!"

3

Серьезность, отделяющая от игры непререкаемость духовной и социальной практики, выносилась за скобки христианского карнавала, как из порохового погреба выносится горящая свеча. Утопическую свободу карнавального действа охраняла железная несвобода средневековых будней. Пожар ярмарочного своеволия был жестко вправлен в ледяную глыбу аскетического самоограничения, инквизиционной подозрительности, безоговорочного подчинения мертвой букве Вульгаты. Как мистер Джеккль и мистер Хайд, карнавал и христианская духовность двоедушно наполняли живое тело Средневековья. Карнавальная свобода допускалась только в силу ее иллюзорности - так детям позволяют размахивать деревянными саблями, так римляне угощались праздничным, карнавальным цирковым убийством, когда мудрой и циничной властью отмерена каждая капля рабской, варварской крови. Необходимо присущие карнавальности иудейского бытия категории христианским карнавалом или шутовски обесценивались /свобода, социальное равенство/, или овнешнялись /иерархическая почтительность, благочестие/, холодно отрицая бутафорский ярмарочный бунт. Если же оковы оказывались недостаточны и карнавал, сбросив их, взрывоопасно соединялся с серьезностью и свободой, если ярмарочный король отказывался сбросить мишурную корону и возвратиться в грязь...

Тогда на улицы Парижа высыпало нечистое воинство Клопена Труйльфу. Тогда "стихийно-материалистический народный смех" /Бахтин "Рабле и Гоголь"/ сокрушал церкви и сжигал библиотеки. Тогда шутовское равенство обращалось в революционное равенство - не в бессмертии, но в смердящей тленности, не в Боге, но в безбожии, не в разуме, но в самодовольном невежестве и глумлении над здравым смыслом. Преодолевая свою неполноту, христианский карнавал не становится царством воплотившегося духа и одухотворенной плоти. Он становится революцией, развенчивая короля гильотиной и профанируя священника лагерной баландой и шмоном. Нет, христианский карнавал не умер; вернее, умерев, он перешел в страшное состояние, именуемое Кольриджем "смертью в жизни". Недаром Иисус Христос дирижирует частушечной, скоморошьей, похабной стихией "Двенадцати" Блока. Недаром ярмарочную королеву петроградской улицы развенчивают пулей - традиционный ком карнавальной грязи в семнадцатом году свинцово отвердел. Гротескность карнавального сознания пресуществилась после революции в кошмарную гротескность бытия.

Превратившись из "всенародного мироощущения" во всенародную обыденность и реальность, христианский карнавал стал злокачественно перерождаться. Воскресная праздничность карнавала обратилась в смертную тоску вечного праздника. Из символического жеста бытом стало сбрасыванье в грязь. "Стихийный материализм" и "веселая относительность" оказались могучими психогенными факторами, мгновенно растлившими многовековые этико-культурные традиции народа. Поскольку созидательная деятельность всегда существовала вне карнавала и никак не вписывалась в подчеркнутую праздность карнавального сознания, почти одновременно сформировались две ипостаси гротескного труда - театрализованный и принудительный. Первая из них /субботники, почины, соцсоревнования и т.п./ хотя и отвечала духу карнавального действа, оказалась совершенно непродуктивной. Поэтому принудительный труд принял поистине фантастические масштабы. Пародийно сниженные Ад и Рай материализовались на Земле Концлагерем и Заграницей. Утверждающее осмеяние старости из символа стало ритуалом, приобрело людоедскую буквальность домифологических времен. "Как утверждает Тимей, жители Сардинии, когда у них стареют родители и начинают думать, что те уже достаточно пожили, отводят их к тому месту, где намереваются их похоронить, и, вырывши яму, сажают на ее краю тех, кто собирается умирать, а потом каждый из них поленом ударяет своего отца и сталкивает в яму. При этом старики радовались, что идут на смерть, как блаженные, и погибали со смехом и благодушием" /"Схолии к "Государству" Платона/. Площадной бунт против церковных догматов, движимый страхом перед беспощадностью личного бессмертия, привел к тому, что в царстве победившего карнавала восторжествовало трупное равенство продажности и чести, скептической духовности и тупой веры, гуманной строгости закона и распутства беззакония. Оклеветанные, униженные будни духа не смогли однажды развенчать коронованного шута, и, как в известном рассказе Льва Толстого, сквозь нежный обман тонкокожего вальса проглянула визжащая истина шпицрутенов, разделывающих дрожащий кусок человеческого мяса.

Очень существенно, что идейное содержание карнавала длилось только в могучем силовом поле внекарнавальной христианской идеологии. Мгновенное вырождение этих идей в послереволюционном мире означало, собственно, не вырождение, не деградацию, а исчезновение, отсутствие. Идеи христианского карнавала не обладали "для-себя-бытием", являясь чисто дискутивными категориями, подобно оппонентам Сократа в большинстве платоновских диалогов. Их бытие было вторичным, наведенным, лунным. Так, положение Иисуса о предпочтительности базбрачия есть одна из основополагающих идей христианства. Дискутивные же уступки плоти - будь то освященный церковью брак или сексуальная разнузданность карнавала - существует лишь по отношению к христианскому аскетическому максимализму и только

благодаря ему. Также идейно пусты сами по себе "сытость", "всеобщее равенство" и т.п. Безбожие всегда предполагает внешнее сознание, признающее Бога, - иначе оно останется без содержания. Именно в этом и состоит главная причина истерических воплей коммунистических идеологов "о невозможности идеологического сосуществования". На самом же деле - поиск внекарнавальных точек опоры - единственная возможность создать хотя бы ублюдочную видимость идеологии в царстве победившего карнавала. /Из-за этого, кстати, в социалистическом обществе так широко распространено агрессивно-наступательное словоупотребление - даже в тех случаях, когда оно явно лишено всякого смысла - "битва за урожай", "борьба за экономию пряжи" и т.п. Призрачная идеология пытается вторично полемически утвердиться за счет несомненных реалий - засухи, капитализма, человеческой лености, наконец/.

В иудаизме, безостаточно карнавализовавшем еврейскую повседневность, нет основной предпосылки появления революционного сознания - дуализма карнавала и внекарнавального бытия. Политическое или экономическое лже-мессианство совершенно чуждо духу иудаизма. По крайней мере, в отношении тоталитарно-социалистического государства прав был Бруно Бауэр, утверждавший: "Только софистически, только по видимости еврей мог бы оставаться в государственной жизни евреем" /Б.Б. "Способность современных евреев и христиан стать свободными"/. Для иудея невозможно самоценное служение государству, потому что сама идея государственности в иудейском миросозерцании носит подчиненный, служебный характер: "Вы будете у Меня царством священников и народом святым" /Исход 19, 6/. Другими словами, Бруно Бауэр умозрительно пришел к выводу, ныне полностью подтвержденному практикой, - евреи, активно и сознательно сотрудничающие с тоталитарным режимом, превратились в "евреев только по видимости". Но как же быть с евреями, хлынувшими в революцию? Как связать все это с самим фактом существования еврейства и еврейского карнавала?

Вернемся еще раз к вопросу - чем был карнавал для средневекового христианина? Отдыхом от духовности, временным освобождением от служения Богу. Праздничная, внерелигиозная "воскресность" карнавала была немужественной уступкой слабым, снисходительным закрыванием глаз на невозможность для христианина быть всегда христианином. Нельзя представить себе христианского подвижника, святого вовлеченным в карнавальное действо. Но иудейство не знает внерелигиозной праздничности. Иудей не может на время перестать быть иудеем. В минуты отдыха - в субботу, в праздник - он иудей больше, чем когда-либо. Его увенчанность настолько всерьез, что он не имеет права ни на секунду притвориться простолюдином. Просто позволить приколотить себя гвоздями к стенке - не шутка; в конце концов, это сделают и без твоего позволения. Но ведь надо еще смеяться...

Быть евреем трудно. Так же трудно, как трудно быть свободным. Трудно держать Бога на своих плечах, стирая с себя свободной рукой плевки нечистоты. И нельзя утопить разум в пучине слепой веры. И нельзя в ярмарочной бесшабашности позабыть и веру, и разум. И слабому хочется уйти... Но как? И куда? И возможно ли это вообще - уйти?

Чтобы уйти - надо разорвать Завет. Но Завет заключен не с тобой - с народом. Он нерасторжимо связывает тебя с Богом и со всем еврейством. Чтобы разорвать Завет, уйти бесповоротно, стать, как все, надо уничтожить вместилище Завета - еврейский народ. Как говорит Маркс, первый из ренегатов, беспощадно осмысливший конечную цель своего ренегатства, "общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства" /К.Маркс "К еврейскому вопросу"/.

Так они уходили - и становились свидетелями на ритуальных процессах. Уходили - и разрушали синагоги и хедеры. Уходили - и взывали к власти, дабы запретить самый язык Завета. Но саморазвенчание настолько чуждо карнавальности еврейского бытия, что далеко не всем уходящим удалось уйти. Угрюмо взирал отступник на оставленный им кров, где, смешно и трогательно подпрыгивая, древняя свобода справляла свой вечный праздник. "Когда Давид возвратился, чтобы благословить дом свой, то Мелхола, дочь Саула, вышла к нему навстречу и сказала: как отличился сегодня царь Израиля, обнажившись сегодня перед глазами рабынь и рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек! И сказал Давид Мелхоле: пред Господом, Который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня Израилева; пред Господом играть и плясать буду; и я еще больше уничижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих, и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен". Фантастически чужой всем и всему, евреям и неевреям, лишенный будущего и мучительно стыдящийся своего прошлого, сжигаемый бессильной ненавистью, пораженный бесплодием... "И у Мелхолы, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее" /2 книга Царств 20-23/.

Октябрь 1975 - январь 1976 г.

Э. СОТНИКОВА

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЫСТАВКА ЕВРЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

/Обзор/

Участники:
Евгений Абезгауз
Анатолий Басин
Леонид Болмат
Александр Гуревич
Юрий Календарев
Татьяна Корнфельд
Александр Манусов
Александр Окунь
Сима Островский
Алек Рапопорт
Осип Сидлин /посмертно/
Ольга Шмуйлович

1. Несколько художников-евреев Ленинграда объединяются в попытке возродить древние и средневековые еврейские традиции в изобразительном искусстве.

2. Эти традиции в течение последних пятидесяти лет /с момента выезда за границу в 1926 году еврейского театра "Габима"/ были в России совершенно забыты.

3. Вопреки распространенному мнению изобразительное искусство было в высшей степени развито в древнем Израиле в связи с архитектурой Иерусалимского храма и затем в росписях средневековых синагог в Палестине, оказавших через Византию влияние на европейское искусство, в испанской "мавританской" архитектуре, в рукописных памятниках и книгах с изысканными композициями шрифтов и миниатюр, в культовой утвари, надгробиях и памятниках, ювелирных изделиях, костюмах и орнаментах.

4. Нам хотелось бы преодолеть влияние местечкового еврейского искусства и найти истоки творчества в более древней, более глубокой, мудрой и духовной еврейской культуре, чтобы перекинуть от нее мост в сегодняшний и завтрашний день.

Этот манифест написан группой ленинградских художников, которые в ноябре-декабре прошлого года показали на двух выставках /в Ленинграде и в Москве/ более ста живописных, графических и скульптурных работ. Первая выставка была открыта в Ленинграде.

Около 4-х тысяч человек побывали за восемь дней в небольшой двухкомнатной квартире на проспекте Стачек. При входе в квартиру висела скромная афиша с изображением меноры и объявлением: "Здесь проводится выставка 12 еврейских художников". В комнате приглушенно звучали израильские мелодии - "Песни последней войны", на двери - вырезанная из дерева скульптором Ю. Календаревым - мезуза. Зрителей при входе встречали дежурные участники выставки /их можно было узнать по значкам тоже с изображением меноры/. Художники проводили небольшие экскурсии по своей выставке, здесь же завязывались споры и обсуждения картин. Каждый день на выставку приходило несколько сотен человек. И каждый день показывал, насколько своевременной оказалась эта выставка, насколько она попала в резонанс. Многие уходили с ощущением, что произошло нечто важное, давно ожидаемое, и не только для узкого круга художников и ценителей живописи, но и для самых разных кругов евреев и интеллигенции.

12 художников показали свои работы на выставке. Они не принадлежат к како-

му-то определенному направлению: различны манеры, стиль, тематика их произведений; каждый художник ищет свой путь и ставит свои цели в искусстве /разумеется, не ориентируясь на официально предписанные нормы/. Вряд ли можно сегодня говорить о наличии или даже о формировании еврейской школы в изобразительном искусстве. Есть, конечно, Шагал, Сутин, Цаткин и другие менее яркие фигуры, но для создания школы этого мало, для рождения традиции - тем более. И хотя художники декларируют в своем Манифесте возрождение древних еврейских традиций, вряд ли правомерно вообще говорить о еврейском изобразительном искусстве, тогда как оно не могло являться составной частью древней еврейской культуры, поскольку было практически запрещено религией. Ведь насколько естественно и традиционно укладываются в историю еврейской культуры такие понятия, как еврейский философ, еврейский поэт, еврейский музыкант, настолько остро,современно звучит словосочетание - еврейский художник.

Организация ленинградской выставки ставит много интересных и сложных вопросов: по какому принципу объединились художники, проявляется ли и как "еврейский акцент" в их работах, можно ли выделить из этого пестрого сочетания совершенно различных творческих индивидуальностей нечто существенное, объединяющее их, и возможно ли вообще обнаружить адекваты еврейского духа в изобразительном искусстве? Ставя эти серьезные вопросы, первая и единственная пока выставка еврейских художников, разумеется, еще не дает возможности однозначно на них ответить. О принципе объединения можно сказать твердо лишь одно: не все участники выставки считали себя еврейскими художниками, но все осознавали себя евреями. Так что, говоря об общих тенденциях /не только и пока еще не столько в изобразительном искусстве/, можно отметить еще один факт активного пробуждения национального сознания. Плодотворно ли такое размежевание по национальному признаку в искусстве, плодотворно ли вообще создание любых новых перегородок в сфере культуры? Не ведет ли это к ограниченности, к отгороженности от общечеловеческих проблем, от "вечных вопросов", которые всегда ставит большое искусство?

Чтобы рассматривать эти проблемы, необходимо учитывать процессы и тенденции, характерные если не для всей современной культуры, то хотя бы те, которые можно наблюдать в так называемой "второй" или "нонконформистской" культуре России, в культуре, не зависимой впрямую от официальной идеологии.

Формирование неофициальной культуры в сегодняшней России уже есть несомненный факт. Можно и нужно будет еще долго разбираться в ее внутренних противоречиях, ее слабых и сильных сторонах, но нельзя не признать, что многие элементы этой культуры уже заняли прочное место в современном обществе, они воспринимаются как некое сложное явление /враждебное или близкое для различных слоев, но не безразличное/ и оказывают серьезное влияние на мировосприятие современного человека. Большие выставки, разрешенные властями, и многочисленные самостоятельные квартирные выставки художников-нонконформистов, объемистые коллективные и индивидуальные сборники неофициальных поэтов, распространение в Самиздате непубликующихся литературных произведений официальных авторов - все это уже нельзя рассматривать как отдельные эпизоды или протесты одиночек-непрофессионалов - это серьезное явление, которое единственное и имеет непосредственное отношение к развитию современной культуры.

Художники, участвующие в еврейской выставке, - все принадлежат к этой "второй" культуре, почти все уже участвовали в "нонконформистских" выставках. И можно вполне объективно отметить /на основании многочисленных наблюдений, сравнений и отзывов/, что общий профессиональный уровень участников этой выставки,

серьезный и требовательный отбор только "сделанных" работ, полное отсутствие халтуры, общая культура экспозиции - выгодно отличали эту выставку от многочисленных квартирных выставок-продаж и крупных авангардистских выставок, где процент халтуры был, к сожалению, весьма высок.

Что касается выделения по национальному принципу, которое, казалось бы, в искусстве нужно рассматривать как шаг назад, то приходится признать, что сейчас, в конце 20-го века, идея объединенного человечества и общесхемной культуры оказалась как никогда далека от воплощения. Стремительный рост национальных движений, национального самосознания наблюдается в самых непредвиденных формах и в самых разных районах нашей планеты. Поведет ли это резко обозначившееся сейчас размежевание к будущему объединению и на какой основе - покажет время и, вероятно, неблизкое. На сегодняшний день можно лишь констатировать факты, которые в совокупности уже демонстрируют некую закономерность, а обсуждение того, хороши ли эти факты или дурны - никоим образом не отменяет их наличия.

Переходя от общих тенденций к конкретным работам конкретных художников, тоже можно отметить совершенно очевидный процесс не просто национального самоутверждения, но активное стремление к художественному выражению пробудившегося еврейского самосознания. Проявляется оно в разной мере и в различных формах.

Наиболее открыто проявляется национальная направленность в работах Е. Абезгауза - одного из организаторов выставки /в его квартире она и проводилась/. На выставке были показаны две серии его картин. Большая серия полотен показывает жизнь евреев в черте оседлости и дает очень точные художественные характеристики местечкового еврейства. Никаких хронологических указаний в них нет, однако многие работы этой серии вызывают ассоциации с рассказами Шолом-Алейхема. Это давало повод рассматривать их как иллюстрации. Действительно, работы эти очень близки образной системе Шолом-Алейхема - тот же грустный еврейский юмор, самоирония, доброта, внимание и любовь к деталям. И тем не менее - это вполне самостоятельные произведения, которые как бы продолжают определенную традицию /в еврейской литературе/ на современном живописном языке. Красиво включены в композиции надписи на иврите, поясняющие сюжеты и в то же время являющиеся названиями картин: "Ходил Исроэлке по Руси и искал свое счастье", "Вкушал Адам от плодов, что давала ему Ева, но так и не понял ничего", "Была у Мойше хорошая лошадь", "Тихо и спокойно было в нашем местечке после погрома" и другие. В своем Манифесте художники декларируют стремление "преодолеть влияние местечкового еврейского искусства". Трудно определить, что они вкладывают в это понятие. Если сюда входят и Шагал, и Шолом-Алейхем, и Михоэлс, творчество которых в значительной мере выросло на местечковой еврейской почве, то неясно, зачем это искусство нужно преодолевать. Что касается работ Е. Абезгауза, то в них нет никакого преодоления, а есть искреннее переживание, стремление понять и обобщить целую историческую эпоху в жизни своего народа.

В композицию каждой картины включается детально выписанный русский пейзаж, в котором присутствует одна и та же деталь: на холме или на пригорке - церковь с взлетающими с куполов птицами. Эти пейзажные картины остаются как бы за спинами героев, они везде сопутствуют им и в то же время существуют отдельно. Это - связь и отталкивание, любовь и страх и пожалуй, больше любви и привязанности к этой своей-чужой земле можно увидеть в добрых и скорбных взглядах героев, обращенных к зрителю и словно только что оторвавшихся от привычных холмов, церквей и птиц. И в художественных приемах, которые использует автор в этой серии и которые построены на использовании живописной традиции русского

лубка, выявляется не только взаимосвязь еврейской жизни и России, но и некая зависимость собственного мировосприятия автора от русской художественной почвы. Вторая серия работ - портреты ленинградских отказников /в композицию каждого портрета включены автопортреты художника/. Выполнена эта серия в духе парадных репрезентативных портретов 18 века.

Кроме этих живописных серий нужно отметить еще две работы Е. Абезгауза, которые обозначают как бы два противоположных полюса его творчества. Одна - открыто публицистичная картина "Алия шелану". На фоне выжженной земли изображены сваленные в бесформенную группу изломанные магендовиды, а из этих руин поднимается голубой цветок на тонком стебельке. В этой композиции тоже присутствует "церковь с птичками", но церковь вполне конкретная - Исаакиевский собор в Ленинграде. И воспринимается эта картина как плакат, символика которого легко читается, а авторское пояснение уточняет смысл: 4-ая алия /евр./ - движение по выезду в государство Израиль. Эта работа посвящена ленинградским антисионистским процессам 1970 года, на которых была осуждена ленинградская сионистская группа. Эти процессы привлекли внимание мировой общественности, в результате чего у советских евреев появилась возможность "алии".

Вторая из "внесерийных" работ Е. Абезгауза, о которой шла речь и которая привлекла всеобщее внимание, - "Горда была Юдифь, но печальна". Библейские женские образы всегда были очень привлекательны для живописи. Интересно отметить их коренное отличие от библейских героев-мужчин. Основные персонажи древней еврейской литературы, истории, мифологии - это вполне современные герои эпохи гуманизма, герои-интеллектуалы, а не воины и завоеватели. В еврейской системе ценностей герои - не "сильные мужчины", а мудрецы, пророки, личности, духовно и интеллектуально неизмеримо поднявшиеся над толпой. В то же время женщина наделялась более простыми и доступными, а внешне более эффектными героическими чертами. Об их подвигах говорится в Библии, как о чем-то вполне будничном и естественном. Столь же естественна и "негероична" Юдифь у Е. Абезгауза.

В этой картине тоже использованы лубочные приемы, фоном является все тот же будничный пейзаж с церковью и птицами, но никакой иллюстративности в картине нет. Это - живопись в чистом виде. Кажется, самое важное для себя художник высказал в этой картине. Все его представления о красоте и гармонии мира воплотились в образе еврейской женщины. Эта женщина излучает свет и тепло. Светится золотисто-рыжая копна волос и золотая бахрома платья. Алый цвет платья "согревает" весь холст. В мягких плавных линиях тела звучит музыкальная мелодия - мелодия любви, добра, женственности. Меч и голова Олоферна должны восприниматься лишь как атрибуты, указывающие на непрерывность времени. Но, к сожалению, художник не соразмерил значительности созданного им же образа и, по инерции подчинившись отработанному приему, нарушил цельность впечатления, включив в холст неуместную здесь литературно-анекдотическую деталь: карикатурная голова Олоферна выписана слишком подробно и тщательно, он изображен лихим запорожцем, подмигивающим зрителю. Как правило, эксплуатация, подчиненность отработанному приему именно в лучших вещах мстит за себя. Элементы иллюстрированности, анекдота присутствуют во многих работах Е. Абезгауза и в основном вполне органично. Но здесь этот прием нарушает живопись как таковую. "Юдифь" же - свидетельство того, что автор ее - не просто талантливый иллюстратор, но живописец милостью Божией, а к милости такой надо относиться бережнее.

В целом же произведения Е. Абезгауза, показанные на выставке, характеризуют его как художника вполне сложившегося, зрелого, с цельным и ясным мироощущением, четко определившего свои взгляды и позиции в искусстве.

Как правило, эта необходимая художнику цельность мироощущения дается лишь с возрастом, большим трудом и опытом /особенно в том мире, в котором мы сейчас существуем, где каждая чуткая натура ощущает, что этот мир находится на грани распада и хаоса/.

Бывают, однако, счастливые натуры, способные и в такой атмосфере сохранить изначальную детскую цельность, способные принимать мир радостно и спокойно. Именно такое отношение к окружающему миру можно отметить в работах совсем молодых художников А. Окуня, А. Манусова, А. Гуревича.

А. Окунь показал на выставке несколько серьезных живописных работ и образцы очень тонкой и изящной книжной графики. Стилевые приметы его произведений характерны для многих современных художников: активное освоение опыта русского авангарда в целом, а особенно "филоновской школы", русского искусства 18 века, иконописи - эта необходимая "грамматика" изучается сейчас всеми серьезными художниками. Но, разумеется, сама по себе живописная культура не может создать художника, не может стать единственным источником творчества.

В работах А. Окуня есть то главное, что позволяет говорить о нем, как о серьезном художнике, - это прежде всего свое яркое, индивидуальное видение мира и умение раскрыть этот свой мир в живописи, показать его со своей точки зрения. И потому сквозь некоторую еще ученическую эклектичность стиля отчетливо проступает лик того мира, который видит художник. Лик этот изменчив - это и осклабившаяся физиономия "Человека с булкой", кажется, пожирающего самого себя в своей плотоядной ненасытности и бездуховности; это и заключенные в клетки-комнаты жители "Домика", послушно выполняющие заложенную в них программу бытия. В этих клетках-комнатах, напоминающих в картине иконные клейма с изображением жития святых, живут люди: они едят, любят, ссорятся, болеют, умирают. В этих бытовых картинках нет обличения, а есть грустная ирония и тоска по духовности. И тоска эта выливается в одну из лучших работ художника - "Новый год".

В бесплотном серебристо-жемчужном тумане мерцает фонарь, освещающий столь же бесплотную, замершую в каком-то причудливом танце пару. Все зыбко и нематериально на этом холсте, художник стремится вырваться из посюстороннего бездуховного мира, он показывает другой мир, мир, который можно только вообразить, нафантазировать и который тоже имеет право на существование.

Сложность, неоднозначность, противоречивость мира и человеческого бытия художник стремится раскрыть в каждой работе. Одна из значительных его удач - "Портрет Губермана". Напряженно одухотворенное еврейское лицо как бы многократно отражено в зеркале, но каждое отражение отличается от другого. Эта многоликость человека, бытия мира становится в картинах материальной, раскрывается реально, во плоти. В своем стремлении показать сразу все, с разных сторон, в динамике, в развитии художник иногда сбивается на пересказ, на литературу. Но, думается, это легко преодолимо, во всяком случае, большинство работ, показанных А. Окунем на выставке, характеризуют его как глубокого многообещающего художника.

А. Манусов тоже представлен в экспозиции и живописью и графикой. Удивительная для такого молодого художника определенность и сформированность манеры, стиля, своего изобразительного языка наблюдается в лучших его работах. Спокойные уравновешенные композиции, слегка повисающие, парящие фигуры /Шагал явно не прошел мимо его внимания/, мягкий, построенный на полутонах колорит, богатейшая гамма прохладных голубовато-жемчужных тонов - всеми этими средствами художник блестяще пользуется, не превращая их в заученный прием и открывая зрите-

лю свой мир - цельный, спокойный и гармоничный. Взгляд художника направлен прежде всего не вовне, не в окружающий мир с его хаосом и неустойчивостью, а в себя, в свой собственный мир, в котором царит добро, покой и красота.

Праздничной, яркой, декоративной, иногда немного фантасмагорической предстает действительность в работах А. Гуревича. Четко выстроенные, геометризированные композиции, контрастные сочетания ярких локальных тонов в живописи, лаконизм и выразительность каждого штриха в великолепно исполненных офортах - все это демонстрирует, что художник свободно владеет самыми разнообразными приемами и средствами выразительности, умеет подчинить себе материал, прекрасно понимая и учитывая его свойства.

А. Окунь, А. Манусов, А. Гуревич находятся еще в той стадии, когда о них можно говорить как о молодых художниках. Однако они уже не новички в искусстве, все работают давно и серьезно, все участвовали в больших авангардистских выставках и столь успешное начало дает все основания ожидать, что это будут глубокие и интересные художники.

Надо отметить, что еврейская выставка была наполовину молодежной. По возрасту ее участников можно разделить на две категории: в одной - те, кому 25-28 лет, в другой - те, кому к 40 и за 40. К молодежной половине принадлежат еще несколько интересных художников.

Вряд ли хоть один зритель прошел по выставке, не заметив "Мезузу" и "Хануккию" Ю. Календарева. Выставка как раз совпала с Ханукой, и скульптор включил в экспозицию великолепный деревянный девятисвечник. Дерево - основной материал, с которым работает Ю. Календарев. Точное понимание свойств этого материала определило приемы и средства, которыми пользуется скульптор. Точные выверенные линии, цельные, нерасчлененные мелкими деталями и подробностями объемы характерны для его скульптурных эскизов. "Сон" и "Птицу" он считает эскизами, они рассчитаны на значительно большие размеры и на взаимодействие с окружающей средой, на организацию этой среды /будь то интерьер или открытое пространство/. Не имея мастерской, скульптор сейчас, конечно, не может осуществить эти замыслы, он собирается это сделать в Израиле /а пока что находится в отказе после армии/.

В своем стремлении к монументальности, к большим объемам и массам Ю. Календарев добивается предельной лапидарности языка. Он считает, что скульптор, в отличие от живописца, не может себе позволить ни одного лишнего или неточного движения - исправлять в дереве почти невозможно. Поэтому нужно отбирать только самое основное, существенное. Само дерево представляет собой цельный организм, и столь же цельные организмы стремится создать из него скульптор. Он словно озвучивает дерево, извлекая из него мягкие плавные мелодии.

Тот же строгий, даже аскетический отбор художественных средств можно увидеть и в работах самой молодой на выставке художницы Т. Корнфельд. В показанных ею работах "Влюбленный", "Портрет девушки", "Еврей" и др. ощущается рука художника, одаренного повышенной чувствительностью, нервностью, художника, замкнутого исключительно на себя, на свой внутренний мир. Мир этот - не совсем еще установившийся - драматизируется, даже экзальтируется, его отграниченность от окружающего мира возводится в культ. Холодная, несколько мертвенная гамма серых и лиловых тонов превосходно передает это внутреннее состояние отрешенности от "посюстороннего" мира, углубленности в мучительный самоанализ, погруженности в туман иллюзий и снов.

В экспозиции представлены работы еще одной молодой художницы /этим и огра-

ничивается участие в выставке женщин/ О. Шмуйлович - "Город", "Цветы", "Построение". Если в картинах Т. Корнфельд чувствуется твердая рука графика /по образованию она архитектор/, а в некоторых случаях живопись даже умерщвляется, сводится к графике, то О. Шмуйлович словно стремится выплеснуть на холст все живописное богатство мира, все многообразие его красок. Не форма предметов, а взаимодействие цветов прежде всего интересует художницу. В ее работах можно увидеть вполне определенное тяготение к абстракционизму. Учитывая один из важнейших элементов еврейского национального характера - склоннность к абстрактному мышлению и религиозную еврейскую традицию, запрещающую практически всякое фигуративное искусство и разрешающую лишь орнаментальную живопись - можно было ожидать, что на еврейской выставке будет больше абстрактных работ. Однако, кроме некоторых моментов в произведениях О. Шмулович и нескольких очень красивых абстрактных композиций Л. Болмата, в экспозиции больше нет работ абстракционистского характера. Можно определенно заметить, что почти все участники выставки тяготеют к фигуративной, предметной живописи.

Одним из самых популярных на выставке художников, наряду с Е. Абезгаузом, оказался А. Рапопорт. Если сравнить этих двух уже сложившихся художников, можно заметить, что и того, и другого интересует прежде всего еврейская проблематика; и у того, и у другого очевидна склонность к декоративности, театральности /у Абезгауза - особенно в портретной серии/. Но декоративность работ Абезгауза остается в рамках станковой живописи, тогда как в композициях А. Рапопорта ощущается тяготение к монументальной, фресковой живописи. По образованию Рапопорт - театральный художник, и это сказывается в его работах. Он мыслит "крупными планами", стремится к максимальному лаконизму, обобщенности и заостренности образов.

Рапопорт давно и серьезно занимается разработкой сложнейших аспектов еврейской жизни. Взаимоотношения еврейства и окружающего враждебного мира, духовные и религиозные внутренние конфликты и поиски находят отражение в его работах. В сравнении с уверенным и спокойным отношением к своему еврейству Е. Абезгауза нельзя не заметить активно драматизированного восприятия еврейского мира в работах А. Рапопорта. Мастерски владея различными приемами и средствами выразительности, добиваясь максимально эффектных и неожиданных решений, он зачастую впадает в чрезмерную, уже театрализованную драматизацию и даже аффектацию.

Еще более драматическое /но скорее внутренне, чем внешне/ восприятие и еврейского и всего окружающего мира ощущается в работах С. Островского. В своих необычайно темпераментных, мастерски выполненных графических листах "Голова пророка", "Отцы Израиля", "Мистификация без затей" художник словно пытается уравновесить, гармонизировать обступивший его мир образов, воспоминаний, ассоциаций. С помощью искусства он постигает и тем самым стремится упорядочить страшный мир хаоса сегодняшнего, вчерашнего, древнего, в котором мы обречены существовать.

Совершенно иное восприятие и понимание мира и себя в мире, иной способ созидания этого мира в искусстве можно увидеть в произведениях А. Басина. "Пигмалион", "Автопортрет", "Человек в кресле" говорят не только о несомненном мастерстве и большой культуре художника, но и о глубоком духовном опыте, о духовной зрелости личности вполне установившейся, осмыслившей себя в этом мире и подчинившей этот мир себе. Широкие спокойные цветовые плоскости разлиты по холстам. Все картины А. Басина - больших размеров, выдержаны они в мягкой приглушенной гамме. Ритм, композиция холста организованы так, что картина словно обволакивает зрителя, извлекает его из хаоса и суеты в мир гармонии, созерцания и покоя.

А. Басин включил в экспозицию выставки три картины своего учителя О. Сидлина. Перед смертью /в 1972 г./ этот художник уничтожил все свои произведения. Случайно уцелевшие "Натюрморт", "Портрет старика" и "Череп" свидетельствуют о глубочайшей духовности и блестящем мастерстве этого интересного живописца.

Отбор произведений 12 еврейских художников, собранных на первой еврейской выставке, не дает еще возможности сделать окончательные, глобальные выводы о путях развития еврейского изобразительного искусства. Представленные здесь работы равноценны по своему профессиональному уровню, но совершенно различны по темпераменту, манере, проблематике. Сами художники тоже совершенно по-разному оценивают свою принадлежность к еврейской культуре и степень еврейского в своих работах. На выставке проводилась анкета, в которой художникам были заданы следующие вопросы:

1. Как бы вы могли определить влияние еврейской культуры и иудейской религии на формирование вас как художника?

2. Каково значение русской культуры в целом и русского изобразительного искусства в становлении вашего художественного мировоззрения?

3. Как вы оцениваете состояние еврейской культуры в русской диаспоре и какие видите перспективы? /Вопрос не предполагает каких-либо политических аспектов и не ограничен советским периодом/.

4. Считаете ли вы себя русским художником или еврейским?

5. Хотите ли вы в дальнейшем работать в России или собираетесь покинуть ее? В случае эмиграции считаете ли вы для себя возможным жить в любой стране или только в Израиле?

6. Как вы представляете свое творчество в случае переезда в Израиль?

7. Что, на ваш взгляд, объединяет участников этой выставки, кроме "пятого пункта"?

8. Что определило ваше участие в выставке?

9. Какие, по-вашему, современные художественные направления наиболее ощутимы в работах, показанных на выставке?

10. Каков контингент зрителей, посетивших выставку? Заметили ли вы значительное преобладание евреев?

Из ответов, полученных на эту анкету, стало ясно, что лишь немногие /Е. Абезгауз, Ю. Календарев, Т. Корнфельд/ осознают себя еврейскими художниками или стремятся к этому.

О серьезном влиянии еврейской культуры - в основном религии - говорили многие участники выставки. Единодушны они оказались в нескольких вопросах: все отметили огромное значение для себя русского изобразительного искусства, все считают состояние еврейской культуры в русской диаспоре поистине трагическим и не видят практически никаких перспектив, хотя готовы делать все возможное для возрождения этой культуры, в том числе организовывать и в дальнейшем подобные выставки.

О художественных направлениях, к которым принадлежит большинство показанных работ, мнение было тоже довольно единодушным - это преимущественно различные интерпретации реализма - метафорический, лирический, символический и т.д.

Контингент зрителей художники характеризовали довольно подробно - это и техническая интеллигенция, и студенты, и много специалистов /художников, искусствоведов, писателей/; представители почти всех консульств и много других иностранцев побывали на выставке. Что же касается евреев, то их среди всех названных категорий было, по примерным наблюдениям, 80-90%.

В числе причин, определивших участие в выставке, называлась как национальность, так и возможность выставиться вместе с близкими по духу и равными в профессиональном отношении коллегами.

Ответ на вопрос о принципах объединения и о том, что общего у участников выставки, сводился, в основном, к "пятому пункту". Однако были и другие, хотя и не очень определившиеся мнения, которые сводились к тому, что поскольку все участники выставки - евреи, а такое понятие, как генетическая память, память культуры, несомненно существует и несомненно является одним из важнейших источников творчества, то в характере мышления, в способе видения художников-евреев не может не быть чего-то общего.

Относительно переезда в Израиль однозначно высказались трое участников выставки - Т. Корнфельд, которая уже сейчас находится в Израиле, А. Абезгауз, которому отказано в выезде, и Ю. Календарев, который недавно получил разрешение и возлагает очень большие надежды на свою работу в Израиле. Он считает, что "в Израиле есть, что вспомнить", и собирается работать в области монументальной, памятниковой скульптуры.

12 художников объединились на первой еврейской выставке. 12 разных характеров, темпераментов, планов и судеб. И все-таки при всех различиях нельзя не заметить одной важнейшей общей черты - почти всех художников объединяет пристальное и доброе внимание к человеку, к индивидуальности, прежде всего - к миру представлений, чувств, фантазий конкретной личности, то есть именно то, что всегда составляло основу всей еврейской философии, основу Библии и Талмуда, основу всей еврейской культуры.

ЛЕВ ЧЕРНОБЕЛЬСКИЙ

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Декабрьская пороша превратила Рождественский бульвар в ледогору, и старые московские дома съехали вниз, сбились в кучу на Трубной площади. И в куче той 11-го числа открылась выставка. Снимаю запотевшие очки:

Здесь в гостях
Первая Ленинградская выставка
еврейских художников

Несколько художников-евреев Ленинграда вторично объединяются
/первая выставка была в Ленинграде с 21 по 28 ноября 1975 г./

Так начинался Манифест, приколотый кнопками к двери.

- Раздевайтесь, пожалуйста, вот сюда, - сказал тот, что открыл мне дверь.

Художник, - вычислил я /сложил лохматую бороду плюс рост 1 м 65 см, плюс очки, плюс небритое голодное лицо, плюс мятый свитер хлопчатобумажный, и никаких сомнений - художник/.

Картины на холстах и досках притеснились всюду, где мыслимо и немыслимо. Рисунки - те даже на шкафу лежали. На полированном столе: трофейная машинка со славянским шрифтом "Urania", свеча и раскрытая книга стихов.

Стукач - российская кукушка
Отмерит наперед судьбу, -

прочел я.

На подоконнике лежала толстенная Библия и два медных самовара тут же блестели в лучах люстры. А рядом, на тахте, звонко смеялись две сероглазые старшеклассницы. У одной на коленях подпрыгивал черноглазый двухлетка.

За старым сервантным стеклом - семейные фотографии и листок с веселым поросенком.

Пока я раздевался, Манифест оккупировала шумная толпа.

Звонок в дверь. Ввалился в дубленке мордастый крепыш.

- О! Майкл! Это корреспондент ЮПИ!

Бородач первым кинулся к гостю.

- Хэлло! Вэлком! Пли-и-из!

Из соседней комнаты выбежали точно такие же бородачи, а Майкл обалдело моргает.

- Вот наш Манифест. Мы вам подарим экземпляр, Майкл.

- Кто Алек Рапопорт? - спросил инкор.

- Это я! - и дежурный у дверей стал проталкиваться к инкору. - Откуда вы меня знаете?

Но американцу уже не до Алека. Он озирается на стены коридора, увешанные

листами ватмана, досками и холстами.

- Кто тут был уже до меня из корреспондентов?

- Только Крафт из "Рэйтер". Он здесь, на кухне, пьет чай.

- О'кэй!

- "Голос Америки" должен дать информацию о нашей выставке. Это первая еврейская выставка.

Майкла подталкивали в большую комнату. Я тоже протиснулся туда.

- А чья это квартира? - инкор с удивлением разглядывал икону "Богородицы" /она стояла на старом бюро/, и еще две иконы стояли между карпатским монахом из черного камня и деревянным крашеным Христом.

- А вот, христианин предоставил свою квартиру еврейским художникам, - сказал Алек Рапопорт и тут же представил хозяина /парня в свитере и с фотоаппаратом на шее/.

Хозяин-христианин вроде улыбнулся и не то подмигнул, не то кивнул.

Я отворачиваюсь и вижу картины. Они висят от самого пола до потолка. С чего начать? Ну, это получится само собой.

На сиреневых линялых обоях рядом с огромным трофейным трюмо /здесь вся мебель трофейная/, рядом с мраморным подсвечником и протертым венским диваном прямоугольный холст 1х1,5, где красный цвет до горизонта /земля, выжженная железом или это кровоизлияния мертвецов?/, но это русская земля с безнадежно безоблачным небом.

И как чудо воспринимаешь степной василек, выросший из груды скрученных магендавидов /как скрученные руки/. "Алия шэлану" в виде голубого цветка. Исаакиевский собор на заднем плане дает географическую привязку места действия.

Бумажка машинописная поясняет:

"Алия /евр./ - движение за выезд в государство Израиль. Эта работа посвящена ленинградским антисионистским процессам 1970 года, на которых была осуждена ленинградская сионистская группа. Эти процессы привлекли внимание мировой общественности, в результате чего у советских евреев появилась возможность "алии".

Е. Абезгауз 74-75

И сегодня, как пять лет назад, декабрь.

Через сто пятьдесят лет после восстания декабристов в истории России появилась новая дата - годовщина ленинградской алии. Двенадцати еврейским ДЕКАБРИСТАМ был посвящен /17 декабря 1975 года/ семинар.

В комнате, переполненной отказниками, маленький Виталий Рубин говорил, задрав по-птичьи голову, будто в небо вещал /а был над ним потолок с ушами/. "Я считаю, что мы вправе знать правду о ленинградском деле, - говорил Рубин. - И хотя спустя пять лет процесс так и не стал достоянием гласности, я хотел бы на основе книг прокурора Шретера и Эдуарда Кузнецова /"Дневники" Кузнецова спасла Елена Бонер/ рассказать о тех, кто открыл в России алию".

Когда он читал "Дневник", по лицу Наташи /жены Федорова/, по возбужденному, измученному и трепетному ее лицу знал я, что каждое слово Кузнецова - правда. Как и правда то, что Дымшиц, Кузнецов, Залмансон, Федоров и их товарищи были услышаны народом.

Но выдержит ли русскую зиму полевой василек Абезгауза?

Еще одна картина: "Горда была Юдифь, но печальна". Еврейская красавица /позировала жена/ времен Богдана Хмельницкого стоит на окраине села в летнем яркоцветьи. В правой руке у нее окровавленный меч, а в левой Юдифь держит за чуб казацкую голову. Буйная голова с приоткрытым пьяным глазом, с пышными хохляцкими усами и красным ртом. И стоит она босая в красном платье, прямая и печальная. А вокруг украинское солнечное лето...

Три картины Абезгауза в манере лубка. Первая: "Ходил Исроэлке по Руси и искал свое счастье" /картон, масло,74-75гг./. Декоративное небо, светлое внизу и темное над церковью, декоративные сугробы по самые окна изб и живой шагающий Исроэль в коротких полосатых штанишках, в фуражке и с кошелкой, покрытой красным платком. А за спиной его, по речке черной, замерзшей, идет к селу баба с полным коромыслом. А куда идет Исроэль?

Картина "Вкушал и вкушал Адам от плодов, что давала ему Ева, но так и не познал ничего" /это времена сегодняшние, это Украина/ и "Была у Мойше хорошая лошадь" полны народного юмора. И вдруг замечаю в углу комнаты, на полу небольшую картину с болотными разводами. Не-ет, чей-то портрет. Портрет ужасно знакомый...

Он любил очень кровь,- перевел я.

Он пролил крови много.

Сталин... кровосос цвета пиявки, пиявки ненасытной... Знал бы "дорогой Коба", что через какие-то двадцать лет от него останутся только такие жуткие портреты. Бог шельму метит.

В совершенно иной манере выполнены два автопортрета:

"Автопортрет № 7 на груди у А. Таратуты" и "Автопортрет № 12 в руке у Ларисы Мондрус в зеркальце". Если Таратута выглядит кронпринцем, то Мондрус - столбовой дворянкой. На груди Таратуты орден - щит Давида с портретом автора...

- Эти две вещи я написал в современной манере фото-реализма, - объяснял автор. Маленькая борода его задиралась вверх, когда он это говорил.

- Манера, близкая к Лактионову, - заметил Илья Рубин, редактор журнала "Евреи в СССР". Обыск и допросы не отбили у него охоту по-человечески жить, вот только бороду он сбрил и теперь все увидели, что знаменитый редактор - совсем еще мальчик с пухлыми щечками.

- Я такие вещи воспринимаю как современную иконопись, - сказала молодая женщина. - Иконопись мне чужда.

Она стояла в том же кружке, где были и Абезгауз,и Рубин. Но говорила маленькому упитанному профессору Лернеру. Лернер смеялся одними глазами и пожимал плечами. Илья Рубин повернулся к Лернеру.

- Пора и вам выставлять свои картины.

- А у меня ведь постоянная выставка в Израиле.

- Может быть, вы дадите пригласительный билет на вашу выставку? - засмеялся Рубин.

- Хоха! - Лернер крутанул шеей /дошло до профессора/.

- Хоть бы сами туда слетали, а после рассказали нам, - не унимался Илья Рубин.

Лернер бессильно развел руками.

Ну, а я решил познакомиться с Абезгаузом и топтался в углу. Заодно наблюдал за реакцией посетителей.

Длинноногий тридцатилетний мужчина с заплаканными глазами исполнял аллегро ногами по паркету, то есть юлой вертелся по залу. На мгновение остановился перед деревянным раскрашенным ревизионистом и осторожно погладил игрушечное распятие.

- Чья это вещь? - спросил он у хозяина квартиры.

- Это из моей коллекции.

- А еще есть?

- Да ты приходи после этой выставки, - звонко отвечал христианин, - я все на место поставлю и увидишь все.

Тут длинноногого окликнула молодая женщина:

- Лазарис! Володя! Нам пора уходить!

И Лазарис Володя театрально раскланялся.

Вот вошел курносый блондин. Покрутил-покрутил головой и остановился перед зеркалом. Постоял-постоял и ушел.

Девушки еврейские пришли.

Вот проковылял пожилой маленький мужчина с седыми лохматыми бровями, насупленное лицо, в руке очки. Он долго и ошарашенно смотрел на "Алия шэлану", а при виде "болотного вождя" нервный тик затряс его пенсионное тело. Раздайся сейчас звонок в дверь, грохнулся бы в обморок. Недонос на такие картины равносилен антисоветскому поведению /он знал/. Он, может быть, член МОСХ'а и автор "нескольких погонных километров заказной живописи". Что, если его застанут здесь?!

К автопортретам Абезгауза стремительно скакнула хозяйка квартиры, хрустнула пальцами, оглянулась.

- Вот это рожи! - и она истерично выбросила свои руки в мордяхи подошедших мужчин. - Вот это живопись. Смотреть тошно. - Мужчины улыбались как-то лекарственно осторожно.

Абезгауз тем временем улыбался Лернеру, Лернер - Рубину, а Рубин - сразу обоим.

Наконец, художник остался один. И я вышел на него.

- Вы Абезгауз?

- Да.

/Боже, какой усталый у него взгляд!/

- На картине "Алия шэлану" изображен Исаакиевский собор /не синагога/, да и на всех полотнах твоих - церкви...

- Собор и церкви характерны для тех мест, которые я пишу. Мне и в голову не приходило иное. Это символическая, несколько даже плакатная вещь.

- Таратута у тебя похлеще короля Испании.

- Таратута - лифтер, но мне ничего не стоит его красиво одеть. Я его таким вижу. И он еще таким будет. Он отказник-математик.

- Но этот странный орден... /на щите Давида золото, алмазы и портрет Абезгауза.../ ... это как-то не по-еврейски.

- О-о, Мондрус и Таратута хорошие люди, и мне приятно быть с ними на одной картине. Я тоже отказник. Имел несчастье окончить технический вуз и потом работать в "ящике".

- Твоя "Юдифь" прекрасна. А эти картины /деревенская серия/ - иллюстрации?

- Кое-кто думает, что это иллюстрации к Шолом-Алейхему. Я не возражаю. На самом деле я в прошлом году натолкнулся на Украине на еврейскую резервацию, местечко Корестень. Чудом уцелевшее. Я видел самого извозчика Мойшу. И этих стариков видел в саду. На всех картинах у меня в верхнем углу - церковь. Это очень характерно для русского пейзажа. И птицы над церковью. На всех картинах у меня птицы. Пейзажи мои умышленно декоративны и люди на них без теней. Эти люди и эта природа друг другу чужды.

- Сколько стоит такая картинка?

- Я все уже продал.

- Не продавай "Юдифь".

- Один аргентинец предлагает 800 долларов...

- А этого "бандита" тоже продал?

- "Бандита" не продал.Жена моя боится держать его в квартире,а что с ним делать - ума не приложу.

Справа от картин Абезгауза - окно, задрапированное серым холстом, на холсте пять графических работ из серии "Исход". Автор - Юра Календарев. Он же автор удивительного девятисвечника "Ханукия". Нет, наверное, еврейской души, которая не затрепетала бы при виде этой "Ханукии". Календарев мог бы ничего более не выставлять, чтобы остаться в памяти. Но здесь еще его "Птица", выполненная в манере, близкой к племени Макондо. Но "Птица" Календарева - из России. Кажется, вот-вот эта чудная птица пробудится и взлетит...

А вот графика Календарева безлика, точно листья, сорванные ветром. Другое дело сам автор: высокий, чернявый. От таких девушки шалеют, как вон та дылда двухметровая с утиной шеей, которой он объясняет технологию своей графики.

Самая большая картина выставки /по своим размерам/ принадлежала самому шумному художнику: Алеку Рапопорту. Он уже сдал свое дежурство у двери и теперь носился по залу, как массовик-затейник на новогоднем балу. То он объявлял посетителям, что все картины здесь с удовольствием продаются, то призывал не стесняться знакомиться с авторами и задавать любые вопросы. И нелегко поверить, что этот суматошный человек смог написать такую вещь, как "Ужин".

"Ужин" Рапопорта - это реквием по жизни наших отцов и дедов. Скудный свет

падает на стол скудный и на опустошенные лица одиннадцати евреев. Глаза их - как проем разбитых окон. Но не погром это. Это - последний предсмертный крик ассимилированных душ. Темно-сиреневые тона и деформированность пространства передают какую-то особенную мрачную экспрессию. Под картиной машинописный текст: "Ужин", 1966, 1975. Духовные переживания составляют суть мятущихся персонажей картины. Куда они рвутся? К чему стремятся? Что значит изуродованный гомункулус в правом нижнем углу? Пусть каждый зритель найдет свое объяснение".

/Я, грешным делом, принял "изуродованного гомункулуса" за самого Алека/. Диптих: Исайя 44, 23. В левой части - шойхет в белом, он с залысиной и с окровавленным ножом. В правой - большеглазая девушка с золотыми кудрями. Под диптихом текст:

"В левой части речь идет о наказаниях, которым Господь подвергает свой грешный народ. Эту часть можно назвать "Жертвоприношение". В правой части - прощение Господом своего народа и расцвет последнего. Ее можно назвать "Возрождение".

Смотреть на произведения Рапопорта не ахти какое наслаждение, но каждое запомнишь на всю жизнь. Наверное, это и есть талант еврейский.

Спала Таня Корнфельд на вытертом венском диване в большом зале. Ее "Девочка", "Девушка", "Адам и Ева", "Суббота" - вещи, по-моему, самые талантливые на выставке. Но истинное чудо - большой рисунок в красном карандаше: "Еврей". Старик сидит на земле, обхватив руками колени, он в талесе. Старик уже не молится, но молитва еще в нем. Какая-то неосознанная мелодия нежности и благости вливается зрителю, мне, в душу.

Нет, решительно, после Корнфельд не хочется ни на какие картины смотреть. Воровски еще раз бросаю взгляд на долготелую Таню - прикорнула на спинке дивана. Все же должна она быть счастливой. Потому ли, что краше собственных картин, потому ли, что щедро так дарит каждому по празднику.

Мне оставалось познакомиться с "Новым годом" Окуня и "Стариком" О. Сидлина, графикой Симы Островского: "Счастье", "Отцы Израиля", "Счастье рядом", "Братство", "Кара"...

А еще был Шолом Шварц - "Гостинный двор" 53 год; был Александр Гуревич: "Двое", "Семейство", "Лето"... Наконец, оставалась графика Бориса Рабиновича и несколько прекрасных миниатюр Б. Видермана.

Но уже почти восемь часов. Хозяева бесцеремонно выпроваживают зрителей. Выбежал, как ошарашенный, на Рождественскую горку и покатился вниз.

Из Манифеста художников:

"... традиции еврейской живописи в течение последних пятидесяти лет /с момента выезда за границу в 1926 г. еврейского театра "Габима"/ были напрочь забыты.

Вопреки известному мнению изобразительное искусство было в высшей степени развито в древнем Израиле в связи с архитектурой Иерусалимских храмов, затем в росписях средневековых синагог в Палестине, оказавших через Византию влияние на еврейское государство...

Нам хотелось бы перешагнуть через "узаконенное", так называемое местечковое искусство и найти истоки творчества в более древней, более глубокой, мудрой и духовной еврейской культуре, чтобы перекинуть от нее мост в сегодняшний и завтрашний день".

В. ГУСАРОВ

В ЗАЩИТУ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА!

Владимир Гусаров - московский литератор, не публиковавшийся в советской печати. С начала 50-х годов неоднократно помещался в психолечебницы за свои взгляды и убеждения. Широко известна ходившая в Самиздате автобиографическая повесть "Мой папа убил Михоэлса". В нашем журнале печатается впервые.

В первой половине ноября 69-го года, сразу после выхода очередной "Литературки" /кто помнит это время, тот меня поймет/ я написал письмо, адресованное в Союз писателей РСФСР, где посмел высказать свое искреннее убеждение в том, что Фаддей Булгарин был не только популярным писателем и почтенным человеком, но, в некотором смысле, и образцом порядочности, и что только очередной миф, которых, увы, так много и в наши дни, связывает его имя с позорными явлениями предательства и подлости.

Спустя два месяца я получил ответ в конверте с бланком Союза и его московского отделения, из которого, между прочим, узнал, что отчество моего подзащитного - Венедиктович. Привожу ответ полностью:

"Уважаемый Владимир Николаевич!

Вы совершенно правы в одном: Фаддей Венедиктович Булгарин был в свое время очень популярным писателем. Но это само по себе еще ни о чем не говорит, ибо в свое время такие писатели - современники Пушкина, - как Марлинский, Бенедиктов, Кукольник затмили своей известностью славу величайшего поэта России. В кратком письме невозможно выяснить спорный вопрос о законах популярности. Но во всяком случае невозможно рассматривать широкую известность как доказательство значительности того или иного человека. К примеру, Герострат.

Вы, безусловно, ошибаетесь, называя Ф.В. Булгарина "тонким ценителем искусств". Ф.В. Булгарин встречал в штыки большинство лучших, зрелых творений Пушкина, Лермонтова и Гоголя - творений, которыми гордится наш народ, творений, вошедших в сокровищницу мировой культуры.

И последнее: какое содержание Вы вкладываете в понятие "почтенный человек"? У Ф.В. Булгарина, без сомнения, были свои заслуги. В ранний период своей деятельности он, например, был связан с Грибоедовым, в конце жизни он издал небезынтересные воспоминания. Но в то же время этот необычайно активный литератор вошел в историю как человек болезненно завистливый и беспринципный. Он не останавливался ни перед чем, стремясь занять в обществе и литературе то место, на которое не имел никаких прав. Ради этого он шел на все - вплоть до доносов в жандармерию на своих "соперников". И история вынесла свой нелицеприятный приговор.

Думаем, что Вам - несмотря на самые тщательные разыскания - никак не удастся опровергнуть этот приговор, скрепленный эпиграммами Пушкина, памфлетами Белинского, общественным мнением.

С уважением Э. Хайтина."

Январь 70 г.

Получив это письмо, я не мог оставить его без ответа, еще более уверенный в своей правоте и с еще большим сознанием того, что в литературе, как и в общественной жизни нашей страны, давно существует некий снобистский взгляд на литературу и искусство.

Вначале мне хотелось бы остановиться на некоторых положениях, выдвинутых моим уважаемым оппонентом.

Товарищ Хайтина пишет: "в кратком письме невозможно выяснить спорный вопрос о законах популярности. Но во всяком случае недопустимо рассматривать широкую известность как доказательство значительности того или иного человека. К примеру, Герострат..."

Разве это положение литератора-марксиста? Разве тов. Хайтина не обязана в каждой своей написанной строчке руководствоваться марксистско-ленинской теорией отражения? А пользуясь этой теорией, мы получаем совершенно иной ответ: всякое явление, получившее широкую огласку, или направление, или известность - есть отражение жизни общества. Поэтому по сексуальной литературе Запада, не имеющей никакого отношения к высокой литературе, мы делаем вывод о глубоком разложении и загнивании капиталистического общества, по убогим военным романам ФРГ - о реваншизме нацистов, а по агиткам китайской псевдолитературы - о демагогическом характере китайской пропагандистской машины. Так что сам факт популярности Фадцея Венедиктовича, мне кажется, является краеугольным камнем исследования, чего критик не желает замечать, следуя своей нигилистической концепции.

Далее: " ...Вы, безусловно, ошибаетесь, называя Ф.В. Булгарина "тонким ценителем искусств", Ф.В. Булгарин встречал в штыки большинство лучших, зрелых произведений Пушкина, Гоголя и Лермонтова - творений, которыми гордится наш народ, творений, вошедших в сокровищницу мировой литературы...".

Тут мне хочется обратить внимание критика на один момент, для меня очень важный. Так называемые лучшие произведения перечисленных авторов - это неподцензурные писания, распространявшиеся в списках. Я сейчас не останавливаюсь на том пункте, что было в этих писаниях художественной или исторической правдой. Важно, что это была неподцензурная литература. И Фаддей Венедиктович, как патриот и писатель, не мог не выступить против них. В дальнейшем история показала, что правы были все-таки Пушкин и Лермонтов,но это говорит о некоторой исторической ограниченности Фаддея Венедиктовича, но ни в коем случае о его злобности и подлости. Это, как говорится, беда его, а не вина. К тому же вышеперечисленные Вами авторы обладали такими жуткими пороками как личности, как члены общества, что это просто не могло не отвратить от них совестливого человека; ну, сами посудите, может ли что-нибудь путное написать развратник Пушкин, бретер Лермонтов или некрофил Гоголь? А Вы пишете о "завистливости и беспринципности" Фаддея Венедиктовича. Вот уж поистине валить с больной головы на здоровую! Больше ли принципиальности у Пушкина А.С., который пишет пасквильные стихи на царя - "Ура в Россию скачет", а потом в адрес этого же царя восклицает: "Он взял Париж, он основал лицей", да еще пишет "Боже, царя храни!" А не больше ли завистливости у Гоголя Н.В., который в тридцать четыре года считал себя патриархом русской литературы, патриархом, который бежал из России в солнечный Рим и писал там свои "Мертвые души"?

Вопрос о доносах, как основное обвинение Фаддею Венедиктовичу, я попытаюсь разрешить несколько ниже. И там же коснусь темы нелицеприятного приговора истории.

А теперь простите меня за некоторое историческое отступление, ибо мы не можем рассматривать писателя в отрыве от его исторической среды. Итак, Фаддей Венедиктович Булгарин и его время.

Вспомните то сложное и ответственное время! Россия мужает и развивается в сложнейших условиях непрекращающейся борьбы с внешними и внутренними врагами. Она, т.е. Россия, ведет непрекращающиеся войны за необходимые государству территории, имеет пестрый национальный и классовый состав, обширные, большей частью совершенно не освоенные территории, испытывает экономические и социальные затруднения.

Совершенно ясно, что в этих условиях священной задачей писателя-патриота является содействие патриотическому воспитанию масс, осознание им задач большой государственной важности.

И здесь я хочу коснуться того, что для меня является наиболее важным, и чего Вы, как мне кажется, не учитываете. Я имею в виду основное противоречие между писателем и патриотизмом. Ведь в самом деле, все величайшие гении человечества критиковали с совершенно разных позиций - это в данном случае неважно - существующий строй. Гомер критикует появление государства с точки зрения распадающегося рода, то есть осуществляет критику справа; то же самое можно сказать о Шекспире, Бальзаке, Бунине и т.д. Слева осуществляли свою критику Горький и его школа.

В списки лучших наших писателей сейчас включены и Пастернак, и Цветаева, и Ахматова, и Булгаков, и Платонов, и Бабель, и много, много подобных, и все они, все без исключения, не были певцами нашего строя, нашего режима, допускали грубейшие ошибки, становясь на грань духовной контрреволюции, а в отдельных случаях, как, например, Марина Цветаева и ее творчество, впрямую переходили к апологии белого движения.

Есть, конечно, Маяковский, но своим антисоветским актом самоубийства он как бы зачеркнул то полезное, что нес своим жизнеутверждающим творчеством.

Поэтому для меня, гражданина и патриота, гораздо большей ценностью обладает творчество Ф. Гладкова, А. Безыменского, Д. Бедного, А. Прокофьева, В. Кочетова - людей пусть и мало одаренных, а иногда и вовсе бездарных, но зато твердых и целеустремленных в пропаганде нужных нам идей и настроений. С этой точки зрения, проводя прямую связь между Фаддеем Венедиктовичем и Всеволодом Кочетовым, я постараюсь ниже дать беглый анализ его последнего романа "Чего же ты хочешь?"

Возвращаюсь к теме. Итак, есть гениальность, действующая разлагающе, и бездарность, служащая ежедневному делу воспитания подрастающего поколения. С точки зрения истории - правы гении; с точки зрения сегодняшней борьбы - нам более нужны последние. Это противоречие, и не нам с вами его решать. Очевидно, так есть и так будет. Но мы с вами можем дать себе отчет в этом процессе и, как можно сдержаннее относясь к людям, которые, по вашим словам, обогатили "мировую культуру", всемерно помогать труженикам литературы и культурной атмосферы. Мне неизвестно, кто больше заслужил уважение христианства: Христос ли, отдавший себя на растерзание, или Иуда, спровоцировавший Его на это.

Вот еще одна тема для размышления. Почитайте письма Пушкина и Гоголя, перечитайте их произведения. Сколько вы найдете там ненависти к России, мотивов бегства из нее. Или Герцен, покинувший ее навсегда и печатавший свои произведения в чужой стране, а именно в Англии, в Лондоне. Да, теперь мы признаем его нашей национальной гордостью, но тогда-то, тогда... Кем он был тогда для рус-

ских? Предателем и отщепенцем. И многие люди могли задать себе вопрос: а на какие средства он печатает свой "Колокол"? Кто за этим стоит и кому он нужен? Ведь Англия была постоянным врагом России, Англия плела интриги у ее священных границ, и объективно разлагающее влияние проповедей Герцена и Огарева действовало на замыслы английского империализма и его передового отряда - Интеллидженс сервис.

Государство не может не ограждать себя от подобных явлений, в этом его право и его сила, не пользоваться которой в условиях, когда "мы живем, зажатые железной клятвой", самоубийство. Возьмем пример из современной нам с вами литературной и общественной борьбы. Мы критикуем стихи Вознесенского, подвергаем остракизму Солженицына и изолируем от общества писателей типа Синявского и Даниэля. Конечно, в нашей с вами борьбе есть промахи. Я имею в виду тот факт, что мы с вами позволили выехать в одну зарубежную страну, а именно в Англию, в Лондон, писателю А. Кузнецову. Это наше упущение, которое, хочется верить, будет исправлено.

Итак, мы критикуем, подвергаем гонениям и изолируем. Но можем ли мы поступать иначе? Разберем коротко три типа нашей мужественной, изобилующей трудностями борьбы.

Критика Вознесенского. Возможно он, как и все иные нынешние авторы, будет в отдаленном будущем признан и гением,и совестью, и т.д. Я этого не знаю и знать, честно сказать, не желаю. Я живу сейчас, и меня беспокоит то, что сейчас слышат мои соотечественники из уст этих литераторов. А слышат они проповедь индивидуализма, призывы к абстрактному гуманизму, видят "треугольные груши" и другие несъедобные продукты. Этому автору, например, не нравятся наши денежные знаки с изображением В.И. Ленина, отсюда сам собой напрашивается вывод, что ему и наш герб не нравится, и наше знамя, и вся наша жизнь не нравится. И можем ли мы в наших государственных издательствах, на народные деньги, печатать эти искаженные, если не сказать резче, представления?!

Или Солженицын. Поднявшийся на мутной волне антисталинизма и возомнивший себя пророком этот писатель, пользуясь своим даром потрясающей пластики и глубинной психологией, которые, кстати сказать, и не являются его личным достоянием, а, как говорится, получены им от Бога, чернит нашу действительность. Вы можете возразить мне, что действительность критиковалась и Пушкиным, и Гоголем, и Лермонтовым, не считая уж Салтыкова, писавшего под псевдонимом Щедрин, и Чернышевским и т.д. Вы можете далее возразить, что рано или поздно их произведения печатались как в журналах, так и отдельными изданиями, что даже выходили многотомные собрания сочинений. Ну что ж, я готов выслушать это от вас и возразить, что государство прибегало к цензурным сокращениям, ограничивало тираж и время от времени ссылало данных писателей в их родовые имения. Пусть произведения А.И. Солженицына тоже когда-нибудь будут напечатаны, пусть, возможно, мы пойдем на такую жертву, но не сейчас, когда идет ожесточенная идеологическая борьба и когда совершенно ясно, что кто не с нами, тот против нас.

И последний пример - изоляция Синявского и Даниэля. Я знаю, что многие за рубежом восприняли этот факт как акт произвола. Я могу ответить на это, что пусть они побольше думают о своих собственных проблемах, об угасающем революционном движении и конформизме, когда коммунисты в парламентах подают руку социал-фашистам и прочей сволочи.

Теперь, я надеюсь, вам ясна моя позиция, теперь, надеюсь, вам понятно, почему Булгарин Фаддей Венедиктович для меня образец гражданина и как образец

дает больше материалов для размышления, чем высокохудожественное, но, к сожалению, малогражданственное творчество Гоголя, Пушкина и им подобных.

Вы, надеюсь, помните поведение двух известных писателей России во время польского восстания. Тургенев тогда дал золотой на подавление бунта, а Герцен обозвал его за это "седовласой Магдалиной мужского пола". В связи с событиями недавнего прошлого я спрашиваю: с кем вы, мастера литературы?

Очень легко и красиво выступать во имя принципов неправильно понятого гуманизма, гораздо труднее сцепить зубы и, выслушивая упреки и издевательства, делать свое трудное дело, всю меру которого оценят только потомки.

Да, мы не забываем наследие классиков, и было бы смешно думать так. Мы свято чтим следующие строки Пушкина: "От финских хладных скал до пламенной Колхиды, от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая, стальной щетиною сверкая не встанет Русская земля?!"

Или стихотворение Лермонтова "Бородино", ставшее народной песней, распеваемое белогвардейцами во время гражданской войны, а сейчас исполняемое капеллой мальчиков при русском народном хоре п/у. Свешникова. Да, не только в каждой культуре общества живут две культуры - демократическая и антидемократическая, но и в каждом классике живут два классика - мы принимаем Пушкина, автора "Боже, царя храни, славному долги дни дай на земле..." и М.Ю. Лермонтова, солдата кавказской армии освобождения местного населения от ужасов родовых пережитков и возможного турецкого нашествия. Также и Гоголь Н.В. Со школьной скамьи мы осуждаем этого автора, сжегшего рукопись второго тома "Мертвых душ". А не был ли этот акт актом высочайшего гражданского самоотречения, не был ли этот акт актом мужественности и настоящего подвига? Вот за это мы считаем возможным не отторгать себя от данного вопроса, правда, с известными оговорками, суть которых заключается в том, что то действие, которое он произвел в отношении второго тома, он мог бы с успехом произвести и с томом первым своего незабвенного романа.

Мы за литературу ясную и понятную для большинства народа, за литературу, служащую его интересам, т.е. за литературу реалистическую. А не в "Петербургских ли повестях" Гоголя черпали вдохновение авторы разных "Собачьих сердец", не с "Носа" ли начались всякие Ионеско и Беккеты /последний, кстати, получил недавно дурно пахнущую со времен Пастернака Нобелевскую премию/?

Да, я за внимательный пересмотр классического наследия, за его пересмотр, коротко говоря, в учебных программах. Ибо нельзя осуждать Кузнецова, нельзя обвинять Солженицына, не заклеймив Достоевского, нельзя изолировать Синявского, не изолировав от любопытствующих глаз молодого поколения Салтыкова-Щедрина и Гоголя. Я понимаю, что это тяжело, но что может быть тяжелее зрелища ревизионизма и нигилизма молодежи, и не только ее, на современном этапе? В конечном счете лучше использовать китайские методы уничтожения мрази, как это делает положительный герой последнего романа Ананьева "Межа", чем ждать, когда нас захлестнет грязная волна западного индивидуализма.

Теперь я вплотную подошел к проблеме доноса, который, на мой взгляд, является вторым центральным моментом моего с вами идейного несогласия. Это такой упрек, на который очень трудно ответить. И все же... И все же я посмею реабилитировать Фаддея Венедиктовича и восстановить справедливость, насколько мне позволят мои слабые силы.

Представьте себе такую ситуацию. Вы случайно узнали о том, что ваш сосед - шпион или ведет антиправительственную агитацию. Что вы должны сделать?

Доносить или не доносить? Хочу напомнить, что факт недонесения является не только фактом индифферентности и пассивности, но и актом, несущим в себе уголовное деяние, а следовательно, и уголовное наказание.

Преступно не донесение, а недонесение. Плохо, когда донесение сделано из мотива страха; прекрасно, когда оно сделано из мотивов бескорыстного служения отечеству. И тут-то чисто словесная разница, как это бывает очень и очень часто, и сбивает с толку идейно незрелого читателя. Не доносы писал Фаддей Венедиктович, а донесения; не по личной злобе, а из-за гражданских чувств, и не платным осведомителем был он, а вполне сознательным и ответственным гражданином общества. Другое дело, что само общество было плохим; может быть. даже преступным, но это была его страна и его общество, и не можем мы требовать от гражданина большего, чем он может дать. То есть я хочу сказать, что в каждом обществе гражданин его обязан быть послушным, ответственным и всемерно способствовать разоблачению его врагов. Мы обвиняем Фаддея Венедиктовича в том, что воспитываем сами в молодом поколении; не кажется ли вам, что это тоже своего рода заблуждение, если не сказать - преступление?

Я хочу обратить особое внимание на этот пункт, а именно: если мне и могут в чем возразить, то только в одном. Фаддей Венедиктович работал на царя против революционного движения, и все ваши параллели, товарищ, неуместны и глупы. Я готов такое возражение выслушать и ответить на него. Ответить в том смысле, что тогда Фаддею Венедиктовичу еще не было света марксизма, и он никак не мог осознать, что объективно работает на отживший режим. Он думал, что защищает родину. Он это делал, и в этом его правда. Обвиняя его, мы по существу разрушаем основы всяческого патриотизма. Я даже полагаю, что мы должны государственным законом запретить печатание иностранных авторов, критикующих свой строй, пусть этот строй и является враждебным нам капиталистическим строем. Ибо в противном случае, т.к. это,может быть, имеет место сейчас, любой читатель может сделать два вывода:

1. Критика своей страны может совмещаться с патриотизмом. Так как мы не можем печатать непатриотов и отщепенцев, то мы печатаем патриотов. Но все то, что мы печатаем, несет элемент критики, а это значит то, что я уже сказал выше. Далее, мы сами разрушаем представление о Западе, которое сами же создаем. Мы говорим, что империализм не позволяет своим писателям критиковать общество и разглашать свои позорные тайны, а в романах, которые мы переводим и печатаем, и тайны разглашаются, и строй критикуется. И все эти романы у них там, на родине империалистов, тоже печатаются. Уважаемый критик, неужели вы раньше не могли обратить на это внимание? И выходит, что мы всяческого рода сомнительными публикациями доказываем две вещи, несовместимые с идеологической борьбой - это сочетание патриотизма с социальной критикой и сочетание свободы печати с империализмом. В борьбе идей, я думаю, это самое серьезное упущение.

2. Как человек нормальный, читатель может подумать и так: они там себя критикуют, и мы их печатаем, значит, это дело нормальное, и если они будут печатать вещи, изданные у нас и нас критикующие, то и это дело нормальное. А это уже, как вы сами понимаете, оправдание всякой синявщины и даниэльщины, т.е. сук рубим, на котором сидим. Далее. Каждый наш читатель в минуту усталости или временной неурядицы может увидеть отдельные наши недостатки, отражение этих недостатков в отдельных нечистоплотных писаниях радикалов типа того же Солженицына или Синявского. Но наш читатель знает, что один подвержен, и справедливо, остракизму, другие изолированы. Значит, подобных методов борьбы с клеветническими авторами он должен ожидать и на этом проклятом Западе. И вдруг он узнает, что

ничего такого там нет, что ни один Фолкнер не посажен, ни там Хемингуэй или Ремарк, не говоря уже о коммунистах Арагоне, Элюаре или каких-нибудь еще. И тогда он, читатель наш предполагаемый, начинает задумываться над вещами, о которых и думать-то не стоит.

Так что я не только прошу, но я требую, как гражданин и патриот, пересмотреть нашу классику, запретить передовую литературу любого плана, социальную - по вышеизложенным мотивам, развлекательную - потому что это ослабляет наше мнение о суровой, требующей всех сил борьбе западного пролетариата за социальную революцию.

Поэтому я и задал вопрос: чего же вы хотите? Чтобы несколько человек обогатили в будущем мировую культуру или чтобы писательство делало то, что оно и делать должно - воспитывать граждан и патриотов. Я знаю, что вы ответите, ибо я не могу поверить, что в этом вопросе могут быть два мнения. Но тогда я заклинаю: прекратите травлю Фаддея Венедиктовича Булгарина, свергните старые статуи и из их обломков соорудите ему бронзовый столп с надписью: "Писателю и гражданину от благодарных потомков!"

В доказательство того, что опыт Фаддея Венедиктовича не целиком забыт, что есть все же в нашей стране писатели, не забывшие его, я и обращаюсь теперь к беглому анализу литературного памятника эпохи, к роману Всеволода Кочетова "Чего же ты хочешь?".

Но это в следующем письме.

Февраль, 70 г.

С уважением,

В. Гусаров

И Н Ф О Р М А Ц И Я

17 февраля нынешнего года в Брюсселе, как известно, открылась конференция, посвященная положению советских евреев. В тот же день в Москве прошла еще одна конференция, отнюдь не претендовавшая на такую гласность, как Брюссельская, скорее даже наоборот стремившаяся остаться незамеченной. Это была конференция гуманитарных институтов Академии Наук СССР по проблемам усовершенствования методологии, научной критики, идеологии и политики сионизма.

С подробными материалами об этой конференции, о дискуссиях и конфликтах между ее участниками - специалистами из различных институтов, редакций и пр., мы надеемся познакомить читателей в одном из следующих номеров нашего журнала.

Основные решения указанной конференции предусматривали следующее: не считать сионизм фашизмом; не преувеличивать его роль "в общей системе антисоветизма и антикоммунизма"; вести антисионистскую пропаганду так, чтобы "не оскорблять национальных и религиозных чувств советских и зарубежных евреев"; всячески подчеркивать "большой вклад евреев в революционное движение и строительство социализма", имея в виду тот факт, что "в подавляющем большинстве своем советские евреи - это верные патриоты своей социалистической Родины"; решительно пресекать антисемитизм в любой его форме и на всех уровнях - будь то на уровне "дешевого журналистского антисемитизма" /как было сказано в отношении таких специалистов по сионизму, как Е. Евсеев, В, Бегун, В. Скурлатов/ или на уровне "бытового пожелания" типа "убирайся-ка ты в свой Израиль!".

* * *

Публикуя в нашем журнале данную информацию, мы хотим отметить, что упомянутая конференция носила сугубо ведомственный характер и, несмотря на принятые решения, никоим образом не повлияла на внутреннюю политику советского руководства: по-прежнему продолжаются публикации /особенно в периферийной прессе/ на уровне "дешевого журналистского антисемитизма" и сохраняется дискриминация в отношении евреев на различных уровнях социальной и общественной жизни.

* * *

Уже после того, как был выпущен 12-ый номер журнала "Евреи в СССР", мы с болью и скорбью узнали о том, что в ночь с 24-го на 25-е апреля 1976 г. в Минске в возрасте 52-х лет скончался после пятого инфаркта ЕФИМ АРОНОВИЧ ДАВИДОВИЧ.

Полковник в отставке, кавалер 14-ти боевых орденов и медалей Ефим Давидович посвятил последние годы своей жизни борьбе за выезд в государство Израиль. Отдельные обращения и письма Е. Давидовича были опубликованы в нашем журнале.

Мы выражаем глубокое соболезнование родным и друзьям Ефима Давидовича, светлая память о котором останется в каждом из нас.

От составителей

К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

П.И. ПЕСТЕЛЬ,
"РУССКАЯ ПРАВДА"

§ 14. "НАРОД ЕВРЕЙСКИЙ"

Евреи обитают преимущественно в губерниях белорусских, малороссийских, новороссийских и литовских и преимущественно тем отличаются от всех прочих народов, что неимоверно тесную связь между собой неизменно сохраняют, никогда друг друга не выдают ни в каких случаях и обстоятельствах и всегда готовы ко всему тому, что собственно для их общества может быть выгодно или полезно.

Главные причины, поддерживающие и усиливающие сию тесную между евреями связь, следующие: 1/ Евреи собственную свою веру имеют, которая их уверяет, что они предопределены все прочие народы покорить и ими обладать; а тем самым она их отделяет от всех прочих народов, заставляет их все прочие народы так сказать презирать и всякое смешение с каким бы то ни было другим народом совершенно запрещает и невозможным делает. 2/ Еврейские духовные лица, называемые Рабинами, содержат свой народ в неимоверной от себя зависимости: запрещая именем веры всякое чтение каких бы то ни было книг кроме Талмуда и некоторых других собственных своих духовных книг; народ, не могущий просветиться, останется всегда под властью предрассудков. 3/ Сия зависимость от Рабинов происходит от того, что по Еврейскому Закону всякое деяние частного лица, даже самое маловажное, от духовного распоряжения зависит и сии распоряжения одними Рабинами делаются. Еврей даже в яствах не может обойтись без рабинского разрешения. 7/ Они ожидают прибытия Мессии, который должен будет их водворить в их царство и все остальные народы покорить. От сего ожидания укрепляется дружная между ними связь, ненависть их ко всяким иноверцам и зависимость от Рабинов.

Сия связь между евреями имеет весьма замечательные действия и последствия, из коих о некоторых здесь упомянем: 4/ Зависимость евреев от Рабинов идет так далеко, что всякое приказание, сими данное, исполняется свято и беспрекословно: они даже жизнею евреев располагают по своему произволу: убитый по их приказанию пропадает без ведома правительства, ибо право им дано не уведомлять об умерших местного Начальства. Рабины право имеют отчуждать от Общества евреев, найденных ими заслуживающими сие наказание. К Отчужденному таким образом никто подойти не смеет и никто не может с ним никаких иметь Сношений до тех пор, пока не снимет Рабин с него произнесенное проклятие. Евреи чрезвычайно сего наказания страшатся. 6/ Тесная между евреями связь дает им средства большие Суммы накоплять или собирать для общих их надобностей, особенно для склонения разных Начальств к лихоимству и ко всякого рода злоупотреблениям для них, Евреев, полезным. Сии общественные с Евреев сборы весьма удобным образом делаются по распоряжению Рабинов через посредство общественных Резников. Каждый еврей непременно должен по совему Закону в определенные дни мясо есть и притом никто не может скотину или даже курицу зарезать, кроме общественных их резников; при каковом случае и сбор взимается. 8/ Ожидая Мессию, считают себя Евреи временными обитателями края, где находятся, и потому никак не хотят земледелием заниматься, ремесленников тоже отчасти презирают и большею частью одной торговлей занимаются. По причине же большого их числа не может частная торговля всем доставлять достаточное пропитание; и потому нет тех обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли; в чем им Рабины еще более спо-

собствуют, говоря, что обмануть христианина не есть преступление и основывая на своем Законе право фальшивые даже давать присяги, если только может то быть Еврею полезно. 9/ Дружная связь между ними то последствие имеет, что коль скоро они в какое-нибудь место допущены, то неминуемо сделаются монополистами и всех прочих вытеснят. Сие ясно видеть можем в тех губерниях, где жительство свое они имеют. Вся торговля там в их руках и мало там крестьян, которые бы посредством долгов не в их власти состояли; отчего и разоряют они ужасным образом край, где жительствуют. 10/ Прежнее Правительство даровало им много отличных прав и преимуществ, усиливающих зло, которое они делают. В числе главнейших упомянуть можно о праве не давать Рекрут, о праве не объявлять об умерших, о праве иметь общественных Резников, о праве воспитывать детей в каких правилах хотят, о праве по усмотрению одних Рабинов книги Еврейские печатать, о праве судиться между собой по приговорам Рабинов и многие другие, не говоря уже о том, что сверх того они всеми теми же правами пользуются, как и прочие Народы Христианские. Принимая все сии обстоятельства в полное Соображение, ясным образом усмотреть можно, что Евреи составляют в Государстве, так сказать, свое собственное, совсем отдельное Государство и притом ныне в России пользуются бо́льшими правами, нежели сами Христиане. Хотя самих Евреев и нельзя винить ни в том, что они сохраняют столь тесную между собою связь, ниже в том, что пользуются столь большими правами, кои даровало им прежнее Правительство, не менее того не может долее длиться таковой порядок вещей, утвердивший неприязненное отношение Евреев к Христианам и поставивший их в положение, противное общественному порядку в Государстве.

Для приведения сего порядка Вещей в надлежащее Состояние открываются два Способа. Первый состоит в совершенном изменении сего порядка. Изменение сие должно относиться до всех тех предметов, которые в теперешнем их положении и Устройстве вредны и Злоупотребительны, паче же всего надлежит иметь целью вредного для Христиан влияния тесной связи Евреями между собой содержимой, ими противу Христиан направляемой и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей. Для сего может Временное Верховное Правление ученейших Рабинов и умнейших Евреев созвать, выслушать их представления и потом мероприятия распорядить, дабы вышеизъясненное зло прекращено было и таким порядком заменено, который бы соответствовал в полной мере общим Коренным правилам, имеющим служить основанием политическому зданию Российского Государства. Ежели Россия не выгоняет Евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к Христианам. Российское правительство хотя и оказывает всякому человеку защиту и Милость, но однако прежде всего помышлять обязано о том, чтобы никто не мог противиться Государственному Порядку, частному и общественному Благоденствию.

Второй Способ зависит от особенных обстоятельств и особенного хода Внешних Дел и состоит в содействии Евреям к Учреждению особенного отдельного Государства в какой-либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить Сборный Пункт для Еврейского народа и дать несколько войска им в подкрепление. Ежели все Русские и Польские Евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, нетрудно будет преодолеть все Препоны, какия Турки могут им Противопоставить и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, заняв достаточные места и Земли, устроить особенное Еврейское Государство. Но так как сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно-гениальной предприимчивости, то и не может быть оно поставлено в непременную обязанность Временному Верховному Правлению и здесь упоминается только для того, об нем чтобы намеку представить на все, что можно бы было сделать.

И. ПИЛЬСКИЙ

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 150 ЛЕТ СПУСТЯ

Стопятидесятилетие со дня восстания декабристов было отмечено не только юбилейной выставкой в Александровском лицее в Царском Селе /ныне г. Пушкин/, не только научной конференцией в Академии Наук и не только статьями в центральной и местной прессе. Оно было ознаменовано еще одним событием, о котором ни центральная, ни местная пресса ничего не сообщили и о котором стало известно только из передач западных радиостанций.

Сто пятьдесят лет со дня восстания исполнилось 14 декабря 1975 года /по старому стилю/. В этот день группа молодых ленинградских литераторов и художников решила собраться на Сенатской площади /ныне площадь Декабристов/ и читать там стихи, посвященные декабристам. За три дня до этого, 11 декабря, они отправили в Управление садово-паркового хозяйства, в ведении которого находится Александровский сад /ныне Сад трудящихся/ и примыкающая к нему Сенатская площадь, письмо. В письме они уведомляли власти о своем желании "публично почтить память декабристов" и просили "обеспечить порядок".

Как выяснилось через три дня, представления о порядке у авторов письма и тех, кто его получил, весьма разнятся друг от друга. Авторы письма, видимо, предполагали, что порядок заключается в том, что они придут на площадь к Медному Всаднику, будут читать там стихи, а власти будут в это время ограждать их от всякого рода провокаций - скажем, от попыток помешать чтению стихов.

Власти же имели о порядке свои особые представления. Собственно говоря, удивляться этому не приходится - еще один из героев Салтыкова-Щедрина "целым рядом неопровержимых аргументов доказал, что наша благопристойность так близко граничит с неблагопристойностью, что из этого созидается нечто своеобразное и нам одним свойственное". "Нечто своеобразное" вышло и на этот раз.

Заботы о порядке стали проявляться уже ранним утром 14 декабря. У себя дома были арестованы несколько человек, которые собирались вскоре придти на площадь. Их развезли по разным отделениям милиции, где и продержали до вечера. По всей вероятности, их сочли организаторами и решили под разнообразными предлогами изолировать от остальных. Что касается предлогов, то они явно изобретались по ходу движения милицейской машины. Поэтессе Юлии Вознесенской заявили, что она очень похожа на известную спекулянтку коврами из Гостиного Двора и что нужно подождать, когда приедет "одна женщина" на предмет опознания. Ждать пришлось до вечера. Прозаику Борису Иванову предъявили обвинение в... намерении совершить нарушение общественного порядка. Поскольку самому Иванову это его намерение было совершенно неизвестно, а сотрудникам милиции - тем более, то они так все вместе и пребывали в неведении. До вечера, то есть, пребывали, а потом Иванова отпустили домой. Поэта Виктора Кривулина и его жену Татьяну Горичеву вообще ни о чем не спрашивали, и только под вечер им предложили написать объяснение причин, "почему они не ночевали дома". Еще кого-то задержали за якобы неправильный переход улицы и потом целый день разъясняли правила уличного движения.

"Нечто своеобразное" происходило в тот день и на Сенатской площади. Тех, кто пришел туда в назначенный час, к 12 дня, встретили усиленные наряды милиции и курсантов, которые патрулировали площадь, Александровский сад и прилегающие

улицы. Весь район был заполнен автомашинами ПМГ, фургонами "спецмедслужбы" /обслуживающей вытрезвители/, а также снегоуборочными машинами. Неподалеку стоял и автобус с дружинниками. Надо думать, никто не удивился бы, если бы на Сенатскую площадь был выброшен с вертолетов десант или из глубины Невы всплыла бы подводная лодка и остановилась напротив Университета. "Власти" бросили на площадь такое количество милиции и войск, словно в самом деле ожидали повторения событий 1825 года и готовились к отражению атаки мятежного каре. Однако никакого каре не оказалось, лишь несколько десятков невооруженных интеллигентов собирались читать на площади стихи. Никого из них на площадь не пропустили и они оставались в аллее неподалеку от Медного Всадника.

С полуденным выстрелом пушки Петропавловской крепости собравшиеся обнажили головы в память восставших декабристов. Тут-то и началось обеспечение порядка: офицер милиции в сопровождении двух сотрудников КГБ арестовал художника Игоря Сенявина. Когда Сенявина увели, остальных окружили сотрудники милиции и КГБ, стали теснить к площади, а там попросту разогнали. "Ну-ка, батюшки, расходитесь!" - усердствовал какой-то милицейский капитан, раздраженный, видимо, обилием интеллигентских бород. Прочие его коллеги силой выталкивали собравшихся с площади. При этом был арестован еще один художник - Вадим Филимонов, которого ударили по лицу, прежде чем посадить в машину /обоих художников к вечеру выпустили/. Все это продолжалось не более 10-15 минут, и в четверть первого на площади оставались только милиционеры, курсанты военного училища и граждане в штатском.

Вот что произошло 14 декабря 1975 года на Сенатской площади в Ленинграде, в день 150-летия восстания декабристов. Можно разве что добавить, что через несколько дней Ю. Вознесенскую вызвали в КГБ. Сотрудник одного учреждения заявил ей, что ленинградским литераторам следует держаться подальше "от тех, кто инспирировал эту антигосударственную демонстрацию". Кто же это такие? "Отъезжающие и диссиденты", - пояснил тот же сотрудник КГБ.

В этой связи вспоминается другая формулировка. Ее употребил в одной из своих работ Г. Бутмиде-Кацман, теоретик Союза Русского Народа, рассуждая об истинных виновниках декабристского восстания: - Жиды и масоны.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

А. ХОССОН

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

/на русском языке/ [*]

В 1892 г. в Петербурге был выпущен "Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта /1708/ по декабрь 1889 года". В этой фундаментальной национальной библиографии, содержащей 9579 названий, широко представлены источники по истории евреев России. Библиография источников по истории русско-литовско-польского еврейства, опубликованных после 1889 года, разработана мало: в 1910 году М. Балабаном выпущен аннотированный "Обзор литературы по истории евреев в Польше /1907-1909/" /Евр. старина, т. 3, 1910, стр. 141-147, 305-317/ и в 1914 г. М.Л. Вишницером - прикнижная "Библиография по истории евреев в Польше и Литве" /в кн.: "История еврейского народа", т. 11, М., 1914, стр. 505-516/, содержавшие лишь несколько десятков названий на русском языке.В советский период подобных указателей не выпускалось.

Предлагаемая нами библиография составлена преимущественно на основе "Книжной летописи" /с летописью повременной печати/" А.Д. Торопова /СПб, 1907-1917/ и еврейской исторической периодики /сборники "Еврейская старина", тт. 1-13, СПб-Л., 1909-1930; "Пережитое", тт. 1-4, СПб, 1908-1913; "Еврейская летопись", вып. 1-4, М.-Л., 1923-1926; журналы "Восход" и "Книжки Восхода" с 1890 по 1906 гг./.

В связи с малой доступностью фондов иудаики библиографический указатель носит выборочный характер. Для полноты тематического охвата частично использованы материалы вышеуказанного "Систематического указателя". Принятые сокращения:

ИЕН - История еврейского народа, т. 11, М.,1914.
ЕЭ - Еврейская энциклопедия, тт. 1-16, СПб, 1908-1913.
ЕС - Еврейская старина.
ЕЛ - Еврейская летопись.
Пж - Пережитое.
Кн.Восхода - Книжки Восхода.

II. Р е л и г и о з н а я ж и з н ь

4. Иудействующие секты в русском православии

а. Общие работы

Буткевич Т.И. Обзор русских сект и толков. Харьков, 1910.

---

[*] В данном томе редакция сборника публикует указатель в алфавитном порядке. Начало библиографии см. "Еврейский Самиздат",т. 11, стр. 88-91; т. 12, стр. 71-83, 226-228. Указатель литературы включил 257 названий.

б. Ересь жидовствующих XV в.

Боцяновский Ф. Русские вольнодумцы XIV-XV вв. Новое слово, 1896, 12.

Бруцкус Ю. Захария, князь Таманский. ЕС, 1917-1918, т. 10, стр. 132-143.
Автор вслед за Голубинским и другими историками отождествляет Захарию из Киева, основателя ереси жидовствующих, с Захарием из Кафы, князем Таманским.

Долгов С. О ереси жидовствующих. М., 1902.

Костомаров Н. Великий Новгород. Русская старина, 1880, т. 27.

Маш М.К. Евреи и жидовствующая ересь. Разсвет, 1880, 11.

Неверов С.Л. Логика жидовствующих. Введение в текст. Киев, Университетские известия, 1909, 8.
Перевод трактата Маймонида о логике.

О ереси жидовствующих. Новые материалы, собранные Г.А. Белокуровым и др. М., 1902.

Соболевский А.И. О логике жидовствующих. Тайна тайных. В сборнике: Памятники древне-русской письменности. CXXXIII, 1889.

Сперанский М. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора-еврея. М., 1907.
Перевод Махзора на русский язык.

в. Иудействующие секты XVIII - XX вв.

Астырев Н. Субботники в России и Сибири. Северный вестник, 1891, 6.

Бейлин С.Х. Кое-что о зиминских субботниках. Пж, т. 4, 1914.

Боголюбов Д. Тамбовские жидовствующие. Миссионерские обозрения, 1898, 5.

Козьмин М. Из быта субботников /рассказ со слов моего отца/. ЕС, 1915, т. 8, стр. 386-395.

Он же. Из быта субботников /воспоминания/. ЕС, 1914, т. 7, стр. 443-458.

Он же. История села Иудина. Иудействующие в Сибири. ЕС, 1914, т. 7, стр. 492.

Он же. Прошлое и настоящее сибирских субботников. ЕС, 1913, т. 6, стр. 3-22, 162-183 /с документами и фотографиями/.

Нейман И.Л. О субботниках на Амуре. ЕС, 1915, т. 8, стр. 183-185.

Новый Израиль. Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Вып. IV, СПб, 1911.

Молоствова Е.В. Иудействующие в русском сектантстве. Пж, т. 3, 1913.
О секте Ильина.

Она же. Секта иеговистов. Живая старина, 1909, кн. 69, стр. 3-21.

Тифлов М. О переселении сектантов жидовствующих в Палестину. Миссионерские обозрения, 1904, 5.

5. "Совращение в иудейство"

Маркон И.Ю. Дело о сожжении отставного капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Боруха Лейбова за совращение его /1738/. Пж, т.3, 1913.

6. Крещение евреев

а. Общие работы

Антошевский А.И. Евреи-христиане. /Историко-генеалогические заметки/.СПб,1907.

Жаботинский В.Е. Наше бытовое явление /вопрос о выкрестах/. Одесса, 1911.

Об отпадении от еврейства. Недельная хроника Восхода, 1883, 42.

Преображенский И. Отечественная церковь. Статистические данные от 1840-41 до 1890-91 гг. М., 1901.
Статистические данные о числе евреев, принявших крещение в России.

Христианское движение среди евреев в С.-Петербурге. Церковный вестник, 1885,3.

Чериковер И. Обращение в христианство /в России/. ЕЭ, т. 11, стр. 893-895.

б. Израильские христиане

Общество "израильских христиан" существовало в 1817-1833 гг. под опекой особого правительственного комитета с целью организации поощрительной материальной помощи новокрещенным евреям.

Лернер О.М. Евреи в Новороссийском крае. Одесса, 1901.
О неудачной попытке организации сельскохозяйственных поселений из новокрещенных.

Ю.Г. Израильские христиане. ЕЭ, т. 8, стр. 56

в. Миссионерство

Из архива П.Н. Новосильцева. Английские миссионеры и евреи в Царстве Польском. Русский архив, 1908, кн. 4
О деятельности Лондонского миссионерского общества среди польских евреев в 1817-1854 гг. См. также: ЕЭ, т. 2, стр. 491-494. Ю. Гессен. Английские миссионеры в России.

О христианском миссионерстве среди евреев. Вестник русского еврейства,1871, 39.

г. Автобиографии крещеных евреев

Алексеев А. Автобиография христианина из евреев. Новгородские губернские ведомости, 1868, 7,9,13,15-19,21,23,24.
Бывший кантонист Вульф Нахлас, ставший активным миссионером среди евреев. Воспоминания представляют этнографический интерес.

Он же. Обращение иудейского законника в христианство. Новгород, 1882.

Брин О. Воспоминания новокрещенного еврея. Странник, 1887, 7.

Левисон В.А. Иерусалимские письма. СПб, 1864.
Воспоминания бывшего шойхета из Веймара, затем профессора СПб духовной академии, автора перевода на иврит литургии Иоанна Златоуста.

Нафанаил, архимандрит /Николай Кузнецкий/. Мое поступление в христианство. Полтавск. епарх. ведом., 1863, 6-7; 1866, 7-8; 1866, 2-4.
См. его некролог там же, 1887, 6.

Элък Иосиф. Обращение в лютеранство и принятие православия одним из евреев /автобиографический очерк/. Кишинев. епарх. ведом. 1872, 9-10.

д. Миссионерские послания крещеных евреев

Еврейско-христианское свидетельство к Израилю. Ростов н/Дону, 1910.

Письмо раввина, обратившегося в христианство, к евреям, его единомышленникам, о причинах, побудивших его к обращению. Христиан. чтение, 1829, 34.

Эбин И.О. Как один еврей нашел своего Мессию. Ростов н/Дону, 1910.

7. Евреи и масоны

Гессен Ю. Евреи в масонстве /опыт исторического исследования/. Кн. Восхода, 1902, 7.

Он же. Масонство. ЕЭ, т. 10, стр. 684-685.
По данным автора, русские масоны, придерживавшиеся так называемой "шведской системы", отрицательно относились к участию евреев, как и не христиан вообще, в масонском движении; петербургская ложа, в частности, приняла в свои члены только одного еврея - в 1797 г.

8. Экуменическое движение

Макушев. Андрей Товянский, его жизнь, учение и последователи. Русский вестник, 1879, 2,5,10.

Мякотин В. Товянщина. Восход, 1888, 11-12.
Андрей Товянский - 1799-1878 - поляк, организатор Иудео-христианского братства, прокламировавшего богоизбранность еврейского, польского и французского народов. Активным участником братства был Адам Мицкевич.

С.Ц. Басин, Лазарь. ЕЭ, т. 3, стр. 870-871.
Еврей-христианин, выходец из Могилева, опубликовавший в 1881 г. "циркуляр", призывающий евреев и христиан к религиозному примирению. См. также: Разсвет, 1881, 22.

П И С Ь М А

"ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ" К ОТКРЫТОМУ ПИСЬМУ

Г-н Редактор!

В Вашей газете за 17 января 1976 года я прочел "открытое письмо" советского еврея Израиля Бергера. При чтении у меня возникло множество вопросов к автору и к тем, кто стоит за ним.

Я надеюсь, Вы напечатаете мои вопросы вместе с Вашими комментариями.

Г-н Бергер, я с уважением отношусь к Вам как к ветерану войны, пожилому и израненному человеку, но иначе к Вам обратиться не могу, хотя в стране, где мы с Вами живем, принято другое обращение.

Вы пишете о том, как хорошо и свободно живется евреям в Советском Союзе. Но за последние годы отсюда уехало более 100.000 евреев! Почему?

Вы насчитали много евреев среди известных ученых, инженеров, военных, деятелей культуры и искусства. А сколько их, таких же известных, уехало? И почему? И куда? В сионистский "ад" Израиля? В пораженный кризисом и безработицей капиталистический мир? Почему?

Почему они уехали и продолжают уезжать от райской жизни? Почему они едут в страну, охваченную практически непрерывной войной, заранее боясь за свою жизнь и жизнь своих детей?

Боятся, но едут! Не зная языка, обычаев, среды, боясь безработицы, разрывая семейные связи, теряя родителей и детей, братьев и сестер, оставляя места, где они родились и выросли и по которым потом будут тосковать!! Почему?! Почему?!

Вы пишете о желающих вернуться. Я верю, что есть и такие. Люди, воспитанные в другой среде, с другими обычаями и культурой, они не могут приспособиться там, они не умеют и не смогли научиться бороться. Это их трагедия. Но почему они уехали? Почему?

Сионистская пропаганда!?

Вы ее слышите по радио Израиля сквозь рев глушителей? Вы ее читаете в израильских и "империалистических" газетах, журналах, брошюрах, покупая их каждый день в наших киосках и магазинах? Или вы можете посетить лекции, собрания, митинги, где выступают сионисты?

Кто, как и чем распропагандировал те 100.000 евреев, которые уже уехали?

Я не могу ответить на эти вопросы. Я могу лишь рассказать, почему я решил уехать.

Я моложе Вас, когда была война, я был ребенком. Потом я был студентом, ученым, был даже коммунистом. И все-таки решил уехать! Почему?

Г-н Бергер, Вы никогда не испытывали чувства собственной ущербности, какой-то неполноценности? Я впервые испытал это чувство в детстве, когда услышал и понял, что я чем-то отличаюсь от окружающих.

"Еврей, жид" - это звучало как "прокаженный". Но почему я должен был отличаться от других? Я не хотел, я хотел быть таким, как все вокруг! Но не мог - среда меня выделяла. Я был обозлен на своих родителей за то, что они родили меня "жидом", я стеснялся самого себя!

Став взрослее, я понял, что надо как-то приспосабливаться, что-то терпеть, чего-то добиваться. Ведь другого-то выхода не было. Вероятно, это во многом повлияло и на мое вступление в партию.

А чувство не покидало меня. И все время мучила мысль: "А мои дети? Неужели им тоже предстоит пройти все это?"

И тут, как луч света - Израиль! Страна, где можно будет почувствовать себя, как все вокруг, обрести это невидимое, но заветное чувство полноценности! И сын мой не пройдет чере эту Голгофу!

Г-н Бергер! Смею Вас заверить, что в то время, когда мы с женой решили уехать, мы ничего не знали о жизни в Израиле! И о сионизме тоже! За исключением того, что писали в наших газетах. И в брошюрах. Вы не читали Т. Кичко, Л. Гомельского, В. Скурлатова? Почитайте! Я думаю, что Петлюра, о котором Вы вспоминаете в своем письме, с удовольствием бы подписался под ними.

Г-н Бергер, получилось так, что уже 2,5 года моя семья живет в Израиле, а я еще здесь, в Советском Союзе. Меня не выпускают. Я разлучен с женой и сыном, которых очень люблю. Но я потерял и еще кое-что. Я потерял это проклятое чувство неполноценности! Да, г-н Бергер, с тех пор, как я решил уехать, я почувствовал себя человеком в полном смысле этого слова! Так неужели вы думаете, найдутся такие силы, которые заставят меня вернуться к прежнему состоянию?!

Г-н Бергер. Представьте себе такую ситуацию. Я живу здесь с семьей. Мой сын узнает, что он еврей и приходит ко мне выяснить, что это такое. Что я ему расскажу? Я не знаю ни языка, ни истории, ни культуры, ни традиций! Но я еврей! Я это знаю, когда смотрю в свой паспорт, когда иду искать работу, когда вижу взгляды и слышу реплики на улице, в транспорте!

А вдруг мой сын захочет знать свой язык? Я слышал, что в Москве, Киеве, Ленинграде проживает около миллиона евреев. Может, я смогу в одном из этих городов устроить сына в еврейскую школу? Или пойду в магазин и куплю учебник по еврейскому языку, истории, литературе? Или вообще хоть какую-нибудь литературу о евреях? Что я смогу рассказать ему, г-н Бергер?

Я задал вам много вопросов, но еще больше осталось незаданных. Сможете ли Вы ответить на них? А может быть, Вы, г-н Редактор?

Или, может быть, все это объяснят на высшем форуме коммунистов Советского Союза? Конечно, там будут решаться глобальные проблемы. Но ведь и 100.000 уехавших - это тоже не мелочь!

В. Кислик

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПБ МАШЕРОВУ Петру Мироновичу

от рабочей-упаковщицы 8-го цеха Минского радиозавода ОКУНЬ Сули Эля-Рувовны

С 20 августа 1973 года я работаю в 8-м цеху Минского радиозавода упаковщицей. Моя хорошая работа и безотказность при выполнении любых поручений бригадира, мастера и других руководителей 7 раз отмечалась премиями, а также благодарностями.

С сентября 1942 года я добровольно сражалась на фронте против немецких фашистов как пулеметчица. Воевала до конца войны. Была ранена в бою и за личную храбрость получила 7 правительственных наград.

Все сказанное выше - одна сторона медали. Другая ее сторона выглядит куда более мрачно.

В нашем цеху господствует накаленная антиеврейская атмосфера. Рабочие-евреи Илья Шумлинский, Рая Столина, я и другие подвергаемся постоянным издевательствам, насмешкам и глумлениям. Особую активность в антисемитской деятельности проявляют такие фашиствующие элементы, как Надежда Альшевская, Тамара Павлюченко, Евдокия Ефименко, Вера Павлович, Галина Панина и другие. Ветеранам войны, в том числе и мне, они заявляют, что я сидела в Ташкенте, как и все евреи, а награды купила за деньги. Они постоянно оскорбляют еврейский народ, не стесняясь нашего присутствия. Приписывают всему еврейскому народу все то грязное, что о нас придумал Гитлер и его банда, о чем в последние годы повседневно клевещут со страниц газет и журналов Максим Лужанин, Владимир Бегун, В. Михайлов и другие неофашисты. В такой тяжелой нервозной обстановке мы, еврейские рабочие, вынуждены работать и молчать.

Ни разу никто из администрации или членов КПСС и комсомола не пытался пресекать фашистские антиеврейские разглагольствования. Зачастую некоторые из них сами принимают активное участие в травле еврейских рабочих. При обращении за помощью к тем рабочим, которые не принимают участия и не поддерживают антисемитские издевательства, они молчат и советуют молчать и мне. Более двух лет я молчала. 29 октября, когда во время работы фашиствующая хулиганка Евдокия Ефименко снова обрушилась с градом оскорблений в адрес еврейского народа и лично по отношению ко мне, я уже больше не могла молчать. Я сказала ей, что она такая же фашистка, как и гитлеровцы, которые во время войны сначала оскорбляли, а затем поголовно убивали нас за то, что мы евреи.

3-го ноября 1975 года я обратилась с письменным заявлением к секретарю парткома КПСС завода с просьбой принять меры к прекращению гитлеровской погромной агитации в нашем цеху и создать нормальные условия для работы всех рабочих, в том числе и евреев.

27 ноября мое заявление разбиралось на заседании цехового комитета /председатель - Гвоздовский Виктор Григорьевич/, на котором присутствовало более 20-ти человек. Это заседание полностью поддержало линию поведения фашиствующих элементов в нашем цеху и приняло решение, чтобы я извинилась перед антисемиткой Евдокией Ефименко. Тем самым цеховой комитет полностью поддержал антисемитские действия фашиствующих элементов.

Я обращаюсь к Вам и надеюсь, что в соответствии с конституцией СССР, которая еще не отменена, будут приняты соответствующие меры воздействия к активным антисемитам 8-го цеха, их покровителям из руководства, а также меры к прекращению шельмования еврейского народа в печати и по радио, что вдохновляет самодеятельных антисемитов и создает невыносимую атмосферу для евреев.

4 декабря 1975 г.

ОКУНЬ Суля Эля-Рувовна
г.Минск, ул.Каховская, 27, кв.36

Е В Р Е И В С С С Р

Сборник материалов по истории, культуре и проблемам
евреев Советского Союза

№ 13

1976 г. Москва

Р Е Л И Г И Я

БЕН НАФТАЛИ

ИЗБРАНИЕ АВРААМА

Ниже мы будем приводить цитаты на иврите в русской транскрипции. Транскрипция эта, естественно, далеко не совершенна. Мы соблюдаем при этом следующие соглашения:

1. В большинстве случаев ударение падает на последнюю гласную слова. Когда это не так, мы специально отмечаем его.

2. Буквы *каф* и *коф* обозначаются одинаково через "к".

3. Буквы *хэт* и *хаф* обозначаются одинаково через "х".

4. Буквы *тав* и *тэт* обозначаются одинаково через "т".

5. Буква *х* обозначается *хэй*; читается как придыхание, подобно *H* латинского алфавита.

6. Буква *в* обозначается *вав*, читается как губное "в", подобно 23-й букве латинского алфавита в английском языке.

7. Долгота гласных на письме не различается.

8. *Э* следует читать иначе, чем русское "э", в целом аналогично "е".

9. Через "е" обозначается *"шва"*, но в тех случаях, когда оно произносится. Читать следует как очень быстрое "и" и не очень ясное "е" /промежуточный звук/.

10. Сдвоенные буквы следует читать очень слитно, в крайнем случае как одну букву, но ни в коем случае не как две раздельные.

11. Буквы *алеф* и *айн* как правило нами не обозначаются. В тех же случаях, когда это делается, они обозначаются через '. При чтении такая же пауза должна делаться между любыми соседними гласными буквами.

Такими словами говорит нам Тора о начале пути Авраама:

И было Тераху 119 лет, и родил Аврама, Нахора и Харана. И вот история дней Тераха: Терах родил Аврама, Нахора и Харана, и Харан родил Лота. И умер Харан при жизни Тераха, отца своего, в земле, где родился, в Уре Халдеев... И взял Терах Аврама, сына своего, и Лота, сына Харана, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Уры Халдеев, чтобы идти в землю Ханаан; и пришел до Ханаана и поселились там. И было дней Тераха 205 лет, и умер Терах в Ханаане.

Бытие 11, 25-32

И сказал Господь Авраму: иди себе из земли твоей, и из родни твоей и из дома твоего - в землю, которую укажу тебе. И сделаю тебя народом великим и благословлю тебя и возвеличу имя твое и будешь благословлять.

Бытие 12, 1-2

Этим кратким "иди себе" обозначено избрание Аврама, с него начался его личный путь к Богу /и в ходе этого пути он стал Авраамом/, с него же начался и путь народа, и пути религий - иудейской, а также христианской и мусульманской, в той мере, в какой они связаны с иудаизмом. Согласимся, прежде всего, что для такого большого дела сказано удивительно мало. Это согласие и это удивление позволят нам внимательнее рассмотреть краткие "сведения" Торы.

I

Прежде всего, важно понять, к кому относится избрание - к конкретному человеку: Авраму, сыну Тераха /Фарра в синодальном переводе/, или к чему-то большему. Собственно, видимо, никто еще не сомневался в ответе на этот "вопрос". Избран был еврейский народ, и Аврам был избран именно как его родоначальник: ему была дана честь стать отцом народа-избранника. Возможно, правда, и "обратное толкование": избран народ как потомки праотца-избранника.

На наш взгляд, в этом нет особого /чтобы не сказать: никакого/ противоречия. Иудаизм воспринимает личность как часть человечества, в том числе - как звено в цепи поколений. Поэтому "заслуги отцов" /"*эхут авот*"/ для него - вещь абсолютно реальная.

"Ибо не равна молитва праведницы, дочери нечестивца, молитве праведника, сына праведника" - так говорит однажды Раши; и это его "ибо" показывает, что другого подхода оно собственно, и не мыслит. Естественное уважение и любовь человека к предкам для иудаизма естественна и уважаема - если предки достойны уважения. Чем больше таких предков, тем лучше для человека - если он берет их себе за образец.

После того, как Израиль сделал себе золотого тельца,

"... сказал Бог Моисею: увидел я этот народ, и вот - он народ упрямый. И теперь позволь мне, и возгорится мой гнев на них, и уничтожу их, и сделаю тебя народом великим".

Исход 32, 9-10

Талмуд говорит:

Знай, что если так можно сказать, схватил Моисей Бога, как человек хватает товарища за одежду, и сказал ему: Владыка мира! Не отпущу тебя, пока не сжалишься и не простишь Израиля. "И сделаю тебя народом великим". Сказал р. Эльазар: "Сказал Моисей перед Господом:уж если стул о трех ногах не может стоять /три праотца: Авраам, Ицхак, Яаков/, то об одной ноге /один Моисей/ тем более".

Число таких примеров, когда "*эхут авот*" является аргументом, можно множить до бесконечности. Простейший и известный всем пример - это формула: Бог отцов твоих, Бог Авраама, Бог Ицхака, Бог Яакова. Но посмотрим на дело с другой стороны.

Шим"он праведник говорил: "На 3-х вещах стоит мир: на Торе, на службе / в храме/, на добрых делах".

Пиркей Авот 1-2

Следующий перуш /толкование/ дней р. Овадия Мибертиноро. "На Торе. Если бы не приняли Израиль Тору, не были бы созданы земля и небо, как написано /Иеремия/: если бы не мой завет - день и ночь, законы земли и неба я бы не поставил".

Аналогично, но с несколько большим подчеркиванием свободы воли, находим в одной талмудической аггаде:

Когда Господь Бог создавал мир, он обусловил условием то, что создавал. Если примет Израиль Тору, будете существовать, если нет - возвратитесь в хаос.

Заметим, не Авраам, Ицхак и Яаков - праотцы и праведники, - не Моисей, который получил Тору, не Эзра, о котором традиция говорит, что он получил бы Тору, если бы не была уже дана Моисею; не все эти /и другие!/ личности, но Израиль в целом /"Если бы не приняли Израиль Тору..."/. Следовательно, здесь мы понимаем, что народ в целом представляется более ценным, чем самые выдающиеся его члены. Талмудический мидраш рассказывает нам следующее:

Перед смертью хотел Моисей "воочию увидеть дело своей жизни" - войти вместе с народом в Палестину, в чем ему было отказано.

Сказал Господь Бог Моисею: Моисей! Две клятвы я дал: одну об Израиле, что уничтожу его, когда сделали золотого тельца, и одну о тебе, что умрешь и не войдешь в землю /Палестину/. Ту клятву, которую я дал об Израиле, я отменил из-за тебя, потому что ты сказал: "Прости их!". А теперь ты снова просишь, чтобы я отменил свое и выполнил твое, и говоришь: "Дай мне войти!". Ты хочешь получить все? Если хочешь выполнить "дай войти" - отмени "прости", а если хочешь выполнить "прости" - отмени "дай войти". Как только услышал это Моисей, учитель наш, сказал перед ним: Владыка мира! Пусть умрет Моисей и тысячи таких, как он, но пусть не пострадает никто из Израиля".

Собственно, все, что мы сказали, можно было бы и не говорить. Достаточно взглянуть на слова Торы "и сделаю тебя народом" /слова, повторенные неоднократно и Аврааму, и Ицхаку, и Яакову/, чтобы понять, что избрание человека здесь тождественно избранию народа.

Вспомним, что и Тора дана Моисею не как "независимой" личности, но как вождю народа, т.е., собственно, народу через него, как это ясно из десятков мест Библии.

Так, сильно и явно выраженная, связь еврея с праотцами и иудаизма с традицией давно уже стала одним из элементов иудейской культуры. В известной степени эта связь естественна, присуща всем людям и всем учениям, но именно - в известной, точнее: не везде она, как в иудаизме, возведена в роль одной из основ. В этой связи мы приведем один эпизод; к сожалению, мы вынуждены цитировать /Дубнова/ по памяти, поэтому заранее просим извинения за возможные ошибки в подробностях.

Во время очередного взрыва гонений на евреев в Испании известный грамматик и поэт Профиат Дуран /р. в Кордове в 1450 г./ вместе с одним своим товарищем решили уехать в Иерусалим. В те времена такое путешествие было делом нелегким, поэтому они договорились "стартовать" с арабскими купцами из Марселя, куда каждый должен был прибыть самостоятельно. Дуран приехал первым и весьма долго ожидал своего друга, пока не выяснилось, что тот успел за это время креститься и никуда ехать не собирается. Тогда Дуран уехал один, написав своему другу стихотворение. Стихотворение состояло из нескольких /довольно большого количества/

куплетов с рефреном: "о, не будь как твои отцы!". /Например: "О, не будь/ о, не будь как твои отцы/ не верь, что един бог/ верь, что он - три"/. Это стихотворение весьма понравилось инквизиции, которая видела в нем прекрасный текст, убеждающий евреев сменить веру. В самом деле! Ведь здесь спокойно и последовательно /что евреями вообще любимо/ изложены основные догматические отличия иудаизма и христианства, причем изложение каждого пункта сопровождается призывом отказаться от заблуждений иудейских отцов. Не меньше понравилось стихотворение и евреям, причем в нем они черпали духовную силу оставаться иудеями в период гонений.

Текст был один - но толкования разные. Просто до инквизиции "не дошла" ирония, скрытая в стихотворении. Призыв - "не быть как отцы" действовал отрезвляюще, не оставлял возможности для компромисса / в смысле полупринятия христианских положений/. Разница, таким образом, исключительно в отношении к традиции - личной и культурной. К чести инквизиции скажем, что через пару лет она опомнилась и запретила стихотворение. Нам кажется интересным привести и более современное мнение об этом стихотворении. Мы цитируем /Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон, т. 22, стр. 473/:

"Сюда относится также и сатира грамматика Профиата Дурана против друга, который принял христианство, написанная настолько двусмысленно /?!/, что христиане долго принимали ее за нападение на иудаизм".

Отмеченное нами подчеркнутое внимание к традиции /до биологической включительно/ дает некоторые достаточно своеобразные следствия. Прежде всего, еврейство представляется в виде некоторой "ловушки", покинуть которую весьма трудно /поскольку невозможно порвать биологическую традицию/. Существует тезис: Израиль, и согрешив, остается Израилем. И только спустя несколько поколений признается фактическое отпадение от иудаизма /особенно применительно к общинам/.

Далее следует отметить "биологический автоматизм" становления евреем. Талмуд говорит: всякий, у кого мать еврейка - еврей. /Стоит отметить этот слегка неожиданный "матрилинейный счет родства" - явное признание особой роли женщины в рождении и воспитании ребенка/. Такое "биологическое отнесение" граничило бы с чем-то вроде расизма, если бы не положение о личном входе в иудаизм /а тем самым и в еврейство/; следует помнить и не забывать, что этот вход всегда оставался свободным для всех, действительно желающих войти. И этот "вошедший" /"гер"/ во всем равен "коренному еврею" /употребление этого термина полностью является данью европейской культуре/.

Интересно и важно отметить, что "принцип биологической традиции" не распространяется на геров. Талмуд говорит нам:

"И гера не притесняй", - не притесняй его словами. Не говори ему: вчера ты был язычником и еще сейчас у тебя свинина между зубами.

Тора говорит нам: "Пусть будет один закон для вас и для гера, живущего среди вас".

Третий момент связан со своеобразным ограничением этой традиции. В самом деле, ведь мы не продолжаем ее ни до питекантропа, ни даже до праотца Ноя. Мы начинаем там, где началось избрание народа - с Авраама. Важно отметить, что делается это ограничение совершенно сознательно.

Так, каждый год в пасхальный вечер читается:

"Язычниками были вначале наши отцы, приблизил нас бы к службе ему. Ибо сказано /Навин/: Так говорит Бог: по ту сторону реки жили наши отцы от начала, Терах, отец Авраама и отец Нахора и служили другим богам. И я взял вашего праотца Авраама за руку и провел его по всей земле Ханаана и умножил семя его и дал ему Ицхака. И дал Ицхаку Яакова и Исава, и дал Исаву гору Сеир, чтобы владел ею, а Яаков и сыновья его спустились в Египет".

Пасхальная Аггада

Еще ярче подчеркивает разрыв преемственности Н. Лейбович /"Изучение книги Бытия"/:

Иди себе из земли твоей, и из родины твоей, и из дома отца твоего.

Бытие 12, 1

И уже отмечали комментаторы, что этот порядок вызывает удивление: ведь должно было бы Писание сказать: из дома отца, и из родины, и из страны, ибо ведь так выходит человек сначала из дома, потом из города, потом из страны. И хорошо заметил автор "Писания и Каббалы", что здесь говорится об удалении не телесном, но "об удалении идейном, которое идет в противоположном направлении, от далекого к близкому нам". И выход из родины легче выхода из дома отца, потому что это самый жестокий разрыв.

Разумеется, ни в этом ограничении, ни в его сознательности нет ничего исключительного. Исключительным, по нашему мнению, чрезвычайно счастливым для иудейского сознания является то, что, во-первых, это ограничение отнесено на весьма значительное расстояние "в даль веков" и, во-вторых, и, видимо, в-главных, что этот переломный момент в сознании совпадает с самим рождением народа. Это придает соединению, "комплексу" национально-религиозных идей особую прочность, а также, отметим специально, спокойный и естественный характер. Далеко не так же может обстоять дело у народа, прозелита какой-либо новой религии. Здесь естественное стремление сохранить культурную традицию сплошь и рядом приводит к консервации обрядов, представлений и прочее предыдущих эпох. Как правило, эта "старина" своеобразным образом сплавляется с вновь привитой религией. Так, Т. Хейердал описывает /"Аку-Аку"/, как аборигены острова Пасхи совершают ритуальную языческую трапезу:

"Первым долгом островитяне перекрестились и тихо прочитали небольшую застольную молитву. Атан посмотрел на меня невинными глазами и объяснил, что это "отра носа аказете" - "совсем другая вещь".

Далеко не всегда противоречия между "новой идеологией" принятой религии и "старой" /традиционной или национальной/ разрешаются столь простодушно и мило. Иногда, особенно в периоды "национального подъема", они могут принимать крайне болезненные формы. Это можно очень ясно проследить в отношении Гитлера к христианству /как таковому, без деления на течения/, которое он рассматривает как учение, специально созданное /естественно: евреями/ для того, чтобы украсть у арийца его природные арийские ценности и подставить на их место иудейские.

Отметим, что один момент был все же отмечен им /впрочем, разумеется, не им, поскольку он не более, чем примитивный вульгаризатор и агитатор/ в общем верно. Принятие германскими народами христианства действительно в весьма значительной мере привело к остановке процесса развития собственно германской культуры /хотя, разумеется, не уничтожило соответствующих тенденций, которые соответствующим образом окрасили христианство германских народов, до протестантизма включительно/. В результате "реконструкция" "исконной" /что это

вообще может значить?/ германской идеологии привела к соединению техники XX-го века с идеологией полуторатысячелетней давности. При этом мы хотели бы предостеречь от осуждения этой идеологии /или правильнее: древнегерманской культуры/ как таковой. Ее, как и всякую культуру вообще, можно рассматривать только в историческом аспекте, в данном же случае надо помнить, что "естественному развитию" этой культуры был нанесен весьма значительный удар.

Как мы уже говорили, в смысле единства культуры еврейский народ стоит на значительно более прямом и естественном фундаменте. "Традиционные верования" для него означают культуру, не параллельную или оппозиционную "официальной доктрине", но развивающую и укрепляющую ее. Может быть, именно поэтому иудаизм оказался способным принять и поддерживать столь высокие моральные нормы /в данном случае мы сравниваем конкретно с религиями, "включившими" в себя Ветхий Завет, т.е. с христианством и мусульманством/.

На эту тему находим в Талмуде аггаду /легенду/:

Когда решил Господь Бог дать Тору людям, пошел сперва к сыновьям Исава. Сказал им: Принимаете Тору? Сказали перед ним: Владыка мира! Что написано в ней? - Не убивай. - Сказали ему: Вся суть этих людей, не обещал им ничего отец их, кроме как меч, не можем принять Тору. Потом пошел к сыновьям Асиона и Моава. Сказал им: Принимаете Тору? Сказали перед ним: Владыка мира! Что написано в ней? - Не прелюбодействуй. - Сказали ему: Вся суть этих людей - только от прелюбодейства и произошли - мы не можем принять Тору. Потом пошел он к сыновьям Исмаила, сказал им: Вы принимаете Тору? Сказали перед ним: Владыка мира! Что написано в ней? Сказал им: Не кради. - Сказали ему: Вся суть этих людей - только воровством и грабежом и живут, - мы не можем принять Тору. Потом пошел он к Израилю; сказали ему: Сделаем и будем слушать. И это то, что сказано: Бог с Синая идет, и восходит с Сеира к вам, появился с горы Паран..." /Второзаконие 33, 2/.

Если наше предположение верно, то в этом случае биологический "традиционализм" иудейства не только прямо /как об этом говорилось выше/, но и косвенно ограничивает возможности прозелитизма. Так, находим у современного автора /Пучков, "Современная география религий"/:

"Несложны и этические нормы ислама. В отличие от христианства, и тем более иудаизма /!/ в нем отсутствуют трудновыполнимые моральные предписания. В этом, вероятно, и причина того, что при конфронтациях с христианством /особенно в сравнительно отсталых странах/ мусульманство, как правило, сравнительно легко выходило победителем".

II

Теперь мы на некоторое время отложим тему народа и генетической традиции и попробуем рассмотреть, что, собственно, означало избрание. Этот вопрос действительно весьма и весьма непрост. К тому же он, может быть, как никакой другой успел "обрасти" предвзятыми мнениями. Христианство предпочитало толковать это избрание аллегорически, т.е. фактически применяло к себе, в дальнейшем, в связи с распространением идей равенства /в данном случае: равенства народов/ тезис перестал приниматься всерьез, и, наконец, в новейшее время, в связи с распространением идей национализма, было обращено внимание на то, что иудеи вполне серьезно относятся к себе как к избранному народу /и уже во всяком случае отнюдь не спешат признавать преимущества других народов/. Как нам кажется, соответствующие настроения вызвали обвинения от национализма /расизма

и пр./ до стремления к всемирному господству /"протоколы Сионских мудрецов" и т.п./. Здесь работали, как кажется, по меньшей мере три фактора. Перенесение - народы на стадии национализма /или соответствующие политические и общественные деятели, мыслители и т.п./ переносили на евреев /т.е. приписывали евреям/ свое представление об избранничестве /т.е. как бы они, будучи народом избранным, обращались бы с народами неизбранными, будь их воля/; это наиболее серьезный вопрос, и мы постараемся коснуться его ниже. Зависть культурная - поскольку явления, о которых мы здесь говорили, касаются в первую очередь христианского мира, то оказывается, что избранничество евреев входит в "официальную доктрину", отсюда стремление вульгаризировать и "запачкать" тезис об избрании, чтобы снять его с "пьедестала святости", т.к. с этого пьедестала он слишком в невыгодном свете освещает собственные /обычно достаточно убогие/ аргументы и доказательства. Зависть историческая - в новое время национализм возникает после некоторого периода застоя и падения национальной жизни; резким антиподом в этом смысле выглядит еврейство, "вечно сплоченное и единое", а также всегда "готовое защищаться от внешнего мира и на него нападать". Эта точка зрения основана на простом незнании истории, точнее: на чересчур поверхностном знании чужой /в данном случае: еврейской/ истории. История эта достаточно сложна, знает свои периоды взлета и падения, славы и позора и т.п. Поскольку мы не имеем права требовать от других, чтобы они внимательно изучали нашу культуру, историю и т.п. /особенно же не можем требовать того, чтобы они это делали вместо нас/, то приходится мириться с созданием некоего стереотипа представления о еврее /как он существует относительно большинства народов вообще/. Конечно, при этом нам было бы приятнее, чтобы он совпадал с нашим стереотипом самооцéнки. И в этом отношении вполне можно и должно работать,

Как уже говорилось, мы подробнее разберем тезис о перенесении. При этом, естественно, мы совсем не будем заниматься тем, что привносят в этот термин избрания со стороны, но, единственно, что сказано об избрании в Библии и как это отразилось в иудейском сознании. Для этого мы приведем несколько мест из Торы с соответствующими этим местам комментариями разных экзегетов. Прежде всего, мы позволим себе исключить случаи, когда комментаторы согласны между собой:

И сказал Моисей Богу: кто я, чтобы идти мне к фараону, и чтоб вывел я детей Израиля из Египта. И сказал: потому что буду с тобой; и вот тебе знак, что именно я послал тебя: когда будешь выводить народ из Египта, будете служить Господу на этой горе.

Перуш /комментарий/ Раши:

Кто я. Разве я достаточно важная персона, чтобы говорить с царями? И чтобы вывел детей Израиля? И даже если я важный ,почему достойны Израиль, чтобы ты сделал им чудо и вывел их из Египта? И сказал: потому что буду с тобой. Отвечает ему на первое первым, и на второе вторым; если говоришь, кто я, чтобы идти мне к фараону. Не твое это /дело/, но мое... А если спрашиваешь, в чем заслуга есть у Израиля, чтобы вышли из Египта - большое дело у меня в этом выходе, потому что теперь предстоит им получить Тору на этой горе на исходе 3 месяцев по выходе их из Египта. Другой вариант. Потому что буду с тобой, что будет твое поручение успешным; знак другого обещания, которое я обещаю тебе, что при выводе их из Египта будут служить мне на этой горе и получат на ней Тору, и будет заслуга у Израиля.

И возьму вас себе моим народом и буду вам Богом; и будете знать, что я Господь Бог ваш, который выводит вас из-под угнетения Египта.

Исход 6, 7

Перуш Ибн-Эзры: И возьму. Когда примете Тору на горе Синай. Вот смысл, что выводит вас. Записано в великой книге, которая у высших ангелов, что предстоит им еще изгнание, и разъясняется тебе, что вынесешь.

Вы сами видели, что я сделал Египту; и поднял вас на крылах орлов, и привел вас к себе. И теперь, если действительно будете слушаться моего голоса и сохраните мой союз, - будете мне редкостью из всех народов, ибо мне вся земля. И вы будете мне царством священников и святым народом...

Исход 19, 4-6

Перуш Раши: Вы видели. Не традиция в ваших руках и не словами я передаю вам, и не свидетелей я вам посылаю со свидетельством, но вы сами видели, что сделал я Египту. Сколькими грехами были виновны передо мной прежде чем соприкоснулись с вами, и не взыскал с них иначе как из-за вас. Привел вас к себе. Чтобы служить мне. И теперь. Если теперь примете на себя, понравится вам чем дальше, тем больше, потому начинать всегда трудно. И сохраните мой союз. Который я заключу с вами о сохранении Торы. Редкостью. Любимое сокровище, как /Екклезиаст/ редкость царей, дорогая вещь, драгоценные камни, цари прячут их. Так вы будете мне редкостью из прочих народов; и не говорите вы, что вы одни у меня, и нет у меня других вместе с вами, и что есть у меня еще, чтобы могла кончиться любовь к вам, - ибо мне вся земля, и они что-то значат передо мной и в моих глазах. И вы будете мне царством священников. Как сказано: и сыновья Давида были священниками.

Перуш Ибн-Эзры: Вы видели. Месть, которую я сделал над Египтом при выходе вашем. И вынес вас из Египта, как будто были вы несомы на крыльях орлов. Потому что орел поднимается в воздухе выше всех птиц, и все боятся его, но он не боится. И привел вас к себе. Потому что моя слава сошла на эту гору, и это святая гора. И теперь если действительно будете слушаться моего голоса. Исполнять заповеди. И сохраните мой союз, который заключу с вами. И это союз, который заключил Моисей с Израилем после того, как была дана Тора. И слово: редкость. Вещь дорогая и любимая, и не найти другой такой. И смысл: потому что мне вся земля. Любим народ из всех народов, как бы: ибо мне все народы земли. И вот я выделяю вас из всех народов, чтобы были мне.

Перуш Рамбана: И привел вас к себе. К месту моей славы. К этой горе, где сидел с вами. И смысл: и сохраните мой союз. Союз, который заключил с Авраамом быть вам Богом и потомству вашему после вас. И сказал: ибо мне вся земля. Смысл в том, что разделил вас Господь по всем народам и вас взял Господь. И так сказал: и выделю вас из народов быть мне редкостью. А так сказали в Мехилте: и вы будете мне. Можно понять так: не поставлю вам ни наместника, ни властителя, но я сам. И так он говорит: вот не задремлет и не заснет страж Израиля. Царство священников. И будете народом святым для привязанности к Богу, как он сказал: будете святы, потому что я свят, и я Бог, и вот обещаю вам этим миром и миром будущим.

Перуш Сифорно: Вы сами видели, что я сделал Египту. Как я убеждал их, чтобы отвернулись от нечестия, потому что не нужна мне смерть умершего. И от упрямства их был вынужден я умножить мои знамения и чудеса среди них

и уничтожить их. И теперь,если действительно будете слушать моего голоса. Принять на себя Тору и заповеди. И сохраните мой союз. Союз, который заключен на том, что вы принимаете... союз, который заключает с вами Бог на всех этих словах таким образом, чтобы мне не пришлось сделать вам того, что сделал я Египту. И будете мне редкостью. И хотя каждый народ дорог мне, - из всех прочих имеющихся низких, потому что только один он соответствует словам мудрецов. /Пиркей авот/: любовь к человеку, что создан по образу. Ибо мне вся земля. Это - чтобы более или менее различать между вами, потому что, действительно, мне вся земля и праведники народов мира без сомнения дороги мне. И будете мне царством священников. И именно этим будете редкостью, потому что будете царством священников-понимать и показывать всем народам, каждому роду человеческому, называть всех именем Бога и всем вместе служить ему; так сказано: и вы священниками Бога назоветесь, и как сказано: ибо из Сиона выйдет Тора.

Нам кажется, что при рассмотрении всех этих, достаточно различных трактовок видно, что центр внимания всегда лежит на отношениях между Богом и народом. Вопросы же "материального проявления" избранности практически даже не ставятся.

Несколько тоньше отношение к другим народам. Здесь можно заметить, что иудейская традиция весьма ревниво держится за положение об исключительности еврейского народа /именно в смысле заключения особого союза с Богом/. Но нетрудно видеть, что при этом не происходит "ущемления чужих интересов" / в смысле политического господства, например, или чего-нибудь подобного/. Более того, можно заметить, что, собственно говоря, речь идет об особом культурном значении и историческом пути народа. И в этом отношении положение, в некотором смысле, не отличается, например, от миссии Греции как родины античной философии /а заодно и христианства/, или России как спасительницы Европы от татаро-монгольского нашествия.

Еще на один момент стоит обратить внимание. Именно, на некоторую условность избранности. Мне кажется, что именно на этом основано совершенно особое чувство народной и исторической ответственности, а также характерная для иудаизма готовность принятия народного бедствия как наказания народа Богом /что, в общем, понимается как явное доказательство необходимости улучшения морали народа/. Это довольно хорошо высказал Спиноза /"Богословский и политический трактат"/; вообще, надо сказать, что эта книга написана под достаточно сильным влиянием еврейских экзегетов, хотя и до крайности вульгаризованных /что скажется и в нашей цитате/:

"Итак, избрание и призвание их /евреев/ состояло только во временном счастье и выгодах государства; и мы не видим, чтобы Бог обещал патриархам или их преемникам что-нибудь иное, кроме этого; в законе даже ничего иного не обещается за повиновение, кроме постоянного благополучия государства и прочих удобств в этой жизни, и наоборот - за непокорство и нарушение завета обещается гибель государства и величайшие невзгоды".

Следует еще раз отметить, что традиционные иудаистские воззрения строго стоят на позиции исключительности и уникальности отношения Израиля к Богу, в частности, на особой любви Бога к Израилю. Кажется, что без этого не могло бы быть и отмеченного нами выше отношения к наказаниям, идущим от Бога, поскольку только в этой, несколько иррациональной любви иудейское сознание находит опору для стойкости и надежды на неизбежность "отмены наказания" /естественно,

после соответствующего шага в моральном совершенствовании народа/. По этому поводу мы приведем некоторые аггады из Талмуда.

Относительно особого пути Израиля:

Разве не как дети Эфиопии вы для меня, дети Израиля? И если эфиопы имя им, разве не Израиль имя вам? И если эфиопы отличаются своей кожей, то Израиль отличается своими делами - от всех языков и народов.

Сказал р. Леви: все дела Израиля отличаются от прочих народов. При пахоте, и при севе, и при жатве, и при стоговании, и при молотьбе, на току и в виноградном погребе, и при отсчете времени. При пахоте - "не паши на воле или осле", при севе - "не засевай сад смешанными растениями", при жатве - "и остатков от жатвы не подбирай", при стоговании - "и забудь сноп в поле", при молотьбе - "не завязывай рот волу на молотьбе", на току и в погребе - "должен наградить его от скота твоего и от тока твоего, и от погреба твоего", при счете времени - потому что все народы считают по солнцу, а Израиль по луне, как сказано: "месяц это вам".

О наказаниях и исправлении:

Почему сравнен Израиль с оливой? Чтобы сказать тебе: как олива не дает масла иначе, как под нажимом, так и Израиль не возвращается к добру иначе, чем от мучений.

Сказал р. Аха: уже надо уничтожить Израиль - тогда возвращаются от греха.

О верности союза:

"Дети вы для Господа вашего" - в то время, когда ведете себя, как ведут дети, - вы называетесь дети; не ведете себя, как полагается детям - не называетесь дети. Слова р. Йехуда. Р. Меир говорит: И в том, и в другом случае называетесь дети, как сказано: "неразумные дети вы".

Сказал р. Ицхак: история с одной горожанкой, у которой была служанка-эфиопка и пошла набрать из родника - она и ее подруга. Сказала подруге: подруга, завтра мой господин прогонит жену и возьмет женой меня. Сказала ей: почему? - Потому что видел ее руки, начерненные углем. Сказала ей: ай, глупая! Пусть услышат твои уши, что говорит твой рот. Ведь о жене, которая больше всех мила ему, ты говоришь: из-за того, что видел руки ее исчерненными на некоторое время, хочет прогнать ее; ты вся черная, как от угля - от часа рождения и все дни твоей жизни - тебя тем более. Так же народы мира высчитывают Израилю и говорят: народ этот - прошла его слава - говорит ему Израиль: что из того, что мы на некоторое время осуждены - вы тем более.

Несогласны иудеи поступиться и своей исключительностью в исполнении заповедей. Талмудическая аггада рассказывает, как собрались народы мира требовать у Бога места в будущей жизни. Мы приведем часть этой аггады; 7 заповедей, упоминаемые в ней, разъясняются ниже.

Сказал им Господь Бог: Семь заповедей, которые вы получили, где вы их выполняли? Сказали народы перед Господом: Владыка мира! Израиль - то, что получил он, где он выполнил? Сказал им Господь Бог: я свидетельствую за Израиль, что выполнили Тору полностью. Говорят перед ним: Владыка мира, разве может отец свидетельствовать за сына? /ибо сказано: "сын мой, первенец мой Израиль"/. Сказал им Господь Бог: небо и земля будут ему свидетелем, что выполнили Тору полностью. Говорят перед ним: Владыка мира, но земля и небо относятся к их

общине. Ибо сказано: "Если бы не союз мой, дни и ночи, законы неба и земли не положил бы". Говорит им Господь Бог: придут из вас, и будут свидетельствовать за него, за Израиль, что выполнили Тору полностью. Придет Нимрод и засвидетельствует за Авраама, что не служил звездам: придет Лаван и засвидетельствует за Яакова, что не подозревается в краже; придет жена Потифара и засвидетельствует за Иосифа, что не подозревается в прелюбодействе...

Интересное свидетельство получено в более близкие нам времена. Рассказывают, что однажды Фридрих Великий спросил у придворного теолога доказательства истинности Святого Писания. Подумав, теолог ответил: "Но, Ваше Величество, ведь евреи..."

III

Приложения

1

Как нам кажется, тема личной общности с народом, принятия наказания и уверенности в его временности "удачно" синтезированы и отражены в одном стихотворении Иехуды Халеви /р. Толедо, 1075 г., ум. 1141 /?//. Поэтому мы решились привести его здесь с некоторыми пояснениями в виде транскрипции и параллельного перевода.

Йаавор алай рцонха
каашео авир харонха

Халеоламим авоки
йаамод бэйни увэйнха?

Ваадэй матай авккэш отха
имми - вэйнха? -

Дар беханфэй хаккрувим,
хаппрушим аль аронха.

Хээвадтани мзарим, вааки -
каккай йаминха.

Го''ами, лиг''оль хамонай -
рум вехэшкеэф миммеонха!

Пусть пройдет надо мной твоя воля [1], когда пройдет твой гнев
Разве вечно мой грех [2] будет стоять между мной и тобой?

Доколе буду просить тебя /быть/ со мной - и нет тебя?

Ты, живущий на крыльях херувимов, простертых над ковчегом твоим.

Ты сделал меня рабом чужим, а я - опора десницы [3] твоей.

Мой избавитель [4], спаси [4] мои толпы [5]
встань и посмотри [6] с неба [7] твоего!

/1/ Имеется стандартная формула "так да будет воля /Бога/", применяемая в смысле: пусть будет так. В то же время фактически стоит слово "желание", применяемое в достаточно широком диапазоне значений, до сексуального включительно.

/2/ Мы приводим по Штейнбергу: букв.: кривда, уклонение от правды, вина, согрешение; иногда о мучительном сознании своей вины.

/3/ Букв.: подпорка для правой руки; но в подлиннике стиль представляется достаточно высоким. Другое возможное значение: подпорка /для винограда/, которую установила твоя правая рука /Псалмы 80, 16/.

/4/ В подлиннике слова от одного корня /г''л/; значение его - высвобождать, избавлять, спасать, в особенности о кровных родственниках, родовой земле и т.п., а также из плена.

/5/ Толпы, собрания людей; множ. число может быть намеком на разбросанность общин в диаспоре. Противопоставление единственного и множественного числа может быть намеком на судьбу поэта, который отправился в Иерусалим. По-видимому, он умер в пути. Поздняя легенда говорит, что он прибыл в Иерусалим, распростерся на земле и начал читать одно из своих стихотворений /Цийон хало тиш''али/. При этом один араб преисполнился гневом и затоптал его конем. Сюжет использован Г. Гейне и М.-И. Лебенсоном

/6/ Более точное значение: смотреть пристально. Ср.: "...воистину увидел я бедность народа моего, который в Египте, и крики их услышал, от притеснителей их..." /Исход 3, 7/.

/7/ Собственно слово означает: жилище, но по Талмуду так же называется одно из небес, именно: обиталище ангелов.

2

Мне кажется полезным обсудить несколько подробнее приведенные выше стихи /Исход 19, 4-6/ и комментарии на них. Прежде всего, заметить почти полную несогласованность мнений относительно "союз мой". Мне кажется, что "разночтения" происходят от того, что слову "союз" придается несколько "различный объем". Так, например, союз Авраама с Богом содержит в себе несколько более "узких" союзов, и тем не менее все они вместе тоже называются - "союз". Так же и здесь. Новый союз действительно является продолжением союза с Авраамом, Ицхаком и Яковом. Но вместе с тем экзегеты хорошо почувствовали какую-то особую ноту в этом союзе /почему и пришлось давать специальный комментарий/. И мне кажется, что эта нота в том, что впервые двусторонний союз заключается с народом /а не с отдельными личностями/. И вот как рассказано о заключении этого нового союза:

И пришел Моисей и созвал старейшин народа и изложил перед ними все эти слова, как приказал ему Господь. И ответили весь народ вместе и сказали: все, что сказал Господь, сделаем, и вернул Моисей слова народа Господу.

Исход 19, 7-8

Второй вопрос связан со словами: "слушаться моего голоса". Рамбан не выделяет этих слов особо /видимо, так же и Раши и Рамбам/. Совершенно иначе у Ибн-Эзры и Сифорно Они особо выделяют эти слова, подчеркивая, что это относится к выполнению заповедей. Но тогда встает вопрос о порядке: почему "слушаться" - первым, а "союз" - вторым. Мне кажется, что ответ находим у Рамбана /Маймонид в европейской традиции/:

Каждый, кто принимает семь заповедей и старательно исполняет их, он из праведников народов мира, и есть у него часть в будущем мире. И именно тот, кто принимает их и исполняет их, потому что заповедал их Господь Бог в Торе, и сообщил нам через Моисея, учителя нашего, и еще прежде было заповедано сыновьям Ноя, но если исполняет их по убеждению рассудка, тот не гер, и не из праведников народов мира, и не из мудрецов их.

Противоположное мнение находим у Спинозы /"Богословский и политический трактат"/:

... если кто-нибудь прочтет исторические рассказы священного писания и во всем даст ему веру, а не учение, однако же которому оно теми рассказами старается научить, не обратит внимания и не исправит свою жизнь, то для него все равно как если бы он прочел коран или драматические произведения поэтов, или, в крайнем случае, обыкновенные летописи с тем вниманием, с каким обыкновенно читает простой народ; и наоборот, кто их совершенно не знает и тем не менее имеет спасительные мнения и ведет истинный образ жизни, тот, как мы сказали, безусловно блажен и на самом деле имеет в себе дух Христа, но иудеи думают совсем обратное. Они ведь утверждают, что истинные мнения, истинный образ жизни нисколько не способствует блаженству, пока люди получают их только путем естественного света, а не как правила, открытые пророчески Моисею. Маймонид в 8 главе Царей, в законе 2, открыто дерзает утверждать это в следующих словах /далее следует уже цитированное место из Рамбана; Спиноза снабжает его, кроме того, следующим замечанием: Заметь, что иудеи думают, будто Бог дал Ною семь заповедей и ими только обязал все народы; одному же еврейскому он кроме этих дал много других, чтобы сделать его блаженнее остальных народов/.

Разумеется, в нашем случае речь идет не о праведниках народов мира, но мне кажется, что Рамбан совершенно верно заметил весьма важное обстоятельство: одно дело выполнение заповедей и несколько иное - отношение к этому выполнению. "Нормальный" порядок в Библии - от слабого к более сильному и от простого к более сложному, поэтому порядок "будете слушаться" - "сохраните союз" отмечает более высокую ступень /сравнительно, например, с христианством, где отсутствует "народный завет"/. Вместе с тем "союз" естественно приобретает "самостоятельное значение", он является залогом и опорой даже в случаях временного "отпадения от заповедей". /В общем мы уже говорили об этом, здесь мы только советуем обратить внимание на приводимый нами выше перуш Раши Исход 3, 11-12/.

Семь заповедей, о которых шла речь выше, суть следующие: воздержание от идолопоклонства, кровосмешения, грабежа, убийства, мяса живых животных, хулы против Бога и признание судебной власти.

IV

Но почему Бог избрал Авраама? Этот вопрос действительно тяжел. Вот какие слова вложил Иехуда Халеви в уста царю хазар /Кузари 1, 102/:

И разве не было бы лучше, если бы /Бог/ исправил всех /всех людей/, и было бы это правильнее и больше соответствовало мудрости?

Исследуя этот вопрос, мы столкнемся не с разными мнениями, а прежде всего с разными подходами.

Один подход /и именно его риторически приписал И. Халеви хазарскому царю/ по сути дела ставит в центр мира человека. Человек уже все знает или, по крайней мере, понимает. Поэтому его задачей является обсудить дела Бога /списком таких дел и является Библия/. На этой точке зрения стоит и Спиноза; заметим, он старательно избегает вопроса, откуда человек получил свое знание; для маскировки этого вопроса он изобрел термин "естественный свет"; этим он показал, что стоит на голову выше большинства других своих единомышленников, которым этот вопрос даже не забрел в голову.

Посмотрим, к чему ведет такая постановка вопроса. Прежде всего, к постулированию остановки морального развития. Ведь если уже все познано, то куда развиваться? Остается только прогрессировать в сторону точно известного идеала. Далее, естественным образом, отрицается моральная бесконечность /неисчерпаемость/ Бога /т. н. конечный человек в его конечной исторической фазе уже понял все/. В тривиальных случаях это дает атеизм достаточно дешевого толка, в более сложных - соответственно, более изысканные идеи. Так, у Спинозы моральная глубина заменилась /речь идет только о логической схеме!/ "географической широтой". Он является убежденным пантеистом /то есть считает, что Бог присутствует во всем и везде/. В-третьих, сводит религию на роль средства для невежд /в отличие от философской элиты, не нуждающейся в подобной "дешевке"/; следы этого можно видеть у Спинозы /см. цитату в гл. III 2/, наиболее последовательно она выражена Вольтером в его требовании сохранения религии для народа и истреблении ее для философской элиты.

Как кажется, в действительности элитарность здесь есть не следствие, но причина; однако в любом случае из того, что мы изложили выше, ясно, что эта точка зрения не приемлема для иудаизма с его подчеркиванием общественного и народного единства.

Не удаляйся от общества /Пиркей авот/.

В чем же состоит альтернатива? В том, чтобы признать исходным моментом дела Бога в том виде, в каком они известны людям /например, как исторические факты/. Тогда, изучая эти дела, люди /человечество в целом и отдельные его части/ могут улучшаться /познавать мир, приближаться к Богу и т.п./. Не так интересно изучать инструменты этого познания, интереснее понять критерии истинности. Ясно, что во всяком случае не логическая непротиворечивость /ибо на чем основаны исходные постулаты и законы вывода предикатов? На естественном свете?/. Остается исторический опыт. Отсюда ясна ценность традиции и ясно, что опираться следует на выводы /т.е. моральные принципы, например/, проверенные историей, а непроверенные следует принимать с известной осторожностью. Полученные же недавно путем логических построений практически ценности не имеют и являются не более, чем гипотезами. Что же касается учений модных, то к ним и вовсе следует подходить с опаской /так сказать, гипотезы, предположительно неверные/. Так, явно опасаясь влияния моды на разум людей [...],* Рамбан приводит следующий пример /Мишне-Тора/:

Синедрион, когда судил преступление, за которое полагалась смерть, и говорили все: "виновен", не убивали его. Но нужно, чтобы в суде было несколько оправдывающих, чтобы отстаивали невиновность подсудимого; и если и тогда большинство осуждало - тогда убивали.

Интересно отметить, что на такой точке зрения стояли и некоторые из социальных реформаторов. Они свои теории проверяли предварительно на практике, причем для начала на наиболее предрасположенном материале: на себе. Так поступали ессеи, так же и некоторые первые социалисты: Фурье, русские народники /последние, впрочем, достаточно быстро перешли к террору/. Противоположная точка зрения состоит в том, чтобы распространить теорию до ее проверки. Так сказать, "навязать обществу кота в мешке", а потом уже посмотреть, кто в нем сидит на самом деле: может, кот, может, свинья, а может, и тигр-людоед.

---

*/ Пропуск в оригинале.

Другой особенностью этого подхода является признание потенциальной возможности бесконечного развития человечества, основанного на бесконечности Бога и признании бесконечности возможности его познания /даже через конечное число его дел, не говоря уже обо всей потенциально бесконечной истории человечества/. Этот тезис не является логически обязательным.

Авраам Ибн Эзра, экзогет и философ /р. Толедо 1089 г., ум. 1164, Калагора/ говорит:

Познавай Бога, ибо он есть тайна всех наук, и только ради этого создан человек.

А также:

Наук много. Каждая из них нужна. Все они ступени на лестнице к подлинной мудрости.

Более аллегорически и вместе поэтично эти мысли выражены им в религиозно-философском трактате /в стихах/ "Хай бэн Мэкиц":

Им титмох бидварай
Ветахзик бемусри
Ветэлэх бедарки
Вело тасур мэахарай

Ветэда эт рухаха
Кфи йехолтеха вехохаха
Аз тухал ледаото
Улахазот ото.

Если будешь опираться на мои слова
И держаться моей морали
И идти по моей дороге
И не свернешь от меня
/от следования за мной/
И познаешь свой дух
По силе и возможности твоей,
Тогда сможешь ты знать его
И видеть его.

Тут, видимо, и "я", и "он" - это Бог, но в одном случае открытый человеку его делами и открытиями предшественников, а в другом - это то, что человек может узнать нового.

Талмуд говорит:

Не на тебя возложено кончить работу, но ты и не свободен отлынивать от нее.

Пиркей Авот

Согласно комментарию, "работа" здесь - это изучение Торы.

Возвращаясь к избранию Авраама, нам приходится "всего лишь" признать, что именно так /а не иначе/ решил сделать Бог: избрать одного, а не исправить всех. Но разве так только в этом случае?

Точно так же был спасен один только Ной, и точно так же Тора была дана одному только Израилю. На основании того, что мы говорили выше, здесь можно усмотреть некую логическую цепь, ведущую через избрание Авраама к принятию Торы народом, а тем самым и к "оправданию" самого создания мира.

В связи с этим нам хочется привлечь внимание к одному обороту речи в цитированном нами в начале стихе /Исход 12, 11/. Именно, мы перевели: "и будешь благословлять". При переводе мы следили за арамейскими тарумами /Оннелос и Ионатана/. В соответствии с этим комментирует и Раши:

Благословения даны в твою руку, до этого они были в моей руке: благословение мое Адаму и Ною. С этого момента ты будешь благословлять того, кого захочешь.

Однако следует заметить, что этот перевод никоим образом не согласуется с буквой текста. Текст, правда, не очень ясен, там употреблена явно "нестандартная форма" глагола "быть". Представляется наиболее вероятным, что это повелительное наклонение, причем правильно согласованное с существительным "благословение". Таким образом, точный перевод должен выглядеть так: "и будь благословение".

Соответственно этому комментирует Тосефта /часть Талмуда/, впрочем, наряду с комментариями, сходными с Раши:

Форма повелительного наклонения, ибо приказал ему, чтобы в каждом месте, куда пойдет, умел бы любой знать своего творца и благословлять его; и так и делал.

Как видно, Тосефта относит повеление непосредственно к Аврааму. Однако, как кажется нам, ввиду всего сказанного нами выше, его можно понять несколько иначе. Именно: как риторический оборот, что без избрания Авраама сохранение благословения в мире вообще невозможно.

V

Последний вопрос, которого мы здесь коснемся, - это: почему Бог избрал именно Авраама? В самом деле, ведь были и другие праведники, и даже в том же поколении /например, Малхицедек/. Тора не сообщает нам ни об этом, ни о жизни Авраама /Аврама/ до избрания. В этом отношении "пробел" отчасти заполняет талмудическая аггада. Но сначала мы приведем ее "философскую обработку" у Рамбана:

В дни Эноха впали в огромное заблуждение и неверны были рассуждения мудрецов этого поколения, и сам Энох был среди заблуждающихся. Сказали так: поскольку Бог создал эти звезды и эти светила, чтобы править миром, и поднял их в высоту и уважил их и они как бы слуги для него, - они достойны, чтобы их славили и хвалили, и уважали их, и это воля Бога Благословенного возвеличивать и уважать тех, кого ты возвеличил и уважил. И так как привилась у них эта идея, начали строить храм звездам и приносить им жертвы, и славить и восхвалять их словами и наклоняться перед ними, чтобы выполнить волю Бога по их неверным мыслям. И это основа язычества. Не то, чтобы они говорили: нет Бога, кроме этой звезды - все знают, что ты един - но заблуждаются, и в своей глупости воображают, что этот вздор - твоя воля.

И постепенно мир деградировал все больше и больше, пока не родился столп мира. И это Араам,праотец наш.

Когда созрел этот герой, начал размышлять своим умом, а он мал, и начал думать днем и ночью и удивляться: как может быть, чтобы это светило двигалось все время, и нет ему начальника? И кто вращает его? Потому что невозможно, чтобы вращалось само по себе. И не было у него ни учителя, ни советчика, но был в Уре Халдеев, среди глупых язычников, и отец его, и мать его, и весь народ - язычники, и он вместе с ними, но сердце его колеблется и понимает, пока не достиг дороги правды и понял путь справедливости из своих правильных свойств. И узнал, что есть Бог, Бог единый, и он управляет светилами и начало всему, и нигде нет Бога, кроме как в нем. И узнал, что весь мир заблуждается, и причину, которая вызвала заблуждение, именно: что служат звездам и статуям, до того исчезла правда из их сознания.

И в возрасте 40 лет узнал Авраам своего создателя. И когда узнал и понял, начал исправлять жителей Уры Халдеев и спорить с ними и говорить, что это неправильная дорога, по которой вы идете, и ломал статуи и начал объяснять народу, что не следует служить никому, кроме Бога мира, и ему следует поклоняться и приносить жертвы, чтобы знали все его будущие создания. И следует уничтожить и сломать все статуи, чтобы не заблуждались из-за них люди, как те, которые вообразили, что нет Бога, кроме этих.

Из-за того, что превосходил их по взглядам, хотел царь убить его, и случилось с ним чудо, и ушел в кагал там. И ходил, и созывал, и собирал народ - из города в город и из страны в страну, пока не прибыл в страну Ханаан.

Теперь мы приведем некоторые места из Талмуда, на которых основывался Рамбам /некоторые мы уже приводили раньше/.

Когда было Авраму 30 лет, встал и подумал в сердце своем: кто создал небо и землю? Молился весь день солнцу.

Затем зашло солнце, и взошла луна. Когда увидел луну и звезды вокруг луны, сказал: вот кто сделал небо, и землю, и меня. Стоял всю ночь и молился луне.

Утром зашла луна и взошло солнце. Сказал: нету силы в руках у этих. Господин есть у них. Ему буду молиться.

И далее:

Взял Терах Аврама и привел его к Нимроду. Сказал Нимрод ему, Авраму: Ты этот Аврам, сын Тераха? Сказал ему: да. Сказал ему: Разве ты не знаешь, что я господин мира, и солнце, луна и звезды слушают меня? А ты, почему ты сломал моих богов? В этот момент дал Господь разум Авраму, и сказал ему, Нимроду: с дня сотворения мира и до сегодня встает солнце на востоке и заходит на западе. Но завтра прикажи солнцу, чтобы взошло на западе и зашло на востоке, и я скажу, что ты владыка мира. Сразу же позвал Нимрод Тераха и сказал ему: Что сделаем Авраму, сыну твоему, который уничтожил моих богов? Отдадим его на сожжение. Снова сказал Нимрод Авраму: Поклонись огню и спасешься. Сказал ему Аврам: Поклонюсь воде, которая гасит огонь. Сказал ему Нимрод: поклонись воде. Сказал ему: поклонюсь облаку, потому что несет воду. Сказал ему Нимрод: поклонись облаку. Поклонюсь ветру, потому что разгоняет облака. Сказал ему Нимрод: поклонись ветру. Сказал ему: поклонюсь человеку, потому что выдерживает ветер. Разгневался Нимрод и сказал: я поклоняюсь огню. Вот я бросаю тебя в огненную печь и пусть придет тот, кому ты поклоняешься, и спасет тебя.

И далее:

В тот момент, когда бросил Нимрод Аврама в огненную печь, сказал Гавриил перед Господом Богом: Владыка мира, спущусь и наведу холод и спасу этого праведника из печи. Сказал ему Господь Бог: я один в моем мире, и он один в своем мире; хорошо одинокому спасать одинокого. И поскольку Господь Бог не отнимает плату у своих созданий, сказал ему: удостоишься и спасешь трех его внуков /Ханания, Михеэль и Азария/.

Таковы в целом все сведения о "предистории" избрания Авраама. Нам не кажется, что они способны до конца "объяснить" выбор. В нем остается "нечто необъясненное и необъяснимое". И здесь следует, видимо, обратиться к тому, с чем сравниваются в иудейской традиции взаимоотношения Бога и Израиля. В целом существуют три "типа" таких сравнений. Это: царь и его сын, отец и сын, и, наконец, жених и невеста. Последнее сравнение употребляется редко, в основном, в

связи с "Песней Песней" /Шир Хаширим/. Для нас это интересно уже тем, что при соответствующем выборе "тоже" присутствует "нечто необъяснимое". Поэтому мы /очень кратко/ обратимся к "Шир Хаширим".

Прежде всего мы отметим во многих отношениях уникальное положение этой книги среди других книг Библии. Р. Акива говорил: вся Библия - святость, но Шир Хаширим - это святая святых. Почему же?

Наиболее распространено в иудаизме аллегорическое толкование книги, в котором Суламифь сравнивается с Израилем, а ее любимый - с Богом /как кажется, это толкование позаимствовало христианство, заменив Израиля на церковь/. Такое толкование делает во многом понятным значение этой книги, чуть ли не половина которой состоит из монологов любящей женщины. Действительно, ведь мужчин Израиля надо еще учить "женскому подходу".

Как сказано выше, мы не будем углубляться в эту тему. Мы приведем только три фразы в том порядке, в каком они встречаются. "Мой любимый мне, а я ему, несущему между роз"; "я любимому, а любимый мне, несущий между роз", "я любимому и все его влечение ко мне". Если наше предположение верно, т.е. если эти три фразы действительно "описывают" три момента развития любви, то, по нашему мнению, объясненное выше аллегорическое толкование позволяет объяснить формулу "Бог Израиля, выведший нас из Египта", которая по видимости, противоречит высокому "моральному" типу более позднего иудаизма.

В заключение мы приведем два стихотворения Иехуды Халеви, в которых несомненно влияние "Шир Хаширим" в выборе "системы образов".

Йедиди, хашахахта ханотха
бевэйн шадай
Веламма мхартани цмитут
ле маавидай?
Хало аз беэрец ло зруа
рдафтиха,
ВеСэир, вехар Паран, веСинай,
веСин-ли эйдай?
Вехайу леха дадай, вехайа
рцонха ви -
Веэйх тахалок ата кводи
лебильади?
Дхуай элэй Сэир хадуфа адэй
Кэдар
Бхуна бехур Йаван, меуна беол
Мадай, -
Хайэш билтеха гоэль, увилти-
асир-тиква?
Тна узеха, ки леха этна
додай!

Мой друг, неужели ты забыл, как
отдыхал у меня меж грудей[1]
Почему же ты продал меня в рабство
поработившим меня?
Разве тогда в незасеянной земле
я не гналась за тобой,
И Сеир, и гора Паран и Синай[2]
и Син - свидетели мне?
И были тебе мои груди, и твое
желание было во мне -
И как же теперь разделил мою
честь без меня?
Оттолкнута оленем Меира[3], отпихнута
общинами Кэдара,[4]
Опробована в тигле Греции измучена
ярмом Мидии[5],
Разве есть без тебя избавитель[6],
и без меня - хранящий надежду?
Дай же мне силу твою, потому что
тебе отдам грудь мою!

/1/ Ср. "Песнь Песней" 1, 13.

/2/ Здесь перечисляются места скитания Израиля после выхода из Египта. Смотри также: Второзаконие 33, 2.

/3/ Сеир - христианские народы.

/4/ Кэдар - арабы.

/5/ Мидия - собственно Персия. Персидская община была одной из крупнейших в древности. До сих пор в Иране живет до 80 тыс. евреев. "Крайними форпостами" персидской общины являются также в СССР евреи Дагестана и евреи Средней Азии /бухарские евреи/.

/6/ Смотри выше /гл. III, зам. 4/.

От другого стихотворения мы приводим только начало:

Йаалат хэн мимеона рахака	Прекрасная лань удалилась от своего жилища
Охава коэс - велама цахака?	Ее любимый сердится - так почему же смеется?
Цахака ал бат Эдом увнот Арав	Смеется народам Эдома [1] и народам Арава [2],
Хамевакшот лахалоц дод-цахака!	Тем, кто хочет влюбить любимого [3] - смеется!

1/ - Христианские народы.
2/ - Мусульманские народы.
3/ - Видимо, намек на христианство и мусульманство, пытающиеся выступать преемниками иудаизма.

П Р О З А

Д. ДАР

РЕЧЬ, КОТОРУЮ Я ХОТЕЛ БЫ ПРОИЗНЕСТИ У СВОЕГО ГРОБА

1

Сегодня вы хороните одного из самых счастливых стариков на свете. Мое счастье заключается в том, что я не поверил ни Жан-Жаку Руссо, ни Карлу Марксу, ни Ленину будто каждый человек имеет право на хлеб, труд и счастье, на свободу, равенство и братство. Когда я родился на свет, я не ставил никому никаких условий, и мне никто ничего не обещал, как никто ничего не обещает ни новорожденному таракану, ни новорожденному щенку, ни новорожденному льву.

Поэтому я ни от кого ничего не требовал: ни от природы, ни от общества, ни от родных, ни от друзей.

И может быть именно по этой причине мне всегда очень везло.

Мне везло в юности: я не заразился триппером, не связался с хулиганами, не стал пьяницей.

Мне повезло на войне: я не был убит, не попал в плен и мне не отрезали раненую ногу.

Мне везло и после войны: меня не объявили врагом народа, моя дочь не стала проституткой и в шестьдесят лет у меня еще не было ни рака, ни инфаркта.

Каждый вечер я говорил себе:

- Просто даже удивительно, если подумать, сколько у меня могло быть неприятностей сегодня.

Я мог бы попасть под трамвай, у меня могли вытащить бумажник, продавщица в магазине могла мне нахамить. А у меня все, слава богу, благополучно. Ну и повезло же мне сегодня!

И, весьма довольный жизнью, я прятал в дальний ящик стола отвергнутую редактором рукопись, обдумывал, где бы достать на завтра денег, глотал валидол, принимал снотворное и, кряхтя от ревматизма и астмы, готовился заснуть, радуясь тому, что у меня есть крыша над головой, одеяло над животом, подушка под затылком и что мне так везет в жизни.

Мне не повезло только один раз, позавчера, когда я умер. Но и это нельзя считать таким уж большим невезением, потому что и смерть имеет свою положительную сторону. Во-первых, она навсегда избавила меня от страха смерти, и только теперь, два дня назад я как бы сбросил с себя груз, который всю жизнь тяготил меня чрезвычайно. Во-вторых, мне сейчас лучше, чем вам, хотя бы уже потому, что мне больше ничего не грозит в жизни, а вам, к сожалению, кое-что еще грозит своим костлявым пальцем, и я могу свободно шутить по поводу своего единственного невезения, которое уже осталось в прошлом и стало для меня как бы пройденным этапом, в то время как вам вряд ли хочется шутить по поводу той неотвратимой беды, которая вас ожидает в будущем и которая значительно страшнее, чем моя

беда, так как каждая несовершившаяся беда страшнее, чем беда уже совершившаяся.

Из этого я делаю весьма оптимистический вывод, что каждую случившуюся беду следует рассматривать как удачу. И не только потому, что она осталась в прошлом, но еще и потому, что, как бы она ни была велика, но могла быть еще больше.

2

Между прочим, именно это рассуждение очень помогало мне жить всегда, с самого детства, вернее, с того дня, когда я узнал, что меня оставили на второй год в шестом классе.

А оставили меня на второй год потому, что я плохо учился. Почему я плохо учился, я не помню, но отлично помню, что учился так плохо, что меня могли бы вполне совсем выгнать из школы.

Я пришел в тот день домой весьма довольный.

- Почему же ты так радуешься? - спросила меня моя добрая мама, когда я сообщил, что меня оставили на второй год.

- Как ты не понимаешь? - удивился я. - Ведь меня вполне могли выгнать из школы. Теперь ты поняла, как мне повезло?

Но она не поняла этого. И не понимала до тех пор, пока меня действительно не выгнали из школы. А выгнали меня уже из девятого класса за то, что я во время урока нагрубил нашему славному учителю биологии.

Большой, толстый и добродушный, он стоял перед нами в классе и, разводя свои могучие ручищи, радостно объяснял, что человек создан не по образу и подобию Божьему, как написано в Библии, а по образу и подобию любого млекопитающего, например, собаки или мышки.

Хотя я нисколько не сомневаюсь и не сомневался тогда, что Бога не существует и потому у него нет образа и подобия, но я вовсе не желал, чтобы Рита Бархатова, прелестная девочка, которую я каждый день провожал из школы, читая ей по дороге стихи, которые сам написал, и рассуждая с ней о Канте, Спинозе и Фрейде, которых сам не читал, увидела во мне подобие собаки и особенно - мышки.

Быть подобием мышки казалось мне унизительным, тем более, что в шестнадцать лет, так же, впрочем, как и в шестьдесят, я считал себя личностью единственной в своем роде, отличающейся от всех других личностей, которые существовали прежде, существуют сейчас и будут существовать после меня.

Так же, наверное, как и вы, я чувствовал особое, ни с чем не сравнимое значение своей личности в окружающем меня мире, и только такое уважение к себе побуждало меня писать стихи, рассуждать о Канте, Спинозе и Фрейде и считать заслуживающими внимания те мысли, которые приходили мне в голову.

Но какое уважение можеть быть к подобию мышки? Сравнение с мышкой оскорбляло мое чувство собственного достоинства, и я вежливо высказал это нашему славному учителю биологии.

Но когда он радостно продолжал клеветать на себя, на меня, на всех других людей с таким видом, будто сообщал нам нечто весьма приятное, я счел себя обязанным выступить в защиту человечества и по причине своей юношеской неопытности выступил так неудачно, что меня, как вам уже известно, выгнали из школы.

В тот день я вернулся домой чрезвычайно довольный.

- Чему ты так радуешься? - спросила меня моя добрая мама, когда я сообщил ей, что меня выгнали из школы.

- Как ты не понимаешь? - сказал я. - Ведь меня за хулиганство могли отправить в колонию, а меня только выгнали из школы. Теперь ты понимаешь, как мне повезло?

И мама, надо отдать ей справедливость, поняла мою несовершеннолетнюю мудрость и махнула на меня рукой, и с тех пор ее жизнь стала легкой и светлой, и никакие боли не могли омрачить ее старость.

3

Но моя юность с тех пор была омрачена. Не тем, что меня выгнали из школы, а тем, что я осознал свою ошибку и поверил нашему славному учителю, будто человек создан по образу и подобию мышки.

Сначала я даже обрадовался этому и считал, что нам с вами повезло: если бы мы были созданы по образу и подобию червяка или, скажем, таракана, то было бы еще хуже.

Но позже я заметил, что, встречаясь с Ритой Бархатовой, споря с товарищами или даже просто гуляя по улице, я почему-то старался скрывать от других, что создан по образу и подобию мышки.

Но скрывать это мне становилось все труднее, потому что вдруг я потерял былую красноречивость, стал каким-то суетливым и юрким и даже раза два или три пытался вильнуть хвостиком, которого у меня не было.

Правда, иногда еще, сочинив новые стихи или намереваясь прочитать философский трактат Гегеля, или,поразив остатками своего красноречия Риту Бархатову, я чувствовал, что в мою несовершеннолетнюю душу вливается горделивое чувство значительности, но в тот же миг появлялась мысль, что, может быть, такое же горделивое чувство своей значительности испытывает и мышка, когда ей удается стащить со стола кусочек хлеба. И от этой мысли горделивое чувство сразу же выливалось из моей души обратно, и мне не хотелось больше ни писать стихи, ни читать Гегеля, ни поражать остатками красноречия Риту Бархатову, не хотелось даже учиться или работать, а хотелось только лежать на диване в своей норке, слушать радио и таскать со стола кусочки хлеба.

Некоторое время я так и жил: не учился, не работал, не писал стихов, не читал книг, не встречался с Ритой Брахатовой, а только весь день лежал на диване в своей неприбранной норке и таскал со стола кусочки хлеба, размышляя о том, что, по-видимому, мышку, по образу и подобию которой я создан, нисколько не терзают никакие сомнения, так как она довольно весело виляет хвостиком. А мне это, увы, почему-то не удается, и что-то меня в такой жизни не устраивает.

Озабоченный этим весьма грустным обстоятельством, я однажды дождался возле школы нашего славного учителя, который шел домой, сдвинув на затылок шляпу и весьма довольный жизнью.

Я принес ему свои извинения за то, что случилось в школе, и спросил:

- Скажите, пожалуйста, а вас самого нисколько не смущает, что вы созданы по образу и подобию мышки?

- Нисколько, - бодро ответил он.

- А меня это смущает, - признался я. - Я как-то не могу увидеть в мышке личность.

- А зачем мышкам личность? - спросил он. - Они и без личности прекрасно живут, если только в доме нет кошки.

- Но почему же, в таком случае, я попробовал жить, как мышка, и мне это не совсем понравилось, хотя у нас в доме нет кошки?

- Очень просто, дружок, - весело ответил он. - Потому что во всемирной гармонии мышке предназначена одна роль, а тебе - другая. Мышке предназначено скрестись под полом, таскать со стола кусочки хлеба и опасаться кошек. А тебе, мой дружок, предназначено работать, влюбляться, писать стихи и опасаться дурных соблазнов. И если ты станешь выполнять свое назначение в мировой гармонии, то можешь быть уверен, что будешь довольным, как мышка.

4

Поблагодарив своего славного учителя, я поспешил устроиться на работу, переехал в общежитие, еще сильнее влюбился в Риту Бархатову, стал писать не только стихи, но и рассказы, а что касается дурных соблазнов, то я просто бежал от них во всю мочь, чтобы тем самым выполнить свое назначение в мировой гармонии и стать довольным, как мышка.

Но должен признаться, что хотя я и выполнял свое назначение на все сто процентов, стать довольным, как мышка, мне не удавалось, потому что, встречаясь с Ритой Бархатовой и спеша поделиться с ней своими чувствами, мыслями или стихами, я вдруг задавал себе такой вопрос: а какое значение имеют мои чувства, мысли или стихи, если я выполняю свое назначение в мировой гармонии совершенно так же, как выполняет свое назначение любая мышка в подвале, любая песчинка в пустыне, любая капелька в океане?

И если Рита Бархатова никогда не узнает ни моих чувств, ни моих мыслей, ни моих стихов, если никто их никогда не узнает, если даже я завтра умру, - то мировая гармония от этого вовсе не будет нарушена, так как любую песчинку в пустыне и любую капельку в океане заменит другая песчинка и другая капелька, и любую мышку может заменить другая мышка, а, следовательно, любого человека может заменить другой человек.

Но такая взаимозаменяемость всех людей как-то не вязалась с моим ощущением своей личности и не оправдывала того значения, которое я придавал своим чувствам и сочинениям. И тогда, незаметно вильнув хвостиком, я прощался с Ритой Бархатовой и возвращался в общежитие, думая о своей малости по сравнению с грандиозной мировой гармонией.

Комендант нашего общежития был человек бдительный и уже издали замечал, если кто-нибудь о чем-либо думал.

- Что, брат, опять думаешь? - как-то спросил он, остановив меня в коридоре.

- Думаю, - признался я.

- То-то и видно по морде, что думаешь, - сказал он. - А о чем это, интересно, тебе думать? Пусть думают те, кто на капиталистов работает, а за нас с тобой Маркс и Энгельс обо всем подумал., и теперь надо не раздумывать, а засучив рукава строить свое светлое будущее.

Он стоял передо мной: широкоплечий, плотный и красномордый, как кирпич.

- Маркс и Энгельс за себя подумали, а не за меня, - сказал я.

- Как так? - спросил он.

- А так, - ответил я. - Почему-то, когда другой ест, я не наедаюсь, когда другой спит - я не высыпаюсь, а когда другой думает, мне все равно думается самому. И вот я думаю: наверное, все-таки было бы лучше, если бы я знал, что создан по образу и подобию Божьему.

- Интересно, чем бы это тебе, дураку, было бы лучше? - сказал комендант. - Вот я одним общежитием управляю, и то ни днем, ни ночью покоя нет, так я хоть за это зарплату имею: когда пива выпьешь, когда в кино сходишь. А Господь Бог должен целым миром управлять, и что он за это получает? Одни молитвы! А одними молитвами, брат, сыт не будешь!.. А ты живешь - забот не знаешь. Постель у тебя, слава Богу, чистая, государство тебя поит и кормит, профессия у тебя отличная, не понимаю, чего тебе еще не хватает.

- Величия, - сказал я. - А какое может быть величие, если я создан по образу и подобию мышки?

- Мышки? - удивился комендант. - Это какой же дурак тебе сказал, что человек создан по образу и подобию мышки? Человек создан по образу и подобию кирпича. Вот тебе и величие!

- Кирпича? - спросил я. - Вы не ошибаетесь?

- Именно кирпича, - ответил он и гордо выпятил свою могучую грудь. - Давай, сбегай за пивом, и я тебе все объясню.

И когда я сбегал за пивом и мы сидели в казенной комендантской комнате, он произнес целую речь.

- Ты говоришь, что Господь Бог создал вселенную и в этом его величие. Пусть будет так, - сказал он. - Но люди, брат, тоже создали немало. Они возводят грандиозную башню прогресса и цивилизации, они создали небоскребы и самолеты, телевизоры и застежки-молнии, а башня все растет и растет, приближая человечество к прекрасному будущему. И сложена эта башня из кирпичей, таких, как ты и я. Стоим мы с тобой как бы на плечах наших предков, а на нас с тобой заберутся наши потомки. Осознай себя кирпичом в грандиозной башне цивилизации, взгляни с вершины этой башни на наших предков, которые бегали по улицам без штанов в одних звериных шкурах, вот и почувствуешь свое величие.

- Осознать себя кирпичом я попробую, - сказал я. - Только как быть с моей личностью? Зачем кирпичу личность?

- А как же, - ответил комендант, допивая пиво, - личность, брат, в нашем деле самое главное. Вот ты представь себе, если бы мой батька меня ремнем не лупил? Так я, может быть, до сих пор был бы дурак-дураком. А благодаря его личности я вполне цивилизованный человек: за столом не рыгаю, сморкаюсь в платок, тебя, дурака, учу уму-разуму, чтобы ты был еще цивилизованнее. Так что ни в чем не сомневайся, упирайся пятками в предков, содействуй по мере сил прогрессу и цивилизации, и тогда все станут тебя уважать, и тебе будет хорошо и спокойно, как кирпичу в стене.

И, допив пиво, он поглядел на меня с торжествующей усталостью самодовольной мудрости, а я пожелал ему спокойной ночи и попробовал осознать себя подобием

кирпича. Не скажу, чтобы это доставляло мне особую гордость, но кое-как с этим можно было примириться, потому что быть подобием кирпича все-таки больше соответствовало моему чувству собственного достоинства, чем быть подобием мышки.

5

Я точно выполнил совет мудрого коменданта: уперся пятками в предков и старался по мере своих молодых сил содействовать прогрессу цивилизации.

Содействовать прогрессу оказалось не так-то просто. Для прогресса науки я был совершенно бесполезным кирпичом, потому что, как вам уже известно, учился плохо, и меня выгнали из школы.

Прогресс техники тоже вполне обходился без моего участия по той причине, что я никогда не умел отличить гаечку от шайбочки и болтик от винтика.

Что же касается моих сочинений, которые могли бы содействовать прогрессу нравственности, то я ни разу не заметил, чтобы мой дружок Васька Тимофеев, отъявленный матерщинник и пьянчужка, который за всю свою жизнь не прочитал ни одной хорошей книжки, но единственный во всем общежитии признавал мой талант, чтобы этот Васька Тимофеев стал после моих стихов меньше матюгаться или отказался от лишней стопки водки.

Но несмотря на все эти обстоятельства я не унывал, потому что главное достоинство кирпича - это его твердость.

И я действительно был тверд и крепок и, упираясь пятками в многотомные кирпичи, купленные в магазине "Старая книга", писал сочинение за сочинением, пока их не стали печатать, и я постепенно стал превращаться в довольно солидный и тяжеловесный кирпич, так что, завидев где-нибудь еще совсем молоденький и неокрепший кирпичик, даже зазывал его: "Не хочешь ли, сынок, я поделюсь с тобой опытом и подсажу тебя на башню цивилизации. Давай, сынок, забирайся ко мне на плечи, упирайся в меня пятками, содействуй прогрессу, приближай прекрасное будущее".

Но Васька Тимофеев, так и не прочитавший до сих пор ни одной хорошей книжки, но все больше и больше восторгавшийся моими сочинениями, по-прежнему матюгался и пил водку, как сапожник, так что никаких признаков прогресса его нравственности, как и нравственности всего человечества в результате моего творчества я что-то не мог обнаружить.

И, может быть, именно по этой причине, то есть из-за Васьки Тимофеева, мне как-то не удавалось гордиться башней прогресса и цивилизации, и я не мог почувствовать своей значительности и приобрести чувство собственного достоинства от того, что кто-то другой изобрел застежки-молнии и кто-то другой написал "Медного всадника".

6

Озабоченный этим довольно печальным для солидного кирпича обстоятельством и размышляя о том, чего мне не достает, чтобы стать счастливым, я как-то поделился своими размышлениями с профессором Бубликовым, который, как вам известно, знает все на свете, вернее, знает, как все было, как все есть и как все будет, не зная только, почему и зачем все было, все есть и все будет, и от этого его обстоятельные и весьма убедительные знания располагались как бы на периферии,

по окружности, оставляя посередине зияющую дырку, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

- Я чего-то не могу понять, дорогой профессор, - сказал я ему, - чего мне не хватает, чтобы быть счастливым?

- Идейности, - ответил он. - Как же можно быть вполне счастливым, если вы ни за что не боретесь?

- А за что мне следует бороться? - спросил я. - Ведь башня прогресса и так растет к нашему прекрасному будущему.

- В том-то все и дело, - сказал профессор. - Куда она растет и где находится прекрасное будущее? Вот тут не обойтись без борьбы идей. Одни считают, что башня должна расти вверх, что прекрасное будущее там. Другие считают, что башню следует повернуть влево. Третьи - вправо. А некоторые даже думают, что башня должна расти не вверх, а вниз, к нашему прекрасному прошлому.

- Отлично, - сказал я. - Но направление прогресса и цивилизация вовсе не зависит от меня... Что может сделать один человек, тем более созданный по образу и подобию кирпича?

- Кирпича? - удивился профессор. - Какой дурак вам сказал, что человек создан по образу и подобию кирпича? Человек создан по образу и подобию дроби.

- Дроби? - спросил я. - Вы не ошибаетесь?

- Именно дроби, - уверенно ответил он, - простой дроби. Вот, например, я - это одна двухсоттысячная часть ученых, которые считают, что башню надо повернуть влево. Одна двухсоттысячная - разве это не внушительно? Но, кроме этого, я - еще и одна трехмиллиардная часть всего человечества, которое борется за лучшее будущее. Вы только представьте себе: нас - три миллиарда! Это грандиозно! Наша сила и величие - в знаменателе. Вообразите себя подобием дроби, и ваша жизнь станет ясной и величественной, как трижды пять - пятнадцать!

Ну что ж, - подумал я, - если профессор прав и все мы созданы по образу и подобию дроби, то можно считать, что нам весьма повезло, потому что мы могли бы быть созданы по образу и подобию извлечения корня или возведения в степень, чего и представить себе я уже совсем не способен.

И, утешенный этим обстоятельством, я стал жить, как простая дробь, пытаясь черпать чувство собственного достоинства в своем знаменателе.

Правда, осознав себя одной четвертой частью своей семьи и борясь с соседями, не выключавшими свет в коридоре, или же осознав себя одной восьмой частью жильцов нашей квартиры и борясь за то, чтобы в уборной поставили новый бачок, я не испытывал особой гордости, но стоило мне осознать себя одной стотысячной частью почитателей Анны Ахматовой и включиться в борьбу с почитателями Людмилы Татьяничевой, или же, когда я осознавал себя одной стопятидесятимиллионной частью граждан своей страны и ринулся в борьбу с гражданами другой многотысячной страны, как я почувствовал, что мой знаменатель как бы поднял меня на головокружительную высоту и придал особую значительность моим поступкам и сочинениям, которые зазвучали теперь как бы не только от моего имени, но и от имени всех почитателей Анны Ахматовой или всех граждан моей страны.

Иногда в моей помяти всплывало туманное воспоминание о школьной арифметике, и тогда я с огорчением догадывался, что чем больше мой знаменатель, тем меньшую долю составляет мой жалкий и неизменный числитель, и поэтому поступки и сочине-

ния человека, созданного по образу и подобию дроби, следует считать не столько значительными, сколько знаменательными.

Но черпать чувство собственного достоинства кроме как в этой знаменательности мне было негде, так что я настолько привык считать себя представителем, частью или долей чего-то, что, думая о себе, научился как-то совсем не замечать своего числителя и как бы сливаться со своим знаменателем.

И поскольку я принадлежал к человечеству, то иной раз горделиво заявлял: "Мы уже покорили небо", - а поскольку принадлежал к сочинителям, то однажды чуть не сказал: "Мы уже написали "Братьев Карамазовых".

7

Так, в роли ничтожного числителя, опирающегося своими короткими ножками на мощный знаменатель, я прожил до тридцати лет, неизменно ощущая, как, быть может, ощущают и некоторые из вас, мучительное противоречие между тем, что в моей жизни моя личность имела такое громадное, грандиозное значение, а в жизни всего человечества ее значение было не больше, чем значение мышки в подвале, кирпича в башне или числителя в знаменателе.

Но все изменилось в тот день, когда я оказался на смертельном пятачке, где корчился в тесном окопе, ожидая сигнала к атаке. Это должна была быть седьмая атака в тот день, и за бруствером окопа лежала изрытая снарядами, пулями и солдатскими сапогами земля с обуглившимися обрубками деревьев, и была она почти сплошь покрыта серыми бугорками, некоторые из них еще шевелились, иные стонали, но многие уже коченели и были как бы частью этой черствой и страшной природы.

И самое страшное: я понимал, что эти бугорки еще недавно были живыми людьми, такими же, как я, но это понимание погасало на пути от моего сознания к сердцу и сердца почему-то не достигало, не будило в нем ни жалости, ни сочувствия, будто эти бугорки на земле были не убитыми людьми, а убитыми цифрами.

Рядом со мной, почти прижавшись ко мне, ждал начала атаки молоденький солдатик, совсем еще мальчик. Я не знал ни фамилии его, ни имени, только видел, как из-под каски на его мокрый от пота лоб спадала маленькая прядка волос; большие нелепые руки, какие бывают у подростков, все время дрожали так, что он не мог закурить, а в глазах была такая тоска, такое отчаяние, что я чуть не захлебнулся от нежности и сочувствия, и вдруг он показался мне одиноким и беспомощным числителем без знаменателя.

И в атаке он тоже не отставал от меня ни на шаг: когда я бросался на землю, он падал рядом, когда я поднимался - он вскакивал тоже.

Но однажды он не поднялся. Я схватил его за руку: рука была как ватная. Я хотел обхватить его, но как будто вдруг наткнулся со всего размаха на стену и, оглушенный, полетел вместе с ним в какую-то бездну.

Потом я пришел в сознание, почувствовал боль, огляделся, понял, что нахожусь в яме, в крови, что кто-то лежит рядом.

И вдруг сильнее, чем боль и страх, меня пронзило внезапное озарение: только что меня не было, и вот опять я есть, опять живу сверх положенного мне срока, пусть без ног или рук, пусть в яме, пусть жизнь мне дана хотя бы на одну минуту, но и это великое счастье, потому что ко мне вернулась моя жизнь, единственное, что принадлежит мне, мне одному: и еще я почувствовал, что я вовсе никакой

не числитель, не часть чего-то, а целое, неделимое, неумножаемое, что даже моя боль - она настолько моя и только моя, что и слов таких не придумано, чтобы можно было ее передать другим.

И это ощущение своей жизни как чего-то не укладывающегося ни в какие рамки и масштабы, это ощущение своей жизни, одно мгновение которой значит для меня больше, чем тысячелетия жизни всего человечества, ослепило меня таким ярким пламенем долгожданного и счастливого познания, что света его хватило до моего последнего дня.

Потом я снова погрузился в беспамятство, а когда пришел в себя, был уже вечер, очень холодно.

Я чувствовал, что весь в крови. Я потянулся к тому, который лежал рядом, нащупал рукой его окаменевшее лицо, и вдруг жалость к этому мальчику, невозможность примириться с его смертью вырвались из моей груди волчьим воем горя.

И снова - внезапная вспышка разорвала какую-то пелену, и я почувствовал, что смерть одного страшнее и ужаснее, чем смерть тысяч и миллионов, что есть масштаб разума и масштаб чувства, и что прежде я измерял мир не подлинным, а ложным масштабом, порождением холодного и бесстрастного разума, а не живого и горячего чувства.

Я поразился, какую искаженную картину мира создал мой разум, внушивший мне такой абсурд, будто небольшая гора, на которую предстоит подняться, ниже Эвереста, который находится вдали от меня, будто эпидемия, истребляющая целый народ, страшнее и ужаснее, нежели болезнь одного ребенка, мечащегося в жару и бреду.

Захлебываясь от боли и горя, мое сердце торопливо шептало мне, что один человек - это больше, чем все человечество, что все мучившие меня прежде вопросы о смысле и о цели жизни не разрешаемы в масштабах всего человечества, но разрешими в масштабах одного, каждого человека...

Я не успел додумать этого, потому что снова подо мной разверзлась бездна, и все кончилось.

Третий раз жизнь возвращалась ко мне постепенно, сначала из мрака появились звезды над головой, потом какое-то багровое, будто налитое черной кровью, облачко, потом - приклад винтовки, висевшей на краю ямы.

По мере того, как возвращалось сознание, восстанавливалась вселенная, которой только что для меня не существовало. Она появлялась из ничего, из небытия, как в первый день творения: небо, земля, война, убитый солдатик, мои дети, мать, книги...

Вселенная наполнялась, как будто я сам создавал ее из того, что знал, чувствовал, помнил, воображал, и вдруг, в третий раз за этот день, новое озарение, не то, что было в первый раз, и не то, что во второй, но такой же или даже более мощной силы, залило всю мою дальнейшую жизнь небывалой яркостью.

Я увидел, что та вселенная, в которой я живу, создана мною самим, как и та вселенная, в которой живет каждый другой человек, создана им самим. В моей вселенной существует только то, что я знаю и чувствую, а о чем не догадываюсь и чего не могу себе представить, того не существует для меня вовсе, как не существует для меня Петра Петровича Петрова, потому что я никогда его не встречал и не слышал о нем, в отличие от моего славного пьянчужки Васьки Тимофеева, который несомненно живет на свете и который самый преданный мне друг, хотя кто-то,

может быть, считает его негодяем, способным продать меня за стопку водки, но я этого не знаю, и потому нет такого негодяя в моей вселенной, которого звали бы Васькой Тимофеевым.

Я изумился божественной силе моего творения, изумился тому, что сумел создать планеты и звезды, землю и океаны, добрые стада деревьев и звонкие ручьи, и негасимую лампаду человеческого духа, и Ваську Тимофеева, и горы, и города, и птиц, и врагов своих, и мудрецов, и негодяев.

Я чувствовал себя величественным, как Бог, и таким же величественно-беспомощным. Кого я мог теперь судить, кому жаловаться, у кого просить или требовать, если все было создано мною, и все было только во мне: и горести мои, и радости, и свобода, и неволя.

И за все я один был в ответе: за всех негодяев, за все войны, за всю ложь, за все зло.

Вы, пожалуйста, простите меня за то, что я не мог создать вселенную получше: без негодяев, без войн, без лжи и зла. Этого не мог сделать и сам Господь Бог, которого тоже создал я, чтобы затем он создал меня по образу своему и подобию. А мы с ним очень старались, уж поверьте.

Но, к сожалению, у меня, как и у него, не было никаких прав, а были только обязанности, и с этим ничего не поделаешь.

Обязанности были неотделимы от меня, как руки, как ноги или уши, независимо от того, нравились мне они или нет. Всю жизнь я нес на себе груз моих обязанностей, не ожидая за это никакой награды, как вы не ждете награды за то, что всю жизнь несете свои волосы на голове и свою голову на плечах.

И, может быть, по этой причине мой груз казался мне таким легким и веселым. И хотя он таял в воздухе, как тает дымок моей трубки, и я знал, что через короткое время от него не останется в мире никакого следа, но знал также, что есть на свете три или четыре человека, которые, втянув в себя этот едва заметный пряный и горьковатый дымок, чувствовали себя в моей неуютной вселенной хоть чуточку уютней и уверенней.

И этого мне было достаточно, чтобы считать себя очень счастливым стариком, потому что по масштабам моего сердца три или четыре человека - это больше, чем три или четыре миллиона.

1970 год

А. ФЕЛЬДМАН

ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Война в Европе, война в России. В маленькой деревушке на севере России о войне имеют очень мало представления. В обиходную речь вошли такие слова, как "танки", "позиции". Но радио есть только у Ивана Пыринова, что живет на окраине села, да и тот не всегда дает послушать, что там делается - на войне. И все воспринимается абстрактно, как что-то далекое и непостижимое.

У Матрены Шибанихи свои заботы, ей не до войны. Мужа забрали сразу, как и многих мужиков, а дом полон ребят. Двое еще совсем малые, сыну Гришке - одиннадцать, да Райка, которой вот только стукнуло пятнадцать. Работать в колхозе приходится не покладая рук, от зари до зари - лето ведь, а тут слышала, что приезжал секретарь из райкома, требовал, чтобы выдавали в колхозе столько же, сколько до войны, а то и больше. А домой придет - ребята голодные, оборванные, хоть плачь. Если бы не Райка, все прахом бы пошло. Даже о муже некогда вспомнить, а как вспомнишь, что от него уже два месяца ничего нет, так и похолодеет все внутри.

Райка работает на ферме. Работы, конечно, по горло, но она девка сноровистая, делает все справно, да еще успевает домой забежать, малых обедом накормить. А Матрену как увезут на подводах засветло на дальние луга, так она только на закате вернется. По дому все при лучине делать приходится, керосин уже давно перестали выдавать. Когда мужик-то был дома, хозяйство было налажено. И огород, и корова, и всякое мелкое зверье. А теперь на огороде посадили немного картошки, да пропалывать некому. А Машку, корову, родимицу ненаглядную, пришлось в район свезти на продажу - нечем кормить. А зарезать рука не поднялась. Еще зимой трубу снегом свалило, а поставить некому: все мужики, какие остались или из раненых - на лесосплаве. Пустое село - выть хочется, а некогда.

Райка-то у Матрены девка странная была. В селе школы не было, так она раньше каждый день ходила в район за двенадцать километров. Приносила в дом новые слова, всякие истории, писала шибко много, так что Матрене казалось, что без глаз можно остаться, если каждую буковку разглядывать. Да мужик ее радовался этому и говорил: "Я от земли глаз не подымаю, так пусть хоть Райка нам расскажет, что на свете делается". Иногда и сам брался за книгу, но больше одной-двух страниц одолеть не мог - засыпал, так толком и не поняв, для чего люди книжки читают. А сейчас работа оглушила Райку. Худющая стала, смотреть не на что. И все делает молча, как будто всю себя загнала куда-то внутрь, в маленький комочек. Косу остригла, говорит, времени нет причесываться. За одну зиму так повзрослела.

Как-то вечером Матрена только пришла с работы и едва передвигалась по избе. Подошла к ситцевой, в цветочек, занавеске. За ней под лоскутным одеялом спали малые. Райка сидела за столом, штопала платье. Никогда не ляжет раньше матери. И молчит все. Вдруг стук в дверь. Вошел председатель. "Здравствуй, Матрена!". Ему уже за пятьдесят, а здоровый и жилистый. Говорит, что совсем спать перестал: дел много, а людей нет, вот и затыкает, как может, все дыры. "Вот, Матрена, что пришел сказать. Ты слышала, Лизка на лесосплаве ноги обварила и кашеварничать теперь некому. Перебирал, перебирал я всех, да, видно, придется Райку посылать". Матрена ахнула и слова вымолвить не могла. Как же это Райку туда? Туда! Она не боялась, что Райка не справится с дневной работой,

работа на ферме была еще тяжелее. Нет! Она боялась другой, ночной работы. Все бабы там в лесу принимали за ночь по несколько мужиков. Все об этом знали. Не одна баба выла перед тем, как отправиться туда, а ослушаться нельзя. Сразу уполномоченный из райкома и поминай, как звали. Вот и шли. А мужики там - зверье. Кубометры с них требуют, да с каждым месяцем все больше. А рук-то не прибавляется, вот они и бесятся и отыгрываются на бабах. На что уж Лизка была баба матерая, да и та не выдержала. Котел с кипятком сама на себя вылила. А как же Райка сможет выдержать такое, когда она курице голову свернуть не может. Голова у Матрены совсем пошла кругом.

Председатель, конечно, понимал все, что могла думать Матрена. Ну, а что делать? Главное для колхоза - лес. К нему чуть ли не каждый день приезжают из района, а иногда и из области. Сначала убеждают, что для фронта нужно все больше леса, потом прикидывают, что можно сделать, чтобы увеличить выход древесины, не давая дополнительных рук, а в конце и те и другие начинают кричать и угрожать. А потом едешь в лес и тоже начинаешь убеждать, кричать и угрожать, хотя и видишь, что работают из последних сил. А еще то тут, то там начинают бузить: то драки, то где-то самогон достанут. Так что бабы для него - просто спасение плана в лесу. Лучше бы, конечно, послать туда какую-нибудь посмышленее, да вроде бы и никого не осталось в селе: то у нее дети малые, то старуха.

Когда у Матрены прошел первый приступ оцепенения, она закричала на председателя: "Изверг! Ты же знаешь, на что посылаешь мою Райку! Был бы сейчас мой, он бы тебя здесь же растерзал на месте!".

Председатель, зная, чем все это может кончиться, встал и, обращаясь к Райке, бросил: "Завтра утром будет подвода в лес, так что собирайся".

Матрена долго выла. Райка, конечно, слышала обо всем, что делалось в лесу, но в силу своей неопытности и незнания не могла понять мать. Живя всю свою небольшую жизнь в семье, она в то же время жила своим внутренним миром. С насилием над собой она ни в чем никогда не сталкивалась. Все, чем она занималась, как-то естественно вытекало из ее жизни и окружающих обстоятельств. Так что это становилось для нее если не внутренней потребностью, то необходимостью, вытекающей из связи с другими людьми.

Пытаясь успокоить мать, она говорила, что все обойдется, что там работает дядя Егор и он не даст ее в обиду. Только трудно будет Матрене управиться здесь одной с хозяйством, с маленькими. Устав от рыданий, Матрена и сама уже начала думать, что, может, действительно, обойдется. Ведь люди же, не фашисты.

На утро пришла подвода. На дорогу Матрена дала Райке картошки, хлеба, надергала луку и все думала: "Может, обойдется". С тяжелым сердцем отправилась на работу.

Подъехали к баракам уже в сумерках. Возчик проводил Райку на кухню. Повариха, здоровая баба, на голову, наверное, выше Райки, оглядела ее со всех сторон и с усмешкой проговорила: "Здравствуй, здравствуй! Ты, Райка, хоть и вымахала за эту весну, но мог бы председатель кого-нибудь и покрепче прислать. Иди, вон наш барак, там в углу твоя койка будет. Отдохни с дороги, а то еще трудиться придется". Глаза у поварихи были злые, да еще с усмешкой. Райка даже побоялась спросить, что еще сегодня надо делать, и пошла в барак.

Ужин был уже при костре. Повариха показывала Райке, по сколько каши надо класть в миску. Из леса приходили мужики. Многие из них не видели настоящего

жилья уже по несколько месяцев. У многих бороды и волосы были, как у попов. Не разберешь, кто молодой, кто старый. Подходили, все угрюмые, еле ноги передвигали, как от непосильной ноши. Завидев Райку, материли председателя. Кто-то громко рассказывал, что двоих из четырех, которые сбежали отсюда неделю назад, поймали и теперь вроде будут судить как дезертиров. И опять, как каждый день, кто-нибудь заводил разговор, что лучше уж на фронте загнуться, чем здесь, на этой каторжной работе.

Райке до боли стало жалко этих людей. Дядя Егор, как оказалось, был на другой делянке, но Райке было страшно не из-за того, о чем причитала и говорила мать, а потому, что она еще никогда не видела столько злобы сразу, в одном месте.

Все уже разошлись. Луна стояла высоко в небе, тихо было в лесу. А злость, оставленная людьми, все не уходила. Райка вместе с поварихой вымыла посуду, налила воду на завтра в чан. "Пора", - сказала повариха.

Матрена после отъезда дочери работала так, чтобы не осталось сил ни на боль, ни на смуту в душе. Вечером, придя домой, накормив детей и уложив их, она не могла лечь сама. В темноте перед ней возникали жуткие картины. И не умея, не зная, как помочь, защитить Райку, она пыталась что-нибудь придумать, чтобы вызволить ее обратно. И в конце концов, не сознавая, что делает, она выскочила из избы, побежала в конюшню, запрягла подводу и погнала лошадь в лес. В голове ее проносились мысли одна наивнее другой. Матрена думала, что она приедет и упросит мужиков пощадить Райку, которая еще совсем ребенок. Будет заклинать их своим мужем, который сейчас на войне и не может защитить дочь. Откуда и силы взялись, ведь после целого трудового дня. На рассвете она добралась к делянке. Когда лошадь остановилась, она услышала тишину кругом, только птицы щебетали. Ей стало даже как-то не по себе. Заглянула в один барак, в другой, всюду вповалку храпели мужики. Все ее тревоги о Райке как-то мигом улетучились и она представила, как будет кричать на нее председатель за угнанную лошадь, за то, что она пропустила рабочий день. У нее даже в горле все пересохло от страха. Решив не дожидаться, когда встанет Райка, Матрена захотела сполоснуть разгоряченное лицо и быстрее в обратный путь. Умывшись и повернувшись, чтобы идти к подводе, Матрена вдруг увидела Райку, которая стояла в речке, вода доходила ей до щиколоток. Платьице она подняла и поддерживала подбородком, а руками как-то очень по-деловому зачерпывала воду и мыла ноги, между ног. Матрена, глядя на эти ритмичные движения, сразу даже как-то не поняла смысла происходящего. А когда поняла, то закричала, но из груди вырвался только хрип, все кругом закачалось и она повалилась на землю.

Когда Матрена пришла в себя, Райки на речке уже не было. Матрена побежала по воде к тому месту, где видела Райку. Оглядевшись кругом, она уже хотела было бежать в лес, как вдруг увидела запутавшийся в прибрежной осоке кусок Райкиного платья и ее ноги. Голенастые и чисто вымытые - они, покачиваясь, сверкали в лучах восходящего солнца.

СВЕТЛАНА ШЕНБРУНН

Л О Г О В О

В лагерь Осип попал, можно сказать, случайно. Шел с дружками по улице, а тут старичок какой-то - и откуда он только взялся на ихнюю голову - давай придираться, укорять да стыдить: зачем, дескать, орете, да зачем ругаетесь, да почему пьяные. Ну, стукнул его Осип разок-другой, чтобы отвязался, а он взял да и помер на другой день. Может, и не от этого помер, но срок дали.

В лагере Осип быстро пообвык и почувствовал в себе необычайную силу - все его боялись: и уголовные, и политические. Он сделался правой рукой начальника, и после, отбыв срок, никакой другой жизни для себя не захотел. Остался вольнонаемным. Мог бы и всю войну отсидеться в тех местах, но что-то подсказало ему проситься на фронт.

Прибыв на фронт, он скоро нашел дорогу к немцам, а немцы делали дело всерьез, и лагеря у них были что надо. Для Осипа нашлась там работа, много работы. Немцы научили его ездить на мотоцикле, и, шалея от счастья, он носился на полной скорости по лагерю и не замечал ни дней, ни месяцев, пока вдруг не узнал, что положение у немцев неважное, даже вовсе скверное, и лагерю скоро конец. Для Осипа это было как обухом по голове. Точно, как обухом. Все еще, вроде, оставалось по-старому, можно еще было и бить, и убивать, но Осип потерял всякий интерес к жизни и понял, что пора спасаться. Захватив немецкий мотоцикл, он улизнул из лагеря, мотоцикл бросил, а сам схоронился и дождался Красной Армии. Осип открылся, что он русский, а в Германию был вывезен насильно на работы, и его без дальних слов отправили восвояси. Конечно, он мог бы податься и в другую сторону к союзникам, но чутье подсказало ему, что Россия его не подведет.

Он вернулся в Москву, к старой своей жене - еще до лагеря он был женат. Жена оказалась совсем седая, никудышняя баба. Осипа она приняла, хоть и без особой радости. Встала с постели, накормила и тут же снова легла.

Осип решил жить потихоньку, устроился шофером в таксопарк - пригодилась немецкая наука. Одно мешало - жена. Как баба она никуда не годилась, после молоденьких девчонок Осипу и глядеть-то на нее было тошно, к тому же он ее побаивался. Все ему казалось, что она что-то про него знает. А избавиться от нее было непросто - не в лагере ведь. Все же Осип нашел выход. Стал подмешивать ей кое-что в еду. А сам будто бы жалел ее, лекарства носил. Ждал. Ждать стало даже интересно. Через полгода жена померла. Осипа никто не заподозрил - все знали, что у нее была больная печень. Осип на похоронах плакал и для всех соседей справил поминки.

Вскоре он женился снова, на молодой. Познакомился в Парке культуры и отдыха имени Горького. Решил жениться, потому что гулять накладнее - заработок не такой уж большой, да и привлекать чужие взгляды к своей жизни ни к чему. Тише - оно лучше.

У жены была мать, отец погиб на фронте. Осип сменял их комнату и свою, ту, что осталась от первой жены, на половину деревянного дома на Песчаной улице. Две комнаты, веранда, садик при доме. В саду сирень.

Жил смирно. Возил пассажиров. Разговаривал с кем редко. Если только пассажир осуждал молодежь, дескать, гляди, как одеваются, срам смотреть: брюки узкие, волосы длинные. Осип позволял себе подтверждать: раньше строже было - и лучше. Порядку больше.

Про прежнюю жизнь даже вспоминать отучился. Случалось, правда, иной раз - едет, вроде ни о чем не думает, вдруг увидит, к примеру, парень идет, девку за плечи обнял, и разом встанет перед глазами: полный барак евреев, все лет по шестнадцать, голые... Жарко станет в груди, и аж руки на баранке запрыгают. Если пассажир замечал, Осип спешил объяснить: сердце пошаливает. После фронта.

А когда случалось ехать пустому, Осип присматривался по-хозяйски к Москве, делил на зоны, соображал, как лучше все устроить. Виделись ему ряды колючей проволоки, прожектора на крышах...

Однажды он все же сплоховал. Под Первое Мая. Товарищи напоили. Осип после войны опасался пить, а тут не удержался. А те и рады стараться - непьющего напоить - куда как весело! Осип не помнил, как добрался домой, дома поднял жену с постели, вывел в сад и стал бить. Теща подскочила, тещу отшвырнул и продолжал бить жену, покуда не явилась милиция. Теща грозилась отдать его под суд, но Осип просил у жены прощения, валялся в ногах и клялся не бить больше никогда. Жена решила простить - муж он был неплохой, зарплату ей отдавал, даже на обед себе не брал, обходился чаевыми. Засудить-то недолго, да где другого найдешь? Не такое время, чтоб бросаться мужиком. Теща тоже остыла.

С того разу Осип не пил вовсе. Домик на Песчаной снесли, дали квартиру в Тушино. Две комнаты, кухня, ванная. Купили мебель новую, полированную, гарнитур. И вдруг этому житью пришел конец.

... Осип вышел на работу в утреннюю смену и ездил уже часа четыре, когда к нему в машину сели двое. Может, муж и жена, а может, так, кто их знает. Молодые еще. Он с портфелем, она в шляпке. Осип ехал в левом ряду - таксисту время дорого - когда вдруг из-за поворота на красный свет вынырнул двадцатитонный грузовик. Осип крутанул руль и увернулся. Сам не поверил, но увернулся. Милиционера не было. Грузовик проехал и скрылся. Пассажиры что-то говорили сзади, но Осип не разбирал смысла. Он вдруг почувствовал все двадцать тонн на своем мягком, слабом теле. Темная волна подкатила к голове. Он подкатил к тротуару и только успел выговорить:

- Дальше не поеду, не могу....

Пассажиры вылезли, мужчина дал Осипу два рубля. Вместо мелочи Осип сдал бумажку, пятьдесят рублей. Женщина сложила бумажку и запихала ему обратно в карман.

- Не потеряйте, тут у вас деньги!

Осип уронил голову на руль.

- Ладно, пошли, - сказал мужчина раздраженно.

- Да что ты! - возмутилась женщина. - Человеку плохо. Надо вызвать неотложку.

- Как хочешь, я пошел, - сказал мужчина.

Не то, чтобы он так уж спешил, но двадцатитоннка и ему подействовала на нервы. И он зашагал по тротуару, помахивая своим портфелем. Женщина осталась,

вызвала по автомату неотложку и стала ждать.

Осип сидел неподвижно.

Подъехала санитарная машина, из нее вышла врач Белла Борисовна Гольдберг.

Белла Борисовна родилась и до четырнадцати лет жила в Минске. Началась война, Минск заняли немцы, и Белла попала в концлагерь. Каким-то чудом она осталась жива, но в Минск после войны не вернулась. Все ее родные, семнадцать человек, погибли, и ей нечего было делать в Минске. Она приехала в Москву, поступила в мединститут, окончила его, осталась работать на скорой помощи, получила со временем комнату и так и жила.

Белла Борисовна подошла к такси и тронула шофера за плечо. Он поднял голову, лицо его перекосилось, и он закричал что-то наполовину по-русски, наполовину по-немецки.

Женщина, которая вызвала неотложку и все еще стояла рядом, увидела, как врач побледнела и осела на тротуар. Из санитарной машины выскочил шофер, подхватил Беллу Борисовну, усадил и увез обратно в поликлинику. Очнувшись, она спросила:

- Где он? - и рассказала все.

Ее выслушали, засомневались - могла и ошибиться, столько лет прошло... Наверно, показалось. А может, и правда... Мало ли что бывает... Во всяком случае, Осипа поместили в больницу. Он бредил, никого не узнавал.

Белла Борисовна требовала, чтобы его перевели в тюрьму. Ее стали успокаивать - он сейчас в тяжелом состоянии, из больницы ему все равно не уйти. А прежде чем сажать, надо проверить. Да и как его сажать, если он не в себе?

На третий день Осип исчез. Дома его не оказалось, на работе он тоже не появлялся. Его поискали-поискали и бросили. Доказательств, что он тот самый, за кого приняла его Белла Борисовна, никаких не было. А если и он, все равно не опасный, - загнанный...

ЛЕВ ЛЕВИТИН

СОСЕДИ

С Валерией Дмитриевной я живу в одном доме и знаком шесть лет. Недавно ей исполнилось пятьдесят; на столько она и выглядит, несмотря на все ухищрения казаться моложе. Она детская писательница. И считается талантливой. Так, наверно, и есть. Валерия Дмитриевна вообще талантлива, это в ее натуре. Она рассказывает, что детской писательницей стала из-за одиночества, из тоски по детям. В ней самой, несмотря на возраст, присутствует какая-то детскость, но не инфантильность, а непосредственность, игра. Правда, игра эта преспокойно уживается с трезвостью и рациональными взглядами. Наверное,потому и мое отношение к ней двойственно. Валерия Дмитриевна и трогает, и возмущает меня в одно и то же время. Часто возникает у меня впечатление, будто эта женщина - не ко времени, так как ее поступки и вкусы находятся в непрерывном конфликте. Она словно застенчивый ребенок, которому по чьей-то злой воле приходится играть роль проститутки: то курит только папиросы "Север", то вдруг на стене ее комнаты появляется картина - какое-то откровенное бесстыдство. Я спрашиваю: "Зачем вам эта порнография?". Она отмахивается: "Ах, что вы понимаете! Двадцатый век."

Раньше Валерия Дмитриевна была красивой. У нее необыкновенного взлета брови; такие брови были в моде лет тридцать назад /смотри фильмы с участием Серовой/, женщины специально выщипывали брови, чтобы придать им такую форму.

Мне и жалко, и больно за Валерию Дмитриевну, и зло - безнадежное зло берет меня, когда я вижу порочное несоответствие между ее склонностями и поступками - мне кажется, существует какой-то способ, какая-то возможность его устранить, но как это сделать, я не знаю.

Мы с ней не так уж часто встречаемся, обоим некогда и лишь изредка я ее "прогуливаю" /так она это называет/ - как сегодня, в ресторан.

* * *

В литераторском ресторанчике целовались. Это походило на ритуальный обряд. Причем целовались главным образом мужчины: слюняво, взасос, серьезно... Женщины тоже целовались, только женщин было меньше.

- Глядите, Азиз-оглы! - сказала Валерия Дмитриевна.

Я посмотрел: у входа и вправду стоял человек, похожий на портрет Азиз-оглы. На него кинулись с трех сторон: бородатые и бритые, безликие до удивления; принялись тормошить, подпрыгивая, целовали щеки, плечи. Азиз-оглы стоял невозмутимо, как предмет. Лицо его не выражало ни огорчения, ни радости. Его уволокли куда-то в полутьму, а его место в дверях занял другой - рыжий, подрагивающий всем телом, как сытый конь от хорошего здоровья. На нем было что-то широкое, модное... Этого тоже целовали, но не так страстно, как Азиза.

- А он кто? - спросил я у Валерии Дмитриевны.

- Он? - Она близоруко сощурилась, хотя и не близорука.

На Валерии Дмитриевне сегодня был черный брючный костюм и великолепный алый свитер. Все это словно из заграничного журнала мод. Но не исчезало

впечатление, что все эти вещи уже не для нее. Возможно, я к ней придираюсь.

- Ну, вы даете! - возмутилась официантка, поглядев на меня с презрением. Она как раз брала мой заказ, я знал уже, что ее зовут Регина. Кстати, когда она подошла к нам и они с Валерией Дмитриевной поцеловались, я подумал, что Валерии Дмитриевне, должно быть, неприятно целоваться с Региной, у которой потные жирные щеки. - Кто ж не знает таких вещей? - удивлялась Регина. - Это ведь работник нашего правления... - и официантка назвала фамилию, которую я, конечно, позабыл тут же.

- Ничего, Регина, - заступилась за меня Валерия Дмитриевна. - Товарищ может такое не знать. Товарищ - научный работник. Он - физик.

А когда Регина отошла, Валерия Дмитриевна сказала:

- Вот не думала об этом рассказывать, а сейчас решила - расскажу. Боюсь только, что вам не понравится. Еще бы! Спросите сейчас у кого хотите... Любой мальчишка прочтет вам лекцию о том, что к цели следует двигаться исключительно прямыми и чистыми путями, но это же просто смешно!

Она, кажется, действительно хотела засмеяться, но вместо этого влажно закашлялась. - Впрочем, все зависит от ситуации. Не правда ли, не всегда они есть, чистые пути, чаще попадаются перепутья. Вы понимаете, конечно...

У нее такая манера: за словами вы должны чувствовать некий другой - скрытый смысл, подтекст. Меня это раздражает, как неразборчивый почерк.

Поэтому я не торопился ей отвечать, а сидел и спокойно курил, поздравляя себя мысленно с тем, что у нас, у ученых, все пока слава Богу, не как здесь - нет у нас ни целований, ни дешевого антуража, долженствующего показать, доказать, что некто еще пока личность, с которой следует считаться и ожидать чего-то хорошего, а то и плохого.

И думалось мне: вот у Валерии Дмитриевны не этим ли объясняется одежда не по возрасту, напускной / XX век/ сексуализм, поцелуйчик с Региной, потому что и она, Регина, что-то тут значит, какую-то роль и она играет в этом мире их ценностей.

Тот, кого Регина назвала "работником нашего правления", был теперь не один - с ним сидела девица, которую я за красивые длинные ноги мысленно назвал "девочка из кордебалета". Кстати он, когда Валерия Дмитриевна засмеялась и закашлялась, посмотрел на нас, и взгляд его был пуст, как дырка в мокром песке. Может быть, Регина успела шепнуть ему о том, что я его не знаю.

- Итак, в тысяча девятьсот пятидесятом, - рассказывала Валерия Дмитриевна, - мне было двадцать семь. Но это не казалось тогда, как теперь кажется, расцветом жизни. О, нет! Все казалось исчерпанным. Парень, единственный парень, женой которого я должна была стать и кому с удовольствием рожала бы детей, попал на фронт прямо из летного училища и погиб в начале войны... И хотя в сорок четвертом я даже умудрилась выйти замуж за дальнего родственника или, как когда-то говорили, кузена, женой которого я не должна была стать, но с кем могла, если бы судьба позволила, родить ребенка, потому что он любил меня, все равно путного ничего не получилось - его убили перед концом войны в Чехословакии... Ну так вот: к пятидесятому году, к двадцати семи годам я жила одна... Однако мужчины у меня были. Не в пример очень многим бабам моего возраста были у меня мужчины. И не потому, что я красивой была - красивых тоже хватало, а потому, что я не перебирала. Да и с чего там перебирать! Так что когда в нашей квартире

на Пречистенском бульваре поселился сосед, здоровый, сытый мужик и сходу стал ко мне примазываться, я не кочевряжилась. Чего там - это даже льстило мне, как-то, знаете, выделяло.

Папироса ее погасла. Я поднес спичку, она жадно прикурила, а я вдруг почувствовал на сердце тяжесть. И возникло давнее воспоминание: молодая женщина перед другой, тоже молоденькой, похваляется: "Ко мне мужики ходють, а к тебе нет, ты и злишься!" - такой разговор послевоенный.

А Валерия Дмитриевна продолжала:

- Всего в квартире было три комнаты: самую маленькую - восьмиметровую, занимал мой милый друг, я жила в приличной комнате - пятнадцать метров, а самую большую занимала одинокая еврейка Соня. Как я относилась к соседу? По-разному. Временами он казался мне просто дьяволом, религия которого - обман. Он называл себя художником, хотя на самом деле профессии у него, кажется, не было. Он делал деньги и делал их так: договорится, бывало, с каким-нибудь космополитом, мало ли их гуляло безработных, писать вдвоем картину, нижнюю часть - космополиту, верхнюю часть брал на себя. А когда нижняя часть была готова, он забирал картину и передавал другому художнику, с которым заключал аналогичный договор - при этом готовую часть он выдавал за свою. Излишне говорить, что картина продавалась за его подписью. Художников он не баловал гонораром, но те и малому бывали рады, почитая его своим благодетелем. Об этих и подобных махинациях он сам мне не раз рассказывал, и, сами понимаете, я не могла думать о нем иначе, как о подонке. Но я к тому времени была совершенно убеждена, что лучшие, честные, чистые погибли, а кто остался - они такие... Да и сама я казалась себе как бы вытертой до дыр. Но с другой стороны его самоуверенное существование даже умиляло меня. Я все думала: доколе? Ну, доколе может такое продолжаться? У меня тогда уже существовала теория, по которой за все, абсолютно за все надо расплачиваться - платить. Или, по меньшей мере, быть всегда готовым к тому, что придется платить, что за грехи могут привлечь к ответу. И если пока не зовут, то это особая удача, и приходит она только к тем, кто в любой момент готов платить. А он - он как-то так небрежно опровергал это. Было такое впечатление, будто он только тем и занимается, что один за одним вытягивает лотерейные билетики, и все сплошь счастливые. Такой, понимаете ли, везунчик! Но в нем было и простодушие. Оно сказывалось хотя бы в том, как доверительно вел он себя со мной. Ясное дело, я понимала, что он меня не любит, и если верит, то не столько мне, сколько себе, в себя, полагаясь на свою мужскую силу, на мужское дарование. Ему в голову придти не могло, чтобы женщина, которая спит с ним, не стала бы его единомышленницей. Он был бы просто сражен, узнав, что это не так. И, вы знаете, в каком-то смысле он не ошибался. Бывая с ним, я думала: "И пусть. Пусть будет, как есть". И не раз мне мерещилось, что я давным-давно его знаю, прожила с ним целую жизнь. Впрочем, видно уж я так устроена - с кем только это мне не мерещилось.

И вот однажды в воскресенье, летним утром, мы еще были в постели, он вдруг сказал: "Черт! У какой-то паршивой жидовки комната чуть не в четыре раза больше моей. Как тебе такое нравится, Лерик?" Я спросила: "Ты о Соне?".

Теперь пришло время сказать несколько слов о Соне.

Есть люди, старающиеся занять как можно меньше пространства. Такие люди своим присутствием не создают углов, они создают вмятины. Хорошо ли это, плохо ли - не знаю, важно, что такие бывают и своей жизнью они как бы отрицают распространенное кредо: "раз в жизни живем". Правда, я не часто встречала их среди

евреев, но Соня была такой. Вообще же мое тогдашнее отношение к евреям было сложным. Оно в большой степени определялось тем, что в мои ученические тридцатые годы нам только и вдалбливали, что евреи - полноправная нация. В конце концов как-то стало получаться, что уже не просто полноправная, а более того, и вот это "более того" вызывало у меня протест. Так что можете считать меня антисемиткой, но не из тех, кто идет напролом, нет, я была где-то на обочине. Но Соню я любила, вернее, полюбила после одного события, когда я как будто заново увидела и Соню и себя, и Соню с собой вместе. Что я знала о Соне до этого? Ну, тихая, не старается занять много места - хорошо, повезло с соседкой... Но такую, как Соня, собственно, и не должно было ничто волновать, ей этого как бы по чину не полагалось. Разве мало попадается нам людей, о которых в голову не приходит, как-то не верится, что им, как нам, дано любить, ненавидеть, страдать. Создается впечатление, будто им меньше нужно, будто Бог меньше задолжал им, что ли. И Соне в моих глазах Бог ничего не задолжал, - уж она-то должна быть всем довольна. А что, в самом деле: работала до войны телефонисткой, случилась война, пошла на фронт, там служила телефонисткой, вернулась живой-здоровой, вновь устроилась телефонисткой. Чем не жизнь, чем не счастье! Сорокалетняя, некрасивая, но ведь и не уродина... ну, одинокая, так нас три четверти России одиноких, к тому же еврейка... Соня и Соня, что тут рассусоливать...

И вот случилось: прихожу однажды в необычное для меня время. Слышу из Сониной комнаты звук скрипки; но не радио, это я сразу поняла, да и играют плохо.

И с этого мгновения я стала действовать постыдно. Прежде всего, я возмутилась: как так - в нашей квартире кто-то смеет играть на скрипке без нашего, без моего согласия. Хотя было совершенно непостижимо, почему, собственно, требуется для этого чье-то согласие. Я постучалась, Соня открыла. В комнате чужих не было, но Соня все равно выглядела испуганной. Я спросила: "Это что, вы играли?" Она кивнула. И вдруг в меня точно дрянь вступила. И я стала просить: "Сонечка, ну, Сонечка, сыграйте мне, ну, пожалуйста!". - Хоть на самом деле мне совершенно не нужна была ее скрипка. Но она отказывалась, а я все больше просила, называя ее "Сонечкой", как никогда ни мысленно, ни вслух к ней не обращалась; мне как оружие нужна была эта садистская сентиментальность для того, чтобы доказать, чтобы утвердить, что я лучше, сильнее, выше ее, что власть у меня, что я переломлю ее, эту еврейку, что стоит передо мной такая вся жалкая и в платье сером, безликом, а еще смеет не соглашаться, отказывает мне, понимаете ли... И вдруг Соня сказала: "Хорошо. Я сыграю". - И когда брала в руки скрипку, вид у нее был такой, как будто ее сейчас поведут в Бабий Яр.

Она играла полонез Венявского. Но, Боже, что это была за музыка! Соня играла невыносимо. Она играла и играла, повторяя по несколько раз те места, которые ей не удавались. И так это было бесконечно, что неожиданно я начала плакать, нет, не я, - это совесть моя плакала. Тогда она бросила играть, и дальше мы плакали уже вместе - две одинокие бабы, безмужние, бездетные - инвалидки войны.

И вот теперь мой дружок нацелился на Сонину комнату. А комната у нее была хорошая, светлая, даже очень хорошая по тем временам. Я испугалась. Насмотревшись, как легко, как запросто ему все удается, я нисколько не сомневалась: если он возьмется всерьез, Соне моей конец.

- Там что-то нечисто, - сказал он, - не могу объяснить, в чем дело, но я нюхом чувствую - что-то там нехорошо, какая-то она слишком тихая, слишком забитая. Ты не знаешь, была она замужем или не была?

Вот уж что мне ни разу в голову не приходило.

- Ты с какого года ее знаешь? - спросил он.

Я ответила - "С сорокового".

- Ну, вот видишь! - Он как будто обрадовался. - Вот что я думаю... Я думаю, а что, если замужем она была, но только муж у нее арестован, скажем, как враг народа, а?

- Почему ты так решил? - спросила я, мгновенно представив себе, что он абсолютно прав. Он словно заглянул в самую суть дела.

- Иначе откуда комната такая большая, - говорил он, и это тоже было правильно. Соня не могла отхватить себе такую комнату. Когда делили квартиру, она должна была получить восьмиметровую, а не ее тридцатиметровый зал с двумя окнами, - нет, это было непохоже на Соню.

Он сказал утвердительно:

- Ты подпишешь мое заявление на нее.

Но я ответила: Ни за что. - И хорошо помню, как внутри у меня словно замерло, - ведь я разучилась к тому времени произносить "нет".

- Дуреха, - сказал он, - а то я без тебя не обойдусь.

Я попросила: - Слушай, не трогай ее.

Он повторил: - Слушай, не сегодня-завтра всем евреям капут. Их же все равно выселят.

- Куда? - спросила я.

- А я почем знаю: в Сибирь, в Биробиджан... - он засмеялся. - В еврейскую автономную область. Ну, не балуй, - сказал он, - вдвоем останемся... В квартире.

- Ты думаешь, тебе там поверят?

Он пояснил: - Понимаешь, у них нет другого выхода. Даже если сигнал анонимный - про мужа, про семью, что она ведет агитацию, - им придется принять меры, им придется изолировать ее. Тут даже проверять особенно не надо. Ну, представь себе: кто-то получает сигнал, но ничего не делает... Нет, невозможно. Зачем ему брать всю ответственность на себя, когда легче посадить?

- Но тебе от этого что за польза? Вместо Сони подселят кого-нибудь еще и будет только хуже.

- Я не собираюсь писать анонимку. Я в обмен на такое заявление получу, как я тебе уже сказал, ее комнату. Можешь мне поверить.

- Слушай, не трогай ее, - попросила я снова.

- Будет, как я сказал. Я действую наверняка.

Тогда я поклялась себе - так не будет.

- И когда ты этим займешься? - спросила я.

Он беспечно ответил: - Скоро.

После его ухода я немедленно принялась за дело. Моими действиями словно кто-то руководил. Наверное, так бывает, когда в одиночестве рожаешь ребенка. Я составляла заявление. Писала о разговорах, которых никогда не было, которые я будто бы подслушала. Но фантазия моя быстро иссякла, и тогда я бралась за книгу о шпионах, выписывая оттуда готовые цитаты. Это заявление было в одном смысле уникально: в нем не было ни слова правды. Скажем, я могла бы написать, каким образом он зарабатывает деньги, но любая правда могла повредить еще кому-то и казалась кощунством. Я решила тоже не отправлять письма анонимно - мне тоже нужно было действовать наверняка. Единственное, чего я боялась, - что он опередит меня, и когда относила письмо, очень боялась встретиться. Но обошлось. Я благополучно отдала донос в экспедицию. Какой-то военный попросил меня расписаться. Я расписалась и пошла домой. Когда вечером нам позвонили, я быстро вышла и открыла. Оказалось - это один из художников. Я сказала: "Бегите и больше не приходите". Это подействовало молниеносно. Художник исчез прежде, чем сосед вышел из своей комнаты и спросил: "Кто это?". "Ошиблись дверью", - ответила я.

Он посмотрел на меня подозрительно, но, может быть, мне показалось.

На следующий звонок он сам уже, опередив меня, кинулся к двери. Видимо, он ждал того художника, возможно, договорился по телефону. Пришли за ним.

Я думала, меня должны вызвать, но там обошлись без формальностей. Сосед пропал, и вместо него поселили другого парня... Кажется, я и с ним спала. Впрочем, не помню. Столько времени прошло. Вот, честное слово, не помню, но кажется, спала.

- И больше вы того соседа не встречали? - спросил я.

- Что? Нет, сколько угодно, - последовал странный ответ.

Мне захотелось уйти, и представился весь путь: встать, пройти к двери, спуститься в кафетерий, оттуда через зал с деревянными панелями, мимо игроков в шахматы, мимо списка героев Отечественной войны, высеченного на мраморе, и пусть человек с лицом хорька поможет мне одеться, хотя он и презирает меня за мой же двугривенный на чай. Выйти и вдохнуть свежий воздух.

- Куда вы? - спросила Валерия Дмитриевна.

- Я сейчас... я на минуточку.

Когда я возвратился, около столика стояла Регина. Она что-то убирала, и, когда я садился, наклонилась ко мне и прошептала:

- Между прочим, он, - она указала глазами на "работника нашего правления", - он сильно пострадал во времена культа. Он сидел в лагере, ему, знаете, как досталось?

- Не болтай, - возразила Валерия Дмитриевна, - не болтай, Регина, чего не знаешь. Ничего ему не досталось.

- Лерочка, - пропела Регина удивленно.

- Никакая я тебе не Лерочка, не забывайся!

- Валерия Дмитриевна, - теперь в голосе Регины была уже угроза.

- Что ты на меня уставилась, как корова на жвачку? Убирай посуду и делай свое дело!

Я был удивлен. Я просто ушам не поверил - только что целовалась с Ре[illegible]ной и на тебе... Это как-то не согласовывалось с писательским демократизмом, с[illegible] было явно не в стиле заведения.

- Что случилось? - спросил я, когда обиженная Регина удалилась. - Чем она вам не угодила?

Она отмахнулась.

- Ах,при чем тут Регина! Досталось ему! Черта лысого ему достанется! - повторила она с раздражением.

- А он чем виноват? - спросил я, кивнув на "работника правления".

Сидел полный человек с крутой заслуженной шеей, ел за двоих, пил, оглядывался по сторонам, облизывал взглядом "девочку из кордебалета" - и был доволен, ему нравилось сидеть вот так, есть, пить, смотреть на девочку, он был частью стен, он, казалось, всю жизнь только и делал, что сидел тут, на этом месте, в нем было что-то домашнее, вкусное, сибаритское, уютное, - чего было на него злиться?

- Это он, - сказала Валерия Дмитриевна.

- Кто - он? - я все еще не понимал.

- Кто он? Кто он? - все-таки Валерия Дмитриевна была слишком раздражена. - Он. Он самый. Тот, сосед мой.

П О Э З И Я

МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ

ДИАСПОРА

/Оратория для 2-х голосов и хора/

Ненавижу мне в сон подмешавшего
яд созерцанья.
"Свидетель"

1

ИСХОД

Металлом идола сиял
спиной к Египту город россиян
на медленной заре.

Согражданам являлись в естестве -
кратчайший день зимы,
и тихий свет
снегов, когда опала тьма,
следы в ночи спустившихся с ума
по лестницам пленительных надежд.

Путей безумия не прочитать в следах.
Вот зерна судеб брошены во льдах,
вот семя на снегу, и что взойдет?

Ведет нас Моисей, еще ведет!
Да, Моисей еще выводит нас,
Как всходы - луч,
что в зернах не угас:

"Мы не взойдем - так нас, Господь, рассей!
Из плена в плен нас водит Моисей,
свидетель Бога, и в пустыне всей
единственно едины мы.
Да, мы посеяны, и пусть нам не взойти -
гостили мы у Господа в горсти,
пока возможно было нас вместить,
пока надеялись, что нас Господь простит.

Покинем горсть - останемся в горсти,
но сколько б нас из плена ни вести -
нас не поднять с двенадцати колен -
всегда и навсегда нам будет плен!
Но, Моисей, веди нас по земле -
Земля Обетованная во мгле.
И медью идолов мерцают навсегда
без нас пустынные изгнанья города".

2

БЫК

Я век живу назад - такой резон -
с груди слетают пули в горизонт,
назавтра возвращаются в стволы,
и возмещаются огнем следы золы.

Кому курятся в скинии дымы,
и дым горе от белых рук зимы
кому взошел? Не нам, глядящим в ров,
дым стелется - Господь не взял даров,
дым поднялся, Господен лик - зеро!

Затем живу меж завтра и вчера.
Живу назад, и ранит тело грань -
и не светает до припоминания утра,
а утром светел стыд земли.
Такая рань!
О, рань какая, как не умирал.
Я век живу назад.

Вот цвет зимы летит к нагим устам.
Вот сад зимою невозможно расцветал,
тем временем, как снег снижаться стал,
но он не тает на дарителя руках -
так холодны они. И в белых облаках
стоит с ножом святая ночь, пока
мне снится - я нисколько не убит,
и пробуждению не надо было быть.

... Я обращаюсь - вырви мне язык,
сквозь сон и губы вырви мне язык -
я говорю, что завтра медный бык
приснится человечьей голове,
и взгляд его из медно-жирных век
проводит путь идущих, уходящих...
Над скинией все те же день и ночь,
восходит смрад или лежит у ног,
сворачиваясь в клубы и клубки -
бык топчет змей и жертву ест с руки.

О, ты придешь из множества погонь,
дитя с наградами, при серебре погон,
с плохой отметкою родных могил,
о, если был ты, Бог России, был,
О, если ты вернешься - помоги!

Но дым не принят, не свершен обряд,
в стране кумирни без толку горят,
и смотрят русские, что Бог явился зря -
зря пройдены промерзшие моря,
и зря опалены стволы купин,

и зря, еврейка, твой родился сын -
дитя-калека, средь других детей-калек -
чтоб стать зеро - распятый человек.

"Когда мы знание несли в чужой земле,
детей мы видели, копавшихся в золе,
святынь отцов, кумиров праотцов...
Забава внукам.
Того убожества рассеян ныне прах -
У божества Расеи нет Днепра,
куда бы сбросили его, когда придет
незванный Бог!"

Вернулся Бог и принят был к столу.
Вернись, я бы - пересидел в углу.
Меж слов любви /но разве я вернусь -
я жизнь живу назад/.

Люблю смотреть на Бога из угла,
как ты ему умыться подала,
как предал ты его, как и любой,
как предан ты ему, а он тобой.
Пока ты поклоняешься быку,
я, как лоскут, делю свою тоску
меж Палестиной и Россией, и еще
чтобы остались две следы со щек.
Я говорю, оборотясь вперед,
что если кто не умер, тот умрет,
то если кто не умер - тот живет.

Так я спускаюсь лестницей скорбей.

"Мы продолжаем путь из тлена в тлен,
ползем, не утирая прах с колен,
наш путь меж полночью и часом - во вчера,
и ножевая близится пора.
При приближеньи нерчинского льда
нам отомстится Вифлеемская звезда,
и ревом меди отзовется бык,
нам отомстится бедуинский бедный быт,
нам отольется раздвоение любви -
с груди взлетают пули! И Давид
берет пращу не с камнем, но звездой
и обернется нам бедой,
что там не камень - память! и вотще
он раскрутил звезду в своей праще.

Нам отомстится прошлогодний Босх,
декабрьский Бах и христианский Бог
с клеймом разбойника, Майданека тавро
и расщепленное по случаю ядро,
и бык, и Божее зеро".

3

АГАРЕЯНКА

Е.Г.

Ручьями рук твоих, ручьями рук,
венчая лик, несчастия утру,
твоей омытый речью не умру,
любовью зрячей, я вчерашний сброшу труп
змеиной кожицей сухою.

Но черной истекая жизнью - тьма!
наощупь плачу - и опять зима;
раскрыта нами ее белая сума
с расцветом, с пустоцветом наших бед.
Агареянка, это плачу я тебе,
от мачехи мне данная сестра.

Увековечен я открытием отрав
еще не выданных:
кровосмешенье зимних трав -
я просыпался, и я снова умирал.
Россия, женщина, прекрасна тварь твоя -
возлюбленная, девочка, змея,
жена моя, я знанье забываю!

Я умирал: скажи, скажись, кажись!
Я умирал от раздвоенья - жизнь-и-жизнь.
Но венам трудно течь двум струям лужи.
Вселенной рук ничтожно вечно жить.
Да - Агасфер! Да, будь он проклят /как и был!/
ты знаешь как, а я уже забыл...

Возлюбленная, я, оплаканный, воскрес -
вот через жизнь идет, болит разрез -
цепляет могендовид жадный крест,
рассвет две ночи делит, разделяет.

Россия, женщина, ты плачешь у груди,
возлюбленная, я ведь был один,
один - две жизни, и меж них клинок -
на том ноже тоска моих длиннот,
я одинок, как был, зачем ты плачешь...

- "Ну, что ты, господин пустыни всей,
зачем ведет вас сумасшедший Моисей,
коль рук отчизны не покинуть вам,
коль кровь течет по русским именам,
идете вы, минуя год и год,
сосать закаты тычется восход,
и ваше бегство называется исход.
Изгнанничества сладкая болезнь.
О. как сладка избранничества лень,
о, как низка подвижничества лесть...

По лестницам томительных утрат,
ступеньками считая дни наград,
с тобой спускаемся мы в разоренный сад,
пустыней кажется нам израстанье лет,
а мачеха сурово смотрит вдаль,
не видя нас, туда, где снег и пыль
степей, пустыни, да и просто вслед".

... Сочится нежность, чтоб скопиться на груди.
Еще я не жил - вновь рожденье впереди,
не прожита еще тоска моя в тоске,
не на ноже рука твоя - в руке.

Любовь моя, ты дремлешь - слышу я,
как трудится подслеповатая швея,
как черношвейка гладью льет стежки
и вышивает ощущение руки
в руке моей.

И вновь круговращение сердец,
и гениальный во молчании певец
проходит, как прошел его отец,
и дед, и прадед -
что ж сухи твои глаза,
любимая, я жизнь живу назад.

Я год смотрю на Бога из угла,
как в круг деревьев возвращается зола,
сам - лезвие раздела двух немот,
сам линия разреза двух темнот;
стихает речь моя, стекает по ножу,
и, кажется, я белым садом прохожу -
сад сновидений, где видений нет.
Ты и Россия смотрите мне вслед,
в пустыню, в даль, где снег, и путь, и пыль.

4

ВИТЕБСК

Пока дым жертвенный влетает в облака,
пар наших голосов застлал века,
прикосновеньем языка судьба горька
на вкус, конечно же, на вкус! Пока
цитата как цикута за строку,
пока мы поклоняемся быку,
пока язычничаем, бальзамируем вождей,
на память, чтобы не забыть подножье где
окровавленной пирамиды бытия,
пока кремируются впопыхах жрецы отцов,
усатой мумии червивое лицо
пока желтеет сквозь граниты и года -
он спрятан - но не навсегда,
но сладкая подземная вода

не допускается в свинцовый саркофаг -
он, из гробницы выгнанный мертвяк,
заботами не тлеет в мертвяка,
пока не время жизни и пока
мы просим совести у Бога и других -
над Видьбой пар. И город Витебск тих.

"Диаспора не знает берегов,
лишь плеск полушагов, полуслогов,
лишь выброшены в мир тела вмерзать
в лед вековой, лишь прячутся глаза,
куда их спрятать, как не в ночь, не в сон -
две каждых жизни тянут в унисон:
какое гетто это поднебесье нам,
а прочий мир живет по сторонам.
Какой там мир, когда мы сами миф,
и в лед посеяв и из горсти раздарив,
нас Бог забыл. Себя мы забываем".

Покрыты изморозью одеяния бедняг.
Бастарды, выродки, бедняк и не бедняк
мы шли по рвам в процессиях теней,
по витебскам, по родине, по ней,
которая следит глазами пар...

Как здесь детей быков гонял Макар,
как шли они по коридору псов -
и взгляд свидетеля был заперт на засов -
потом был ров.

Провой молитву, в Бога не поверь,
вернись, опомнись, - не прочна ли дверь,
прижмись к святыне,
ветх храма кров,
Салоники, Варшава, Могилев,
ах, Белоруссия, как ты впитала кровь!
Потом был ров.

Мне представляется такое по ночам,
когда над витебсками звездная печаль,
уже когда мне гордости не жаль,
когда мне горло страх холодный сжал -
цепочка могендовида блестит.
Цепочка рвется - звездочка летит.
И над Двиною пар стремится к небесам,
и надо мною - я веду по волосам,
к глазам спускаюсь смежить, слышу кровь...
потом был ров.
О гетто вечное, сойди в него, не трусь,
чьи пепелища остеклила грусть,
кого ты провожала, Беларусь!
кто не пришелся ко двору, к юру, ко рву?
затем цепочку я в который раз порву,
но не прерву.

"Всегда мы были, пасынки земли,
всегда мы чудились в тени больных столиц,
мы странного желали, наделив
воспоминаньями чужими. Мы прошли,
мы - миф!"

Пар над Невой, все не остыть Неве,
и над Невой обнялись тени две,
но где изгой я и гонитель где?

Россия, я ль просил щедрот твоих,
и разве я убил послов твоих,
пел средь твоих сомнительных пиров
я?

Неба черный ров
глотает пар, относит тень мою.
Благодарю, что я у вод твоих стою,
твоих, Германия, Россия, Иордан!
Изгнанья век мне для изгнанья дан.

Над Видьбой пар. Господь не взял даров.
Потом был ров.

5

СКИНИЯ

"Мы брошены на произвол ума.
Недостижима высота с холма,
недостижима высота с горы,
непостижимы правила поры
убийства и порядка.
Кто из-под наледи услышит стон травы:
"Мы так же виноваты, как и вы..."

Но вот и небо! Из-за головы
несется пена мюнхенства Москвы,
пивная пена, желтая, как смерть,
как кровь червей, как горла ствол в тесьме.

"Где небо снизится, опустится куда,
желт наш рассвет, такая же звезда
на лацкане страны была всегда,
но не горела, а чадила, догорая".

Над Скинией декабрь торжества
по случаю клеймленья божества,
по случаю рождения божка,
по случаю поения быка,
по случаю... я не из далека, -
я из последних сил отпугиваю явь.
Наверно смертен я.

Над высотой Щиты Давидовы горят!
шатер на холме слов - и стены только взгляд.
Огонь задут, и под щекой земля -
затем и помолюсь, что смертен я.
О, Скиния, походный нищий храм -
Господь не взял даров, Бог не явился нам.

"Мы ждем числа, как знака разных вер,
по одному сдувает с неба ветер,
когда мы просим на пустом холме,
когда мы молимся, все зная на земле".

В ладони - протяни - не тает снега ком
не камень там - разжатым кулаком
как небу угрожать... и оглянись:
шатер на холме слов, и значит - смотришь вниз.
Всего-то счастья... У кого просить?
Крупою снежною, не манной, жизнь просыпь,
небесной солью с миром поделись,
на холме слов все означает - вниз!

Что воздается - возмещается сполна:
пустая Польша - знает ли страна
камней Варшавы - это память сочтена
ее, и не взойдет уже она.
Пустая Польша помнит ли ворон,
слетевших в гетто - из ее ворот
ушли лишь души, но лежат тела.
Пустая Польша, ты молчишь до тла,
пустая Польша, наших тел зола.

А что же мальчик, где ж твой автомат?
Нет, это нож, но где твой автомат,
нет, это сон, но где твой автомат?
Над высотой Щиты Давидовы горят,
шатер на холме слов, а стены только взгляд.
Над СССР кружатся вечера.
В молчании свершается пора,
молчанием свершается обряд
убийства и порядка.

"Мы кинули себя как соль в угли.
Жить не могли, но умереть могли,
и мы живем! И жжение огня -
ничто, когда мы, в ранах сохраня
соль - снова сыплем в пищу варварья!"

И этим смертен и бессмертен я.

На углях соль. Посыпан солью снег.
Не растопить весь снег на свете? - нет,
не в силах ни народ, ни господин.
Не взял Господь даров - и дарящий, один,
всегда один, все тянется с холма...

Не достижимо. Холодно. Зима.

6

НЕРЧИНСКИЙ ЛЕД

На наших кладбищах лежат снега, снега.
Перебирает волосы пурга.
И чья судьба валяется в ногах
империи, раскосой суки.
На кладбищах снега, снега в душе живой.
Оглохшие, мы свой внимаем вой,
евреи, русские, - не разойтись домой -
нет дома нам, и разве голос мой
один бездомен в этом мире?

И, поспеши, успей свое скорей!
Слепой, беги слепых поводырей,
и кто в России нынче не еврей,
и кто не бесприютней Агасфера!

Кто не промерз от златоносных руд,
кто не лизал от мертвых губ иуд,
кто не сносил, не выносил немот,
кто не ушел
или бежал в Исход.

"Да, мы изганники из памяти своей,
да мы изгнанники из семени семей,
мы изгнаны из всех веков земли,
да, мы бежим, теряя след вдали,
от собственных воспоминаний и от слез,
от детства наших отроческих грез,
и от угроз бежим.
Нет братьев нам и нет сестер у нас,
и дети наши проклинают нас,
и нам не стыдно нас, не стыдно нас.
Мы в плоти человеческой взросли.
Родство кровавое за это в нас болит.
Мы изгнаны, мы избраны и вот
мы собраны и мы идем в Исход.
Нам память - Родина, мы из нее идем,
чтобы отлиться кровяным дождем,
не исчезая, впитываясь в наст,
и плоть чужая вновь сливает нас!
Ведут нас боги - изгоняем их,
ведут дороги - мы проходим их,
и новою нам кажется заря,
когда вернулись мы к исходу декабря,
и снова начинаем путь круженья.
Пустыня белая от снега - вот наш путь.
А запах сладкого побега полнит грудь,
пустыня снежная пред нами навсегда -

за нами годы, годы и года,
и страшные пустые города
за нами.
А где вступили мы - взойдет трава,
согретая злой плотью естества -
где мы прошли - там пиршества травы,
где ляжем - пантеоны или рвы,
где мы прольемся к декабрю своей судьбы.
Да, прадедами - нам ли их прощать? -
раскручена свободная праща
со всеми нами, и слетаем мы
навстречу тьме, навстречу тьме из тьмы.
Россия нас отторгнула, она
не захотела вечного зерна
от Божьих опустелых закромов.
И не взойдет трава. И ляжет ров
через пределы мертвых городов.
А мы идем в предчувствии судьбы,
и только благодарные за то,
что Нерчинский или другой восток
всегда за нами, никогда пред нами.

7

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Евреи человечества, мы миф -
мы снежная поземка, или мы,
мы соль небес - рассеяны в миру,
мы маним, мы зовем, но только труп
в холодном поле ложью не грешит -
и такова Диаспора души.

Вот мы по лестнице надежд сошли на нет,
и стонет снег, прослышав про рассвет
за нами - вновь я признаюсь в родстве
тебе, земля чужая.

Обетованная Земля в границах стран
изгнания, рассеянья, но дан
обет вести в нее. Так в Ханаан
входило стадо, не вошел пастух-пророк -
жестокий Бог, ты милосерден, Бог!

"Мы знаем смерть, но это впереди.
Сын, ты войдешь, сказав жене: роди!
и ляжешь, шар Земли приняв к груди,
и сын твой оглянется на тела,
и вновь Дорога-Родина бела,
и ветер носится, поземкою пыля,
вой, горизонт: "Обетованная Земля
пред нами!"

Когда же знанье, хранимое от числ,
найдет слова свои, и плоть, и смысл,
круги блужданий разомкнутся в декабре
и в город идолов на медленной заре
вернемся мы".

Когда же все желанья утоля,
я обниму тебя, прижмусь к тебе, Земля,
любая, снежная, пустыня, белый свет -
скажу: земля, я выполнил обет,
впусти, Обетованная Земля!
Ответь мне - "нет!"

Обетованная Земля
ответь мне "нет".

"Да, мы изгнанники из памяти своей,
да мы изгнанники из семени семей,
мы изгнаны из всех веков земли,
да, мы бежим, теряя след вдали,
от собственных воспоминаний и от слез,
от детства наших отроческих грез,
и от угроз бежим.
Нет братьев нам и нет сестер у нас,
и дети наши проклинают нас,
и нам не стыдно нас, не стыдно нас.
Мы в плоти человеческой взросли.
Родство кровавое за это в нас болит.
Мы изгнаны, мы избраны и вот
мы собраны и мы идем в Исход.
Нам память - Родина, мы из нее идем,
чтобы отлиться кровяным дождем,
не исчезая, впитываясь в наст,
и плоть чужая вновь сливает нас!
Ведут нас боги - изгоняем их,

Страница оригинала. Фото. Текст см. на стр. 172 настоящего тома.

Н А Ш И И Н Т Е Р В Ь Ю

ОТВЕТЫ Г.М. ШИМАНОВА
НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ЖУРНАЛА "ЕВРЕИ В СССР"

ШИМАНОВ Геннадий Михайлович родился в 1937 году, приобрел известность как в СССР, так и на Западе своими "Записками из Красного Дома", в которых описал пребывание в психиатрической больнице /он был помещен туда за свою религиозно-общественную деятельность/. Впоследствии, примкнув к зарождавшемуся русскому национальному движению, Шиманов стал одним из лидеров его религиозного крыла, занимая в нем, однако, особую позицию по ряду принципиальных вопросов. Статьи Шиманова распространялись в Самиздате, они публиковались в журналах "Вече", "Земля", Московский сборник. Печатались его работы и в ряде зарубежных журналов на русском языке /"Вестник РСХД", "Православная мысль", "Новый журнал" и др./.

ВОПРОС: Геннадий Михайлович, вас многие считают антисемитом. В то же время приходится слышать, что Вы еврей. Что Вы на это скажете?

ОТВЕТ: Ну, начну со второго, еврей ли я. Нет, не еврей. По крови я чисто русский. Родители мои из государственных крестьян Рязанской губернии. Отец, Михаил Филиппович, в детстве и юности пахал землю. Мать, Татьяна Сергеевна, тоже крестьянствовала. Некоторые считают, что у меня еврейская фамилия, но я на это не знаю, что ответить. Разве лишь то, что на родине отца в селе Незнаново Кораблинского района многие носили такую фамилию, только звучала она там несколько иначе - Шиманóвы. Что она означает, я не знаю, но если в ней обнаружится действительно нечто еврейское, это не обескуражит меня. Иван Ивановичи Ивановы ведь тоже имеют некоторое касательство к евреям. Впрочем, вот небольшая справка, любезно составленная для меня Л. Ибрагимовым:

> По поводу гипотезы о происхождении фамилии Шиманов от слова "шема", начального слова известной еврейской молитвы. В русском языке неизвестны случаи произведения фамилий и каких-либо слов от еврейского глагола "шема". В доступных этимологических словарях, справочниках по ономастике и энциклопедиях русских /или заимствованных/ слов с подобной корневой основой нет. В то же время в русском языке существует практически забытое в бытовой речи слово "шима", означающее: верх, темя, верхний лопатный сноп на скирде /В. Даль, Толковый словарь русского языка/; "шимы" - растрепанные волосы /М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка/.
>
> Это слово бралось для основы прозвищ и фамилий. В начале 17 века в Нижнем Новгороде жил упомянутый в письменных документах кузнец Иван Шима /С.Б. Веселовский. Ономастикон/. Известны фамилии Шимин и Шимко, носителями которых были русский и украинец. По данным энциклопедии

/БСЭ, Брокгауза и Ефрона, словаря Гранат/ и Русского биографического словаря А.А. Половцева, существовало много известных людей по фамилии Шимко, Шимкевич, Шиманский. Нет ни прямых, ни косвенных указаний на то, что эти люди были еврейской национальности. В прибалтийских странах встречалась фамилия Шиман, носители которой имели типично немецкие имена /Карл Христианович, род.1763, врач-гигиенист; Теодор, 1847-1921, известный историк - Словарь Половцева и Гранат/.

В Амурской области шимановцами зовут жителей Шимановского района /центр - г.Шимановск на реке Зея/ - Словарь названий жителей СССР, М.,1975.

В Можайском районе Московской области есть село Шиманово /памятники архитектуры Московской области, т.2, М.,1975/. Существует также уменьшительное имя Шима /Шимка/, являющееся искажением уменьшительного Фима от полного православного имени Ефим /греческое "благочестивый"/ - Н.А.Петровский, Словарь русских личных имен. М.,1966.

Довольно широкое распространение фамилий Шиман, Шимко, Шимкевич, Шиманский в России, на Украине, в Белоруссии, Литве и Польше дает основание предполагать, что все они, как и фамилия Шиманов, происходят от общеславянской первоосновы, смысловое родство которой с русским словом "шима" весьма вероятно. Формально нельзя также отвергать и предположение о происхождении фамилии Шиманов и Шишманов в результате опускания при произношении третьей буквы /Шишман - с тюркского "толстяк"/. Таким образом, существует довольно обширный материал, из которого с очевидностью следует, что гипотеза о происхождении фамилии Шиманов от еврейского "шема" несостоятельна."

Что касается моей внешности, то, несмотря на несомненную чернявость и длинный нос, она никак не еврейская. Приглашаю знатоков для освидетельствования. Характер мой, - и это подтвердят более или менее знающие меня, - тоже совсем не еврейский.

Вот и все, что я могу сказать в свое оправдание.

Впрочем, я не открою большого секрета читателям, если чистосердечно признаюсь в том, что все мои доказательства не стоят и ломаного гроша. Они не только ни в коей степени меня не оправдывают, но, вообще-то, говоря по совести, свидетельствуют против меня. В самом деле, не надо быть тонким психологом, чтобы понять: сомнения сомневающихся от них не исчезнут, а только получат новую пищу; уверенность же уверенных только окрепнет. "Подозрительно то, что он оправдывается", - скажут одни. "Значит, рыльце в пушку", - добавят другие. "И вы ему верите?" - удивятся третьи. "Ну, нас-то не проведешь!" - усмехнутся четвертые. "А не съездить ли нам в это Незнаново?..." - предложат пятые. "Ну, хорошо, Генмих,[*] - примирительно скажут шестые. - А теперь скажи нам правду: ты еврей?..."

Вот что значит настоящая, добротная вера! В основе своей она не только свободна, но даже, по-моему, чуточку и капризна: встречая препятствия, она не утихомиривается, а наоборот, норовисто разъяряется, после чего остановить ее невозможно уже никакими силами. Все доказательства становятся призрачными, и она пролетает сквозь них без всякого зазрения совести, как нейтрино через

---

[*] Геннадий Михайлович.

толщу свинца. Это гениально подметил еще Тертуллиан, замечательный христианский мыслитель. "Кредо квиа абсурдум эст", - сказал он и тем посрамил все убогие ухищрения фактов.

Я сам до мозга костей являюсь убежденным тертуллианцем, хотя надо признать, что в данном случае его открытие оборачивается против меня. Так часто бывает в этом лукавом мире. Сначала восхищаешься чем-то, разинув рот, а потом это же и пришлепнет тебя, да еще и пошутит при этом. Но здесь уже ничего не поделаешь, надо принимать жизнь как она есть и по-прежнему восхищаться тем же, иначе можно прослыть беспринципным человеком. И вот, по-прежнему восхищаясь чудесной способностью веры, я даже спешу на помощь к своим противникам с одним добрым советом. Поскольку вопрос о моей национальности занимает столь многих, что даже редакция "Евреев в СССР" решилась уделить ему свое внимание, то почему бы, заботясь о немотствующих и вообще в интересах дела, не отчеканить ответ на него в краткой и ясной формуле, понятной даже ослам?.. Например, так: А еще веруем, что Шиманов это еврей...

Право же, в этом моем предположении нет и тени насмешки, как, вероятно, покажется некоторым, а только самая участливая забота о лучших людях нашей страны, с таким трудом вырабатывающим свой бестолковый, но все же, очевидно, священный для них символ веры.

Однако закончу я эту тему /и надеюсь, что возвращаться к ней не придется/ вот такими, тоже тертуллиановскими, словами: какой бы ни оказалась моя фамилия /боюсь только, что она окажется все-таки русской/ и кем бы я ни оказался в результате самых кропотливейших исследований моих недругов - евреем, турком или индейцем, - я истинный русский человек, потому что сам себя таким полагаю и, кроме того, любовь моя навеки принадлежит этому человечнейшему народу.

А теперь перейдем к первой половине Вашего вопроса. Антисемит ли я?.. При всем моем уважении к евреям должен сказать, что я действительно антисемит. Причем, не буду скрывать, из самых худших. Не из тех, которым радуются, потирая руки, отцы и учителя сионизма, а из тех, на которых они скрежещут зубами и, так сказать, топают ногами в глубине своего сердца. Дело в том, что я добрый антисемит, крайне опечаленный этой враждою, и все-таки антисемит... Антисемит, увы, поневоле... Ну, какая уж тут воля, судите сами: начни я вас уверять, что никакой я, братцы, не антисемит, а совсем даже и т.д., - и вы мигом же все сообразите и счастливо улыбнетесь. Ишь ведь, как вывертывается, а?.. Почему же улыбается так подозрительно?.. Почему прячет улыбку?.. Да он же Мандельштама не признает!.. А говорит, что не антисемит... Так что, в предвидении того, что начнется обычный балаган, лучше уж в самом деле не прятать улыбки и сознаться во всем честно: антисемит я, братцы, антисемит. Таким уж меня мама родила. Что делать.

Но поначалу - что оно значит, само это слово "антисемит"? Задумываться об этом считается дурным тоном и даже хуже того - отвратительным в нравственном отношении преступлением. С женой чужой переспать можно, это простительный грех. Да и грех ли?.. Задумываться о том, есть ли Бог?.. Или нет Бога?.. - задумывайтесь сколько хотите. За это вас никто не осудит, а многие даже похвалят и назовут мыслящим человеком, Иваном Карамазовым и т.д. Тут позволяется только наследовать благородный интеллигентский инстинкт: услышал слово "антисемит!" - и сразу шерсть дыбом. А если и не встает она по неразвитости, то

надо сознательно себя приучать к тому. Иначе затопчут вас развитые и просвещенные своими копытами, и останется от вас одно мокрое место. И так отучили нас от всякого свободомыслия насчет евреев, так приучили вздрагивать и пугаться при этом слове, что даже сами антисемиты - стоит им оказаться на виду у всех, под прожектором, так сказать, общественного мнения, - сразу же свои рожицы из самых ретроградчейших переделывают на самые прогрессивнейшие и начинают заученно и однообразно долбить: "Да мы же не антисемиты... Мы хорошие.. Мы сами осуждаем антисемитизм..."

Вот ведь до чего вы, евреи, довели несчастных антисемитов!.. Заставили их самих себя осуждать... А?.. Да разве ж это гуманно?.. Воистину жестоковыйный народ.

Но давайте прикинем, выигрывают ли сами евреи от этой своей жестоковыйности. Думается, что если и выигрывают, то самую малость, а вот по большому счету все равно проигрывают. Ибо антисемитизм все равно остается и только вынуждается пользоваться лояльными обличиями для отнюдь не лояльных целей, он обрастает лицемерием и хитростями, двусмысленностями и недомолвками, которые совсем не способствуют оздоровлению нравственной атмосферы и выяснению истины; наоборот, они делают атмосферу еще более мутной, болезненной, подозрительной и губительной для жизни в Боге. Конфликт двух сторон - почвенной нации и беспочвенных евреев - в такой атмосфере не раскрывается во всей своей религиозно-нравственной сложности, а это значит, что не открывается и возможность разрешения конфликта на самой желанной - истинно человечной основе. Но только такое истинно человечное разрешение могло бы духовно просветить всех, явилось бы выгодою по самому большому счету и как бы общим благословенным причащением единой Божией Правде.

Итак, попробуем разобраться, что же такое антисемитизм?

Но прежде этого вернемся опять-таки к смыслу этого слова. Что это значит?.. Предполагается, что антисемит - это человек, выступающий против евреев. Почему выступающий, как выступающий - справедливо ли выступающий или несправедливо - все эти мелочи и подробности словом "антисемит" отвергаются сходу во имя главного как совершенно ничтожные или, лучше сказать, совершенно бессмысленные, т.е. не относящиеся к делу. Какие могут быть еще подробности, если кто-то выступает против евреев!... Такова настроенностъ слова "антисемит" и, естественно, слова "антисемитизм" тоже. Этими двумя словами предполагается, что против евреев выступать нельзя ни в коем случае!.. Евреи всегда правы и всегда прекрасны /ну, за исключением частных случаев, разумеется, которые ничего не доказывают/.

Все потаенное содержание слова "антисемит", закамуфлированное нарочитой неясностью и двусмысленностью, которые спасают это содержание от разоблачения и смерти. В самом деле, открыто провозгласить такое, т.е. то, что евреи всегда правы и против них нельзя выступать ни в коем случае - значит не только обнаружить собственную глупость и еврейский расизм, но такюе дать пищу всевозможным шутникам и вызвать законное возмущение "местного населения", а вот заключить эту глупость и этот расизм под покров двусмысленности и придать этой двусмысленности характер нравственного негодования против мерзавцев, выступающих против самой истины и добра... Это вполне подходящая затея.

Разумеется, даже то, что я вот обнажаю сейчас тайное содержание слова "антисемит", должно свидетельствовать о моем закоренелом антисемитизме. "Зачем

обнажаешь?.. Ты же тем самым выступаешь против евреев!.." Не сомневаюсь, что именно так и будет понято и истолковано многими мое рассуждение об этом слове /"не рассуждать!.."/, но это-то как раз и подтвердит верность моего наблюдения.

Итак, надо либо отказаться от этого тайного и лукаво маскируемого содержания, отказаться по существу, признав тем самым, что и евреи как нация могут /как все прочие, разумеется/ быть несправедливы, грешны и враждебны другим народам, чей антисемитизм, стало быть, до известной степени оправдан в качестве защитной реакции против евреев, - и тогда откроется возможность для действительно человечного осмысления судьбы как ёвреев, так и нееврее в; либо надо прочно держаться за идею еврейской непогрешимости и еврейского превосходства, всячески вуалировать эту идею и, сочетая ее с самым диким комплексом самоутверждения, превращаться в силу, все более непроницаемую для человечности, в силу разрушительную, в истинно носорожью силу.

А теперь поясним свои слова о "защитной реакции" против евреев. Что они значат?.. Если нация, как и семья, есть организм /а это несомненно/, то из этого следует, что ей свойственно, пока она здорова, усваивать инородное, ассимилируя его в себе, или извергать то, что не поддается ассимиляции. Одно дело - выпить стакан молока, другое дело - стакан керосина. Одно дело - съесть яблоко, другое - проглотить иголку. Евреи в силу своей неспособности к ассимиляции оказываются, таким образом, организмом в чужом организме или, как писал Достоевский /тоже антисемит, между прочим, хороший, по мнению многих евреев/, государством в государстве. Та знаменитая взаимоподдержка евреев, которая для них так характерна и с такой привлекательной стороны их характеризует, направлена объективно против того народа, в среде которого они обитают. Думать об этом среди евреев не принято, что и понятно: пользы от подобных раздумий никакой, а только одни неприятности. Поэтому мысли еврейские и еврейские глаза направлены в совершенно противоположную сторону, к картинам сладостным и полезным. Но что будет, если тот народ, против которого направлена еврейская солидарность, попытается тоже, хотя бы подражая евреям, развивать в себе взаимоподдержку ради, естественно, самозащиты, т.е. опять-таки объективно против евреев?.. О, вот это будет уже выглядеть в глазах евреев не прекрасным качеством, а прямо-таки мерзейшим, заслуживающим проклятий и самого полного искоренения. Двойная бухгалтерия настолько вошла в обиход еврейского миросознания, что оно этой бухгалтерии даже не замечает, хотя и пользуется ею с удивительным изяществом и большим удобством.

Но что же получается?.. Поскольку евреям не удается разложить до состояния навоза ни один народ, и ни одному народу не удается, в свою очередь, ни ассимилировать евреев, ни вытолкнуть их из себя, ни нейтрализовать их разрушительное влияние, то в результате оказывается мучительная для обеих сторон, глухо урчащая и неперестающая борьба: почвенный организм страдает от рези и головокружения, причиняемых ему инородным малым организмом, а этот последний ощущает на себе малоприятное, а иногда и нестерпимое давление /"дискриминацию"/ большого организма, не желающего стать почвой /навозом/ для беспечального процветания еврейства. Евреи, как правило, не склонны оценивать объективно свое положение, но зато чутко улавливают всякую дискриминацию /по отношению к ним самим, разумеется/ и не устают бороться против нее, стараясь парализовать почвенную нацию "ради ее же собственного блага", ибо для них ее благо удивительно точно совпадает с их собственным благом /в этом, по-видимому, проявляется не та сторона евреев, которую отождествляют с хитростью, а

та, которую трудно не отождествить с прямо-таки младенческим простодушием/. По мнению евреев, защитная реакция против них характеризуется не только невыгодою для них, но еще и онтологической неправдою, что может только усиливать ярость против нее: "Не смей защищаться!.. Это беззаконие!.. Это мерзко!.. Не смей защищаться!..". Но, порицая евреев за недостаток высшего сознания, как удержаться от подобного же порицания и коренных народов?.. Ведь они же фактически говорят нечто подобное: "Вы - паразиты!.. Вы разрушаете нас!.. Убирайтесь к дьяволу!.."

Каждая сторона, как видим, по-своему права и неправа одновременно, каждая смотрит на ситуацию исключительно со своей стороны, забывая или даже не желая войти в положение своих собратьев. Евреям нет дела до того, что их щупальцы, въедающиеся в чужие организмы /евреи называют это "еврейским вкладом" в чужую культуру/, бескровят и душат последние, а народам почвенным /которых некоторые еврейские идеологи любят называть просто-напросто "местным населением", приближая тем самым их по-видимому, к фауне/ нет дела до того, что евреям-то просто некуда деться, они обречены Божьим Промыслом на скитальчество среди других народов и по чужим родинам.

Народам почвенным нет дела до того, что Божий Промысел, отказав евреям в истинной вере и в родимой земле /не без мудрого, несомненно, умысла, - чтобы не привнесли евреи в христианство столь укоренившееся в связи с богоизбранностью надмение, которое по сокровенной логике вещей должно преобразиться в конце концов в мудрое понимание и любовь/, сделал это отчасти и ради самих язычников, которых устами апостола Павла сразу и предупредил о том,чтобы они, бывшие язычники, не гордились перед евреями, не принявшими Христа, а соблюдали всякую правду, что по отношению к евреям должно выражаться в мудром понимании их обстоятельств и опять же в неумирающей из-за преходящих ожесточений братской любви. Бог отказал евреям в истинной вере и в родимой земле, чтобы не только смирить евреев, но также и для того, чтобы народы почвенные могли по-братски поделиться с евреями тем и другим, дабы таким образом упразднились с обеих сторон причины к взаимному превозношению и недоброжелательству. "Се, оставляется дом ваш пуст", - это было сказано для того, чтобы уже не через евреев вошла Правда в мир, а для того, чтобы через мир, т.е. через иные народы, вошла Правда в евреев.

Только на основе общего взаимного смирения во Христе и освобожденной смирением и мудростью любви возможно истинно-человеческое /оно же и истинно-христианское/ разрешение так называемого "еврейского вопроса". Евреи должны признать, таким образом, существенную законность антисемитизма, а почвенные народы, напротив, его существенную незаконность, и вот только на основе такого взаимопонимания и общего возвышения над преходящими обстоятельствами и преходящими ожесточениями будут утверждены и высшее человеческое достоинство, и осанна великому Промыслу Божию, который "всех заключил в непослушание, чтобы всех помиловать" /Рим. 11, 32/.

"О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!
Как непостижимы судьбы его и неисследимы пути Его!.."

Присоединимся же и мы, русские и евреи, к этой великой осанне, дабы не стать отсеченными от самой Правды.

Но, выразив этот общий принцип, я не решаюсь высказаться поподробнее на-

счет того, каким оно должно быть, это христианское решение вопроса. Ясно, что почвенные народы должны будут поделиться своею землею /памятуя о том, что по-настоящему-то вся земля - Божья/, уступить евреям необходимую для достойного проживания "почву" /не лучшую, думается, но и не худшую по сравнению с той, которой владеют иные коренные народы/, а евреи, в свою очередь, должны будут локализоваться и жить автономной национальной жизнью, имея возможность для всемирного еврейского единения, но без вмешательства в национальную жизнь остальных народов.

Итак, локализация еврейства и его культурное единение во всемирном масштабе, полное развитие сугубо еврейской национальной культуры без какого-либо вмешательства в чужую жизнь иначе как по взаимному любовному соглашению.

Вот, в основном, и все, что я могу сказать о своем антисемитизме, столь проницательно подмеченном проницательными евреями.

ВОПРОС: Что Вы думаете о сионизме?

ОТВЕТ: Мне кажется, что в сионизме нет большого, нет истинного осмысления еврейской судьбы, хотя есть очень страстная попытка ее осмыслить. Далеко не случайно то, что в сионизме делается упор на национальный аспект еврейской проблемы, но отнюдь не на религиозный. В сионизме религиозное следует /лучше сказать - волочится/ за национальным, отчего еврейская проблема теряет сразу всю свою небесную природу и становится проблемой исключительно земной и даже отчасти /да простят мне завзятые сионисты/ грязной. Государство Израиль, созданное сионистами, это далеко не решение еврейской проблемы хотя бы потому, что множество евреев из этого государства бежит, а еще величайшее множество и не помышляет туда ехать. Что в этом отношении положение как-то изменится в будущем, надежд очень мало. К тому же /и это главное/, не может быть решена величайшая в мире еврейская проблема на основе бесчеловечного изгнания арабов и в условиях безбожной культуры. Бесчеловечность к арабам и бесчеловечность самой нынешней культуры, механически перенесенной с Запада и по-настоящему не преображенной в религиозном духе, согласно сходятся друг с другом и свидетельствуют равным образом о неудаче сионистского решения еврейской проблемы.

А каким это решение, с моей точки зрения, должно быть, я уже отчасти сказал выше. Отчасти, потому что, во-первых, здесь веское слово должно принадлежать самим евреям и, может быть, еще, во-вторых, Богу, который любит иногда осуществлять неожиданное, обнаруживая тем самым незамеченную никем истину. Что же касается меня, то вообще-то я не считаю себя специалистом по еврейскому вопросу /корреспондент "Евреев в СССР" застал меня со своими вопросами врасплох/ и потому очень даже допускаю, что могут здесь быть важные тонкости, совсем не замеченные мною. Добавлю лишь то к высказанному ранее, что истинное решение еврейской проблемы возможно, по моему мнению, только в условиях всемирной христианской теократии, ростки которой для умеющих видеть обнаруживаются довольно отчетливо в Советской России. Поэтому надежды лучших сынов еврейского народа, как представляется мне, должны быть связаны не с государством Израиль, а с православным преображением Советской России, являющейся в настоящее время как бы духовным детонатором всего мира: рухнет Советский Союз, и рухнет весь мир в третьей мировой войне; преобразится Советский Союз в истине и любви - и преобразится вслед за ним лик всего мира, в том числе лик самих евреев. На этой почве у лучших сынов великого народа еврейского и лучших сынов великого народа русского возможно полное взаимопонимание и сотрудничество на благо всего мира.

Заканчивая свой ответ о сионизме, скажу так: в своем нынешнем виде сионизм не удался и не удастся, несмотря на частичные успехи - он слишком секулярен, и ему не хватает подлинно-соборного и вселенского благодатного дыхания. Многие нынешние сионисты, поразмыслив, это признают. Поэтому будущее сионизма мне видится в расколе: лучшая часть преобразится в Боге и целомудренном отношении ко всем народам Земли, прочие же окостенеют в своем безмозглом упрямстве против других народов и самого Бога любви.

ВОПРОС: Верите ли Вы в существование всемирного еврейского заговора или, как его еще называют, "жидо-масонского заговора"? И что Вы можете сказать о "Протоколах сионских мудрецов"?

ОТВЕТ: На первую половину Вашего вопроса не могу ответить односложным "нет" или "да", потому что мое мнение никак не вмещается в эти ответы.

Судите сами, можно ли доказать, что никакого заговора нет?.. Для подобного доказательства надо было бы не только знать всю подноготную всего мира, что никакому смертному никак не под силу, но, кроме того, иметь еще несомненную гарантию в том, что ты правильно понимаешь эту подноготную, что тоже, думаю, весьма затруднительно. Далее: всякие "доказательства", якобы доказывающие, что никакого заговора нет, ничто не мешает рассматривать как самые обычные ухищрения заговорщиков, старающихся получше замаскировать от глаз простоватого "населения" реальность существующего заговора. С учетом же того, что в предполагаемом заговоре в качестве дирижера участвует сам Сатана, надо признать, что маскировка может быть практически идеальной, т.е. способной ввести в заблуждение даже избранных.

С другой стороны, все "доказательства" наличия такого заговора являются убедительными лишь до известной степени, т.е. не очень-то убедительными. Та власть евреев, на которую обычно указывают, желая убедить в еврейском заговоре, может быть объяснена самыми тривиальными обстоятельствами европейской истории, в которой евреи оказались замешанными и в которой участвовали, как умели. Причем же здесь заговор?.. Учитывая, что у страха глаза велики, а сегодняшняя цивилизация, в которой господствуют евреи /не все, раузмеется, но социальные верхи еврейства/, лукава и бесчеловечна, можно понять попытку некоторых объяснить эту цивилизацию сознательной разрушительной деятельностью евреев. Но только почему же непременно сознательной-то?.. Гораздо легче и стройнее все это можно объяснить просто-напросто их беспочвенностью и неким роком, тяготеющим над ними. А если их деятельность была бессознательной, то причем же здесь "еврейский заговор"?.. В этом случае надо выражаться гораздо точнее.

И все-таки... И все-таки...

Итак, никакими внешними доказательствами невозможно ничего доказать в этом вопросе. Научный подход в этом деле бессилен. А потому - верь всяк во что хочет!.. Самая полная и сладостная свобода.

Но если нет никаких внешних опор для следования к истине в этом вопросе, то есть зато внутренние, различимые, правда, уже не для всех и связанные не с наукой, а с богословием. И хотя соответствующего раздела - еврееведения - в христианском богословии формально пока еще нет, это не значит, что его и не должно быть и что вопрос этот по-прежнему должен быть пренебрегаем.

Одна из внутренних опор заключается, думается, вот в чем. Если предста-

вить себе историю, даже новейшую, как результат злоумышленных махинаций евреев, то подобным представлением окажется перечеркнутым напрочь не только достоинство евреев, что вовсе не согласуется и не может согласоваться с христинаским сознанием, но также и достоинство всех нееврев, что тоже не может никак согласоваться с христианским сознанием. В самом деле, нееврейские народы в этом случае выглядели бы глуповатой, безвольной и безинициативной "массой", которую евреи водят за нос как только хотят.

Здесь сторонники идеи еврейского заговора неожиданно для себя оказываются как бы на крючке собственной удочки, они неожиданно оказываются в дураках, что в какой-то степени, по-видимому, и соответствует жестокой действительности. Чувствуется, что здесь истина мстит за себя: нельзя безнаказанно унижать чужое достоинство. Это в равной степени относится и к евреям, которые стараются при каждом удобном случае лягнуть чужое достоинство: воздаяние за это они получают. Значит, заключим этот абзац, идея еврейского заговора для объяснения нашей истории никак не годится, если мы не хотим уподобиться помянутым выше незадачливым рыболовам.

Народ, отвергший по Промыслу Божию /но и не без участия своей греховной воли/ Христа и потому лишенный промыслительно гармонизирующей почвы, в силу этих обстоятельств не мог не стать катализатором негативных процессов, происходящих в христианской истории. В подобном утверждении отсутствует обвинение евреев как нации /хотя при поверхностном отношении и известной горячности именно это и покажется некоторым/, ибо, во-первых, все грешны, не только евреи, а, во-вторых, подобная роль была определена евреям не без умысла Провидения, до известной степени усыпившего еврейское сознание ради бывших язычников. Однако как несправедливо было бы нам, людям, судить евреев за эту роль, так и несправедливо было бы умалчивать об этой роли. Как умолчание, так и несправедливое осуждение равным образом искажали бы истину и замыкали, таким образом, истинный выход из нынешних противоречий, связанных с еврейским вопросом.

А теперь скажем несколько слов об "усыплении", явлении далеко не малозначительном при разборе еврейской темы. Не придавать значения этому усыплению или трактовать его в качестве некоего нравственного или умственного превосходства над неевреями /особенно христианами/ было бы большой натяжкой, возможной лишь вследствии опять-таки еще не преодоленного "усыпления". Усыпление есть усыпление, т.е. некий недостаток, а не достоинство, это знак относительной смерти, т.е. утраты высшего сознания. Будь иначе - и нам пришлось бы хлопотать не о культуре бодрствующего сознания, а о культуре сна и сновидений, признаваемых высшей реальностью, почти в духе Фрейда и многих прочих еврействующих художников /кстати, апофеоз беспочвенности и бессознательности, в разных формах бытующий в современной безбожной культуре, в которой такое непропорционально огромное место принадлежит евреям, весьма характерен/.

Так вот, духовное "усыпление" народа еврейского не могло не действовать завораживающе на сознание христианских народов, лишь частично разбуженных Христианством от язычества к высшей жизни. Но могло начаться это еврейское влияние и раньше, чем народы христианские сами в религиозном и национальном отношении ослабли и разложились уже в достаточной степени, т.е. настолько, что их секулярная жизнь секуляризировала и еврейство, которое, таким образом, как джин из бутылки, вырвалось на свободу безбожной жизни и стало самым активным элементом в дальнейшем прогрессирующем процессе секуляризации.

Взаимовлияния Западного Христианства и "усыпленного" еврейства совершенно бесспорны, как бесспорно и то, что добрыми их назвать никак не возможно. В основе секулярности лежит ложная, внутренне порочная религиозность. Она была, с одной стороны, у западных христиан, этой основы прогресса, отказавшихся от целокупной Правды ради ее частей, неминуемо подвергшихся подобающему искажению; и была, с другой стороны, у беспочвенных иудеев, отказавшихся от Христа ради ложно понятого Закона, выполнить который они оказались в итоге не в состоянии. Вот эти два фактора, по внешности столь различные, а когда-то даже враждебные, но в глубине во многом родственные, и породили секулярную цивилизацию, перекинувшуюся на Россию и вызвавшую здесь в борьбе с исконно русскими началами Советскую власть.

Из сказанного можно, по-моему, вывести такое заключение: идею "еврейского заговора" следует во имя Христианства отвергнуть, но отвергнуть не ради глупого представления, по которому никаких заговоров вообще не может быть, а ради истинно христианского представления, по которому "тайна беззакония уже в действии" /Второе послание к фессалоникийцам 2,7/, и духи тьмы работают над созиданием черной церкви, которая /в противоположность ветхозаветной Церкви, подготовлявшей приход Христа/ должна подготовить приход Антихриста. Отвергнув идею "еврейского заговора", следует определенно говорить о сатанинском промысле в истории, к которому могут быть сознательно причастны лишь очень немногие из людей, а бессознательно - многие, хотя, разумеется, и не только евреи. Подобная идея будет не дезориентировать людей и не возбуждать болезненную подозрительность между народами /отчего выигрывать будет только Дьявол/, а даст возможность спокойного и глубокого взгляда на мир, свободного от пустой подозрительности, хотя и проницательного в высшей степени. Пути любви ни к одному человеку не должны быть закрыты, равно как и ни к одному народу.

Что же касается масонов и "Протоколов сионских мудрецов", то я слишком плохо знаком и с тем, и с другим, чтобы говорить что-то определенное. Не исключая того, что масоны, или синагоги, или сионизм могут иметь какое-то отношение к черной церкви, я и не утверждаю этого, ибо не имею достаточных к тому доказательств. Бросаться же безответственными обвинениями не хочу, - зачем отбивать хлеб у своих противников?.. Это было бы негуманно.

ВОПРОС: Как Вы относитесь к выезду евреев из СССР?

ОТВЕТ: Выезжают очень разные люди, поэтому и отношение у меня к ним разное. Что касается уезжающих ради большей сытости, то об этом и говорить, по-моему, не стоит. Они этого не заслуживают. Другое дело, когда уезжают ненавидящие или презирающие Россию, - их отъезд я приветствую. Он, думается, является благом не столько для России /еврейская ненависть и еврейское презрение нам уже не страшны/, сколько для остающихся здесь евреев, которых они уже не будут отравлять своими миазмами. Иное, смешанное отношение у меня к тем, которые отъезжают в сумбуре. Я надеюсь, что их отъезд из России и лучшее знакомство с Израилем и Западом поможет им освободиться от многих иллюзий и уже издалека полюбить Россию. Я приветствовал бы возвращение таких евреев в Россию для подлинно созидательной деятельности на благо обоих народов. И совсем особое у меня отношение к евреям большой души если не дезориентированным, то всячески затираемым в нынешней затхлой атмосфере в еврейском вопросе. Отъезд таких евреев приветствовать никак невозможно, ибо их ныне еще не найденное место в общем русско-еврейском /и даже больше - интернациональном/ движении за православное преображение Советской власти, за создание новой церковной

культуры, в атмосфере которой только и может быть осуществлено подлинное воскресение евреев и решена на подлинно человечной основе проблема их взаимоотношений с другими народами.

ВОПРОС: Существует мнение, что русскую революцию сделали евреи Вы с этим согласны? И как Вы вообще расцениваете роль евреев в Октябрьской революции?

ОТВЕТ: Разумеется, я не такого грандиозного мнения о евреях, чтобы думать, будто они и совершили Великую Октябрьскую Социалистическую революцию. Но, как известно, роль евреев была в ней огромной. Как знать, не будь той специфической иудейской ненависти к России как носительнице самых консервативных православно-патриархальных начал /ненависти, которая сохранялась не только в евреях-безбожниках во время революции, но которая сохраняется даже и до сего дня едва ли не в каждом еврее, будь он безбожником или христианином, членом партии или самым ярым антисоветчиком/, - хватило бы одного русского радикализма и ожесточения против старых порядков для торжества новой богоборческой идеократии?.. Так что еврейский вклад в русскую революцию следует признать необыкновенно важным катализирующим элементом, но, разумеется, вовсе не основным. Евреи смогли развернуть вовсю свою бурную революционную деятельность лишь потому, что был парализован, корчась в русско-европейских /т.е. православно-буржуазных/ противоречиях, русский народ. Не будь этого решающего обстоятельства, не будь этого кризиса, связанного с противоборством в России собственно России и Европы, евреи вместо того, чтобы участвовать в продразверстках и организации всевозможных раппов и концлагерей, по-прежнему торговали бы квасом, кустарничали и свято соблюдали обычай незаметно плеваться, проходя мимо христианского храма, - и нимало не догадывались бы при этом, на какие удивительные высоты в состоянии их подкинуть насмешливая судьба.

Но Великую Октябрьскую революцию невозможно рассматривать как явление исключительно негативное или даже преимущественно негативное. Эта революция была величайшее противоречие, в котором негативные элементы переплелись с положительными внешне дружески, даже любовно, а по скрытой от глаз тайной сути - в непримиримой борьбе, исход которой, разумеется, еще впереди. Если на первых этапах в порожденной революцией Советской власти преобладали негативные элементы, то затем, в самой жизненной практике началось постепенное отбраковывание их, началось трудное очищение от негативности. Начавшись с русофобии, советская власть потихонечку русифицировалась, и я уверен, будет и впредь русифицироваться до полного торжества России.

Но что очень важно, - и я не могу этого не подчеркнуть, - советская русификация не националистична по своей сути, т.е. не враждебна в принципе ни одной другой нации, в том числе и евреям; она не уничтожает ни одну из них, а только приобщает к высшим категориям всемирно-исторической драмы и, таким образом, особенно же с учетом грядущего торжества Православия, благодетельна для всех в высшей степени. В чем-то эта духовная русификация подобна духовной евреизации христианских народов, совершившейся в средние века, но начавшейся уже в первых веках христианской эры. Важно отметить, что русский народ приходит к другим народам не как их завоеватель или буржуазный колонизатор, а как старший брат по всемирно-исторической судьбе, берущий на себя все основные тяготы кризисного времени. В этом разгадка удивительной прочности так называемого "русского колониализма" /как любят выражаться враги России/, который в действительности никаким колониализмом не является, а является приобщением иных народов к родовым мукам России, призванной Богом родить новую христианскую цивилизацию.

Возвращаясь к роли евреев в Октябрьской революции, этого ударного отряда всей инородческой бригады, скажу, что не будь их и всей этой бригады, - возможно, не было бы и Советской власти, а стало быть, и того очищающего огня, без которого не возродиться б России в торжестве нового слова Христовой Правды. Итак, не было бы счастья, - да вот, оказывается, несчастье нам помогло.

ВОПРОС: Как Вы расцениваете роль евреев в русской культуре?

ОТВЕТ: Если Вы говорите о евреизации русской культуры посредством христианства, то чрезвычайно высоко. Если же речь идет о так называемом "еврейском вкладе" в русскую культуру XX -го века, то я вообще невысокого мнения не только о "еврейском вкладе", но и о самой культуре высших классов этого времени, считаю ее в громадной степени декадентской, что, разумеется, не исключает ни признания талантливости ее представителей, ни уважения к народной подоснове этой культуры, захваченной декадентством в гораздо меньшей степени.

Я не являюсь противником культурного влияния одних народов на другие, абсолютный национализм - это абсурд и смерть, но важно, чтобы нация-носительница высшей Правды влияла на остальные, а не наоборот, как это случилось и случается теперь сплошь и рядом. Бояться такого действительно высшего влияния и неразумно, и грешно, не сопротивляться же низшим культурным влияниям - преступно.

Впрочем, я повторю, что надеюсь на то, что лучшие евреи нашей страны, приняв от народа русского истину Православия во всей ее полноте и объединив свою судьбу с русской судьбой в борьбе за православное преображение Советского государства, внесут действительно положительный вклад в русскую историю и культуру, который окажется одновременно вкладом и в еврейскую историю и культуру. Лучше этого, по-моему, ничего не придумать.

ВОПРОС: Считаете ли Вы евреев-христиан евреями? И могут ли у них быть особые в пределах Христианства пути?

ОТВЕТ: А кем же мне их прикажете считать?.. - испанцами? украинцами? или армянами?.. Отношу этот вопрос прямо к тем, кто безбожника и коммуниста, отрицателя подлинного величия еврейского народа Вильнера считает своим, а вот евреев-христиан, никогда не отрекавшихся от величия еврейской судьбы, своими не считают. Трусливая агрессивность иудеев по отношению к евреям-христианам свидетельствует не о силе первых и не в пользу новоиудейской религии. Но их, ново-иудеев, можно понять: не безбожие Вильнера и не пошлость всего остального, а именно религия Бога любви является подлинной опасностью для их духа.

И тем не менее евреи-христиане любовно жмутся к иудаизму и, получая от него пинки, мечтают по-прежнему о беспринципном родстве с синагогой, утирают плевки и любовно тянутся именно к тому, что закрепило разрыв между еврейским народом и Сыном Божиим. Скажу откровенно, я не очень высокого мнения о распространенном ныне типе еврея-христианина, сумевшего дотянуться до веры и Христа, но еще далеко не отряхнувшегося от иудейских сновидений. Евреи-христиане не понимают того, что еврейский народ и синагога, как бы они ни соединились в истории, это разные вещи; не понимают того, что иудаизация Христианства неизбежно обессолит это последнее. И все-таки если подходить к нынешнему типу еврея-христианина исторически, учитывая всю сложность прихода евреев к Христу, и рассматривать этот тип не как нечто окончательное, а как переходное к будущей православной полноте, то надо сказать, что крещение евреев в России это явление громадное и положительное, это семя будущего

всемирного еврейского возрождения. Нынешняя индуцированность еврейско-христианского сознания либеральными сионистскими и иудейскими идеями, по существу враждебными Христианству, должна быть осознана самими евреями-христианами, и только после этого станет возможным для них действительное пробуждение и осознание своего положения в мире. Особые же пути для евреев в пределах христианства заключаются не в беспринципных и напрасных /иудеи никогда не допустят этого/ попытках соединиться с синагогой /пока есть синагога - есть непримиримый конфликт между евреями и остальным миром, да и внутри самих евреев тоже/, а в самой уникальности исторической судьбы и их нынешнего положения во всем мире. Придумывать для себя искусственные особенности можно лишь от небольшого ума. Избавиться от своей уникальности евреям все равно не удастся, но вот избавиться от иудейской узости сознания можно и должно. Это избавление, по слову Апостола, явится новым богатством миру, примирением и смиряющим вразумлением всех во славу Христа Спасителя.

ВОПРОС: Что Вы можете сказать о статье М. Агурского "Евреи и Христианская церковь"?

ОТВЕТ: По-моему, Агурскому следует поставить памятник как самому блестящему выразителю законных, но пока еще неудачных попыток евреев-христиан осознать свое положение в мире.

ВОПРОС: Считаете ли Вы еврейский народ богоизбранным?

ОТВЕТ: Если рассматривать богоизбранность формально, как некое ни к чему не обязывающее, но все же очень приятное звание, то почему бы евреям не продолжать называться богоизбранным народом?.. Я лично ничего против этого не имею. Если же богоизбранность понимать по существу, т.е. как определенную положительную миссию в истории, то укажите, на что могут сослаться евреи-христиане, чтобы доказать богоизбранность еврейского народа после утверждения ими Христа?.. Я с удовольствием соглашусь с любым, даже самым паршивеньким доказательством, - лишь бы только пойти навстречу своим братьям по вере. Мне, однако, представляется, что богоизбранность евреев не была отменена Господом, но опустела изнутри вследствие отвержения ими Христа. К сему добавлю, что само понятие богоизбранности в христианский период истории неизбежно должно стать другим, осложниться привлечением к Христу многих народов. Так что претендовать на какую-то исключительную богоизбранность в древне-иудейском духе едва ли возможно любому народу, что не отменяет,естественно, специфики каждого национального лица в его служении Божией Правде.

ВОПРОС: Как Вы рассматриваете перспективы евреев в СССР?

ОТВЕТ: По существу я ведь уже сказал об этом выше. Лучшая часть еврейства, промыкавшись в тупиках либерализма, иудейства и сионизма, я думаю, примкнет, не теряя своего еврейского лица, к тому, что представляется ныне самым невероятным: к участию в русском движении за теократическое преображение, а остальные будут продолжать метаться по тупикам или, мудро посмеиваясь, брать от жизни все, что только возможно. Ну, а когда теократическое движение от утопических надежд дойдет до практики и начнет обрастать плотью реальности, тогда, я думаю, всякая душа проявит себя уже по-настоящему, т.е. примет от чистого сердца новое слово Правды Божией или бросится от нее прочь спасаться в иные страны.

В заключение хотел бы обратиться к читателям "Евреев в СССР" вот с какими словами. Я рад предоставленной мне возможности выступить перед евреями с изложением своих взглядов по еврейскому вопросу. Не сомневаюсь, что они

вызовут в сердцах всех пустоголовых законную ярость, ибо все непонятное и идущее поперек привычных убеждений не может не раздражать. Что же касается евреев разумных, то я вовсе не исключаю возможности обрести хотя бы со временем самое полное с ними взаимопонимание. Не сомневаюсь в том, что эти последние меня не осудят за мой "антисемитизм", а наоборот скажут спасибо за прямоту и добросовестность, без которых не может быть ничего настоящего в этом мире. Если я в чем-то, по их мнению, ошибаюсь, то я вовсе не уклоняюсь от обсуждения спорных вопросов хотя бы на страницах того же журнала или в любой другой форме, которую они сочтут подходящей. Могу заверить, что если я пойму, что действительно был неправ, то не буду упрямиться и признаю это. Хотелось бы надеяться на подобную готовность и со стороны евреев. Я очень верю в то, что затхлая атмосфера в русско-еврейских отношениях может проветриться от новых идей, действительно осмысляющих нашу христианскую историю, равно как и великую еврейскую тему, и таким образом стать атмосферой, в которой возможно будет большое дыхание и самое высокое богочеловеческое творчество.

Слава Иисусу Христу!

Москва,
13 мая 1976 года

С Т А Т Ь И, Э С С Е, З А М Е Т К И

М. АЗБЕЛЬ,
Э. СОТНИКОВА

ХРИСТИАНИН ИЛИ АНТИСЕМИТ?

"Поистине поразительно легкомыслие христиан, которые считают возможным быть антисемитами".

Н. Бердяев

Интервью Г.М. Шиманова, данное им журналу "Евреи в СССР", представляет несомненный интерес для анализа и разбора. Свое мировоззрение автор строит на двух столпах - антисемитизме и христианстве. Но, как мы сможем убедиться, эти два понятия оказываются совершенно несовместимыми в его системе взглядов. Удивительно, что сам Г.М. Шиманов, столь чуткий ко всякому инородному элементу, не замечает, как его "почвенный" врожденный антисемитизм /а как он утверждает, антисемитом его "родила мама"/ отторгает, выталкивает из здорового организма благоприобретенное и совершенно чуждое ему христианство, каковое выглядит в нем инородным телом. Если о врожденности своего антисемитизма Г.М. Шиманов говорит всерьез, а не для красного словца, то, разумеется, эта несовместимость с христианством - не вина его, а беда. Врожденные инстинкты - самые прочные, и что ж тут поделаешь, "если ты отсечен от дикой маслины и не по природе привился к хорошей маслине" /Рим., 11, 24/.*/ В таком случае Шиманову можно лишь попытаться увидеть это противоречие /а мы постараемся показать его со всей очевидностью/. Далее, автору интервью /если он хочет быть последовательным в своих взглядах, а он ведь заверял читателей: "если я пойму, что действительно был неправ, то не буду упираться и признаю это"/, - вероятно, придется выбрать для себя что-то одно /наиболее близкое и необходимое/ - христианство или антисемитизм.

Проблема же взаимосвязанности христианства и антисемитизма является, на наш взгляд, одной из серьезнейших проблем для всего еврейства - ведь государство Израиль, вступая в любые взаимоотношения с внешним миром, фактически имеет дело с современной христианской цивилизацией. Разумеется, на примере одного христианина-антисемита мы не собираемся делать глобальные выводы, однако выяснение несостоятельности такого рода мировоззрения представляется тем более интересным, что в данном случае мы имеем дело с системой взглядов одного из известных идеологов христианского крыла русского национального движения.

Итак, оставив пока в стороне столь взволновавший автора чисто анкетный вопрос о его происхождении, перейдем сразу к главному. Г.М. Шиманов, очень уважая

---

*/ В этих рассуждениях мы исходили из утверждений самого Шиманова и пользовались его терминологией/см. стр.5 "Интервью"/[стр. 177 настоящего тома].

себя за вполне нормальную для честного человека, отвечающего за свои взгляды и поступки, искренность и откровенность, объявляет во всеуслышание, что он антисемит. Далее высказывается столь же искреннее недоумение тем, что вопрос - плох или хорош антисемитизм - давно уже не подлежит обсуждению. Допустим, что это действительно результат инертности общественного мнения, и попытаемся найти в рассуждениях Г.М. Шиманова какой-либо свежий, неожиданный подход к этому вопросу, который бы открывал антисемитизм с хорошей, положительной стороны. На странице 4 [*] Шиманов разъясняет "потаенное содержание слова "антисемит", закамуфлированное, - как ему кажется, - нарочитой неясностью и двусмысленностью". "Предполагается, - пишет он, - что антисемит - это человек, выступающий против евреев", а также "предполагается, что против евреев выступать нельзя *ни в коем случае!*" /курсив Г. Ш./ . В этой трактовке мы не заметили ни "двусмысленности", ни "потаенного содержания", ни свежего, оригинального взгляда на антисемитизм, а увидели лишь повторение простой истины, давно ставшей общим местом. В самом деле - против всех евреев нельзя выступать ни в коем случае, и против язычников... А вот почему это так? Если Г.М. Шиманов не нашел ответа на столь простой вопрос в учении Христа, к имени которого он постоянно апеллирует, то мы - не будучи христианами, ответим сначала на этот вопрос с обычной рациональной точки зрения, а затем все же попытаемся рассмотреть этот вопрос и в системе ценностей христианства.

На странице 5[**] Г.М. Шиманов пишет, "что евреи, как нация, могут как все прочие, разумеется, быть несправедливы, грешны и враждебны другим народам". Но какими же критериями пользуется автор, чтобы оценить качества всей нации? В его тексте мы их не обнаружили. И, насколько нам известно, объективных критериев такого рода не существует. Рассуждения Шиманова это еще раз подтверждают. На стр. 13 [***] он пишет, что "лучшие евреи нашей страны... несут действительно положительный вклад в русскую историю и культуру". Далее мы видим, как */ Г.М. Шиманов резко разграничивает пути "лучшей части еврейства" и "остальных". Не значит ли все это, что даже такому убежденному антисемиту, как Шиманов, известны какие-то "лучшие" евреи и "худшие", "разумные" и "неразумные"? Но, может быть, его друзья и знакомые насчитают еще десяток-другой вполне сносных евреев? Вычислить же общий процент хороших и плохих евреев, или русских, или китайцев вряд ли кто-нибудь сможет. Но допустим теперь, что Г.М. Шиманов не дал нам возможности поймать его на слове /либо мы неверно истолковали его рассуждения о "евреях большой души"/ и на самом деле он не знает ни одного хорошего еврея, а судит о характере нации по каким-то неприятным чертам, присущим нескольким его знакомым. Могут ли эти отдельные черты составить объективную характеристику народа, если даже об одном человеке невозможно сказать, что он - безупречен во всех отношениях или наоборот - абсолютный подонок, а нация ведь состоит из энного количества индивидуальностей /кажется, как нельзя лучше понимал эту амбивалентность добра и зла "хороший антисемит" Достоевский/.

Но отвлечемся от конкретных людей и рассмотрим еще один вариант. Предположим, что Г.М. Шиманов вообще ни одного живого еврея не видел, а судит о качествах нации по общеизвестным показателям - по искусству, науке, литературе, фило-

---

[*] См. стр. 178 настоящего тома.

[**] См. стр. 179 настоящего тома.

[***] См. стр. 186 настоящего тома.

*/ На странице 11-ой [стр. 184 настоящего тома] он пишет о "евреях большой души".

софии, религии, - короче говоря, по культуре, которая, казалось бы, принадлежит всему народу и его характеризует. Однако ведь создателей этого общенародного достояния можно легко пересчитать, и отнюдь не всегда широкие народные массы понимают их и ощущают своими представителями /вся история русской классической и современной литературы - от Пушкина до отщепенца Солженицына - яркое тому доказательство/. Так справедливо ли за созданное горсткой интеллектуалов /как бы оно ни было чуждо и отвратительно Г.М. Шиманову/ невзлюбить целый народ?

Господь Бог был значительно разборчивее и, намереваясь покарать садомлян за то, что - пользуясь терминологией Шиманова - "все они грешны и несправедливы", помнил о праведных и сказал Аврааму - "не истреблю ради десяти" /Бытие 18,32/.

В основе рассуждения любого антисемита лежит всегда склонность к обобщениям, и не случайно, что Г.М. Шиманов заметил в скобках, что кроме евреев "все прочие" нации тоже могут быть "несправедливы, грешны и враждебны другим народам". Автор полагал, вероятно, что этим замечанием в скобках он характеризует широту и беспристрастность своих взглядов. Однако при отсутствии объективных критериев оценки, а их по отношению к целым народам нет, любая попытка обобщения будет неизбежно субъективной, и, будучи таковой, она объективно охарактеризует не оцениваемое явление, а того, кто оценивает. Можно, например, считать, что немцы - сухие педанты, и, допустим, какому-то обладателю широкой русской души крайне несимпатична их страсть к порядку, и к тому же он очень плохо относится к Гитлеру. Чтобы из этого сделать обобщенный вывод о том, что немецкий народ в целом плох, зная, что на определенном историческом отрезке национальные черты немцев сыграли резко негативную роль, надо никогда не вспоминать, что они создали великую музыку, поэзию, философию. Допустим, все англичане чопорны и надменны, но можно ли забывать, что они дали миру Шекспира. Возможно, все французы любят вино и женщин, но почему бы не вспомнить, что в детстве мы зачитывались "Тремя мушкетерами", а когда повзрослели -"Госпожой Бовари" и "Человеческой комедией". Вы приезжаете в Италию и замечаете, что итальянцы крикливы, назойливы, развязны. Вы обобщаете и делаете вывод, что это крайне неприятный народ. Вряд ли вам захочется после этого пойти посмотреть Санта Мария де Маджоре и уж сомнительно, что у вас замрет сердце от сознания того, что вы на родине Данте и Микельанжело. Наблюдая знакомых евреев, вы точно установили, что все они корыстолюбивы, лживы и лезут "со своим уставом в чужой монастырь". После этого вы объявили себя антисемитом и уж вряд ли когда-нибудь вспомните /даже будучи христианином/, что эти лживые и корыстолюбивые евреи создали Книгу, что написана она на их родном языке, а Христос и Апостол, быть может, оттого и появились, что будучи евреями "лезли со своим уставом в чужой монастырь". Атеисты же, в свою очередь, могут использовать такой простой аргумент - раз христианство создано евреями, оно непременно лживо, т.к. лживость - национальная черта евреев, и наверняка эту религию они создавали с какой-то корыстной целью... Используя более простые аналогии, можно задать вопрос: что вас волнует больше - музыка Чайковского или его гомосексуализм, стихи Пушкина или количество женщин, с которыми он спал, романы Достоевского или его страсть к картам?..

Если на основании отдельных неприятных вам качеств или неприятных вам людей вы можете невзлюбить целую нацию и объявить ее "враждебной", то, следуя этой логике, можно объявить "враждебной" всю западную культуру /что Г.М. Шиманов и подтверждает, отмечая лишь "бесчеловечность самой нынешней культуры, механически перенесенной с Запада", и сокрушаясь о том, что в этой культуре "такое непропорционально огромное место принадлежит евреям"/. Но вслед за этим придется объявить враждебной и "ожидовевшую" русскую интеллигенцию, в первую очередь философов-бо-

гословов, резко выступавших за освобождение христианства от антисемитизма, и всех прочих "развитых и просвещенных", чрезмерно увлеченных евреями Пастернаком, Мандельштамом, да еще истовой христианкой Цветаевой, с ее явно юдофильскими утверждениями типа - "поэты - жиды"... Итак, круг сужается и неизбежно сузится до того, что враждебным окажется все человечество /за исключением какой-то группы единомышленников Г.М. Шиманова/, и существование оного человечества, в силу его "греховности и несправедливости", окажется не только бессмысленным, но и вредным.

М. АЗБЕЛЬ

Э. СОТНИКОВА

"ХРИСТИАНИН ИЛИ АНТИСЕМИТ?"

"Поистине поразительно легкомыслие христиан, которые считают возможным быть антисемитами".

Н. Бердяев.

Интервью Г.М.Шиманова, данное им журналу "Евреи в СССР", представляет несомненный интерес для анализа и разбора. Свое мировоззрение автор строит на двух столпах – антисемитизме и христианстве. Но, как мы сможем убедиться, эти два понятия оказываются совершенно несовместимыми в его системе взглядов. Удивительно, что сам Г.М.Шиманов, столь чуткий ко всякому инородному элементу, не замечает, как его "почтенный" врожденный антисемитизм (а как он утверждает, антисемитом его "родила мама") отторгает, выталкивает из здорового организма благоприобретенное и совершенно чуждое ему христианство, каковое выглядит в нем инородным телом. Если о врожденности сво-

Страница оригинала. Фото. Текст см. на стр. 189 настоящего тома.

Итак, у нас нет никаких оснований считать Шиманова "добрым" антисемитом /курсив Г.Ш./ в отличие от каких-то злых. И он напрасно рассчитывает на то, что "отцы и учители сионизма" будут обескуражены такой разновидностью антисемитизма. Г.М. Шиманов - как раз "идеальный" антисемит, так как он наглядно демонстрирует, как самый прекраснодушный христианин простейшим образом может превратиться в человеконенавистника. Если же Г.М. Шиманов имел в виду, что "опечаленный" философствующий антисемит лучше или добрее других, "бытовых" антисемитов, например, то мы придерживаемся как раз противоположного мнения. Нам кажется, что пьяница, огрызающийся на длинноволосого студентика, попавшегося ему в очереди в магазине: "а ты не суйся, жидовская морда", - будет, пожалуй, получше. Потому что ему всего-навсего в данный конкретный момент времени неприятна данная конкретная жидовская морда - он не делает из своих непосредственных реакций глобальных выводов. Г.М. Шиманов же стремится к обобщению и обоснованию своих непосредственных ощущений. Он, правда, останавливается на полдороге в своих рассуждениях, но, будучи последовательным и логичным до конца, любой антисемит, как мы убедились, придет в результате к философии человеконенавистничества, к фашизму. И неслучайно еврейские дети очень рано приучаются огрызаться на "жидовскую морду" - "фашист недобитый". Они исходят из простой логики - когда-то были фашисты, они убивали евреев и других, кто под руку попадался, и это - очень плохо. Когда эти дети подрастают, некоторые из них начинают понимать, что антисемиты, даже если они никого не убивают, тоже не слишком хороши. Потому что самые последовательные и логичные из них неизбежно придут все к тем же теориям о неполноценных нациях, все к той же философии человеконенавистничества, каковые действительно давно не обсуждаются людьми "развитыми и просвещенными" и от которых действительно "шерсть дыбом" у тех, кто /как с иронией заметил Шиманов/ унаследовал "интеллигентский инстинкт".

Таким образом, рассуждая с чисто рациональной точки зрения, мы обнаружили, что любые выводы о том, хорош или плох целый народ, совершенно беспочвенны и бессмысленны, если рассматривать их в рамках простого гуманизма.

Интересно рассмотреть теперь, как соотносятся в рассуждениях Г.М. Шиманова антисемитизм и христианство. Мы не будем апеллировать ни к Бердяеву, ни к Вл. Соловьеву, ни к о. С.Булгакову, которые немало труда потратили, чтобы убедить своих единоверцев в несовместимости антисемитских взглядов и системы ценностей христианства /кстати, если Г.М. Шиманову знакомы их труды, то неясно, почему он пишет об отсутствии "еврееведения в христианском богословии"/. Можно не напоминать и того, что человеконенавистничество никак не совпадает с религией добра, любви и всепрощения - это достаточно очевидно и общо, да и если мы будем рассматривать антисемитизм Г.М. Шиманова на той последней стадии, до которой он сам еще не дошел в своих рассуждениях, нас могут уличить в передергивании.

Для человека истинно верующего и с подлинным уважением относящегося к священным текстам достаточно было бы процитировать знаменитую 11-ую главу Послания Римлянам Апостола Павла, где сказано четко и недвусмысленно об отношении к евреям, но и от этого мы воздержимся, так как без одного еврея - Христа - нам уж никак не обойтись /коль скоро мы пытаемся рассматривать интересующий нас вопрос в системе ценностей христианства/, а цитируя еще одного еврея - Савла - мы вполне можем быть обвинены в пристрастном и одностороннем подборе цитат. Что же касается Христа, то, опуская Нагорную проповедь, достаточно вспомнить лишь одно - "не судите...". Целому народу Христос сказал "не судите", когда народ этот хотел судить о грешности одного лишь человека, одной блудницы. Но вот мы видим, как один человек взялся судить о грешности и несправедливости целой нации.

И неужели, будучи христианином, не услышал он Глас: не судите... Наверное, услышал, наверное, оттого и повторяет заклинания, цитаты из Христа, - как заклинания от дьявола, который ввергает все же в гордыню недозволенную. Трудно, однако, убедить кого-либо заклинаниями и восклицаниями о том, "как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!", когда чуть не на каждой странице текста автор старается не только исследить "пути Его", но даже внести поправки в Его учение.

Никак не может Г.М. Шиманов смирить свою гордыню и признать за Господом Богом право на такую /по его мнению/ вопиющую нелепость, как избрание еврейского народа. А ведь чем кончается такого рода бунт против Бога, Шиманову, вероятно, известно не хуже, чем нам, - Каин тоже не хотел смириться с предпочтением, которое Господь оказал Авелю. И тем не менее автор интервью, считающий себя христианином, ни за что не хочет признать, что "Бог - не человек, чтобы обманывать, и не сын человека, чтобы раскаиваться в своих обещаниях" /Вл. Соловьев/.

Шиманову недостаточно отметить, что избранничество еврейского народа кончилось. "Свято место пусто не бывает" - Господь, видимо, по забывчивости не указал, что это место займет русский народ. Но не опасается ли Г.М. Шиманов, что, выговорив для русского народа это "свято место", он ставит его перед опасностью "привнести в христианство столь укоренившееся в связи с богоизбранностью надмение"?

Взявшись дополнить Библию, Шиманов беспечно забыл о том, что действительно записано в ней черным по белому. "Ибо кто познал ум Господень? Кто был советником Ему?" Уж не Шиманов ли? И не мнит ли себя новым Мессией этот смелый человек, не боящийся ни Бога, ни черта?.. Уместно напомнить, что самые страшные преступления совершались, когда буквальное понимание заповедей заменялось их ревизией во имя абстрактной идеи. Это - одна из худших возможностей, каковые дала человечеству цивилизация. Г.М. Шиманов использовал ее до конца.

Не может не вызывать изумления и та крайне высокая степень самооценки, которая характеризует многие высказывания Г.М. Шиманова. Шутка ли - провести подробные лингвистические изыскания относительно собственной фамилии и три страницы текста посвятить ответу на чисто анкетный вопрос - о собственном происхождении, да еще полагая при этом, что "лучшие люди нашей страны" всерьез озабочены этой проблемой - еврей ли Г.М. Шиманов. Он даже высказал опасение, что кто-то из них немедленно ринется на благословенную родину автора в деревню Незнаново - разбираться на месте, не еврей ли Генмих.* Видимо, он рассудил, что евреев этот вопрос должен особенно беспокоить - а то ведь что получается - антисемит-еврей! Тут приходится отметить, что Шиманов плохо представляет себе отношение евреев к антисемитам. За два тысячелетия они перевидали уже самых разнообразных антисемитов - европейских, азиатских, африканских, русских, французов, евреев - антисемитов белых и красных, зеленых и поперечнополосатых.

Надо, однако, отдать должное не только непомерной гордыне Г.М. Шиманова, но и столь же непомерному уничижению /каковое - можно и не напоминать - "паче гордости"/. В это уничижение автор интервью ввергает и себя, и заодно всю русскую нацию /каковую именует "почвенной" в отличие от "беспочвенных" евреев/ лишь в одном - чрезвычайно больном для него вопросе - о разлагающем влиянии евреев. И тут оказывается, что "беспочвенным" евреям ничего не стоит "парализовать почвенную нацию" - ни больше, ни меньше - целую нацию, да еще какую /!/ - предназначенную для того, чтобы через нее "вошла Правда в мир". Оказывается, что евреи "бескровят и душат" эту нацию, что оная нация вынуждена пить керосин стаканами,

---

*Геннадий Михайлович

закусывать иголками вместо яблок, что, наконец, евреи разлагают эту нацию "до состояния навоза", и поделать с этим решительно ничего невозможно. Воистину демонической силой наделил Г.М. Шиманов евреев.

Попытаемся разобраться, что же это за сила, каково ее происхождение и в какой форме применяли ее евреи к "почвенной нации". Быть может, врывались они в русские селения на низкорослых конях, с гиканьем сжигая все на своем пути и уволакивая русских девушек к своим раввинам? Или, может быть, на танках въезжали в Москву на Красную площадь, обстреливая исторический музей, и на самолете увозили членов правительства за кремлевские стены /то есть, мы оговорились - за Стену Плача/?

Но насколько нам известна история евреев, единственная сила, которой они действительно обладали, - это сила, не измеряющаяся ни количеством боевой конницы, ни качеством танковой брони, ни дальностью действия стратегических ракет - сила эта чисто духовная, а не материальная. Но, может быть, Г.М. Шиманов объяснит, как можно "удушать", притеснять и угнетать в царстве Духа?

Право, даже самые отчаянные антисемиты не пытались утверждать, что евреи удушили Пушкина или Достоевского. Или, может быть, они насильно заставляли русскую интеллигенцию заучивать наизусть Пастернака и столь нелюбимого автором Мандельштама и тем самым разлагали загадочную русскую душу?

В этой связи можно лишь напомнить известный анекдот, в котором пенсионер жалуется управдому на то, что напротив его окон выстроили женскую баню, и вид моющихся женщин очень его отвлекает. Управдом, чрезвычайно заинтересованный, приходит в квартиру, выглядывает в окно и обнаруживает, что ничего не видно. "А вы залезьте на шкаф", - советует ему хозяин квартиры.

Так вот, по поводу разлагающего влияния евреев можно сказать лишь одно - никто не заставляет ни Вас, Г.М. Шиманов, ни весь русский народ-богоносец пить керосин, закусывать иголками и лазить на шкаф, рискуя разложиться до "состояния навоза". Сильный духом народ легко эмансипируется в области духа. И что-то не припомнится, чтобы Марину Цветаеву или о. Павла Флоренского "удушили" евреи. Или, может быть, Шиманов полагает, что это сионисты "бескровили" и русского писателя А.Д. Синявского /заставив его заодно подписывать свои книги еврейским именем/, а не советский концлагерь - и русского ученого А.Д. Сахарова заставили выступить в свою защиту, а заодно и в защиту свободы и человеческого достоинства? И неужели это именно евреи так разложили русскую душу, что она стала слишком болезненно реагировать на зло, насилие, несправедливость; неужели это евреи привили цельной русской душе все "благородные интеллигентские инстинкты", которые столь несимпатичны Шиманову? Нам казалось, что они выстрадались в русской душе без помощи евреев.

И странно, что Шиманов, клянясь в своей безграничной любви к русскому народу, отказывает ему в духовной силе и так переоценивает эту силу у еврейского народа. Мы никогда в своей силе не сомневались и знали, какова ее роль во всемирной истории и в истории России в частности. Но даже когда речь идет об Октябрьской революции, в которой, как считает Шиманов, "роль евреев действительно была... огромной" в силу "специфической иудейской ненависти к России", не следует забывать, что это все-таки была роль идеологов, и никто не неволил "почвенную нацию" брать на вооружение те или иные идеи и доводить себя с помощью этих идей до "продразверсток" и "всевозможных РАППов", до Соловков и Беломорканала, до всех унижений и кошмаров ГУЛАГа.

Отказав, таким образом, русскому народу не только в духовной силе, но и в элементарном иммунитете против зла, Г.М. Шиманов из этого, видимо, сделал вывод, что русское влияние /в отличие от "демонического" еврейского/ в силу своей духовной слабости совершенно необременительно для народов, ставших "русскими колониями". В этом вопросе автор с завидным энтузиазмом цитирует передовицы "Правды", доклады партийных вождей по национальной политике и просто учебники по истории КПСС: "советская русификация не националистична по своей сути, т.е. не враждебна в принципе ни одной другой нации...", в том числе и евреям; она не уничтожает ни одну из них, а только приобщает к высшим категориям всемирно-исторической драмы и, таким образом, особенно с учетом грядущего торжества Православия благодетельна для всех в высшей степени". Допустим, что Шиманов абсолютно прав и его прогнозы оправдаются, и действительно наступит торжество Православия, и мир устроится в соответствии с самыми красивыми идеями. Но почему бы Г.М. Шиманову не поинтересоваться на всякий случай у чехов или украинцев, у немцев или татар - хотят ли они именно такого устройства мира? А вдруг "иные народы" не хотят приобщаться к "родовым мукам России" "во имя грядущего торжества Православия"? Это Г.М. Шиманова просто не интересует, этого он знать не хочет /или делает вид, что не знает/.

Зато уж, что ему известно доподлинно - это что такое сионизм, что такое Синагога, что думают евреи-христиане, кто создаст новую христианскую цивилизацию, как устроено государство Израиль, каковы его перспективы и как там бесчеловечно относятся к арабам. Хотелось бы понять, где черпает такую информацию Г.М. Шиманов? Похоже, что его осведомленность имеет два источника - он знает либо то, что ему мог сообщить сам Господь Бог лично, либо то, что можно узнать, прожив хотя бы несколько лет в Израиле /последнее, правда, можно заменить регулярным чтением газеты "Правда"/.

Во всех же остальных вопросах, - например, об отношении к русскому колониализму колонизованных народов, о происхождении "Протоколов Сионских мудрецов", о том, существует ли всемирный еврейский заговор, - Г.М. Шиманов проявляет полную свою неосведомленность. Не напоминает ли это "двойную бухгалтерию", о которой он пишет в интервью? И если это и есть христианская правда, то что тогда называется партийной диалектикой?

Завидную осведомленность проявляет Г.М. Шиманов и в таком животрепещущем вопросе, как перспективы евреев в современном мире. По этому поводу он /видимо, не заметив этого сам/ высказывает два взаимоисключающих утверждения. Уяснить, какой же путь для евреев является истинным, нам так и не удалось: то ли целесообразно другим народам "поделиться своею землею" с евреями, дабы они могли локализоваться и жить автономной национальной жизнью... без вмешательства в национальную жизнь других народов" /см. стр.7 "Интервью"/*- /почему для этого не подходит израильская земля, остается невыясненным/, - то ли евреи опять должны вместе с русским народом заниматься теперь уже "православным преображением" Советской России /см. стр. 11/.** Государство же Израиль - в этом Г.М. Шиманов абсолютно убежден, - "далеко не решение еврейской проблемы". Почему? Это он объясняет очень просто - потому что "множество евреев из этого государства бежит, а еще величайшее множество и не помышляет туда ехать". Но ведь никто не берется утверждать, что Россия - не решение русской проблемы только потому, что именно сейчас /впрочем, не впервые/ она переживает очень болезненный период, когда "Россия уезжает из России", как сказано об этом известным

---

* См. стр. 181 настоящего тома.

** См. стр. 181 настоящего тома.

русским литератором...

Что же является оптимальным решением "еврейской проблемы" из всех вариантов, предложенных Шимановым, остается неясным.

"Христианин или антисемит?" - этот вопрос вынесен в заглавие статьи. Он кажется нам чрезвычайно актуальным, и не только для евреев, которые уже два тысячелетия живут в христианском мире, но и для этого мира, который давно ощущает еврейскую проблему как одну из самых больных проблем. Именно такая постановка вопроса - или христианство или антисемитизм - представляется нам уместной. Однако мы не настолько хорошо знакомы с христианской религией, чтобы исчерпывающе и аргументированно доказать несовместимость этих двух понятий. Материал же, который дает интервью Г.М. Шиманова по этому вопросу, чрезвычайно противоречив и уязвим для самой поверхностной критики. И разбирая его систему взглядов, мы могли лишь с обычной рациональной точки зрения показать абсурдность даже не столько самого антисемитизма, сколько любого шовинизма вообще.

Мы полагаем, что актуальность этой проблемы - о совместимости христианства и антисемитизма - вызовет интерес и станет темой серьезной дискуссии, в которой прозвучат мнения самых разных авторов самых различных мировоззрений и вероисповеданий.

МИХАИЛ АГУРСКИЙ

НЕОСИОНИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

/Основные тезисы доклада на Постоянном семинаре по изучению мирового еврейства под покровительством Президента Израиля в Иерусалиме в марте 1976 года/

На территории СССР широко распространенная антиеврейская направленность привела к возникновению неосионистского движения, которое не имеет настоящих корней в еврейской традиции. К трем типам еврейства, определенным профессором Гительманом как традиционный тип, идишистский и сионистский, необходимо добавить еще один тип, который можно охарактеризовать как пассивную принадлежность - человек ощущает себя евреем только в результате своего отчуждения в СССР. И действительно, большинство евреев в СССР относятся к пассивному типу. Больше того, существует несколько типов сионистской ориентации, которые связаны с предшествующими идеологическими взглядами:

1/ коммунистической ориентации;
2/ русской ориентации;
3/ политической диссидентской ориентации.

Абсорбция советских евреев в Израиле происходит различно для различных групп. Те, кто имеют сионистскую направленность, находятся в наихудшем положении: они ощущают отчужденность, т.е. не встретили энтузиазма израильского общества по отношению к себе, некоторым предложили, в основном, только материальную помощь. Израиль имел уже стабильную структуру, что не позволило новоприбывшим сразу же занять в ней определенное место. Это состояние отчужденности не являлось результатом их материального положения, так как оно выше, чем в СССР. Тот факт, что они не разделяли системы ценностей, характерной для израильского общества, стал основным препятствием для абсорбции. Кроме того, для людей, приехавших из тоталитарного общества, характерны психологические сложности, что также препятствует абсорбции в демократическом обществе.

Такая постоянно растущая группа аутсайдеров, как русские евреи, может стать значительной силой. Направление, в котором будет действовать эта сила, будет зависеть от израильского общества, которое должно ослабить степень отчуждения, насколько это только возможно.

Обвинение евреев в стремлении к "мировому господству" есть первая и сильная реакция на растущее влияние евреев во всех областях. Еврейское "мировое господство" - не только миф. Это также предчувствие дальнейшего роста еврейского влияния. Оно основывается на экстраполяции всей еврейской истории в ее еврейском понимании. В связи с этим антисионизм неизбежно будет расти. Поэтому жизнь в Израиле, включая иммиграцию из других стран, потребует больших усилий и постоянной готовности к самопожертвованию. Это может изменить типы израильской ориентации еврейства. Можно ожидать, что пассивное отношение к своему еврейству перейдет в более активную форму, в то время как религиозное понимание еврейства, по всей вероятности, будет расти.

Еврейская эмиграция из СССР не кончилась. Она может превратиться в массовый исход как следствие растущей антиеврейской направленности. Однако можно ожидать, что направление этой эмиграции будет зависеть от степени привлекательности Израиля или же западной диаспоры. Если угроза отчуждения в Израиле будет устранена, то сионистская ориентация среди евреев в СССР будет увеличиваться, несмотря на все трудности израильской жизни. Но для этого необходима переоценка некоторых старых ценностей в сионизме. Сионизм не может положить конец антиеврейской направленности, и попытка изолировать себя в национальном государстве не решает еврейской проблемы.

Учитывая необходимость иметь твердую опору, мы должны выдвинуть новую национальную цель, а именно: увеличить насколько возможно еврейский вклад в цивилизацию. Мы должны выжить в изменяющемся мире не только физически, но и духовно. Израиль должен стать не только центром еврейской жизни или местом проживания еврейства, но также духовным и культурным центром всего человечества, как мечтали еврейские пророки. Такая трансформация сионистской ориентации могла бы стать жизненно важной для русского интеллектуального еврейства, которое стремится к более высоким и широким целям. Универсализм еврейства XIX века был протестом против гетто. Вышеупомянутая гипотетическая цель совместима с возможным социальным развитием русского еврейства вообще и израильского в частности, - в особенности для преодоления "комплекса гетто".

Такая цель может породить широкое движение русского еврейства, несмотря на все трудности израильской жизни.

Бен-Гурион постоянно подчеркивал вторую задачу Израиля быть "светом среди народов". Нельзя привлечь лучшие еврейские национальные силы легко достижимыми целями. Энтузиазм возникает тогда, когда цели кажутся невозможными, недостижимыми, и можно только ценой сверхчеловеческих усилий и жертв сделать их достижимыми.

Н. ИЛЬСКИЙ

ИСТОРИЯ И САМОСОЗНАНИЕ

I

"Если бы евреев не было, их бы выдумали антисемиты", - написал Жан-Поль Сартр в книге "Размышления о еврейском вопросе", [*] вышедшей в свет тридцать лет назад. Знаменательно, что она давно переведена на многие языки, но не на русский.

Книга Сартра содержит множество тонких наблюдений и оригинальных мыслей, и я не берусь излагать его основные идеи в сжатом виде. Эту книгу надо самому читать и самостоятельно над нею думать. Она освещает еврейский вопрос во Франции, но близко касается евреев и в других странах. Вникая в то, что Сартр называет ситуацией еврея, поражаешься мастерству, с которым он рисует портрет антисемита.

Сартр глубоко проник в недостатки евреев и в то же время высоко /может быть, чересчур высоко/ оценил их достоинства. Свою душу каждый знает лучше, чем ее знает чужой, - но взгляд в себя всегда пристальнее, чем взгляд со стороны. Высказывания Сартра позволят еврею лучше понять самого себя, и в этом я вижу неоценимую услугу, которую он оказывает еврейскому народу своей книгой.

Одни положения Сартра спорны, другие безусловно верны. Но даже то, что спорно, чрезвычайно полезно, ибо заставляет читателя-еврея задуматься над своей ситуацией и своим поведением. Еврей, я думаю, должен согласиться с точкой зрения Сартра, что значит выбрать себя самого как еврея. Еврея удовлетворит, полагаю, проницательное психологическое описание антисемита, предложенное Сартром. Антисемит, по описанию Сартра, это стадный человек, испытывающий страх перед размышлением. Антисемит "считает себя простым человеком, средним или даже посредственным... Но не следует думать, что он стыдится своей посредственности. Наоборот, он ею наслаждается... Это человек из толпы... Существует откровенная страстная гордость людей посредственных, и антисемитизм является именно пробой реваloризации /придаче чему-либо высшей ценности/ посредственности как таковой, попыткой образования элиты посредственности. Для антисемита интеллигентность является еврейской чертой, и он может так же спокойно презирать ее, как и все другие еврейские достоинства..." Но я решительно теряюсь, желая выбрать наиболее выразительные места книги: сколько ни цитируй, все будет мало. Но одну мысль, имеющую общее значение, приведу:

"Не следует путать... превосходство с ценностью... Ценность надо искать, и так же, как истину, ее добывают с трудом, ее нужно заслужить самому... Поэтому непрерывно, от начала до конца жизни, мы ответственны за то, чего мы стоим. Антисемит бежит от ответственности... Его мораль избирает шкалу твердых, окаменелых ценностей. Он уверен, что он всегда, что бы он ни сделал, останется на вершине этой шкалы... В страхе перед свободой он избрал неотвратимость..."

Положительно, нетрудно понять, почему у нас не перевели эту книгу Сартра...

Но одно его утверждение я решительно оспариваю, а из него вытекают и другие его ошибочные, по-моему, выводы. Речь идет о его постулате, который он ничем не

---

[*] Книга Ж.-П.Сартра печаталась в сборниках "Евреи в СССР" №№12-13 в переводе с польского А.Фельдмана из журнала "Твурчость" №№9,10 за 1956 г., Варшава. Как и все переводные материалы, в настоящем издании опущена.

пытается доказать, но который нетрудно опровергнуть: будто бы евреев не объединяет их история. Он пишет:

"... Их коллективная память хранит только память о погромах, гетто и изгнаниях, о монотонном страдании, топтании на месте в течение двадцати веков. Евреи не являются еще народом историческим, хотя они самый старый или один из самых старых народов на земле". И в другом месте: "Если утверждение Гегеля, что данное общество настолько является историческим, насколько сохраняет свою историческую память, соответствует действительности, то еврейство является наименее историческим из всех, ибо может вспомнить только о многовековом мученичестве или о многовековой индифферентности".

Утверждение Гегеля полностью отвечает действительности. А вот утверждение Сартра ей не отвечает ничуть. Еврейство не просто "может вспомнить", но и активно помнит всю свою историю от зарождения патриархального рода Авраама, Ицхака и Яакова. Мы не разбираем соответствие коллективного воспоминания народа исторической истине. Мы не достоверность истории исследуем - если говорить о достоверности, то очень многие, даже записанные в исторических хрониках события, вызывают сильное сомнение /пример тому - призвание варягов, записанное в летописи, но отрицаемое советскими историками/. Мы говорим о коллективной исторической памяти, которая лежит в основе национального самосознания.

Национальное самосознание - это как бы углубленное в историю этническое самосознание. Человек считает себя шотландцем или французом, так как знает, что его мать, отец, дед и бабка - шотландцы /французы/. Тут начало самосознания этноса: ближайшие предки.

Но понятие "народ", к которому я, ты, он принадлежим, не может ограничиться семьей и родом. Оно требует расширения: не только я и ближайшие родственники, но и все сознающие свою общность со мною, составляют мой народ. Все мы, уверенные в том, что мы дети одного народа, опираемся в этой своей уверенности на общее всем нам историческое воспоминание, пусть оно и не будет во всех своих частях достоверным.

Как русские считают себя потомками тех племен, над которыми княжил Владимир-Красное Солнышко, крестивший своих подданных в Днепре, как французы считают себя потомками галлов, восставших против римлян, как испанцы помнят свою реконкисту, как любой народ считает себя народом, опираясь на свои исторические воспоминания, так и евреи потому объединяют всех себя в своем сознании, что хранят общую память не об одном лишь "монотонном страдании" и жизни в гетто, а и о своем историческом детстве, историческом юношестве и исторической зрелости, - о всей своей истории от кочевий маленького пастушьего племени в Ханаане до сегодняшнего дня.

Воспоминание это обладает всеми положительными моментами, которые обогащают историю любого народа: не одни страдания, но и долгая борьба с угнетателями; не одни изгнания, но и добровольный уход /из Египта/ и добровольное возвращение на родину /из Персии/; не одно исполнение обрядов, но и создание нравственно-философской концепции, запечатленной в книгах, которые являются народными книгами не в меньшей степени, чем былины, саги и легенды, сохраненные у других народов в устной передаче.

Сартр сам подробно и с тонкой наблюдательностью говорит о еврейском рационализме мышления, который отрицает все иррациональное и магическое и, в конце концов, выражается "любовью к абстракции". Верно, но из чего оно проистекает? По Сартру - исключительно от ситуации, в которой находится еврей. А мне думается, в значительно большей степени - от многовековых занятий своими книгами, от

приверженности к книжной мудрости и от привычки, утвердившейся в столетиях, вникать в книгу, толковать ее и мудрствовать над нею.

Мудрствование, конечно, не очень умное занятие, но оно придает человеку веру в силу логики. Не оттого ли еврейский ум так рационалистичен? И не оттого ли он так критичен? Сартр замечает: "Еврейский тип интеллигентности является чаще всего критическим", но оговаривается: "Тут речь идет не о строении клеток мозга, а о выборе оружия, ибо против еврея направлены все силы иррациональной тенденции, расы, инстинкта, предопределения нации и т.д.". А я бы добавил: верно, в борьбе с иррациональностью ненависти к себе еврей, конечно, выбирает оружие разума и критики, но из какого материала и каким инструментом он выковал свое оружие и что научило его обращаться с ним?

Ответ один: его книги, его библия и его талмуд. Над ними можно плоско острить, как острит П. Гольбах, но их историческую роль трудно переоценить. Самая простая и великая в своей простоте заповедь гуманизма создана почти две тысячи лет назад именно талмудом: "Не сделай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе".

Склад ума еврея вырос из талмудической казуистики, из уверенности, что логическими доводами можно все объяснить, из стремления все вокруг осветить светом логики. Спиноза и Маркс обладали изощренным еврейским умом казуиста и книжника. Антиеврейское настроение Маркса /а оно бесспорно/ отражает, как ни странно, еврейский склад его ума: воображать, будто доводами от рационалистического мышления удастся снять с себя позорное клеймо еврейского торгашества, весь позор которого есть лишь плод иррациональных отношений. Чтобы морально самоукрепиться /а также, вероятно, оправдать своего отца, крестившегося, когда мальчику было три года и переименовавшего его из Мордехая в Карла/, Марксу понадобилось оплевать свой народ. Назовите хоть одного мыслителя-нееврея, который бы с такой холодной, обдуманной враждебностью писал о народе, родившем его отца, мать и его самого.

Гейне был менее строг и ригористичен, он обладал как раз той еврейской чертой, которой Марксу решительно нехватало: умением иронизировать над своими бедами и самим собою /это отличительная черта еврейского юмора/. Он был насмешник и скептик и оттого относился к своему крещению проще и рационалистичнее, чем Маркс, а к народу, из которого вышел, - гораздо человечнее его. Как мы видим, стремление к рациональной логике может быть одинаковым, а выводы - разными: в одном случае - враждебность, в другом - сострадание, смешанное с печальной насмешкой.

Но я не причисляю ни произведения Маркса, ни трактаты Спинозы, ни творения Гейне к национальным ценностям еврейского народа. У него есть более древние. Они создавались в течение тысячелетий и составили тот положительный вклад в историю человечества, который позволяет еврею не просто сознавать, что у него есть собственная история, но и с уверенностью опираться на нее.

Вся древняя история евреев изложена в их книгах. И средневековые хроники страданий и преследований, надо заметить, совсем не так подробно известны евреям, как, например, история Маккавеев. А уж об исходе из Египта даже самый ассимилированный еврей хоть краем уха, да слышал. Для исторической памяти, повторяю, не имеет решающего значения достоверность события, особенно такого, которое насчитывает три - три с половиной тысячи лет. Пусть будет легенда - важно, что в ней фигурируют люди, именуемые так же, как мы именуем себя. Каждый знает это

событие - исход евреев из Египта - евреев, а не кого-то другого. А мы тоже евреи - следовательно, между нами пролегла трехтысячелетняя историческая дорога, и она не затерялась в песках. В нашем сознании наша история не имеет перерывов. Всего хватало, и все оставило свои зарубки.

Историческая память позволяет нам выявить преподанную потомству древним племенем евреев и ему принадлежащую великую ценность: свободу. В истории /или легенде, назовите, как хотите/ исхода евреев из Египта заключена идея свободы.

Так можно ли заявлять, что у евреев нет истории? Она есть, и выработанные на ее протяжении духовные ценности подтверждают, что она не была пустой. Она утвердила идею свободы, выразив ее в форме, свойственной тому времени, но не потерявшей своего значения и теперь, - в форме религиозного церемониала. В этом церемониале, в отличие от христианской пасхи, почти нет религиозного элемента, а главную часть составляет торжественный рассказ о том, как Моисей вывел евреев из рабства. Лейтмотивом пасхальной вечери служат много раз повторяемые слова: "Рабами мы были у фараона в Египте".

В обрамление сказания об Исходе вставлены различные чудеса: десять казней египетских, расступившееся море, манна небесная, вода из скалы, - но все они рационалистически объяснимы, что библейская критика и пытается сделать. А стержень сказания - идея самоосвобождения.

Пасха - не единственное воспоминание о рабстве и борьбе с ним, хранимое в памяти евреев. Есть память о Маккавеях, о Иудейской войне 66-70 гг., о восстании Бар-Кохбы - все это записано в книгах, бывших до недавнего времени более или менее знакомыми каждому еврею - во всяком случае, более знакомыми, чем в те же годы каждому русскому были известны призвание варягов и поход князя Игоря Владиславовича. Но русские, хоть и не все знали свою историю, были тем не менее народом со своим историческим самосознанием. Так почему же отказывать в нем евреям?

Правда, в истории тех стран, в которых они жили в рассеянии, их не видно было вплоть до XIX столетия. Во французской, немецкой, испанской, польской, русской истории они принимали чуть заметное и только пассивное участие, как жертвы. Но и чуваши, марийцы, коми, мордва и другие малые народы не принимали заметного участия в русской истории - так можно ли считать их на этом основании неисторическими народами? Нельзя рассматривать малый народ только с позиции большого: он вправе иметь свою собственную внутреннюю жизнь, и она, бегущая по своему естественному руслу, образует его историю. Она может течь медленнее или быстрее - с европейской точки зрения история стран Азии тоже текла медленно. Но что такое медленно и что такое быстро?

Однако если внутренняя река жизни евреев текла отдельно от французской, немецкой или русской, это не дает права французам, немцам или русским считать, что ее вообще не было.

Нет сомнения, что ошибку Сартра на Западе давно заметили и, вероятно, давно о ней написали. Но советский читатель и по сей день не знает этого произведения, так что для него оно сейчас подобно свету далекой звезды, дошедшему через тридцать лет. И то - лишь для очень немногих. К тем, кого Сартр сумел так хорошо разглядеть и с таким непревзойденным сарказмом описать, свет его книги не дойдет и через тридцать световых лет. И они будут все так же коллекционировать и описывать черты еврейского ничтожества, не зная, что их собственное ничтожество давно описано. Так именно оно и было. Писатели, приложившие свою руку к кампании

против космополитов, писали свое, не подозревая, что схема их поведения уже несколько лет как изображена Сартром.

Но вот что примечательно: то, что произошло у нас уже после выхода книги Сартра, должно было бы осветить обратным светом следующие его строки: "Социалистическая революция является необходимой, и ее будет достаточно, чтобы уничтожить антисемитизм". Последующие годы показали, что это утверждение Сартра не оправдалось. Антисемитизм не уничтожен, но изменившиеся исторические условия изменили его личину.

В этой ситуации /употребляя терминологию Сартра/ положительно пророчески звучат его слова: "Антисемитизм не является еврейской проблемой - это наша проблема". И далее: "Нужно осознать каждому, что судьба евреев является его собственной судьбой" /подчеркнуто автором/. Это с каждым днем становится все очевиднее. Маленький /т.е. соответствующий величине моего народа/ еврейский вопрос есть отражение огромного вопроса о том большом народе, в среде которого он живет. Кто этого не понимает, тот слеп. Антисемитизм досаждает гонимым, но он угрожает и жизни гонителей, он разъедает их мозг и опустошает их душу.

И недаром Сартр, касаясь "благородства арийцев, к которому можно было бы воззвать", с горечью замечает, что эта добродетель у самых лучших из них вымирает. Ни одна добродетель не может устоять в атмосфере, отравленной антисемитизмом. От отравления страдают все, и в том числе те, кто сам никогда не был антисемитом. Добродетель вымирает. Я, как еврей, имею моральное право заявить, что она вымирает и у советских евреев.

Сохраняется ли благородство в трусости? Страх - чувство, которое я не берусь судить. Страх испытывают в известных обстоятельствах все живые существа - это их реакция на опасность, не менее естественная, чем боль. Но трусость - это даже не вечная инерция страха, а нечто еще более печальное: душевное качество, порожденное страхом, помноженное на ощущение своей неполноценности.

Избавиться от чувства неполноценности - это мне кажется первейшей задачей воспитания наших /имею в виду еврейских/ детей. Между тем мы их учим чему угодно, кроме того, что должно помочь им преодолеть самый распространенный среди евреев /по крайней мере - русских евреев/ комплекс чувств. Сартр хорошо описывает, как евреи воспитывают своих детей в незнании своего национального происхождения, но он избегает /полагаю, из деликатности/ осуждать за это самих евреев. Верно, что в конечном счете еврейский "образ бытия" создан всей ситуацией, в которой еврей рождается и живет - и, следовательно, виной всему - вражда к евреям, а не их собственная слабость. Но, с другой стороны, разве мы сами, с нашими пусть даже воспитанными ситуацией качествами, не являемся частью своей ситуации? Мы сами принимали участие в создании вокруг нас той обстановки, которая заставляет нас действовать трусливо и недостойно.

Пока мы сами не прорвем замкнутый круг, в котором вращаемся, никто за нас его не прорвет. Мы, наверное, что-то при этом потеряем: освобождая себя от недостатков а, б, в, мы не застрахованы, что попутно не лишимся достоинств г, д, е. Плата высока, находите вы? Согласен. Но думаю, что плата за свободу никогда не бывает слишком большой. Психологический ключ к выходу из еврейской ситуации находится в сказании об исходе из Египта. Когда евреи, которым надоело полное лишений скитание в пустыне, зароптали, Моисей воскликнул: "Рабы, вы проситесь назад к своим горшкам с мясом?"

Видимо, рабство у них было сытое...

II

Советский еврей, обрусевший выше головы, воображает, будто он спас психику своих детей тем, что никогда не вел в их присутствии разговоров на темы о национальности и тем паче об их собственной национальности. Так он спасает, пока внезапно не обнаруживает, что ребенку все известно: о своем еврействе он узнал от другого, большей частью, русского или украинского ребенка.

Но знание это приходит в оскорбительной, болезненной форме. Ребенка можно избавить от травмы, которую наносит это запоздалое сообщение, только одним способом: своевременно пробудить его этническое самосознание.

Внезапно услышать из чужих насмешливых и недобрых уст то, что скрывали в семье, - каково это ребенку? "Раз от меня скрывали, значит это плохое, стыдное. Значит, мы в самом деле хуже других?" Именно отсюда начинается чувство неполноценности. В его основе лежат две взаимно переплетающиеся причины: откровенно отрицательное мнение чужих о вас и подразумеваемое отрицательное мнение родителей о себе, о своей национальности, подтверждаемое тем, что они ее скрывают.

Зачем же евреи ищут корни своего болезненного комплекса во внешней обстановке? Они в их семьях. Отказ еврея от своей национальной принадлежности добавляет к темной вражде со стороны антисемита вполне заслуженное неприятное чувство со стороны любого порядочного человека.

Наша склонность к сокрытию себя и к мимикрии явилась не сразу. К ней привел весь процесс ассимиляции. Ассимиляция больше не прогрессирует - некуда. Но мимикрия усиливается.

В течение последнего столетия у части русского еврейства сложилось и окрепло неуважение к еврейской старине. В свое время оно имело характер активного отпора ей - молодежь искала просвещения и негодующе отбрасывала все старое. Еврейская молодежь того времени досконально знала, от чего она отрекается. Ей были хорошо известны еврейские обычаи, содержание еврейских канонов и суть иудейской религии. Всему этому она сознательно противопоставила свою суть, свои стремления и свои каноны.

Современная ассимилированная еврейская молодежь отворачивается от того, что ей, собственно, незнакомо. А, может, стоит раньше узнать - и тогда уже сознательно выбрать?

Незнание еврейской истории объясняется главным образом тем, что почти вся она, включая еврейский героический эпос, изложена в библии /пятикнижие, пророки и писания/. А библия - книга религиозная. Но она в то же время книга национальная! Знакомство с еврейским эпосом /а заодно и историей/ приравнивается у нас к чтению религиозной литературы, что советскому человеку решительно противопоказано. Под прикрытием изречения "религия - опиум для народа" нас систематически отвращают от нашего прошлого, от желания узнать свою историю и через нее познать самих себя.*/

---

*/ Не один только эпос древних евреев, но и эпос других народов древности входит в книги их религий. "Иллиада" - тоже религиозный эпос, но мы, люди нового времени, не принимаем всерьез греческих богов "Иллиады", мы их попросту не замечаем и потому воспринимаем мифы древней Греции лишь как поэтические сказания, а не как зловредный опиум для народа.

Не одна библия была внесена в реестр вредных для народа книг /вредных и запрещенных!/, но и все другие книги, рисующие дальнейшую, более точно и прозаически записанную историю евреев, тоже были признаны если не вредными, то нежелательными. Во всяком случае, ничего из еврейской истории не издавали. И, уж конечно, не учили.

Все народы мира, в том числе и все народы СССР, гордятся своим героическим эпосом, а евреи должны стыдиться его. Он весь - воплощенный религиозный и националистический пережиток, так вбили нам в голову.

Но мало того, что вбили нам в голову, еще и настращали. Евреи боятся обвинения в национализме, причин для этого предостаточно. Дело врачей, обвиняемых в том, что они получали страшные националистические директивы от американского Джойнта, по-разному помнится разным евреям: одни помнят все его бесчеловечно подлые подробности /например, как Сталин распорядился бить и заковывать подследственных, чтобы вынудить у них признание в собственных преступлениях/, у других эти подробности улетучились из памяти, но страх перед национализмом остался.

Попытаемся все же противопоставить инерции страха доводы рассудка. Что предосудительного в именах Макаби /Маккавеи, как мы произносим/ и Бар-Кохбы, в истории сикариев /"кинжальщики"/, в борьбе Иудеи против римского владычества? Маккавеи и Бар-Кохба делали в Иудее совершенно то же дело, что в других странах многими веками позднее делали Жанна д'Арк, Дмитрий Донской, Симон Боливар, Гарибальди, Шамиль, Хосе Марти, то же дело, которое сегодня делают баскские юноши из организации Эта.

Так что же предосудительного в именах сикариев, бесстрашно боровшихся с римским владычéством в Иудее? Только одно: что они герои еврейского народа. Никаких других причин считать их имена одиозными нет.

Страх показаться еврейским националистом в сочетании с печальной традицией незнания своего прошлого и приводит к тому, что в еврейской ассимилированной семье ребенок не чувствует ни опоры, когда ему вдруг откроется, что он еврей, ни преемственности с мало-мальски отдаленным прошлым. А национальной гордости и подавно. Ее нет и в помине.

Можно спорить, кем следует гордиться народу: казаком Ермаком Тимофеевичем или другим казаком - Емельяном Пугачевым, писателем Герценом или писателем Шолоховым, военным героем Иегудой Макаби или дважды героем Советского Союза генералом Давидом Драгунским - понятен спор об именах и деяниях, но бесспорно, что народ должен помнить /и он всегда склонен помнить/ имена и события, которые поднимают его в собственных глазах.

Народная память, как и память отдельного человека, неизменно отбирает для себя лучшее и возвышенное, стараясь отбросить унизительное и неприятное. В эпосах всех народов воспеты героические моменты их истории и собраны героические легенды, а позорные и грустные страницы упоминаются либо только в качестве назидания, либо как повод для рассказа об их героическо преодолении. Таковы свойства памяти, но значит ли это, что народ, охотно вспоминающий свои героические деяния, не совершал антигероических? Очень даже возможно, что вторых было больше, чем первых. Тем не менее отбор, совершаемый народной памятью, правилен и закономерен. Он помогает нам сохранить наше национальное /а в такой ситуации, как наша сегодняшняя, - и наше человеческое/ достоинство даже тогда, когда ничего другого, что могло бы его поддержать, не остается.

Одно из прекраснейших качеств человека - мужество, так необходимое ему, когда он добивается свободы и равенства. И вот я вспоминаю древнюю, очень древнюю, но подтвержденную археологическими находками страницу из прошлого еврейского народа. Она сочетает в себе и крупицу истории, которую мы так мало знаем, и свидетельство мужества, и заповедь свободы.

В крепости Масада, недалеко от Мертвого моря, в результате раскопок найдены предметы, подтверждающие рассказ Иосифа Флавия об Иудейской войне 66-70 гг. нашей эры.

Крепость Масада была последним оплотом сикариев, этих самых непримиримых борцов против римского владычества в Иудее. Римляне осадили крепость - в ней заперлись 960 сикариев и членов их семей. Когда осажденные увидели, - рассказывает Иосиф Флавий, - что сопротивляться дольше им не удастся, они по призыву своего вождя Элеазара бен Яира решили покончить с собой, чтобы не попасть живыми в руки римлян. Сперва мужчины убили своих жен и детей, а затем стали метать жребий /в древности для жеребьевки употреблялись глиняные черепки/, чтобы избрать десять человек, которым предстояло убить остальных.

"Затем эти десять человек,- продолжает Флавий, - "метали жребий на том же условии, чтобы один лишил жизни остальных девятерых, а вслед за ними поразил и самого себя... И вот девять человек подставили горло под удар, а последний осмотрел многочисленные тела павших - он хотел удостовериться, не уцелел ли среди всего этого избиения кто-нибудь, кому нужна его рука. Видя, что все мертвы, он поджег дворец, собрал все силы, по рукоять вонзил в себя меч и пал возле своих родных..."

Во время раскопок были найдены десять глиняных черепков с написанными на них именами, в том числе и с именем бен Яира, что подтверждает историческую идентичность рассказа Иосифа Флавия.

Эти люди не оставили потомства - они убили своих детей. Но их дух остался жить, и уже через 60 лет, в 130 году, он возродился в восстании Бар-Кохбы. Его воины тоже были почти все перебиты, перевешаны на крестах и проданы на погибель в рабство, - но и их дух не умер. Между ними и нами имеется реальнейшая из всех сознательных связей: уверенность в том, что мы являемся потомками того народа, который сражался за свою свободу две тысячи лет назад. Признавая свое физическое родство, смеем ли мы изменять духовному родству - жажде свободы?

Маккавеи, поднявшие восстание против могучей державы наследников Александра Македонского; сикарии, избравшие добровольную смерть вместо рабства; испанские евреи, оставлявшие свои дома и имущество католическим королям и уходившие в изгнание; повстанцы Варшавского гетто, пожелавшие лучше погибнуть в борьбе, чем продолжать жизнь отверженных в нацистском рейхе - все это всплески народного духа, задыхающегося без свободы. Свобода - позвоночник общества, а без нее оно начинает походить на моллюска, которому, чтобы жить, надо затвориться в раковине.

Для ассимилированного еврея сознание своего родства со всеми другими /и современными, и давным-давно ушедшими из жизни/ евреями является той формой поисков свободы, которая наиболее отвечает как его собственному сегодняшнему положению, так и состоянию всего мира. Для всех малых и недавно еще бывших угнетенными народов личная свобода и достоинство каждого их члена сегодня сливаются с их национальной независимостью.

Мысль о том, что он - потомок евреев, боровшихся, изгоняемых, преследуемых,

но всегда остававшихся верными себе, требует от него быть достойным своих предков.

Поэтому мне кажется глубоко неверным мнение, будто национальное самосознание ассимилированных евреев - лишь плод возрожденного антисемитизма. Что касается советских евреев, то здесь просто произошло совпадение во времени, это обычное в истории перекрещение различных общественных процессов, которое, в свою очередь, приводит к их дальнейшему взаимопроникновению.

Думать, что воскресшее в новых формах юдофобство и только оно пробудило национальные чувства евреев, - это чистый схематизм. Национальные чувства лежат глубже, чем предусмотрено вколоченной нам в голову схемой. Они - как уголья в глубине сознания. Антисемитизм же, как и всякая другая форма человеконенавистничества, может лишь сослужить службу ветра, развеивающего то, что погасло, но раздувающего то, что сохранило жар.

Никто же не скажет, что русский потому русский, что в 1942 году какой-нибудь эсэсовец заорал на него: "Ду, руссише швайн!" Почему же у евреев иначе, и они только потому осознают себя евреями, что есть антисемитизм?

Мы евреи из самих себя, в том же самом значении, в каком русские - русские. Как русскому народу нет нужды примащиваться к Жанне д'Арк, имея своего Кутузова и генерала Раевского с сыновьями, так и евреям нет нужды примащиваться к генералу Раевскому, когда у них есть Элеазар бен Яир и Иегуда Макаби.

Мой стакан мал, но я пью из своего стакана, и в этом национализма не больше, чем у любого другого народа. Вино в моем стакане ничуть не хуже других вин, а возрастом оно еще и постарше: восстание Маккавеев происходило 2140 лет назад, а историческому эпизоду с убившими себя сикариями недавно исполнилось девятнадцать столетий.

Тысячу раз прав Сартр, заявляя, что антисемитизм - проблема не еврейская, а проблема народа, среди которого евреи живут. Верно, но снимается ли с евреев проблема ответа? Чтобы ответить на антисемитизм, надо первым делом без увиливаний признать, что он есть. А признав, не склонять перед ним головы.

Наша история позволяет нам с достоинством носить наше имя. Мы - евреи! Отторгнуть мимикрию и приспособленчество - наш единственно достойный ответ антисемитизму. Мы - евреи со своей историей, своим национальным самосознанием, своим государством, своим прошлым, настоящим и - будем надеяться - будущим. Антисемитизм пытается продиктовать нам, какими нам следует с его точки зрения быть. Этот вопрос мы способны решить сами, не обращаясь к нему за указаниями.

Евреи поразили мир, показав, что возрождение народа начинается с его самоосвобождения. Советские евреи - часть своего народа. Слова Гиллеля обращены к ним: им эйн ани ли, ми ли? Если я себе не помогу сам, кто мне поможет?

ЛЕВ КОПЕЛЕВ

ЖИЛ-БЫЛ ПОЭТ

Лев Зиновьевич Копелев известен в России и на Западе своими работами по немецкой литературе. В России опубликованы его книги: "Сердце всегда слева" /сборник статей о немецкой литературе/, "Б. Брехт" в серии "ЖЗЛ", книга о "Фаусте" Гете и многочисленные статьи на темы немецкой литературы и театра. В ФРГ вышли книги Копелева "Толстой и Гете", "Фауст в России" и сборник статей о немецкой литературе.

В этом году на Западе вышла на русском и немецком языках биографическая книга Л. Копелева "Хранить вечно". Она сразу стала бестселлером и сейчас переводится почти на все европейские и японский языки.

Книга о Г. Гейне, главы из которой мы начинаем публиковать в этом номере журнала, написана в 1966-69 гг. для серии "Жизнь замечательных людей". Она осталась неопубликованной, так как издательства "Молодая гвардия" и "Советский писатель" отклонили рукопись, обнаружив в ней "множество неисправимых идеологических и эстетических пороков".

В 1968 году Л. Копелев был исключен из партии за выступление в западной печати против реабилитации Сталина, а также за письмо в ЦК в защиту Гинзбурга и Галанскова и за выступление в Союзе писателей.

Л.З. Копелев родился в 1912 году в Киеве, учился на философском факультете Харьковского университета, в 1935 году был исключен из университета и из комсомола за связь с братом-троцкистом. Позднее учился в Москве в ИФЛИ, где в 1941 году закончил аспирантуру. В 1945 году во фронтовом госпитале Л. Копелев был арестован и осужден на 10 лет. Из них семь лет он провел в знаменитой "шарашке", в которой работал и А. Солженицын и которую он описал в книге "В круге первом". В 1956 году Копелев был реабилитирован и восстановлен в партии. Будучи исключенным из партии, оставался членом Союза писателей. Работает в Москве. В нашем журнале печатается впервые.

1. Гарри Гейне в Берлине

Профессор Губиц, редактор журнала "Собеседник", внимательно глядел на посетителя, который подал ему несколько плотных листов, исписанных стихами; крупным шрифтом - общее заглавие: "Поэтические выставки".

Профессор впервые видел этого молодого щеголя, эти настороженно прищуренные синие глаза. Он посмотрел на последний лист - подпись Г. Гейне.

- Я никак не могу быть вам известен, но именно с вашей помощью я и хочу стать известным.

Он улыбнулся так добродушно и лукаво, что Губиц засмеялся; не впервые встречал он молодых виршеплетов, пытавшихся развязностью одолеть страх. Однако этот бойкий рейнландец, - по говору слышно, - располагал к себе.

- Ну что ж, если получится, буду рад... Будьте любезны зайти в следующее воскресенье.

Губица стихи поразили. Он несколько раз перечитывал поэму о ночном сборище на кладбище: мертвецы пели и рассказывали о любви; портняжный подмастерье, артист, разбойник, студент, охотник, - их всех свела в могилу злосполучная любовь, и каждый пел на свой лад, своими словами... Это были обычные слова, такие, которые чаще услышишь на улице, чем увидишь в книге; но из этих слов возникала музыка, - странная музыка, и печальная, и насмешливая, и влекущая непонятной, необъяснимой силой.

Редактор узнавал знакомые мотивы - одни строки напоминали о балладах Бюргера, другие о страшных сказках Гофмана, и, конечно же, нечто подобное он читал в одной из толстых книжек Вульпиуса, - его многословные романы о разбойниках и привидениях находили куда больше читателей, чем прекрасные книги его великого шурина Гете. - А вот это похоже на песни, которые он слышал еще в детстве от няни, - или на рынке... пел старый нищий... И все же стихи были необычны, словно бы и такие же, как давно знакомые песни, и совсем иные, чем все, к чему он привык.

Губиц не хотел признаваться себе, что с нетерпением ждет встречи с автором.

- Ну что ж, господин Гейне, я готов напечатать ваши стихи, - разумеется, после некоторых исправлений. И, я надеюсь, вы будете иметь успех у читателей; у вас есть фантазия, известное мастерство. Но если бы я не имел удовольствия познакомиться с вами, то автора этих стихов я представлял бы себе совсем иным... Значительно старше и таким, знаете ли, бледным, изможденным страстями, с угрюмым и скорбным взглядом из глубины темных глазниц...

- Что ж, возможно, вы угадали мой внутренний облик, профессор... Я готов согласиться с вами, если это ускорит напечатание стихов.

- Для этого нужно устранить в них некоторые погрешности - чисто внешние, и за одним исключением совершенно незначительные... Строки рябят от апострофов... вы все время сокращаете, усекаете слова так, как их произносят в обычном разговоре и в речи простолюдинов. И рифмуете вот здесь, здесь и здесь весьма неточно. Это, по-моему, все же от небрежности.

- Простите, профессор, но я осмелюсь не согласиться. Все это никак не от небрежности. Напротив, - Лютер завещал нам "глядеть в рыло простому народу", - вот я и гляжу.

- Что ж, Лютеру грешно было бы возражать... Народный язык, народная песня - неисчерпаемые источники. Уроки самого Лютера, и Гердера, и Гете, и Бюргера достаточно убедительны... Однако поэт ведь не может просто повторять все, что слышит... Он должен обрабатывать дары щедрой природы... И, право же, не все слова, которые извергаются из народных уст, - Лютер говорил по-старинному "рыло", но я предпочитаю говорить - уста или рот, - годятся для поэзии. Бывают и вовсе непристойные. Иные требуется облагородить, причесать.

- Вы правы, очень правы, профессор, и я незамедлительно уберу все непристойные слова, на которые вы укажете... Но от причесывания увольте... Не могу. Мне дороги в стихах именно буйные нечесанные кудри народной речи, а уж никак не напомаженные, прилизанные светские куафюры и не пыльные книжные парики.

Губица раздражало такое упрямство, - ведь, казалось бы, так любезен, так

благовоспитан и так хочет увидеть свои стихи в печати, а не уступает ни одного апострофа. Но ему все больше нравился упрямец, - настоящий поэт, дорожит своим словом больше, чем благосклонностью редактора.

- Вы все же возьмите эти стихи на несколько дней, перечитайте разок-другой. Может быть, и подправите иной, слишком уж дерзко торчащий вихор. А в стихотворении о брачной ночи я считаю совершенно необходимым убрать некоторые строфы или существенно изменить... Цензора их не пропустят... Сочтут их безнравственными и безбожными, и, право же, не без оснований. Однако в целом это прекрасное произведение, и я хочу его опубликовать.

* * *

В мае 1821 года в "Собеседнике" были напечатаны пять стихотворений, подписанных Г. Гейне.

Он вдыхал горьковатый скипидарный запах типографской краски, как сладчайшее благоухание.

Первыми его поздравили новые друзья - Рахель и Карл-Август Фарнхаген фон Энзе, в их доме Гарри был частым и желанным гостем, и Гарри очень льстило, что именно они принимали его непринужденно, по-дружески, как равного.

Рахель Фарнхаген уже перевалило за 50, хотя она и казалась моложе. Она была некрасива, но широко расставленные темные печальные, добрые глаза под густыми бровями как бы заставляли не замечать и большой тонкий нос, и длинный подбородок, и девичью не по годам прическу: гроздья завитых темных кудрей на висках и высокий пучок на макушке. Трудно было поверить, что муж на целых четырнадцать лет моложе ее.

Тайный советник Карл Август Фарнхаген фон Энзе был земляком Гейне - он родился в Дюссельдорфе, в семье небогатого, но родовитого дворянина. С юности он писал стихи и восемнадцатилетним студентом вдвоем с другом-поэтом Шамиссо издавал журнал "Альманах муз", но вскоре началась война, он стал офицером австрийской армии, был ранен в бою, получил повышение. Как адъютант австрийского принца он после заключения мира побывал при дворе Наполеона, но когда Австрия оказалась на время союзницей французского императора, начавшего войну против России, он перешел на службу в русскую армию, участвовал в боях и с войсками царя вошел в Париж. Потом он вернулся на родину, стал прусским сановником, советником по делам юриспруденции. Но вскоре был отстранен от службы как либерал, покровитель демагогов и сомнительных литераторов. Он и сам публиковал не только жизнеописания прославленных прусских полководцев, - это бы еще куда ни шло, хотя и так сказывалось его вольномыслие, недопустимо критическое отношение к монархии, к аристократии, - но и рассказы, и стихи, и статьи о литературе.

Фарнхаген полюбил Рахель Левин - дочь берлинского купца, мечтательную, серьезную барышню, которую все называли старой девой - ей было уже под сорок. Но ее друзья, в том числе брат короля, просвещенный принц Луи Фердинанд, граф Марвиц - приятель Фарнхагена - прусский офицер, патриот и литератор, считали Рахель гениальной, восхищались ее образованностью, вкусом, необычайно проницательным умом, душевной отзывчивостью и добротой. Они говорили, что Рахель понимала с полуслова, а то и вовсе без слов каждого, с кем ее знакомили, никогда не ждала просьб о помощи, об утешении, всегда сама догадывалась, кому это необходимо... Луи Фердинанд и Марвиц погибли в боях в 1813 году; ее горе казалось

навсегда безутешным. Но молодой капитан Варнхаген так же, как она, любил стихи и музыку, так же, как она, чтил Гете превыше всех святынь земных и небесных. Он даже издал отдельной книгой свою переписку с ней о Гете, и сам Юпитер веймарский благосклонно отозвался об этом издании.

Молодой офицер полюбил Рахель нежно, почтительно и страстно, со всем пылом восторженного рейнландца. Она согласилась стать его женой и для этого крестилась, приняла имя Фредерики - так она подписывала рецензии. Их дом в Берлине на Францозенштрассе друзья называли самым гостеприимным пристанищем граций и муз, средоточием духовной жизни столицы, а противники прозвали кумирней старого веймарского фавна Гете. По вечерам здесь собирались постоянные и случайные гости, слушали поэтов, пианистов, говорили о книгах и спектаклях, о концертах чудо-мальчика двенадцатилетнего Феликса Мендельсона, о новом романе Гете "Годы странствий Вильгельма Мейстера", о смерти Наполеона на острове Св. Елены, о проекте прекрасного здания берлинского театра, законченном Шинкелем, о поразительном искусства балерины Фанни Эльснер, которая, по мнению всех рецензентов, превзошла несравненную Тальони. В углу гостиной профессор Гегель, презрительно щуря большие, водянисто-голубые глаза и вжимая в крахмальный остроугольный воротничок отвисающие бледные щеки, вежливо спорил с Шлейермахером - седым коротышкой в черном пасторском сюртуке, который доказывал ему, что незачем заменять имя Бога отвлеченным понятием Абсолютного духа.

Альберт Шамиссо, высокий, тонколицый, с мягкими седыми кудрями, спадающими с плеч, и Александр фон Гумбольт, плечистый белокурый великан, вспоминали далекие страны, где они оба побывали в разное время - рассказывали о непроходимых лесах Сибири, о таинственных индийских храмах. Поэт и офицер де ла Мотт Фуке,поглаживая остроконечные мушкетерские усы, говорил о романтической поэзии, которая доблестно противоборствует педантизму критики.

Новому гостю, восхищенному атмосферой мягкого дружелюбия в доме, где прославленные гениальные мужи беседуют с простыми смертными, приветливая хозяйка объяснила:

- Не думайте, что у нас тут парады знаменитостей. Просто собираются люди разных призваний, разных поколений и разных сословий, люди, участвующие или еще только желающие участвовать в духовной, в литературной жизни, любящие искусство... Людям ведь необходимо общаться друг с другом; это необходимо, чтобы воспитывать разум, чтобы любить, чтобы знать истину и быть справедливым...

Гарри в доме Фарнхагенов на первых порах застенчиво молчал, держался в стороне. Но когда его просили прочесть стихи, он не отнекивался, и по мере того, как он читал, его ломкий тенор креп, звучал все ровнее, то мужественно страстно, то сардонически насмешливо.

Внимание и похвалы слушателей придавали ему уверенность. А критические отзывы его не смущали и не слишком огорчали. Рахель говорила о недостатках его стихов только наедине с ним и тогда бывала беспощадно сурова. Но при других она его хвалила и всегда именно за то, что ему самому больше всего нравилось, замечая легчайшие оттенки его мыслей. Гарри всем говорил, что она самая умная женщина во всей вселенной.

По вторникам Рахель и Карл-Август, многие из их друзей, а с ними и Гейне на весь вечер приходили в дом баронессы Элизабет фон Хахенгаузен, - переводчицы Байрона и Вальтера Скотта, приятельницы и покровительницы литераторов. В ее салоне тоже читали Гете, но главным поэтическим героем века считали Байрона...

И если Элизабет Хахенгаузен назвала Гейне немецким наследником Байрона - это означало высочайшую похвалу.

Только один из ее приятелей, Эдуард Ганс, молодой правовед, ученик Гегеля, позволял себе иногда перечить восторженным похвалам. Он посмеивался над неумеренной чувствительностью Гейне и над романтическими рыцарскими фантазиями, которые так противоречили его болезненной бледности и постоянным головным болям.

- Вы грешите только на бумаге, милейший Гейне, только в стихах вы забияка, пьянчуга и развратник, а в действительности вы самый кроткий, самый трезвый из всех, кто когда-либо назывался буршем и, конечно же, целомудренны, как лилия...

Гейне отмалчивался или незлобно отшучивался. В Гансе он видел наставника. Именно Ганс привел его в "Общество по распространению культуры и науки среди евреев", созданное в Берлине несколькими профессорами университета, литераторами и журналистами.

Прошло семь лет с тех пор, как последние французские гренадеры ушли из Германии; недавно еще грозный непобедимый император лежал в каменистой могиле далеко за океаном. Французскую тиранию теперь проклинали все. Менее других те, кто действительно сражался против империи, как де ла Мотт Фуке или Фарнхаген.Зато тем более громко и неистово ругались те, кто раньше лебезил перед Наполеоном, и те, кому из-за него пришлось поступиться родовой гордостью, привилегиями, кому досаждали новые порядки, новые законы, принесенные французами или возникшие под их влиянием... Прусские, саксонские, баварские и прочие немецкие власти преследовали демагогов, либералов, своевольных буршей и всех, в ком только мерещились приметы злокозненных французских мечтаний о свободе, равенстве и братстве. Но французы давно ушли и сами вернулись к старым порядкам. А в Германии среди остатков недавнего прошлого еще кое-где сохранялось гражданское равноправие евреев.

Чиновники и офицеры, гордившиеся дворянством, презирали торговцев, ремесленников и свысока смотрели на крестьян. Бюргеры побогаче пренебрегали бедняками, голодранцами. Бойкие горожане посмеивались над неотесанной деревенщиной. Студенты считали себя вольными учеными, а прочих людей - филистерами. Во всех сословиях были патриоты, которые презирали и ненавидели французов. Однако французы были недосягаемо далеко и потому "истинные германцы" всех сословий тем более презирали и ненавидели евреев, которые оставались вблизи.

После убийства Коцебу газеты и проповедники пугали немецких обывателей: демагоги и евреи-заговорщики угрожают мирным немцам, хотят, чтобы снова были террор, гильотина, кровавая власть санкюлотов, опять войны, постои, осады, контрибуции, пожары, голод, разорение, гибель...

В Гамбурге летом 1819 года толпы громил разбивали окна в домах, где жили евреи, в лавках и конторах пьяные хулиганы колотили каждого, на кого указывали - "еврей". У жителей Гамбурга свежи были воспоминания об осаде, о жестокой власти мастера Даву, о грабежах французских фуражиров. Из этих горьких воспоминаний рождался злобный подмывающий клич-улюлюканье: "Хеп-хеп, юде феррек!.. Хеп-хеп!.." /т.е. "Хеп-хеп, еврей подохни!"/. Благоразумные и справедливые тщетно старались напомнить, что сапожник Мозес и бакалейщик Итциг, и даже банкир Гейне тоже пострадали от власти французов, что их единоверцы тоже служили в гамбургском ополчении и сражались против егерей и гвардейцев Даву, что на еврейском кладбище немало могил ополченцев, погибших за немецкое отечество... Никакие доводы не убеждали. - А кто им дал права? - Французы! Кто им позволил

избирать в сенат и платить такие же налоги, как христиане? - Наполеон! - Хеп-хеп, юде феррек!

В городском доме Соломона Гейне были выбиты стекла, нескольких служащих его банка поколотили, и они ходили с перебинтованными головами.

Гарри никогда не забывал эти дни. И в последующие годы на улицах Гамбурга иногда раздавался тот же истошный погромный крик. В Берлине ему напоминали о необычности его исторической судьбы уже не пьяные хулиганы, а вполне трезвые, законопослушные и образованные ревнители христианско-прусского государства. Профессор истории берлинского университета Руэсс опубликовал брошюру "О претензиях евреев на немецкие гражданские права", в которой доказывал, что враги христианской веры должны быть резко отделены от всех других граждан, должны носить особую одежду, жить в особых кварталах. Некто "барон Х издал памфлет "Зерцало еврейства", в котором настаивал, что "убийство еврея должно считаться не грехом и не преступлением, а разве что проступком, нарушением общественного порядка, подлежащим только полицейскому взысканию". Он же предлагал продать возможно больше евреев англичанам для работы на заокеанских плантациях, поскольку английский парламент запретил торговлю черными рабами. Решительный барон требовал кастрировать всех евреев мужского пола, которые останутся в Германии, а женщин и девиц передать в публичные дома...

Во многих немецко-еврейских семьях кипели споры. Раввины, фанатичные старики, а кое-где и молодые ортодоксы утверждали, что все это - божья кара за отступничество, за нарушение священных законов Моисея и предписаний талмуда, за братание с христианами - "гоями", за нелепое желание слиться с ними в безбожной общности единой немецкой нации, единой национальной культуры, единой патриотической гражданственности... Все это безумие и греховные мечтания - нет никаких наций, никаких граждан, а есть одна праведная Моисеева вера и множество заблуждений языческих, христианских, мусульманских. И есть один избранный божий народ; мстительный бог Иегова его покарал за строптивость и легкомыслие лишением родины, рассеянием по земле. И те, кто опять пренебрегает суровыми законами Бога, навлекают новые беды на своих несчастных сородичей, ведь за особо тяжкие грехи воздается не только самим грешникам, но и всем их кровным, до седьмого колена... Ибо сказано в писании: "отцы ели зеленые яблоки, а у детей оскомина..."

Большинство молодежи и образованные люди всех возрастов отвергали проповеди фанатиков. Споры выплескивались за стены частных домов, клокотали на собраниях общин, в притворах синагог.

В Гамбурге, во Франкфурте и в некоторых других городах выступили сторонники еврейско-немецкой религиозной реформации. Они требовали, чтобы все священные книги были переведены на немецкий язык, чтобы занятия в раввинских школах и богослужение в синагогах велись по-немецки. Они говорили: есть немцы - католики, немцы - лютеране, немцы - баптисты, а мы немцы-иудеи... Различия вероисповедания не означают различия в национальности. Для нас древнееврейский язык - то же, что латынь для католиков. Но родной наш язык - немецкий, и дух и душа у нас - немецкие.

Мать Гарри говорила: то печальное время, когда на немецкой земле еще гремели пушки, обладало одним достоинством - "тогда Германия все еще была Германией, и все, кто говорил по-немецки, были братьями". Обращаясь к сыновьям, которые покидали родной город, чтобы учиться и работать в других немецких краях или за

границей, она писала: "Обещайте мне... никогда не искать пристанища в мелком государстве, избирайте великие города и великие государства, но везде сохраняйте немецкое сердце, верное немецкому народу".

Подобные наставления Гарри слышал и от отца, и от дядей. Друзья его детства и юности, сыновья христианских семейств Кристиан Зете, Иоганн Руссо, его новые берлинские друзья и добрые знакомые - аристократ Фарнхаген фон Энзе, педантичный блюститель немецкой словесности профессор Губиц, христианский богослов Шлейермахер и сам высокомудрый воспитатель прусских патриотов Гегель, - считали его немцем, таким же, как они, видели в нем восходящую звезду новой немецкой поэзии.Родители де ла Мотт Фуке и Адальберта Шамиссо были французами,а родители Николауса Ленау - венграми, но сыновья стали немецкими поэтами. В их стихах немецкое слово обретало новые животворные воплощения. Они и прославили, и обогатили немецкий язык и придают новые силы немецкому духу.

Так и он немец. И наяву,и во снах он дышит немецким воздухом, он и радуется, и горюет по-немецки; над его колыбелью звучала немецкая песня, и первое его слово "мама" и первое признание в любви были немецкими, и все его стихи, и мечты, и мысли - немецкие.

Но в памяти не умолкало злое гоготание "хеп-хеп" и профессор Рэусс, живущий на соседней улице, требовал, чтобы он надел желтую повязку, и только вчера в университетском коридоре он слышал, как бурши в черных куртках со шнурками, хохоча, рассказывали о веселом спектакле, о комедии "Юденшуле", высмеивающей евреев, которые пытаются подражать христианам...

* * *

"Общество распространения культуры и науки" создали берлинские интеллигенты, которые хотели, вопреки всем антисемитам, казенно верноподанным и патриотически-демократическим, а также вопреки еврейским ортодоксам, обучать юношей из еврейских семей, чтобы они приобщались к немецкой культуре.

Эдуард Ганс и его товарищи по "Обществу" Мозес Мозер и Леопольд Цунц, которые также бывали в доме Хохенхаузенов и там познакомились с Гейне, просили его стать преподавателем в созданном ими училище. Он согласился. Один из его тогдашних учеников вспоминал:

"Гейне давал нам уроки французского и немецкого языков и истории Германии; рассказывал он отлично, с большим воодушевлением и с неподражаемым поэтическим энтузиазмом описывал победы Арминия Германца и поражение римлян в Тевтобургском лесу. Арминий был для него образцом героя и патриота, который рисковал своей жизнью и всем своим достоянием, чтобы добиться освобождения своего народа и свергнуть римское иго. И когда Гейне очень громко восклицал, повторяя слова императора Августа: "Вар! Вар! верни мне мои легионы!", в его голосе звучала сердечная радость, его прекрасные глаза сверкали, и все его выразительное мужественное лицо светилось... При этом он горестно сетовал на разорванность нашего отечества и говорил: "Когда я смотрю на карту Германии, на множество разноцветных пятен, меня охватывает настоящий ужас... Тщетно спрашиваешь себя: где же собственно Германия, чья в ней власть?"

... О своей родине, о рейнской области он всегда говорил с восторгом и описывал ее как "земной рай".

2. Повесть, которая осталась незаконченной

На столах, на подоконниках, на стульях, даже на постели громоздились книги - старые пыльные фолианты, обтянутые потрескавшейся кожей, маленькие толстые томики в картонных обложках, растрепанные брошюры и совсем новые издания, скипидарно пахнувшие типографской краской, еще не разрезанные. Прозрачные серые строки латинских шрифтов, плавно округлых и тонких, казались покойно величавыми рядом с черной угловатой щетиной убористой готической печати. Своды законов Рима и Германии. Кодексы. Пандекты. Комментарии. Сочинения историков. Юридические трактаты. Учебники. Полемические памфлеты. Но в груды книг, необходимых для подготовки к экзаменам, забирались и романы, и сборники стихов, и несколько старых и новых исторических работ о жизни евреев в средние века в Испании и Германии. Он писал историческую повесть "Рабби из Бахераха". В Берлине его просвещенные друзья Ганс, Мозер и Цунц спорили о трагических судьбах его предков, об их несказанных унижениях и сатанинской гордости. Он не знал их языка, не верил их святыням и не понимал, что удерживало их от того, чтобы, откинув древние суеверия, давно обветшавшие предания, отказаться от своей пресловутой религии и тем самым избавиться от постыдного бесправия, от поношений, истязаний, гибельных угроз... Он хотел понять их и понять себя - связывает ли его с ними еще хоть что-нибудь и что же именно...

Но для того, чтобы понять, он должен был писать, изображать людей, слушать их речи, наблюдать их поступки. Он должен был увидеть, показать и себе, и другим, как жили эти странные предки, ощутить их гордость, их позор, их боль, плакать и смеяться с ними, полюбить и возненавидеть то, что они любили и ненавидели, узнать все, что знали они.

Ох, и беспокойное же было это племя. Мирные, прилежные землепашцы - виноградари, огородники, пастухи, оборотистые торговцы и жрецы-книгочеи внезапно становились исступленными фанатиками, жестокими убийцами и бесстрашными воинами, едва кто-нибудь посягал на их молельни и храмы.

Что же так привлекало их, так привязывало к этим храмам, безрадостным и безликим? Ведь у них не было ни одного изображения богов, подобных людям или животным, ни солнцеликой Астарты, ни священных быков или змей... Они не поклонялись ничему одушевленному, ничему живому, осязаемому. Ими владела невидимая сила, таинственная и все же всевластная, всеведущая - единый и единственный Бог - творец всего мира Ягве; он открылся убогим кочевникам, творил жестокие чудеса, этот ревнивый, злопамятный и мстительный бог. Своему избранному народу он сперва подарил обетованную землю, а потом отнял ее и разогнал по всей земле некогда богатые и могучие племена, обрекая их на беды, на все новые горестные и позорные испытания. Но ведь именно этого Бога почитали и другие народы. Христиане видели в нем Бога-отца, пославшего своего сына Иисуса Христа, чтобы тот учил и страдал и стал кровавой жертвой во искупление грехов человеческих. Впервые не люди приносили жертвы богам, а Бог - сын Божий принес себя в жертву людям. Ревнители Ветхого Завета не признавали его, но он сам называл себя отпрыском их народа, избранного Иеговой, прямым наследником царей иудейских. И магометане поклонялись все тому же библейскому Богу, называя его Аллахом, наставником Магомета, и чтили тех же пророков...

Библия - книга книг, исполненная дикой и нежной поэзии; многоцветными покровами устилают ее сказания о чудесах и подвигах, о многих жестоких изуверах и немногих добряках. Древние слова Библии, столько раз благоговейно переписанные,

пересказанные на стольких языках, политые слезами, исцелованные губами, запекшимися от ужаса или похоти, утешали стольких жаждущих просветления и спасения. Эти слова и тысячелетия спустя звучат с неослабной силой, то величаво-неторопливым речитативом, то задыхающимися от страсти любовными заклинаниями Песни Песней, то горестными, то ликующими напевами псалмов и молитв, то проклятиями неистовых пророков.

Библия влекла его с детства. Безликая сила божества обретала в ней множество лиц. Неосязаемая, она ухватывала его сильнее, чем, бывало, самый суровый учитель, и волокла по горячим пескам пустынь, по цветущим садам Ханаана, по каменистым берегам Вавилонских рек, по крутым тропам Голгофы...

Но ведь все эти чудеса творила Библия, говорившая с ним по-немецки. Он не понимал и не любил заунывные напевы синагогальных чтецов, раскачивавшихся над старыми свитками. Патриархи, цари, судьи и пророки древней Иудеи говорили с ним языком неистового саксонского монаха Мартина Лютера. Этот плечистый сын углекопа, широколобый крикун и задира, швырнул чернильницей в дьявола, мешавшего ему переводить святую книгу...

А впервые он услышал библейские тексты в школе и в церкви Дюссельдорфа; там они звучали на латыни - на языке, звеневшем, как мечи и доспехи римских воинов - на том же языке, отчетливом, как резьба каменотеса, на котором писали и законодатели древнего Рима, и велеречивые комментаторы позднейших времен.

Так что же привлекало его в Библии? Нет, не голос крови, не горделивое сознание родственных связей с безымянными авторами этих книг. Нет, это было, пожалуй, то же чувство прекрасного таинства, которое пробирало внезапной дрожью восторга, когда он впервые слушал мессу в большом дюссельдорфском соборе, и всегда, когда он читал Шекспира или Гете, и когда весенним вечером над Рейном прислушивался к песням девушек.

Но все же ему приятно было думать, что древние предания и гимны, поэтически преображенные были и фантастические небылицы, созданные двадцать или тридцать веков тому назад маленьким племенем воинствующих пастухов, рыбаков и виноградарей, все еще продолжали излучать живой огонь, который зажигал вдохновением Лютера и Микель Анджело, Мильтона и Баха и что в этой необычайно жизнеспособной и животворной книге есть страницы, сочиненные его собственными кровными далекими предками. Это от них он унаследовал и печально задумчивый взгляд и болезненно острый слух, да, вероятно, и проклятую склонность подмешивать к нежной грусти злые насмешки, подсыпать к сладчайшей радости жгучую соль тоски. Только у старых теток матери ел он необычайное лакомство - горькую редьку, сваренную в меду.

Впрочем, и Шекспир, написавший Гамлета и Лира, зубоскалил с могильщиками и грустил с шутами. А Вольтер, чьи насмешки не щадили ни рая, ни ада, и Гете, вместивший в одной поэтической душе нежно чувствительного Вертера и неукротимого Геца, скорбного Тассо и саркастического Мефистофеля, унаследовали те же, навсегда неразрешимые библейские противоречия. И эти трое великих - британец, француз и немец - ему, поэту из Дюссельдорфа, куда более близкая родня, чем псалмопевцы и пророки Ветхого Завета...

Но почему же все-таки ноет сердце, когда он вспоминает сиплое завывание рога, которым старый служка на ступенях синагоги возвещал Судный день - день печали и покаяния? Почему веки припекает слезами, когда он думает о темных больших детских глазах, широко распахнутых страхом и скорбью, о глазах тех черно-

курчавых детей, которых он видел и в узких переулках берлинской окраины и на пыльных дорогах Польши, и в низких сводчатых подворотнях Гамбурга?..

Эти неотвязные вопросы зудят, сверлят в мыслях и в сердце. И он пишет о людях в средневековом гетто рейнского городка Бахерах, о том, какими они были разными, непохожими друг на друга, о том, как их всех - мудрых и глупых, добрых и злых, трусливых и отважных, бескорыстных и жадных, сбивали в одну общину, связывали, слепляли воедино и стены гетто и еще более высокие, более прочные - хотя и незримые - внешние стены ненависти и недоверия, презрения и непонимания, со всех сторон замыкавшие непроницаемо плотными слоями их удушливо тесный мир.

Чтобы глубже проникнуть в него, чтобы увидеть, узнать правду, только правду, - побольше правды, хорошо бы всю правду, - Гейне читал старые летописи, книги историков, богословов. Но чем больше он узнавал, тем чаще возникали все новые, все менее разрешимые недоуменные вопросы.

Родственники его матери фон Гельдерны гордились происхождением от испанских евреев - "сефардов", изгнанных инквизицией; они свысока смотрели на своих среднеевропейских единоверцев "ашкенази". Отцовская родня не знала таких аристократических претензий, в роду Гейне помнили только ближайших дедов-прадедов, они происходили из Гамбурга-Альтоны, где сефарды и ашкенази давно перемешались. Но его уже с юности влекла Испания; в самых ранних его стихах и в "Альмансоре" воплотилось это влечение к стране, где не меньше тысячи лет прожили его предки. В государстве мавританских калифов они были равноправными гражданами: крестьянами, ремесленниками, купцами, рыцарями, учеными, философами и врачами. На первых порах еще в христианских королевствах Кастилии, Леона, Каталонии мусульмане и евреи могли почти беспрепятственно возделывать землю, строить свои храмы, участвовать в рыцарских турнирах, - только податей они платили больше, чем христиане. В то же самое время на севере и на востоке Европы, во франкских, бургундских, немецких и итальянских городах их жестоко преследовали.

В 1000-м году в Европе ожидали конца света - конца тысячелетнего царства, предсказанного Апокалипсисом; толпы людей, ослепленных страхом и натравленных фанатиками, бросались убивать и насильно крестить врагов Христовых. Потом евреев громили и резали в годы крестовых походов, закапывали живьем во время засух и землетрясений, жгли на кострах, чтобы отогнать чуму и оспу... Тех, кто уцелел и все же не согласился принять святое крещение, загоняли в гетто. Им запрещалось владеть землей и обрабатывать землю, запрещалось носить мечи и шпоры, запрещалось купаться в реках и появляться на дорогах в воскресенье. Их заставляли носить особые колпаки, особого покроя одежды, отмеченные желтыми - издалека видными - знаками. Их можно было оскорблять, грабить, убивать; христианские суды не принимали от них жалоб...

И все же они оставались верны своему жестокому Богу, так страшно, так унизительно их испытавшему. Оплакав и похоронив убитых, едва залечив раны, они опять возвращались на пепелища; изгнанные из одного города, они находили убогое пристанище в другом; собирали по щепкам, по камешкам хижины, а потом строили дома и молельни. И вскоре уже снова гремели молоты кузнецов и жестянщиков, перестукивались молотки столяров и сапожников, цокотали молоточки ювелиров и часовщиков, заунывно распевали портные, сидевшие, поджав ноги, на столах, крикливо суетились торговцы за прилавками, менялы позванивали монетами. У домов, где жили врачи, у аптек, источавших таинственные пряные запахи, толпились жаждущие исцеления, и среди них было немало христиан, которые брезгливо, но с любопытством оглядывали узкие грязные улочки, убогие дома, населенные теми, кто

проклят на вечные муки...

Добропорядочные бюргеры и бывалые ландскнехты, веселые бродяги-подмастерья и спесивые дворяне чаще всего просто не могли понять, почему эти работящие, грамотные и вроде бы незлобивые люди не хотят спасти себя и своих детей от ада на том свете и оскорблений на земле.

И Гейне все меньше понимал это... Его испанские прадеды не знали таких унижений, как немецкие. Когда святая инквизиция добилась, наконец, законов о расправе с иноверцами - это было как раз в год открытия Америки - часть приняла крещение, некоторые даже стали испанскими дворянами или получили цеховые привилегии, часть ушла в изгнание, многие погибли в неравных схватках со стражей инквизиции.

Но крещение помогло только немногим, только самым неимущим. Тех, кто был побогаче, шпионы инквизиции старались изобличить в тайном исповедании старой веры, в отступничестве от догматов. И тогда их имущество отходило от церкви, а их самих пытали, сжигали на кострах. Это считалось полезным, нравоучительным зрелищем, собиравшим несметные толпы добрых набожных людей. Все, избежавшие крещения и костров, покидали прекрасную Испанию, где могилы их предков были сравнены с землей, а храмы разрушены или перестроены, и уезжали на север - в Голландию, в Германию, в Польшу и там становились обитателями гетто и должны были забывать о рыцарских традициях, о героических семейных преданиях, о радости от урожая на собственном поле. Там они могли уже только ремесленничать, торговать, врачевать или тихо мудрствовать над священными книгами.

Но это из них, из тех, чью кровь много столетий прогревало пиренейское солнце, чьи ближайшие предки - а не давнишние библейские пращуры - были свободными людьми, вышли мятежные вольнодумцы Уриэль Акоста и Бенедикт Спиноза, проклятые амстердамской синагогой. И к тому же племени принадлежал его прадед - искусный лекарь и храбрый кавалер Гельдерн, который получил от герцога Бергского дворянское звание и стал называться "фан" или "фон" Гельдерн, хотя и не отказался от веры отцов.

Впрочем, берлинский философ, добрый горбун Моисей Мендельсон - друг Лессинга, прообраз его Натана Мудрого - был потомком жалких обитателей гетто. Он истово поклонялся всесильному разуму, защищал идеалы просвещения, но не крестился, хотя по существу был, конечно же, единоверцем Лессинга и Николаи...

Что же его удерживало? Чувство солидарности с обездоленными соплеменниками? Гордость? Или просто нежелание лгать? Ведь он, вероятно, не признавал никаких церковных догматов, был деистом, верил во всеобщего единого Бога - в такого, как у Шиллера, - "там наверху, над небесным шатром, конечно же, добрый отец обитает".

Бахерах - древний город на нижнем Рейне, сюда часто приходили студенты из Бонна, потому что бахерахские трактиры славились лучшими рейнскими винами.

Легенда повествует о мудром раввине из Бахераха, жившем на рубеже XV и XVI веков, в годы царствования императора Максимилиана, - однажды накануне Пасхи он заметил, что в его дом подбросили окровавленный труп ребенка. Он знал, что именно так действовали в прошлые века коварные злоумышленники, чтобы потом, вопя о кровавой расправе евреев с христианским дитятей, начать погромы, грабежи, убийства...

Бахерахский раввин вовремя обнаружил страшный умысел и спасся, бежав из родного города, укрывшись за стенами франкфуртского гетто.

Гейне подробно и тщательно описывал города Бахерах и Франкфурт, одежды, речи, поведение людей, веселое празднование Пасхи, бегство рабби с красавицей женой, ее диковинные сны, в которых красоты Рейна сливаются с фантастическими библейскими образами, великолепие Франкфурта в дни ярмарки и турниров, шутовство и трусость привратников гетто. Он называл их именами своих франкфуртских знакомых: банкира и маклера. Он видел их ужимки, он слышал их голоса, слышал пасхальное богослужение, когда писал эти страницы, видел женщин, сплетничающих на балконе синагоги...

Герой повести долго жил в Испании, учился в Толедской раввинской школе. Во Франкфурте он встретил знакомого тех лет, который недавно крестился. И дон Исаак Абарбанель - отважный и гордый испанский дворянин, отвечая на упреки раввина, назвавшего его язычником, высказывает заветные мысли автора:

" - Да, я язычник, и равно противны мне как сухие, безрадостные иудеи, так и пасмурные, ищущие мучений назареяне... Да простит мне наша богородица из Сидона, священная Астарта, что я преклоняю колени и молюсь перед многострадальной матерью распятого... Только колени и язык мой славят смерть, сердце мое хранит верность жизни!.."

Гейне откладывал рукопись повести и книги по истории немецких евреев, чтобы прочесть богословский трактат о преимуществах протестантизма, многотомную историю инквизиции и антисемитский памфлет. Он делал подробные выписки: как строили жилища в XV и XVI веках, как готовили еду, как одевались.

Он замечал вдруг, что ему всего интересней мелочи - зримые, слышимые, осязаемые подробности повседневной жизни.

Уже много листов зеленовато-голубой плотной бумаги - на такой же он писал стихи, записывал лекции, конспектировал юридические труды - были испещрены беглыми заметками, длинными выписками. На столе росла стопа набело переписанных страниц повести.

Но повесть "Рабби из Бахераха" осталась неоконченной. Полтора десятилетия спустя он опубликовал главы, написанные тогда в Геттингене, приложением к "Салону", созданному уже в Париже. Повесть осталась незаконченной, а мысли, сомнения, горестные и недоуменные вопросы, из которых она росла, продолжали владеть его сознанием:

Истово заклинал я
Тысячелетнюю боль.

И в те же дни, когда он, заклиная неизбывную тысячелетнюю боль, скорбел и потешался над людьми средневекового франкфуртского гетто, он писал:

"... Я знаю, что я одна из самых наинемецких бестий, я знаю отлично - немецкое для меня то же, что рыбе вода, знаю, что я не вырвусь из этой родной стихии и что я - продолжая рыбные сравнения - иссохну, как треска, если я - продолжая водные сравнения - выпрыгну из вод германского. В глубине души я даже люблю немецкое больше всего на свете, я горд и счастлив тем, что грудь моя - архив немецких чувств, так же как две книги мои - архив немецких песен".

*

3. Гарри становится Генрихом

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь;
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.

Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх. */

Осень и зима были трудными. Снова болела голова. Письма от родственников кишели упреками и нетерпеливыми напоминаниями - пора, наконец, заканчивать университет. Студенческие пирушки, дуэли и споры наскучили и уже только раздражали... Он много писал. Урывками на лекциях, под монотонное бормотание профессора, и целыми днями и ночами в своей комнате, слушая, как внизу хозяин дома - портной - кричит на подмастерьев или визгливым тенорком поет бесконечные заунывные баллады. Он писал о том, что видел в пути, когда пешком бродил по Гарцу, и что думал тогда. Но пока писал, набегали новые мысли, воспоминания рождали внезапные сравнения, ветвились новыми живыми побегами. Стихи, возникшие на ходу на дорогах и в часы бессонных ночлегов, то сами легко вплетались в повествование, то, запинаясь, требовали новых слов, новых строк.

"... "Путешествие по Гарцу" я кончил... в конце ноября, насколько мне это удалось при моей занятости... В книге много хорошего, особенно хорош новый вид стихов; она будет напечатана, как только я получу ее обратно из Гамбурга, она будет нравиться, но в сущности это пестрое лоскутное одеяло".

/Мозесу Мозеру... 11 января, 1825 г./

"... "Путешествие по Гарцу" я... написал уже в начале этой зимы. Но, к сожалению, я едва мог довести его до половины, потому что тогда, как и всю зиму, я чувствовал себя чрезвычайно плохо. Когда я подумаю о том, в какое грустное время написал я этот путевой отрывок, я начинаю сомневаться, вышло ли из него что-нибудь путное... Вы найдете в нем много старых острот, пестро перемешанных с плохими новыми, небрежную, нехудожественную прозу, беспомощное изображение природы, неудавшийся энтузиазм. Но одно я за собой оставляю - стихи в нем божественны".

/Рудольфу Христиани 25 мая 1825 г./

В мае он сдал, наконец, последние экзамены. Профессор Гуго, читавший лекции по общей истории, римскому праву и юриспруденции, своенравный, но добрый чудак, сердито покрикивал на застенчивого студента, который на обычные вопросы отвечал весьма необычно, пускаясь в неожиданные рассуждения "по поводу". Он говорил на латыни, часто ошибаясь в склонениях и спряжениях, но законы знал и толковал умно, хотя и не так, как было издавна принято. Он приводил новые примеры и высказывал такие дополнительные соображения, что иногда казалось, будто он лукаво подшучивает над почтеннейшими комментаторами. Но он смотрел при этом вполне серьезно и наивно искренне... Профессор старался не смеяться, Гейне получил

---

*/ Перевод А. Блока.

удовлетворительную оценку и разрешение защищать выпускные тезисы в июле.

Итак, с учением покончено. Как жить дальше? Стихи, пьесы и статьи не могут прокормить. Щедрость богатого дяди опостылела, унизительна и ненадежна... Он мог бы стать адвокатом либо профессором права или истории, мог бы издавать журнал. Но все это доступно только полноправным гражданам, только христианам...

* * *

Долго тянулись его странствия по горестным страницам истории. Он брел по бесконечным дорогам вслед за толпами отверженных изгнанников, спотыкаясь о трупы, минуя умиравших; он в бессильном отчаянии убегал с площадей, освещенных смрадными кострами, на которых корчились истошно вопившие люди; он тоскливо метался по душным закоулкам гетто, он слышал злобные проклятия и скорбные причитания, глумливые насмешки и гордые хвалы. Он помнил обо всем этом, думал, писал... И снова и снова его донимали сомнения. Можно ли, нужно ли жить прошлым? Да еще не твоим, хотя и гнетущим тебя, неотрывным от твоих больных мыслей. Ведь Арминий Херуск, изгнавший римлян из германских лесов, ему так же близок, нет, пожалуй, ближе, чем Бар-Кохба, сражавшийся с сыновьями тех же римлян в пустынях Палестины. И слово Мартина Лютера, и слово Лессинга, и слово Гете ему, право же, роднее и уж конечно понятнее, чем слово Маймонида и того раввина из Бахераха, о котором он все пишет и никак не напишет, не доскажет и, значит, не поймет до конца ни его, ни своих связей с ним, ни своих корней в прошлом, ни их воздействия на свою жизнь в настоящем и в будущем. Он отодвигал книги историков и снова раскрывал Евангелие...

В соседнем прусском городке Хайлигенштадте, куда геттингенские студенты обычно ездили на танцевальные вечера, Гейне познакомился с молодым пастором Готтлибом Кристианом Гриммом; они подолгу разговаривали о внутренних связях Ветхого и Нового завета, о принципах разных вероисповеданий... Гримму понравился бедный студент с печальным взглядом и лукавой улыбкой, рассуждавший об истории религий, как ученый-богослов. Даже его необычные - иногда почти непристойные - шутки и поэтические сравнения, дерзкие до кощунства, не мешали пастору верить, что перед ним душа, взыскующая истины, распахнутая настежь, открытая и добру и злу... Было очевидно, что этому иноверцу заповеди Христа давно уже внятны, и влечет его к христианству не только трезвый рассудок, озабоченный устройством жизни, но и неподдельное чувство - потребность слиться с народом, с которым он дышит одним духом, говорит на одном языке...

Гримм отвечал и на безмолвные вопросы Гейне:

- Ведь, в сущности, Вы давно стали, а, может быть, и всегда были христианином, ведь сами Вы говорите, что многие Ваши знакомые и соученики даже не подозревают, что Вы иного племени, иной веры... Можно понять Спинозу и Мендельсона, когда они не хотели креститься, хотя в действительности по духу были христианами, - они не хотели отступиться от преследуемых, гонимых соплеменников... В том, что они и такие, как они, сохраняли старую веру, я вижу именно христианский подвиг смирения и сострадания... Но теперь ведь иные времена. Только в грубой черни еще живут остатки былой вражды... Вы сами видели, кто бесчинствовал в Гамбурге, а несколько упрямых фанатиков с ученными степенями и обветшавшие законодательные ограничения - все это последние угли уже догоревшего костра... Век просвещения открыл новые пути для сближения людей между собой. Только наивные атеисты полагают, что эти пути уводят от Христа; напротив, теперь впервые стало

возможным действительно осуществить завет Его апостола "Нет эллина, нет иудея"...

Пастор говорил негромко, без аффектации. Но в голосе звучала неколебимая убежденность, в умных и добрых глазах светилась уверенность - он знал, что владеет истиной.

Гейне то соглашался, то возражал, то сомневался... Да, конечно же, Нагорная проповедь ему ближе, чем педантичный фанатизм талмуда, чем комедийные ритуалы, которые блюдут некоторые его родственники, впрочем, только в праздничные часы, в особых случаях, ведь их будни вовсе независимы от религии... Но и христиане в большинстве далеки от евангельских идеалов любви, добра и братства. Последователи разных христианских церквей и толков, сражаясь между собой, пролили не меньше крови, чем в крестовых походах и войнах против иноверцев. Инквизиция сжигала христиан-еретиков не менее ревностно, чем иудеев и мусульман... Впрочем, это уже все прошло. Костры давно погасли, католики больше не режут гугенотов, пуритане не вешают папистов...

Пастор Гримм прав - религиозные преследования стали историей... Но ведь не прошло еще и двух лет с тех пор, как в августе 1823 года было издано правительственное распоряжение, отменившее Наполеоновский эдикт 1812 года о равноправии всех граждан независимо от вероисповедания. И теперь он - сын иноверца - уже не может стать ни профессором, ни даже преподавателем в гимназии, его не примут ни в адвокатскую гильдию, ни на государственную службу.

Нет, он не даст запереть себя в гетто. Он не хочет жить в тесном душном мирке старых преданий и новых забот злополучного племени. Это не может быть его долгом. Он не верит в мстительного Иегову, хотя не верит и в непорочное зачатие.

На лекциях Гегеля он поверил в Абсолютный дух, в творческую силу идей. Но Абсолютный дух не требует богослужений, не обязывает есть мацу или поститься, причащаться, исповедоваться, не карает и не милует. Величие и благость этого вездесущего божества воплощены и в небесной синеве, и в земных цветах, в хороших стихах, в сладких поцелуях белокурой трактирной служанки и в тихой речи пастора Гримма, которому так хочется обратить в христианство студента Гейне...

Но почитание Абсолютного духа не избавит от проклятого бесправия. Когда он поступал в университет, его никто не спрашивал, "како веруешь" ни в Бонне, ни в Геттингене, ни в Берлине - там это никого не интересовало. Но теперь, после университета, если он захочет зарабатывать на жизнь, делая то, что ему действительно по душе, если он хочет жить как свободный человек, а не как отверженный, прокаженный, ему необходимо свидетельство о христианском вероисповедании... Для того, чтобы он мог оставаться тем, кто он есть - немцем - ему необходимо креститься. Маленькая бумажка, подписанная добрейшим пастором Гриммом, откроет ему ворота, которые не прошибить никакими пушками... с тех пор, как замолкли батареи Наполеона.

Однако если уж креститься, то ему, сыну Рейна, пожалуй, ближе всего католицизм... Великий Мартин Лютер, конечно, превыше всех пап. Зато в католичестве явственней живые связи с Элладой и Римом, католики признают свободу воли, они более терпимы, чем лютеране, более снисходительны к человеческим слабостям, позволяют искупать грехи... Католическая вера в чистилище приятней, чем единственный неумолимый выбор - ад или рай, вечное блаженство или вечные муки. В католицизме больше красок, больше музыки, больше наивной живой веры... Он сам в юности написал по сути католическую поэму о чудотворной святой деве Кевларской. Пастору понравились эти стихи, он услышал в них голос чистой и нежной души,

озаренной наивной верою. Что ж, конечно, в этой балладе очевидно влияние католического миросозерцания, влияние известных, но - он не может этого не сказать - все же суеверных католических представлений о повседневных чудесах, о таком рассеянии, расщеплении божественной благодати, когда ею наделяют не только смертных людей, провозглашаемых святыми, а даже и вовсе неодушевленные предметы, пресловутые реликвии, всякие там индульгенции, иконы, мощи... В этом сказывается языческое влияние, уступки древним и новым суевериям, предрассудкам невежественной толпы... Лютер очистил Христово учение от всех этих пестрых наносов, от суетной мишуры, искажавшей его сущность. Он вернулся к первозданной чистоте Евангелия и Ветхого Завета... Между ними ведь нет разрыва. Иисус - сын Бога, который был Богом Авраама, Исаака и Иакова и вещал свои заповеди Моисею на горе Синайской. Рождение Иисуса было возвещено библейскими пророками, и сам он учил, что пришел не нарушить закон Моисеев, а утвердить его.

Евангельские христиане, в отличие от католиков, не считают, что все евреи прокляты как потомки тех, кто распял Спасителя, ибо в казни на Голгофе повинны были и римляне, и, кто знает, не было ли среди тех римских воинов, которые истязали Христа, германцев или галлов. Мы, в отличие от католиков, считаем иудаизм не столько ложным, сколько неполным, недозрелым пониманием божественной истины... Вот почему ваш путь - прямой путь человека, рожденного в лоне Моисеева закона и взыскующего истины - должен привести, конечно же, к нам, в церковь Мартина Лютера - наследника пророков и апостолов.

Гейне возражал - напоминал пастору "Натана Мудрого" Лессинга и притчу о трех кольцах; вот и для него тоже все вероучения суть разные ипостаси единого Верховного существа - Бога или Абсолютного духа, а для поэта Бог - это прежде всего поэзия - гармония, вечная истина жизни, недостижимая и непостижимая. Но именно в стремлении достичь и постичь ее - вся суть искусства и вообще человеческого бытия... А различия религий - это как бы различия поэтических жанров. Ветхозаветные псалмы иудейства, конечно, устарели и сегодня звучат резким диссонансом. Ему приходится выбирать между фантастикой мистерий католицизма и эпическими идиллиями лютеранства...

Пастора Гримма смущали такие сопоставления, он высоко ценил гений Лессинга, но, разумеется, как поэта, а не богослова. Впрочем, та великодушная терпимость, которой пронизаны его произведения - особенность именно протестантского мышления, ведь Лессинг был сыном пастора.

Гейне знал, что немецкий протестантизм очень плодотворен в поэзии; Клопшток, Гердер, Гете, Шиллер, Бюргер, - тоже протестанты, а нынешнее романтическое увлечение католицизмом отражает болезненный духовный кризис... Готтлиб Гримм так трогательно старался убедить его, такой по-домашнему уютной, покладистой, доброй была вера этого скромного провинциального апостола... Гейне окончательно решился - он примет крещение именно у него. Он только просил, чтобы это осуществилось без всякой огласки, он хотел позднее постепенно подготовить родственников и не хотел привлекать внимания тех знакомых, которые всегда считали его христианином...

Пастор Гримм очень обрадовался. Он впервые будет крестить новообращенного, которому сам же помог найти истинный путь. Он быстро получил необходимое разрешение епископа, потребовался только отзыв о студенте Гейне от геттингенского церковного настоятеля. Тот написал: "Домохозяева, у коих проживал Гейне, дают оному вполне одобрительные свидетельства, хваля его тихий уединенный образ жизни... Сего студиозуса здесь полагают прилежным и одобряют его поэтический талант".

28 июня 1825 года в доме Гримма, в его кабинете на втором этаже, состоялся короткий обряд. Гейне, не более бледный, чем обычно, вполголоса повторял за Гриммом слова молитвы. Потом пастор сказал громко: "Во имя Господа нашего Иисуса Христа нарекаю тебя именем Кристиана Иоганна Генриха".

Он поцеловал Евангелие - тусклую позолоту креста на черной обложке. Гримм обнял его.

В этот же день Гримм крестил двух своих дочерей-близнецов, и Гейне был приглашен на торжественный семейный обед. Ни жена, ни другие гости не знали, почему среди них оказался незнакомый студент, задумчиво рассеянный и молчаливый, и почему пастор Гримм, представляя студиозуса юриспруденции так подчеркнул его имя - Генрих... Обед прошел напряженно, беседовали о таинстве крещения, молодой гость вежливо, но коротко отвечал на вопросы и любезно хвалил все блюда. Почти сразу же после обеда он попрощался, он спешил вернуться к занятиям.

* * *

20 июля Гейне публично защищал "выпускные тезисы".

Еще в середине июля дядя Соломон, ездивший по делам в Среднюю Германию, по пути проведал племянника, убедился в том, что экзамены сданы и тезисы для защиты готовы и остался очень доволен. Гейне сказал, что хочет отдохнуть на море, и дядя сразу же согласился дать необходимые деньги. Он щедро раскошелился и сам был этим доволен и радовался благодарности племянника - он еще не знал, что тот уже не Гарри, а Генрих, - наслаждался почтительными и любезными словами его приятелей-студиозусов, которые наперебой рассказывали, как их коллега всегда с нежностью говорит о своем благодетельном дядюшке.

Красноречие хитроумных студиозусов принесло плоды в звонкой монете. На "докторской пирушке" весь большой стол был заставлен бутылками лучших вин, хозяин трактира, которому новоиспеченный доктор прав заплатил немалую сумму и, по утверждению трактирщика, все же остался должен за меру вина, как полководец на поле боя командовал несколькими слугами и служанками, подносившими все новые блюда. Гейне, окруженный буршами из его корпорации "Вестфалия", был оживлен, любезен, весел, все время острил, произносил шутливые тосты, пел вместе со всеми студенческие песни и даже не морщился, когда над ухом оглушительно рявкали захмелевшие басы.

Было несколько мгновений, когда ему казалось, что он счастлив.

ВЫСТАВКИ ЕВРЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

2 мая 1976 года в музее "Магнес" в Беркли /Калифорния/ состоялось торжественное открытие выставки произведений еврейских художников Ленинграда. На выставке экспонировались репродуцированные с цветных слайдов /в размер оригиналов/ работы, представленные на "Первой ленинградской выставке еврейских художников", происшедшей в Ленинграде и Москве осенью 1975 года. Выставка была открыта писателем Эли Визелем и мэром Беркли Уорреном Уиндером. Обязанности почетного председателя исполнял Валерий Панов. Как сообщает корреспондент газеты "Сан-Франциско кроникл", в музее "Магнес" в честь открытия выставки был устроен прием, на котором присутствовали около 400 гостей.

Выставка в Беркли была открыта до 2 июня, затем отправилась в Цинциннати, где тоже будет проходить в течение месяца. Далее она должна посетить Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфию - всего 25 городов США. После этого выставка будет экспонироваться в Лондоне, Стокгольме, Амстердаме и Париже и завершит свое путешествие в Иерусалиме. Все средства, полученные от продажи каталога выставки и репродукции картин, предназначаются в фонд помощи еврейским художникам Ленинграда.

Эти художники, назвавшие свою группу "Алеф", провели в Ленинграде вторую выставку своих работ с 3-го по 12-ое июня 1976 года. Так же, как и первая выставка /обзор которой дан в № 12 журнала "Евреи в СССР"/[*], она проходила на квартире одного из участников Евгения Абезгауза. На выставке экспонировались 108 произведений живописи, графики и скульптуры четырнадцати художников: Александра Гуревича, Симы Островского, Евгения Абезгауза, Анатолия Басина, Александра Арефьева, Шолома Шварца, Гарика Шапиро, Рихарда Васми, Алека Рапопорта. Один художник участвовал анонимно. Посмертно были представлены работы Татьяны Кернер /1941-1973/ и Осипа Сидлина /1909-1972/. Также присутствовали работы двух членов группы "Алеф", недавно уехавших в Израиль - Татьяны Корнфельд и Юрия Календарева.

Ленинградские власти предпринимали попытки помешать нормальной работе выставки. В квартиру, где проходила выставка, ежедневно являлись дружинники и сотрудники милиции в форме. В последний день работы выставки в подъезде дежурил участковый милиционер и проверял документы у посетителей. Тем не менее за 9 дней работы выставки ее посетили около 5000 зрителей.

Как нам сообщил Евгений Абезгауз, репродукции представленных работ будут включены в экспозицию выставки группы "Алеф", проходящей в настоящее время в США.

И. Левин

Ленинград

---

[*] См. стр. 87-101 настоящего издания.

П У Б Л И К А Ц И И

ПИСЬМА М. ВОЛОШИНА

Литературное наследие М. Волошина - видного деятеля культуры начала XX века, талантливого поэта и художника - пока мало доступно широкому читателю.

Два письма, взятые для данной публикации, ранее нигде не печатались. Одно из них написано в связи с арестом О.Э. Мандельштама, который был задержан контрразведкой белой армии в Феодосии в 1920 году. Причиной ареста послужил донос какой-то женщины, заявившей, что она опознала чекиста, который ее избивал. М. Волошин направил свое письмо в защиту О. Мандельштама начальнику политического розыска Апостолову.

Другое письмо адресовано военному министру и является официальным отказом М. Волошина от службы в армии.

В этих письмах М. Волошин четко формулирует свою позицию интеллигента-пацифиста, позицию гуманиста, не желающего быть хоть в чем-то причастным к политике и преступлениям властей - независимо от "цвета" конкретной политики или конкретной власти.

[НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА АПОСТОЛОВУ]

Политическим розыском на этих днях арестован поэт Мандельштам. Так как Вы по своему служебному положению вовсе не обязаны знать современную русскую поэзию, то считаю своим долгом осведомить Вас, что Ос. Мандельштам является одним из самых крупных имен в последнем поколении русских поэтов и занимает вполне определенное и почетное место в истории русской лирики. Сообщаю Вам это, дабы предотвратить возможные всегда ошибки, которые для Вас же могут оказаться неприятными. Мандельштам, как большинство поэтов, человек крайне нервный, поддающийся панике, а за его душевное здоровье перед русской культурной публикой в конце концов будете ответственны Вы.

Не мне, конечно, заступаться за О.Э. Мандельштама политически, тем более, что я даже не знаю, в чем его обвиняют. Но могу только сказать, что для всех знающих Мандельштама обвинение его в большевизме, партийной работе - есть абсурд. Он человек легкомысленный, общительный и ни к какой работе неспособный, никакими политическими убеждениями не страдает.

[ВОЕННОМУ МИНИСТРУ]

Я призван на военную службу как ратник ополчения второго разряда 1898 года. Мой разум, мое чувство, моя совесть запрещают мне быть солдатом. Поэтому я отказываюсь от военной службы.

Во избежание недоразумений заявляю, что отказ этот не имеет ничего общего с принадлежностью к какой-нибудь религиозной секте или политической партии.

Я отказываюсь быть солдатом как Европеец, как художник, как поэт: как Европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной междуусобной войне, каковы бы ни были ее причины. Ответственен не тот, кто начинает, а тот, кто продолжает. Наивным же формулам, что это война за уничтожение войны, я не верю.

Как художник, работа которого есть созидание форм, я не могу принять участие в деле разрушения форм и в том числе самой совершенной - храма человеческого тела.

Как поэт я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг - понимание. Тот, кто убежден, что лучше быть убитым, чем убивать и что лучше быть побежденным, чем победителем, так как поражение на физическом плане - есть победа на духовном, - не может быть солдатом.

Считаю необходимым прибавить, что германский милитаризм, германская промышленная культура и германская государственность для меня глубоко неприемлемы.

Но тот, кто принимает оружие противника - уподобляется ему. Это случилось с Европой. Борьбу с германской страной можно вести только с морального плана. Европа уже заражена теми же болезнями, что Германия. Моральное преодоление экономической культуры и победа над силами материализма может придти только из России, и мой отказ от военной службы в это время есть одно из проявлений этой борьбы, ибо всеобщая воинская повинность и теория нации под оружием есть одна из основных прусских идей, отравивших Европу.

Отказ мой чисто индивидуален: он не имеет цели пропаганды, не содержит в себе упрека тем, кто идет на войну. Один и тот же поступок может быть подвигом для одного и преступлением для другого. Я преклоняюсь перед святостью жертв, гибнущих на войне, и в то же время считаю, что для меня, от которого не скрыт ее космический моральный смысл, участие в ней было бы преступлением. Я знаю, что своим отказом от военной службы в военное время я совершаю тяжкое и сурово караемое преступление, но я совершаю его в здравом уме и твердой памяти, готовый принять все его последствия.

А. РИВИН

СТИХИ

В конце 30-ых годов в ленинградских редакциях и издательствах появлялся очень странный человек. Он носил с собой везде томик В. Хлебникова, в котором на полях писал свои стихи /они нигде никогда не были напечатаны/, и засохший кусочек черного хлеба в знак того, что он нищий поэт и последователь Хлебникова. Разговаривал он очень громко, с сильным еврейским акцентом /акцент этот слышится и в стихах/. Изредка он получал в издательствах заказы на переводы с французского /знал он еще несколько языков/.

Звали этого поэта - Алик Ривин. Точных биографических сведений о нем найти не удалось. Известно лишь, что родом он был из Минска и что перед войной ему было 23-25 лет. Он нигде не служил, скитался, зарабатывал переводами и продажей кошек в лаборатории. Тетрадки стихов, которые он повсюду носил с собой, были исписаны вдоль и поперек крупным размашистым почерком. По этому почерку один из графологов установил - "Это - калека и футурист". /У Ривина, действительно, были раздроблены пальцы на руке/.

Некоторые тетрадки стихов и дневники А. Ривина сохранились лишь в частных архивах. Однако во многих черновиках нет законченных текстов, а сохранились многочисленные варианты. Для этой первой публикации стихи и варианты выбирались на основе составленной ленинградскими литераторами подборки стихов А. Ривина /в частности, его творчеством занимался Е.Г. Эткинд/. Эти стихи написаны, в основном, перед самой войной - в 1939-1941 гг. Во время ленинградской блокады А. Ривин исчез, и никто не знает, как и когда он погиб и где похоронен. В 1961 году в "Тарусских страницах" было напечатано стихотворение Д. Самойлова "Памяти А.Р.". Посвящено оно Алику Ривину и добавляет несколько штрихов к этой странной и трагической судьбе.

Д. САМОЙЛОВ

ПАМЯТИ А. Р. *

Жил в Ленинграде странный малый,
Угрюмый, мрачный и больной,
Был у него талант немалый.
Я знал его перед войной.
Вел счет неведомым обидам,
Нес груз невидимой вины.
Он был убогим инвалидом
Не бывшей, будущей войны.

Мы ждали славы и победы,
Лихого грома медных труб.
А он предвидел только беды,
Он видел свой убогий труп,
Его шатали бомбовозы
Своею воющей волной,
Блокады будущей морозы
Его покрыли сединой.

---

* Печатается по изданию "Тарусские страницы", Калуга, 1961 г.

Читая странные баллады,
Мы не угадывали в нем
Провидца будущей блокады,
Что приближалась день за днем.
Где он погиб? В каком подвале?
Как он окончил бытие?
Какие люди подавали
Ему последнее питье?

Какую страждущую строчку
Он дописать уже не мог?
Какой несчастный по листочку
Его стихи в печурке жег?

Стихи, наверное, сгорели,
Не много было в них тепла.
А люди эти постарели,
А может, жизнь их утекла.
И сгинул он. На белом свете
Он не оставил ничего.
И мы не судим о поэте,
Как будто не было его.

А. РИВИН

По горам и по дорогам,
в кишлаках, аулах нищих,
у растрепанных балкаров
покупая молоко...
Вечный Жид устал скитаться,
мы - плохие альпинисты.
От Голгофы до Кавказа -
это очень далеко.

Вот с турецкою монетой
между двух грудей тряпичных
едет горькая старуха
на коне на Страшный Суд.
Ледоруб песок взрывает,
я плетусь за нею сухо,
вдруг балкарка окликает:
"Ты урус или джюгут?"

Видно, вымерли хозары
преждевременно, некстати,
и не знают караима
мусульманские дьячки.
Я обрезанный, как муж твой,
и с меня сюнепа хватит.
Вдруг старуха помрачнела,
и помчалась, как джигит.

А когда настанет утро,
я бреду нагорьем сонным,
и английский желтый ангел
смотрит с елки голубой.

Я - мессия Палестины,
я машу мечом картонным
и в лучах моей короны
призрак родины любой.

По горам и по дорогам,
с ледорубом и тетрадкой,
у растерянных балкарок
покупая молоко...
Мы - плохие альпинисты,
Вечный Жид в кавказских Альпах
От Голгофы до Кавказа -
это очень далеко.

Как Христос своих овечек
холил я моих евреев.
Растоптали скорпионов
английские жеребцы.
Я - смешной английский клоун,
я - потомок Маккавеев
и в лучах моей короны
иудейская печаль.

1939-1940 гг. /?/

Посвящяется другу Севе, который
будет убит на будущей войне.

Вот придет война большая,
заберемся мы в подвал.
Тишину с душой мешая,
ляжем на пол наповал.

Мне, безрукому, остаться
с пацанами суждено
и под бомбами шататься
мне на хронику в кино.

Как чаинки вьются годы,
смерть подымется со дна,
ты, как я, дитя природы,
и прекрасен, как она.

Рослый тополь в чистом поле,
что ты знаешь о войне?
Расскажи суровой дроле
об убитом и о мне.

Как тебя в широком поле
поцелует пуля в лоб,
ветер грех ее замолит,
отпоет воздушный поп.

Труп твой в гроб уже забрали,
Ох, я мертвых не бужу!
Только странно мне в подвале -
я еще живой сижу.

Эх ты, Сева, эх ты, Сева,
сиволапая семья...
Трупы справа, трупы слева,
сверху ворон, снизу я.

1939 г.

* *
*

Это было под черным платаном
на аллее, где жабы поют,
там застыл Купидон великаном,
там зеленый и черный уют.

Там лежала в рассыпанных косах
золотистая харя лица
и в глазах удивленно-раскосых
колотились два черных кольца.

А потом они стукнулись дружно
и запали под веко, в белки.
Ничего им на свете не нужно
ни любви, ни цветов у реки.

Я поднял равнодушную ручку,
безмятежные очи поднял,
подмахнул на листе закорючку
и судьбу на судьбу променял.

И меня положили за стены
на холодненький каменный пол,
дали мне на подстилку две смены
и сутулый расхлябанный стол.

Это было под черным платаном,
там меня уже больше нема,
где луна кулаком-великаном
за нее отомстила сама.

Где летают блестящие мухи,
где безлицые камни лежат,
где с козлами в соитьи старухи
в черном озере желтые звезды дрожат.

Только ночью в заречном колхозе
зарыдает винтовка как гром
и луна вся оскалится в морде
и раздвинется синим зевком.

А из рта ее узкого очень
тихо вытечет нож как слюна
и под черной улыбкою ночи
он уколет меня из окна.

Это будет под черным платаном,
где кровавые жабы поют,
там луна кулаком-великаном
разрубает зеленый уют.

Отнесите меня, отнесите,
где дрожит золотистая нить,
у жестокой луны попросите
желтым светом что медом обмыть.

После смерти земные убийцы
удаляются жить на луну,
там не надо работать и биться
и влюбляться там не в кого...
·Ну?

Желтый ад каменистый бесплодный,
Звезды, пропасти, скалы, мосты.
Ходит мертвый слепой и голодный
И сосет костяные персты.

Никогда ему больше не спится,
но слепые зеницы в огне.
Шел он узкой и рыжей лисицей
по широкой и голой луне.

Вечный Жид никогда не усталый
на бесплодной бессонной луне
голосами царапает скалы
и купает лицо в тишине.

* *
*

Дроля моя! Сколько стоит радость?
Столько же получка в выходной.
Мы живем, и вот стареет младость.
Мы уже седеем - боже ж мой!

Все что только может дать любовь
До аборта вплоть и до суда
До получки до трехсот рублев
Все течет как к фронту поезда.

И свистит и сходит с рельс в пути
Все мосты взрывая за собой
Все, что только может обойти
Все, что только может дать любовь.

Если остановку я проспал
И теперь стою как идиот.
Если на войну я не попал,
А в тылу противно гнить.

Будет смерть на свете! Будет гроб!
Штатская могилка и доска!
Все, что только может дать любовь!
Все, что только могут взять войска!

* *
*

От тревоги к тревоге мечась,
Тихо заживо в яме сиди.
Я знаю, что Гитлер - рыцарь на час,
Но весь этот час впереди.

22 июня 1941 г.

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Желтый ангел, метиска, Психея,
Золотая ошибка моя,
Неземная скуластая фея,
Марсианка, монголка, змея.

РЫБКИ ВЕЧНЫЕ *

Моя судьба - большой сюжет.
Я рад душой ему служить.
Есть фабула - от А до ЗЕТ
и только нечем жить.

У меня есть руки, ноги, небеса,
сердце, выскочившее вперед
вашего бессмертия на полчаса,
и ловивший время рот.

Кто я? Тантал? Я жить хочу,
а время льется мимо губ.
Когда я лицо ваше кислое вижу,
улыбку детей и живот муравья -
о, как я природу тогда ненавижу:
зачем это сделал не я, не я?

Зажег я солнце над землею,
луну из льдины я сковал
и звезды колкою золою
на небеса нацеловал.

Но кто я? Цапля-однонога,
стоящая на облаках?
Я человек, кусочек Бога -
и ветер сжат в моих руках.

О жизнь моя, о жизнь моя.
О слепой восторг бытия!
Кто я? Где я? Не надо. Не знаю.
Но чувствую, чувствую - есть я.

---

* В другом варианте называется "Поэма горящих рыб".

* *
*

Мне не спится, не кимарится,
совесть снов не принимает,
все-то жизнь воспоминается...
Стыдно - но не виноват.

Ты зачем нас, житуха, похезала с перцем.
Сердце, вой, заливай, заливной соловей!
На руке с нарисованным порохом сердцем
куча жил шевелится, как куча червей.

Чего мне надо? Я умен и молод.
Чего мне надо? Солнца в холод?

Холодная дыра в душе
и жмется пес:
дай кость, дай кость...
О голод, голод,
до голопузиков, до слез.

Ай ты, рыбка, рыбка золотая,
сколько мяса и хряща!
И судьба, как кость моя сухая,
просит счастья у леща.

Лещик, лещик, мокрый лещик,
толстовыпуклый щиток,
ай, какой хороший резчик
нарезал тебе бочок.

Как приплюснутый бочонок,
как горбатый плоский лист,
как блестящий пятачонок,
как зеркальный оптимист!

Лещик, лещик мой хороший,
серебристый, нарезной,
как рассыпанные гроши
ты блестишь передо мной.

Плавниками колыхая,
разевая влажный рот...
А жизнь проходит, штанами махая,
и в лицо тебе плюет.

Не прошло такого года,
не прошло такого года,
не прошло такого дня,
такого дня,
чтобы новая погода,
чтобы новая погода,
чтобы новая погода
не покомкала меня.

Ветер в зубы - и айда в поход,
гопники с размытого кладбища,
под землей заекает, забьет
теплый труп, налившийся, как вишня.

Если счастья нет, пускай хоть горе
будет нашим счастьем.
... Рыбий нос!
У меня на сердце, как на море,
ходят рыбы длинных слез.

Плещут слезы, шевелят хвостами,
трутся теплой головой...
У меня на сердце, под часами,
кто-то плавает... живой...

* *
*

Я языка просил у плена
быть рыбой - жизнь коротка!
Вот безъязыкая мурена
живет свободна и гладка

без плавников и без зацепок,
без чешуи и без жилеток,
без связей сверху на земле
они гуляют в глубине.
Ты царь. И если Пушкин снова
тебе подсунет этот стиль
и если рыба - это слово,
и если совесть это штиль,
и если время - пароход,
и если люди - круг спасенья,
и если якорь - идиет,
и если в будущем - крушенье!

Утюг на шее был фальшив
А круг спасения горяч
Поэт, обжегшись, стал спесив,
Танцует по воде, как мяч.

И только рыбку соблазняет:
будь обезьянка и гуляй;
кто лжет себе, тот это знает -
утюг на шею и жихляй!

Жихляй с фальшивкой в зубах,
с дешевой рыбкой на губах,
но с рыбаками не играйся,
как по-еврейски говорят.

* *
*

И если время - пароход,
он рыбу тщетно оглушает,
хоть рыба с мертвым языком
эпохе плавать не мешает.
И если племя рыбаков
из всех критических редакций
лишь трусы для большевиков
на нас приходится бодаться.

* *
*

А я чужой в любой стране
мычу, по-рыбьи презираю
таких марксистов.
В тишине
они стихи мои вбирают,
а помести я их в печать
они бы начали рычать.
Живу, жихляю, умираю
И не желаю замолчать!

Публикация Э. Сотниковой

Ленинград

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

А. ХОССОН [*]

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ /на русском языке/ 1/

III. Р у с с к о - е в р е й с к а я п е р и о д и ч е с к а я п е ч а т ь 2/ /1890-1916/

ALTNEULAND */Альтнойланд/*. Ежемесячный журнал, посвященный экономическому исследованию Палестины. Приложение к журналу *"ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ"*. СПб, 1906, №№ 1--11. Ред. д-р З. Соскин.

Перевод на русский язык берлинского ежемесячного органа Сионистской комиссии для исследования Палестины "Альтнойланд" /на нем. яз./.

БУДУЩНОСТЬ. Независимый орган русских евреев. СПб, 1900-1904. Еженедельник. Изд.-ред. д-р С.О. Грузенберг. /Приложение: научно-литературный сборник "Будущность", тт. 1-4, СПб, 1901-1904/.

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. Журнал, издаваемый обществом распространения просвещения между евреями в России. СПб, 1913-1917. Ежемесячник. Изд. д-р Н.Р. Ботвинник, ред. Я.Б. Эйгер.

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ. СПб, 1913-1914. Изд.-ред. И.И. Перельман.

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ И КОЛОНИЗАЦИИ. Елец /Орлов. губ./, 1911-1914. Ежемесячник. Изд.-ред. М.Л. Гольдберг /частное издание/.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ЕВРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ. М., 1916-1917. 2 раза в месяц. Изд.-ред. Л.С. Биск.

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ В РОССИИ. Журнал, посвященный вопросам еврейского воспитания и образования. СПб, 1910-1912. Изд. Н.Р. Ботвинник, ред. Я.Б. Эйгер. /Продолжение: *"ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ"*/.

---

[*] Начало библиографии А. Хоссона см. в предыдущих томах "Еврейского самиздата": т. 11, стр. 88-91; т.12, стр. 71-83,226-228 и стр.115-118 настоящего тома.

1/ Указатель является продолжением историко-этнографических разделов "Систематического указателя литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта /1708/ по декабрь 1889 г.". СПб, 1892.

2/ В основу данного раздела положена библиографическая работа У.Д. Иваска "Еврейская периодическая печать в России. Материалы по истории русской журналистики", вып. 1, Таллин, 1935, стр.103. Материалы У.Д. Иваска дополнены сведениями из кн.: Л.Н. Беляева, М.К. Зиновьева, М.М. Никифоров "Библиография периодических изданий России. 1901 - 1916", тт. 1 - 4, Л., 1958.

ВЕСТНИК ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ СРЕДИ ЕВРЕЕВ. Ежемесячный журнал, издающийся при содействии Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России. Петроград, 1915-1917. Изд. М.Б. Гуревич. ред. Б.Д. Бруцкус.

ВОЗРОЖДЕНИЕ. Еженедельный орган еврейской национальной мысли; с № 9 - Еженедельный орган молодой еврейской мысли, Вильна, 1914, №№ 1-17. Изд. И.С. Туркельтауб, ред. А.Ш. Левин.

ВОЙНА И ЕВРЕИ. М., 1914-1915. 2 раза в месяц. Изд.-ред. Д.Ш.Куманов. /Продолжение: *"ЕВРЕИ НА ВОЙНЕ"*/.

ВОСХОД. Газета, посвященная еврейской жизни, истории и литературе. СПб, 1899-1906. 2 раза в неделю, с 1902 г. - еженедельник. Ред.-изд. М.Г. Сыркин.

ВОСХОД. Журнал учено-литературный и политический. СПб, 1881-1899. Ежемесячник. Изд.-ред. А.Е. Ландау; с № 8 - М.Г. Сыркин.

Беспартийный общественный орган, уделявший большое внимание истории евреев России, Литвы и Польши. Продолжение историко-литературного сборника *"ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА"*, СПб, 1871-1880, тт. 1 - 8. В журнале принимали участие крупные историки русского еврейства - А. Гаркави, С. Бершадский, С. Дубнов, Ю. Гессен. Продолжение: *"КНИЖНИ ВОСХОДА"*.

ДЕЛО ПОМОЩИ. Журнал, посвященный вопросам помощи евреям - жертвам войны. Петроград, 1916-1917. 2 раза в месяц. Изд. С.Г. Поляк, ред. Д.Я. Хазан /Продолжение дурнала *"ПОМОЩЬ"*/.

ЕВРЕИ И РОССИЯ. Двухнедельный журнал. М., 1915, №№ 1-5, 2 раза в месяц. Изд.-ред. Б.А. Израилевич, с № 2 - Э.О. Ермилова. /Прорусский патриотический журнал/.

ЕВРЕИ НА ВОЙНЕ. Двухнедельный иллюстрированный журнал. М., 1915, №№ 1-5. Изд.-ред. Д.Ш. Куманов. /Продолжение журнала *"ВОЙНА И ЕВРЕИ"*/.

ЕВРЕЙ. Одесса, 1912-1914. Еженедельник. Изд.-ред. Г.М. Александер. /Беспартийная антисионистская газета. С 27.11. по 10.12.1912 г. временно выходила под названием *"ОДЕССКАЯ ЖИЗНЬ"* - еженедельная газета №№ 1-11/.

ЕВРЕЙСКАЯ БУДУЩНОСТЬ. Одесса, 1909. №№ 1-7. Ежемесячник. Изд. Г.В. Каплан, ред. М.К. Гепштейн.

ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ. Журнал общественно-политический и литературный. СПб, 1904-1907. Изд. Ш.Ф. Буссель, с № 4 1904 г. - И.В. Сорин, с № 5 1905 г. - А.Ф. Вилькорейский, с № 3 1907 г. - М.С. Глинкин. Ред. М.Д. Рывкин, с № 3 1904 г. - И.В. Сорин, с № 1 1906г.- А.Д. Идельсон. /Орган сионистского направления. Приложени *"АЛЬТНОЙЛАНД"*, *"ХРОНИКА ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ"*, и *"ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД"*/.

ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ. М., 1915-1917. Еженедельная газета. Изд.-ред. Ш.Ц. Грумберг. /Сионистский орган. Продолжение *"РАЗСВЕТА"*/.

ЕВРЕЙСКАЯ МЫСЛЬ. Орган еврейской национальной мысли на Юге России. Одесса, 1906-1907. Еженедельник. Изд.-ред. И.Б. Сапир, с 1907 г. - М.И. Шварцман; при ближайшем участии М. Усышкина, И. Тривуса и др. /Продолжение *"КАДИМЫ"*/.

ЕВРЕЙСКАЯ НЕДЕЛЯ. Еженедельный журнал. М., 1915-1918. Ред. И.И. Аншелес, с № 22 - Е.Л. Давидзон; с № 13 1916 г. - И.С. Зельгман, с № 22 - С.В. Лурье.

ЕВРЕЙСКАЯ НЕДЕЛЯ - см. *НОВЫЙ ВОСХОД*.

ЕВРЕЙСКАЯ НИВА. Ежемесячный журнал, посвященный вопросам эмиграции и колонизации. СПб, 1913, №№ 1-6. Изд.-ред. И.А. Дубоссарский.

ЕВРЕЙСКАЯ РАБОЧАЯ ХРОНИКА. Орган "Поалей-Цион". Полтава, 1906, 2 раза в месяц. Ред.-изд. Л. Мельцер.

ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА. Ежемесячный художественно-литературный журнал. СПб, 1902-1903. Изд. Ш.Ф. Буссель, ред. М.Д. Рывкин. /Продолжение: *"ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ"*/.

ЕВРЕЙСКАЯ СТАРИНА. Трехмесячник Еврейского историко-этнографического общества. СПб - Ленинград, 1909-1930. 4 раза в год. Ред.-С.М. Дубнов. Изд. - Еврейское историко-этнографическое общество - в лице уполномоченного С.М. Гольдштейна. /Среди сотрудников журнала были историки Ю.И. Гессен, И.В. Галант, М.Л. Вишницер, А.И. Гурлянд, историк хасидизма С.А. Городецкий, историки Гаскалы - С.М. Станисловский и П.С. Марек, историки польского еврейства М. Шорр и М. Балабан, этнографы С.А. Ан-ский и С.Х. Бейлин и др./.

ЕВРЕЙСКАЯ ХРОНИКА. Еженедельный общественно-политический и литературный журнал, посвященный еврейским интересам. Кишинев, 1911-1912. Изд.-ред. Н.Ш. Разумовский. /Продолжение: *"ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО"*/.

ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА. Ежемесячный журнал, посвященный воспитанию и образованию евреев. СПб, 1904-1905. Изд.-ред. И.Я. Лурье.

ЕВРЕЙСКИЕ ВЕСТИ. Орган "Бунда". Петроград, 1916-1917. Еженедельник. Изд.-ред. Н.Т. Грушкина.

ЕВРЕЙСКИЕ ИЗВЕСТИЯ. СПб, 1907-1911. Еженедельник. Ред.-изд. Д.Л. Грейс.

ЕВРЕЙСКИЙ ГОЛОС. Белосток, затем Одесса. 1906-1907. Изд.-ред. Л.Г. Паперин.

ЕВРЕЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ. Орган ЦК Общества полноправия еврейского народа в России; СПб, 1906-1907. 2 раза в неделю. Изд.-ред. Г.М. Коробочкин. При ближайшем участии М.М. Винавера и Ю.И. Гессена.

ЕВРЕЙСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ГОЛОС. Орган бытовой и клинической медицины. Одесса, 1908-1911. 4 раза в год. Изд. С.Е. Марьяшес, Я.М. Роймист, ред. И.С. Гошельн, И.Б. Адесман.

ЕВРЕЙСКИЙ МИР. Политический, общественный и литературный журнал. СПб, 1909-1910. Ежемесячник. Ред.-изд. Г.М. Португалов, с № 12 1910 г. - С.А. Троцкая. /Беспартийный орган. Во время закрытия "Восхода" был ведущим русско-еврейским журналом. В нем принимали участие С. Ан-ский, С. Дубнов и др. Три года выходило приложение: *ЕВРЕЙСКИЙ МИР*, трехмесячный журнал, СПб, 1910, №№ 1-3, Изд.-ред. С.А. Троцкая. Продолжение: *"ЕВРЕЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ"*.

ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД. СПб, 1906. Еженедельная газета. №№ 1-10. Изд.-ред. А.О. Зайденман. /Приложение к *"ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ"*. Продолжение: *"РАЗСВЕТ"*/.

ЕВРЕЙСКИЙ РАБОЧИЙ. Орган Всеобщего Еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России - *"БУНД"*. Еженедельная газета. СПб, 1905, №№ 1-10. Изд.-ред. М.Г. Кипман.

ЕВРЕЙСКИЙ СТУДЕНТ. Двухмесячный журнал, посвященный интересам еврейской учащейся молодежи. Петроград, 1915-1917. Изд.-ред. Я.Р. Клебанов. /Журнал сионистского направления/.

ЕВРЕЙСКОЕ ДЕЛО. СПб, 1914. Ежемесячник. № 1. Изд.-ред. Г.Л. Цейтлин.

ЕВРЕЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Еженедельная политическая, общественная и литературная газета. СПб, 1910, №№ 1-14. Изд.-ред. Н.И. Дымшиц. /Продолжение *"ЕВРЕЙСКОГО МИРА"*/.

ЕВРЕЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Орган национально-демократической мысли. Ежемесячник. Одесса, 1912, № 1. Изд.-ред. Д.С. Гольдштейн.

ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО. Ежемесячный политический и литературно-научный журнал. Кишинев, 1913, №№ 1-3. Изд.-ред. Н.Ш. Разумовский. /Продолжение *"ЕВРЕЙСКОЙ ХРОНИКИ"*/.

ЕВРЕЙСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО. Двухнедельный журнал, посвященный интересам еврейской молодежи. М., 1914, №№ 1-4. Изд.-ред. Я.К. Роднянский.

ИЗ ПОДПОЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Нелегальный орган ЦК Бунда. 1908, № 1.

ИЗВЕСТИЯ ЕВРЕЙСКОГО ТЕРРИТОРИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА /ЕТО/. Киев, 1908, № 1.

КАДИМА. Еженедельный орган сионистского Юго-западного района. С № 2 - Орган сионистов Юга России. Одесса, 1906, №№ 1-12. Ред.-изд. М.С. Алейников, с № 7 - ред. И.Б. Сапир. /Продолжение: *"ЕВРЕЙСКАЯ МЫСЛЬ"*/.

КАРАИМСКАЯ ЖИЗНЬ. Ежемесячный журнал. М., 1911-1912. Изд.-ред. В.И. Синани. /В журнале широко представлены исследования по истории караимов России/.

КАРАИМСКОЕ СЛОВО. Ежемесячный общественный и историко-литературный журнал. Вильна, 1913-1914. Изд.-ред. А.И. Шпаковский.

КНИЖКИ ВОСХОДА. Журнал учено-литературный и политический. СПб, 1899-1906. Ежемесячник. Изд.-ред. М.Г. Сыркин. /Приложение к газете *"ВОСХОД"*. Продолжение: *"НОВЫЙ ВОСХОД"*/.

КОЛОСЬЯ. Художественно-литературный иллюстрированный журнал для еврейских детей. Одесса, 1913-1917. Изд.-ред. М.Л. Бер.

КООПЕРАЦИЯ ДЛЯ ЕВРЕЕВ. Петроград, 1915.

МОЛОДАЯ ИУДЕЯ. Ежемесячник. Иркутск, 1905. /Сионистский журнал/.

МОЛОДАЯ ИУДЕЯ. Орган националистического кружка *"МОЛОДАЯ ИУДЕЯ"*. Ежемесячный журнал еврейской учащейся молодежи. Ялта, 1906, №№ 1-4. Изд.-ред. А.Я. Гофштейдер-Левентон.

МОЛОТ. Орган "Поалей-Цион". Ежемесячник. Симферополь, 1906, №№ 1-2. Изд.-ред. В.М. Спиро.

НАША ТРИБУНА. Орган "Бунда". Еженедельник. Вильна, 1906-1907. Изд.-ред. Х.А. Райкус.

НАШЕ СЛОВО. Орган "Бунда". Еженедельник. Вильна, 1906, №№ 1-9. Изд.-ред. Е.Я. Рабкин.

НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА. СПб, 1882-1897. Еженедельная газета. Изд.-ред. А.Е. Ландау /Приложение к журналу *"ВОСХОД"*. Продолжение: *"ХРОНИКА ВОСХОДА"*/.

НЕДЕЛЯ РУССКОГО ЕВРЕЯ. Политико-экономический журнал. Еженедельник. Елисаветград, 1906, №№ 1-4. Изд.-ред. М.А. Гольденберг.

НОВАЯ ЗАРЯ. Независимый орган. Ежедневная газета. Вильна, 1905-1906. Изд. Я.М. Шескин, ред. Л.А. Шлосберг, с № 37 - ред. Э.М. Бескин.

НОВАЯ ИУДЕЯ. Ежемесячник. Одесса, 1908, №№ 1-4. Изд.-ред. Н.Г. Паперин.

НОВЫЙ ВОСХОД. Еженедельник, посвященный еврейским интересам. СПб, 1910-1915. Изд.-ред. М.Г. Сыркин, с № 8 1914 г. - ред. Х.А. Кречмар-Клейманс, изд. М.Г. Сыркин. /С 15.4. по 24.6.1910 г. временно выходил под названием *"ЕВРЕЙСКАЯ НЕДЕЛЯ"*, №№ 1-11, ред.-изд. Х.Л. Гуревич/.

НОВЫЙ ПУТЬ. Еженедельник, посвященный вопросам еврейской жизни. М., 1916 - /продолжение/. Изд.-ред. С.С. Каган.

ОДЕССКАЯ ЖИЗНЬ - смотри *ЕВРЕЙ*.

ПАЛЬМА. Иллюстрированный журнал для еврейского юношества и семьи. Орел, 1906. 2 раза в месяц. Изд.-ред. Х.-Я. Б. Каценельсон.

ПОМОЩЬ. Журнал, посвященный вопросам помощи евреям - жертвам войны. Петроград, 1915-1916. 2 раза в месяц. Изд. Д.Ф. Фейнберг, ред. Д.Я. Хазан. /Продолжение: *"ДЕЛО ПОМОЩИ"*/.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ. Информационный бюллетень "Бунда". 1901-1905.

РАЗСВЕТ. Орган русских сионистов. Общественно-политический журнал, СПб, 1907-1915. Еженедельник. Ред.-изд. Г.Л. Цейтлин, с № 28 - Ц.С. Крайс, с № 32 - ред. С.К. Гипштейн, с № 43 - изд. М.С. Гликин, с № 43 1908 г. - Л.С. Бабков. /В редакции принимали участие В. Жаботинский, Д.С. Пасманник, Ю.Д. Бруцкус. Продолжение: *"ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ"*/.

РУССКИЙ ЕВРЕЙ. Еженедельный журнал по вопросам внешней и внутренней политической и общественной жизни. Одесса, 1906, №№ 1-7. Изд.-ред. Ф.М. Зельфис. /Орган ЕТО/.

РУССКИЙ ЕВРЕЙ. Журнал, посвященный еврейской общественной жизни, литературе, театру и искусству. Еженедельник. М., 1915, №№ 1-4. Изд.-ред. Д.Ш.Куманов.

СВОБОДА И РАВЕНСТВО. Орган, посвященный интересам русского еврейства, СПб, 1907, №№ 1-46. Газета, 2 раза в неделю, с № 21 - еженедельник. Изд.-ред. Д.А. Левин, с № 22 - Г.А. Гольдберг.

СИОНИСТСКАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА. Одесса, 1904.

СИОНИСТСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Елисаветград, 1902-1903. Изд.-ред. В.И. Темкин и И.А. Штейн.

ХРОНИКА ВОСХОДА. СПб, 1898-1899. Еженедельная газета. Изд.-ред. А.Е. Ландау, с 1899 г. - М.Г. Сыркин. /Продолжение: газета *"ВОСХОД"*/.

ХРОНИКА ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ. СПб, 1905-1906. Еженедельная газета. Изд.-ред. И.В. Вилькорейский, ред. И.В. Сорин, с 1906 г. - ред. А.Д. Идельсон. /Приложение к *"ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ"*. Продолжение: *"ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД"*/.

ЦВЕТНИК ИУДЕИ. Ежемесячный иллюстрированный журнал для еврейских детей. Луганск, 1912-1913. Изд.-ред. И.С. Житомирский.

ЭМИГРАНТ. Орган ЕКО - Еврейского колонизационного общества. СПб, 1914. Изд. Д.Ф. Фейнберг, ред. С.Я. Яновский.

ЮНЫЙ ИЗРАИЛЬ. Единственный еженедельный иллюстрированный журнал для еврейских детей. Луганск, 1909-1913. Изд.-ред. Ц.Р. Лейфер. /С приложением: *"ЕВРЕЙСКАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА"*/.

Эмигрантские издания:

ВЕСТНИК БУНДА. Издание заграничного комитета Бунда. 1904, №№ 1-5.

ВОЗРОЖДЕНИЕ. Лондон - СПб, 1904, №№ 1-5. Ред. М.Б. Ратнер /?/. /Нелегальный сионистский журнал/.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЛИСТОК ЗАГРАНИЧНОГО КОМИТЕТА БУНДА. 1911-1915.

ОТКЛИКИ БУНДА. Женева, 1909-1911, №№ 1-5.

П И С Ь М А

Л. АБРАМСОН

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Г.М. ШИМАНОВУ

В чистом поле Разорваки
Пал за вольность, как герой.
Бог с ним, рок его такой,
Но зачем же жив Костаки,
Если в поле Разорваки
Пал за вольность, как герой?

Козьма Прутков

Уважаемый Геннадий Михайлович!

В своем интервью корреспонденту журнала "Евреи в СССР" Вы высказали желание обсудить с заинтересованными лицами выдвинутые Вами положения. У меня, когда я эти положения прочла, тоже появилось желание их обсудить. Причем в первую очередь не те из них, которые касаются непосредственно евреев, об этом - позже, а основные идеи, так сказать - Вашу положительную программу. Я для себя сформулировала ее следующим образом:

1. Нравственное возрождение и консолидация России на собственной, неповторимой национально-религиозной основе.

2. Восприятие этой здоровой основы другими народами и их сплочение под властью возрожденной России. Православная теократия, внешняя форма которой уже задана советским строем, дело за содержанием.

3. Для всех народов и человечества в целом это будет великим благодеянием. И это провиденциально.

Только откуда видно, что провиденциально? Я понимаю, это вопрос нескромный, о таких вещах не дискутируют, их чувствуют сердцем. И все же осмелюсь напомнить, что сердцем чувствуют и чувствовали всегда отнюдь не только русскую, но и любую другую национальную идею. Например, немецкую /см. Ф. Вольф "Профессор Мамлок"/, англосаксонскую /см. Г. Бичер-Стоу "Хижина дяди Тома"/, французскую /см. В. Гюго о наполеоновских походах/, к сожалению, я несведуща в китайской литературе, а то бы наверняка и оттуда пример нашелся.

Как же тут быть бедному еврею? Кому верить? Вам Ваше русское сердце подсказывает, что это вы самые-самые, немцу - его, немецкое, что это они. А мне мое еврейское подсказывает совсем наоборот. Ведь национальные страсти в современном мире и так накалены до предела. Если Запад бросается искать нынче свои национальные корни, то ведь свои, а не мои и не Ваши.

Тертуллиан, он, конечно, прав, однако "Верую, потому что нелепо" еще вовсе не означает, что надо верить любой нелепице, нелепости ее ради. То, во что я верую, записано в "Символе веры". А все остальное я проверяю: сопоставляю с этим Символом и с другими разными вещами. Так вот, провиденциальная миссия русского, еврейского или китайского народа из него никак не вытекает. Из практики - тоже. Поэтому я и в нее не верю. Не верю, и все тут. Более того, я ее побаиваюсь.

Я ведь христианка еще без году неделю. Оттого все и оглядываюсь, боясь не так ступить, не то подумать. Объясните ж Вы мне - разве не грех пытаться приоткрыть завесу будущего, проникнуть в замыслы Провидения? Разве не гордыня полагать себя избранным своим хотением без ясного выражения воли Божией /или оно было?/?Власть Церкви? Но в России никогда ничего подобного не бывало, наоборот,Церковь была /да и теперь остается/ в подчинении у государства. Пытались нечто подобное устроить католики, что получилось - общеизвестно. Власть верующего монарха, освященная авторитетом Церкви? Но она не спасла Россию ни от смут, ни от петровских реформ,ни от революции. Строго говоря, Церковь не вправе отрицать никакую власть, хотя может находиться в оппозиции. Слова "нет власти иначе как от Бога" относятся ведь к антихристианскому, языческому государству. А смешивать государство с Церковью - значит тащить в Церковь всю кровь, грязь, все дрязги и свары неизбежной на земле борьбы за власть, политической борьбы, от которой Церковь все равно никогда не застрахована. Священники тоже люди.

Теперь обратимся непосредственно к теме Вашего интервью - к еврейскому вопросу. По сути дела, Вы даете апологию антисемитизма и апологию, на мой взгляд, прекрасную. Здесь разум вступает в свои права, логика безупречна, возразить, хотя, конечно, хотелось бы, нечего. Интересы евреев - инородного тела в любой нации, в любой культуре - объективно противоположны интересам этой нации. Это не чья-то злая воля, а факт, с которым и вам, и нам приходится считаться. Да, Вы правы, конечно, правы, указывая нам на вредоносность нашего влияния, на неуместность наших претензий.

И положение наше куда более безнадежное, чем Вы думаете, поскольку Вы обещаете нам землю и покровительство в своей будущей теократической империи, в которую мы, увы, поверить не можем. Конечно, сионизм в сравнении с этим воздушным замком, - жалкая хибара, но он по крайней мере имеет то несомненное преимущество, что существует /пока, во всяком случае/ на самом деле.

Кстати, об отъезде. Мне кажется, в этом вопросе Вы не совсем последовательны. Вас огорчает факт, который по идее должен бы радовать: отъезд, как Вы выражаетесь, "евреев большой души" /вероятно, Вы подразумеваете евреев-христиан/. Но почему же? Ведь объективно они для Вас самые вредные люди. Вредные потому, что могут в принципе противодействовать Вашим начинаниям /все же Вы какой-никакой, а антисемит/, но в десять раз вреднее, если захотят их поддержать.

Чем больше у еврея душа, тем больше в ней еврейского, - этого, надеюсь, Вы не станете отрицать. Что принесет он Вам, участвуя в Вашем деле? Не начнут ли его добросовестные старания разлагать вас до состояния навоза? Не потому, что он этого захочет, он-то как раз может хотеть совершенно обратного, но куда ему бежать от себя? Будь он хоть десять раз христианин,- русским ему не стать /да и зачем?/. Вы думаете, те евреи, которые в 17-ом году встали на сторону Советской власти, коварно замышляли навести еврейский колер на русскую революцию? Ничего подобного. Наоборот, они искренне стремились поддержать эту власть, столь великодушно избавившую их от черты оседлости и процентной нормы, они горячо откликнулись на ее призыв ассимилироваться, слиться с местным населением, включая флору и фауну. Уж не знаю, какой величины была у них душа, однако знаю, что вложили они ее в это дело всю без остатка.

Так что с отъездом получается у вас явная неувязка. Которые ненавидят Россию, те, конечно, сами уедут. Которые берут от жизни все, - ладно, пусть их, тем более, что берут они, в основном, материальными ценностями, коих на Святой Руси и по сию пору больше гниет, чем разворовывается. А вот если заметите /или хоть заподозрите/ Вы в каком-нибудь еврее большую душу, или, еще хуже того,

любовь к России - выслать его из страны в 24 часа, пусть разлагает Запад, они там этого даже не заметят, поскольку сами загнивающие.

Не знаю, топают ли на Вас ногами учителя сионизма, но я бы на их месте, честное слово, не стала. Скорее наоборот. С одной стороны, Вы еврея за недочеловека не считаете, руку не брезгуете подать, с другой - очень убедительно и грамотно доказываете, что ему, еврею, для его же блага, а также для блага почвенной нации лучше в нее не внедряться, а взаимодействовать с ней не столь непосредственно, как это между порядочными нациями издавна повелось. А вы его, еврея, на расстоянии еще больше полюбите. Да какие же, скажите на милость, следуют из этого выводы, кроме сионистских или околосионистских? За что же на Вас ногами топать?

Однако не о сионизме у нас речь, а об антисемитизме. Итак, за что же /совершенно справедливо/ не любят евреев? В чем смысл их осознанных и неосознанных действий?

1. Сохранение любой ценой собственной, неповторимой религиозной основы.

2. Навязывание другим народам этой, чуждой им, основы и стремление нивелировать их под властью евреев, форма которой может быть любой, - дело в содержании.

3. Уверенность, что для всех народов это является великим благодеянием.

Но разве не совпадает это обвинительное заключение с Вашей собственной положительной программой?

Разумеется, Вы можете возразить, что русские всем навязывают хорошую основу, а евреи - плохую. В этом вопросе я, конечно, не судья. А спросим-ка мы лучше тех, кому Россия вот уже несколько веков усердно себя навязывает. Литовцев, например /я их выбрала не случайно, а за несомненный и явный антисемитизм/, пусть они расскажут, слаще ли хрен редьки. Может, бендеровцы и по несознательности лозунг выкидывают: "Москали, убирайтесь домой, а с жидами мы сами разделаемся!", но лучше бы нам с Вами не попадаться им в темном переулке. Или Вы так не считаете?

Евреям, ясное дело, куда податься? Бездомные, беспочвенные, только милостью Божией живы... Но отчего же хотите Вы свою нацию обречь на ту же жалкую участь? Разве мало земли у русских? Разве негде и некуда развивать им свою национальную самобытность, что Вы стремитесь непременно навязать ее всякому встречному-поперечному, да еще и благодарности от него ждете? Ведь если наше неосознанное, нематериальное, осторожное, "ползучее" влияние - и то отторгается, вызывает сопротивление, озлобление, что уж говорить о Вашем, пока еще сугубо материальном? Ясно, что угрозу своей национальности с вашей стороны другие народы ощущают куда острее.

Это не теоретические построения, это факт. В институте лучшей моей подругой стала русская девушка, родившаяся и выросшая в Грузии. Нас сблизило то, что обе мы с детства чувствовали себя чужими, отверженными, без вины виноватыми, обе росли во враждебной среде. Послушайте-ка разговоры московских евреев и, скажем, кишиневских русских о поступлении в ВУЗ или устройстве на работу. Различите разве что по акценту. В ГДР самые несчастные люди - учителя русского языка: ученики переносят на них свое отношение к предмету. Пылкая любовь к России в Венгрии и Чехословакии в комментариях не нуждается. Русификация столь же вредна нерусским, как евреизация - неевреям. Именно нынешняя, современная

евреизация, а не евреизация первых веков христианской эры, о которой Вы отзываетесь с такой похвалой. В ней ведь настоящие живые евреи вовсе не участвовали, поэтому все были равны и не было ни у кого особых преимуществ. Евреев исключили - ради язычников. Отверженность - плата за избранность. Даже если б Вы очень хотели заплатить такую цену - не нам и не Вам решать.

Так что отстаивая сегодня свое право на антисемитизм Вы, кажется, ненароком доказали чужое право на русофобство.

Но предположим... предположим на минутку, что произошло чудо. Все эти нации и народности вдруг уверовали в Ваше призвание, забросили свои собственные дела и дружно устремились разделять ваши родовые муки. Что тогда? Догадаться нетрудно, поскольку пример, по крайней мере, одной нации, вечно с энтузиазмом принимавшейся за чужие дела, у нас перед глазами: все те же евреи. И всякий раз перепуганная почвенная нация подымала гвалт, опасаясь /и не без причины/, что ее дела, попав в чужие руки, от нее уплывут, что она потеряет свое собственное лицо.

Только примите во внимание: евреев во всем мире - раз, два и обчелся. А что, если за установление православной теократии возьмутся разом чехи, поляки, кубинцы, узбеки, таджики, азербайджанцы и ГДР-овские немцы? Что же останется от Москвы да от Расеи? Трудно сказать, будет ли плод столь коллективного разрешения от бремени хотя бы отдаленно походить на родную маму.

Или, быть может, Вы надеетесь, что все эти люди примут горячее участие в осуществлении Ваших планов и при этом безропотно останутся на вторых ролях? Согласятся на такие условия, на какие нынче даже бездомные евреи не согласны? Да Вы, пожалуй, любого Тертуллиана перетертуллианите.

Теперь совсем уже непосредственно - о нас, о евреях-христианах. Вы считаете, что мы зря "жмемся" к синагоге. Думаю, Вы не правы. "Жмемся" мы постольку, поскольку никакого желания не имеем порывать со своим народом, уподобляться тем "выкрестам" прошлого, которые не верили ни в Бога, ни в черта, крест рассматривали как двигатель карьеры и страхование от погромов, а собственную нацию ставили ниже копченого шпрота. */

Существование разных исповеданий внутри одной нации вообще вопрос сложный. Что, например, Вы думаете делать с баптистами и пятидесятниками, которые явные протестанты и к которым, по мнению Левитина-Краснова, теперь идет в большинстве случаев простой русский человек? Бороться с ними? Но с ними народ. Признать? Но тогда на чем будет держаться Ваша концепция российской исключительности? Она же, кажется, строится на единственности православия, сохранившего в целости все то, что прочие христиане утратили? Я уже не говорю об атеизме - не марксистском, а бытовом, о том, что о. Сергий Булгаков называл иррелигиозностью... Словом, отношения с нашими братьями-нехристианами могут складываться по-разному. Мы, по крайней мере, в синагогу к родственникам ходим.

Вы лично синагоге не доверяете по сугубо мистическим причинам. У Вас имеются подозрения, что евреи, в принципе, возможно, некоторым образом, в какой-то мере, в определенном смысле, могли стать орудием сатаны. Вы знаете, я в некотором смысле Вас понимаю. От таких подозрений, если уж они появились, очень трудно отделаться. Я вот, например, никак не избавлюсь от точно такой же идеи про

---

*/ См. Г. Гейне. Германия. Зимняя сказка.

Союз Русского Народа. А вообще-то, если вдуматься, от столь печальной участи никто из нас не застрахован независимо от пола, возраста, расы, национальности и даже вероисповедания. Бывают случаи. Конечно, себя в таких ужасах подозревать неприятно, другого - удобнее, тем более, если этот другой так и норовит разложить тебя до состояния навоза. Не думайте, это не в Ваш огород камешки, - все мы этим грешим, всякому лестно думать, что тот, кто лично ему отравляет существование, и есть самый главный злодей. Всякому своя добродетель милее и свой порок простительнее. Так что я рискну дать Вашим мистическим опасениям истолкование весьма земное: синагога есть просто-напросто место, где можно встретить зараз многое множество разнокалиберных евреев, - переварить такое зрелище для иного не легче, чем выпить стакан керосина. И предостерегаете Вы нас от нее с наилучшими намерениями, по принципу: "Не желай ближнему того, чего себе не желаешь". Ясно, что русский человек не желает для себя синагоги, но логично ли предполагать то же про еврея?

Другой вопрос - примет ли нас синагога. Вот тут уж у нас выбора нет. В Деяниях апостолов содержится совершенно недвусмысленное указание, что христианам из иудеев следует соблюдать все иудейские обряды и требования закона, а значит, сохранять традиции и привычки своего народа, ни в коем случае с ним не порывая. Это, кстати, судя по посланиям апостола Павла, относилось не только к иудеям. Каждый христианин оформляет свою веру в соответствии со своим национальным характером и обычаями своего народа. Нам, кроме синагоги, идти за этим некуда. Хоть на правах бедных родственников, хоть нищими у паперти, мы должны быть там. Не бойтесь за нас, нас там не разложат.

Вот и все. Спасибо Вам за уважение, за сочувствие. Это, знаете, среди Вашего брата нечасто встретишь. Всего наилучшего.

Лия Абрамсон

P.S. В знак искренней признательности обязуюсь нигде, никогда, ни устно, ни письменно, ни во сне, ни наяву и вообще ни коим образом не считать Вас евреем и удерживать от этого безрассудства всех своих родственников и знакомых.

E B P E И B C C C P

יהודים בבריה"מ

אסופת כתבים מוקדשים לתולדות היהודים בבריה"מ

לתרבותם ולבעיותיהם

מס' 12 - 1976

מס' 13 - 1976

מוסקבה

שני מאמרים על תערוכת ציירים יהודים בלנינגרד (מאמר נוסף כלול בקובץ 13); מאמר "יהודים וליטאים" של ט. ונצלובה, המובא מ"תרבות" – מוסף לקובץ "יהודים בבריה"מ", וכרונולוגיה "מוסקבה והיהודים" בעריכת וו. ווגנר.

בקובץ 13 של הפרסום "יהודים בבריה"מ", מעורר עניין מיוחד ראיון כתבו של פרסום זה עם ג. שימנוב – ממנהיגי התנועה הפרובוסלבית הרוסית, והגובות על הראיון של מ. אזבל, א. סוסניקובה ול. אברמסון; רצנזיה של נ. אילסקי על הספר "הרהורים כל השאלה היהודית" לז'.פ. סארטר (הספר עצמו, הכלול במס' 12 ו-13 של "יהודים בבריה"מ", לא הובא בכרך שלפנינו, לפי הכלל שאין מביאים חומר מתורגם).

בקובץ מופיעים פרקים מספרו של א. קופילב על ה. היינה, המתפרסם לראשונה ב"סמאיזדט היהודי".

כמו בכרכים הקודמים, גם בכרך זה, נכללו אך ורק יצירות מקוריות, שלא פורסמו קודם לכן.

בתוכן העניינים מובא כל החומר (גם המתורגם), תוך ציון עמודים, כפי שמופיע במקור.

דבר המערכת

מלחמת ששת הימים חוללה תמורות עמוקות בחיי היהודים בבריה"מ. הלכו ותכפו גלויי ההזדהות עם מדינת ישראל, אשר התפתחו עם הזמן למאבק למען זכות העליה לכל דורש (בהקשר זה ראה גם הקובץ "עצומות, מכתבים ופניות של יהודי בריה"מ", שהופיע אף הוא בהוצאת המרכז לחקר ולחיעוד יהדות מזרח אירופה). במקביל לכך רבו התהיות על ייחודו ומשמעותו של הקיום היהודי וגבר הרצון להוסיף דעת על תולדות העם, תרבותו וקורותיו בהווה.

מאחר שאין ליהודי בריה"מ גישה חופשית למקורות מהמנים כדי לשאוב מהם את המידע ואין להם במה פומבית משלהם להעלות בה נושאים אלה לברור, בעי שפנו אל דרך ה"סמאיזדט" כדי למלא אחרי החסר. החוברת הראשונה של ה"סמאיזדט היהודי" יצאה בריגה בפברואר 1970. מאז יצאו ומוסיפים להופיע בבריה"מ חוברות נוספות לצד מידע על בעיות השעה. מתפרסמים בהן גם מאמרים, דברי הגות ויש המכילים גם שירים ויצירות ספרותיות.

עם פרסום הסדרה ה"סמאיזדט היהודי", מגשימה המערכת את כוונתה לכנס ולהוציא לאור מירב היצירות מהסוג הזה שהגיעו למערב. החומר סודר בדרך כלל לפי סוגי הפרסומים ועל פי הסדר הכרונולוגי של הופעתם בסמאיזדט. מאחר שהעותקים אשר בידי המערכת איכותם ירודה יחסית ואינה מאפשרת הבאת החומר בצלום, הועתק הכל מחדש, תוך שמירה מירבית על נאמנות למקור. במקרים בודדים, כשראינו צורך להבהיר, נעשה הדבר בסוגריים מרובעים.

הכרך הנוכחי, ה-13 במספר, של הסדרה "סמאיזדט היהודי", כולל את הקבצים 12 ו-13 של הפרסום "יהודים בבריה"מ", שיצאו במוסקבה.

יחד עם מניחי היסודות של הפרסום "יהודים בבריה"מ" ועורכיו הראשונים, המתגוררים בישראל - א. וורונל, ר. נודלמן, י. רובין ז"ל - מופיעים שמות חדשים בהרכב המערכת: א. סוטניקובה וב. לזריס.

בקובץ נכללים מאמרים-ויכוחים על נושאי דת, היסטוריה ושאלת עתידם של יהודי בריה"מ.

בין החומר המובא מקובץ 12 של "יהודים בבריה"מ" (ינואר-מרץ 1976), נכללים יצירות חדשות של הסופר-התסריטאי הנודע, פ. קנדל, מחבר ה"סמאיזדט";

בהוצאה "יהודים והעם

בהוצאה "י ה ו ד י ם ו ה ע ם ה י ה ו ד י" הופיעו:

"סמאיזדט יהודי"

כרך 1 - "עתון" א, ב. (ליקוטים המוקדשים למדינת ישראל ולמורשת ההוחנית של העם היהודי). החוברות יצאו בריגה: א - בפברואר 1970, ב - במאי 1970.

כרך 2 - "איסחוד" (קובץ מסמכים, המוקדש לענייני עליה מבריה"מ) חוברות I-IV יצאו במוסקבה בשנים 1970-1971.

כרך 3 - "ווייסטניק איסחודה" (קובץ מסמכים). ה-חוברות I-III יצאו במוסקבה בשנים 1971-1972.

כרך 4 - "יהודים בבריה"מ" (קובץ מאמרים המוקדש לחולדות היהודים בבריה"מ, לחרבותם ול-בעיותיהם). יצאו במוסקבה: I - באוקטובר 1972; II - בדצמבר 1972.

כרך 5 - "הספר הלבן של האיסחוד" (קובץ מסמכים), I-II, יצאו במוסקבה ב-1972.

כרך 6 - "יהודים בבריה"מ" (קובץ מאמרים המוקדש לחולדות היהודים בבריה"מ, לחרבותם ול-בעיותיהם). יצאו במוסקבה: III - אפריל - יוני 1973; IV - בספטמבר 1973.

כרך 7 - "יהודים בבריה"מ" (קובץ מאמרים המוקדש לחולדות היהודים בבריה"מ, לחרבותם ול-בעיותיהם). יצאו במוסקבה: V - אוקטובר 1973; VI - נובמבר 1973 - מרץ 1974.

כרך 8 - "עין לציון צופיה..." (פירסומים שונים מהשנים 1968-1975).

כרך 9 - "יהודים במלחמה נגד גרמניה הנאצית".

כרך 10 - "יהודים בבריה"מ" (קובץ מאמרים המוקדש לחולדות היהודים בבריה"מ, לחרבותם ולב-עיותיהם). יצא במוסקבה: VII - מאי - יוני 1974; VIII - יולי-אוגוסט 1974.

כרך 11 - "יהודים בבריה"מ" (קובץ מאמרים המוקדש לחולדות היהודים בבריה"מ, לחרבותם ולב-עיותיהם). יצא במוסקבה: IX - אוקטובר 1974 - מרץ 1975; פרשת ב. פנסון (הוצאה מיו-חדת); תוכן ענינים של "תרבות" מס' 1-3.

כרך 12 - "יהודים בבריה"מ" (קובץ מאמרים המוקדש לחולדות היהודים בבריה"מ, לחרבותם ולב-עיותיהם). יצא במוסקבה: X - ספטמבר 1975 XI - דצמבר 1975; פירוש חומר הקבצים "יהודים בבריה"מ" מס' 1-11.

עצומות, מכתבים ופניות של יהודי בריה"מ

כרכים I-II, מסמכים מהשנים 1968-1970.
כרכים III-IV, מסמכים משנת 1971.
כרכים V-VI, מסמכים משנת 1972.
כרך VII, מסמכים משנת 1973.

לקוטים מהעתונות הסובייטית

קובץ חלת-חודשי של ידיעות על יהודי בריה"מ ומדי-נות אחרות, על מדינת ישראל, הסכסוך המזרח-תיכוני והציונות.

(יוצא משנת 1962)

פרסום זה יוצא לאור בסיוען האדיב של
קרן זיכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
והאגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

האוניברסיטה העברית בירושלים
המרכז לחקר ולהיעוד יהדות מזרח אירופה

יהודים והעם היהודי

"סמאיזדט" יהודי

ערך יעקב אינגרמן

כרך 13

ירושלים 1977

יהודים והעם היהודי

"סמאיזדט" יהודי

כרך 13

האוניברסיטה העברית בירושלים המרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה